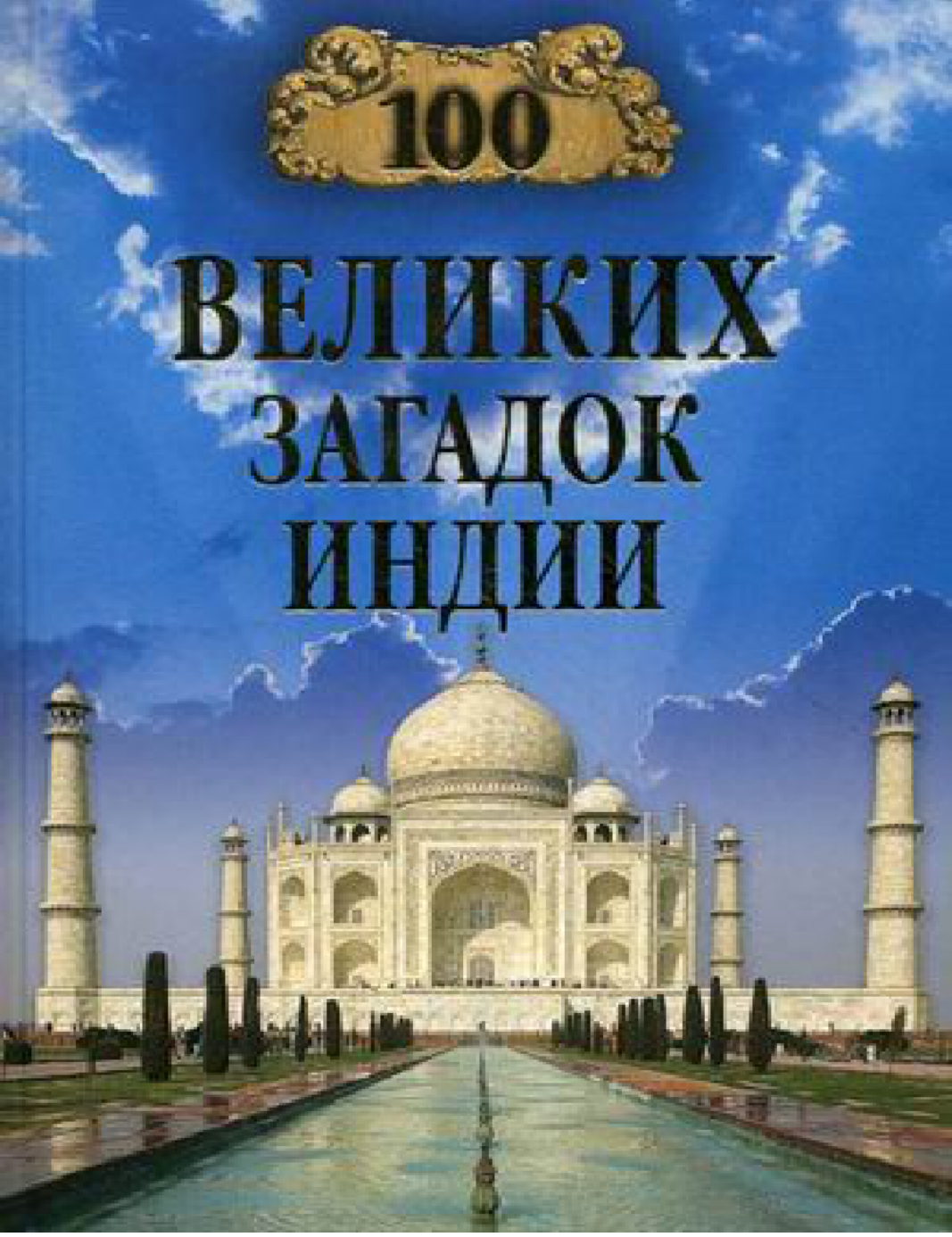

100
ВЕЛИКИХ
ЗАГАДОК
ИНДИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Индия – огромная страна на юге Азии с древнейшей и во многом непостижимой культурой. Страна сказочных богатств и удивительных тайн. Страна тысяч индусских, буддийских, джайнских храмов, мавзолеев и мечетей, поражающих своей красотой и архитектурой, устремленных в вечно голубое небо, и миллионов лачуг, жители которых никогда в жизни не путешествовали дальше соседней улочки…

О ста самых знаменитых загадках Индии рассказывает очередная книга серии.

- 100 великих загадок Индии
  - Вместо предисловия
  - Аура человека
    - Йога, укрепление духа
    - Таинство аюрведы
    - Магическая сила аскетизма
    - Атмосфера индийской семьи
    - Брак – это семья
    - Любовные игры
    - Эта странная одежда…
    - Культ воды
    - Погребение в Джамне
    - Волшебство слоновой кости
    - Хиджра: полумужчины, полуженщины
    - Ветер на побегушках
    - Что едали и пивали люди индийские
    - Сома – древнейшее пиво?
    - Расколоть кокос…
    - Как и где родилась росголла
  - Калейдоскоп древностей
    - Что погубило Мохенджо-Даро?
    - Секреты древней архитектуры: храмы
    - Секреты древней архитектуры: ступы
    - Секреты древней архитектуры: пещерные храмы
    - Тайна железной колонны Кутуб-Минар
    - Тадж-Махал, построенный во имя любви
    - Красный форт
    - Золотой храм у озера Бессмертия
    - Гробница Хумаюна, усыпальница Тимуридов
    - Каджурахо: каменный учебник любви
    - Храм Солнца в Конараке

- Махабалипурам, вновь вышедший из моря
- Махаботхи: храм и дерево
- Пещеры Аджанты
- Притяжение Карли
- Рамешварам, храм у пролива
- Большая ступа в Санчи
- Скальные укрытия в Бхимбетке
- Опустевший Фатехпур-Сикри
- Хампи: вслед за паломниками и кладоискателями
- Под знаком быка: храмы Чолы
- Город пещер Элефант

○ Зигзаги истории
- Почвоведы-детективы
- Цивилизация долины Инда
- «Веды» и арктическая родина
- Арьи и славяне – соседи или родичи?
- Была ли Индия изолирована от мира?
- Индийский поход Александра Македонского
- По суше и по воде
- Волшебное притяжение «Махабхараты»
- Воины царя и наемники – их мощь и слабость
- Кто такой Ману
- Свастика в Индии
- Мусульманка на индийском троне
- Конец Нана-сахиба
- Капитан Немо – принц Даккар
- Лакшми Бай, женщина – вождь сипаев?
- Касты: от брахманов до «божьих детей»
- На дальнем юге: от брахманов до грабителей
- С севера на юг: и парикмахеры, и ткачи
- Стальной браслет сикха
- Гуру Нанак: новая вера
- Подвиги Говинда
- Священный поход хальсы
- Убийство Махатмы Ганди

○ Символы веры
- «Веда» – священное откровение
- Индуизм – арийская религия?
- Божества круга Шивы
- Божества круга Вишну
- Бог с головой слона
- Кришна и кришнаиты
- Джайны: «одетые в стороны света»

        - Великая мать – Дурга
        - Падишах Акбар – причудливый гений
        - Достижение нирваны
        - Сати – самосожжение вдов
        - Тхаги-душители
        - Что могут тантрики?
    - Русско-индийская одиссея
        - Наши следы в индуизме
        - Будда в Успенском соборе
        - Афанасий Никитин – агент князя тверского?
        - «Вокруг» Африки – к Индии
        - Индийцы в Астрахани
    - Разноликая Индия
        - Заблудившиеся в… веках
        - Народы Нилгирских гор
        - Эти таинственные андаманцы
        - Последние из ченчу
        - Эти загадочные бхилы
        - «Агора» – любители трупов
        - Ади – пожиратели крыс
        - Горчичное зерно – это мера?
        - Эти гордые ниханги
        - Намдхари, или Непрочитанная история «армии куков»
    - Спутники человека
        - Танец кобры
        - На хвосте Гаруды
        - Слон в труде и бою
    - На пороге реальности
        - Культ камней у племени нага
        - Долина Смерти в Ладакхе
        - НЛО в Древней Индии?
        - Взлет и падение индийской чудо-веревки
        - Йети спускается с гор
        - Маугли – неразгаданный феномен природы
        - В поисках леопарда-людоеда
        - Кровавые слезы Рашиды Хатун
        - Использованная литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

100 великих загадок Индии

В книге использованы материалы доктора исторических наук, известного российского индолога Н.Р. Гусевой.

Вместо предисловия

Индия… Рубеж тысячелетий. Огромная страна на юге Азии неспешно, как гигантский корабль, вплыла в XXI век со всем своим накопленным за многотысячелетнюю историю грузом. С неизменной разноликой командой числом уже более миллиарда. С многослойной и во многом непостижимой культурой, сложной и яркой, как калейдоскоп. С тысячами храмов, поражающих своей красотой и архитектурой.

Улицы городов каждой страны имеют свой неповторимый запах. Европейские улицы пахнут кофе и копченостями. А тот, кто побывал в Индии, должен хранить в памяти ароматы специй и запах кизячного дыма от мангалов, на которых в большинстве семей готовят горячую пищу.

Слухи о сказочных богатствах Индии и недоступных уму ее тайнах распространились по всему миру. Эта страна всегда тянула к себе россиян.

Я посещал Индию многократно и жил в ней в разные годы, можно даже сказать – в разные эпохи. И было бы наивностью считать, что сумел раскрыть читателю глаза на эту непостижимую страну. Это просто немыслимо. К ней можно бесконечно долго приближаться и постоянно познавать. Поэтому я и привлек столько разнопланового материала: чтобы показать как можно больше деталей. И еще чтобы ответить на вопрос – почему здесь так любят русских и почему русских так манит Индия? Не в генах ли она у нас? И не бродит ли в нашей памяти ощущение некогда общей родины на севере?

Можно считать, что эта книга – начало вашего долгого и интересного пути к Индии, ваше хождение за три моря – или другой дорогой, это будет зависеть от того, какой путь вам больше по душе.

Аура человека

Йога, укрепление духа

…Город Ладнун, штат Раджастхан. Джайнский ашрам. Один из самых почитаемых в Индии и за ее пределами. Всемирно известный центр йоги и медитации

Йога – это не гимнастика, это скорее физкультура духа

Раннее утро. Оно в ашраме начинается с приветствия «Здравствуй, йога!». Следуют дыхательные упражнения, связанные с регулированием функции желудка. Никаких ограничений по возрасту, полу, вероисповеданию. Йоги лечат диабет с помощью дыхательной методики, убивают инсулин в организме. Люди всех возрастов получают полное расслабление. Они счастливы. «Энергия затекает во все клеточки тела, течет, течет… – медленно, нараспев говорит тот, кто ведет урок. – Я счастлив всеми частичками моего тела…»

У женской йоги своя методика, немного отличная от той, что предназначена для мужчин. У нас ее мало знают, между тем в Индии она распространена необычайно широко. Министр сельского хозяйства страны рассказывала нам, как буквально спасала своих детей от вечной простуды, легочных болезней и прочих детских хворей регулярными дыхательными упражнениями и солоноватой водой, прогоняемой через носоглотку. Она вылечилась от аллергии, бессонницы… Женская йога, сантош-йога-мудра, прекрасно действует на работу кишечника, выравнивает артериальное давление.

…Завтрак в ашраме. Незатейливая еда, состоящая в основном из проросших гороха или чечевицы, ростков бамбука, овощного супа в любое время дня и манной каши на анисовом масле, а потом крепкий чай с молоком. Едят все чаще всего сидя на полу. Аскетизм провозглашен тут неотъемлемой частью жизни, он неотделим от йоги. Каждый сам моет за собой металлическую посуду – будь то простой индийский студент, приехавший из соседнего города на несколько дней подправить здоровье и дух накануне сессии, или же титулованный ученый из Сан-Франциско, прилетевший в этот затерянный в глубинах Индии ашрам для прохождения усиленного курса медитации…

Здесь же, в Ладнуне, есть центр по изготовлению лекарственных препаратов и нечто вроде поликлиники, где лечат исключительно растительными средствами, изготовленными на основе методики Аюрведы, древнеиндийского учения о предотвращении и лечении всех болезней. Кажется, что, в отличие от наших стариков, эти больные не ведают и сотой части их недугов, их вообще не следует лечить в нашем понимании этого слова – от давления, артрита, головных болей. Они приходят к врачу, чтобы поднять свой жизненный тонус, которому позавидовала бы и наша молодежь. Со всеми их проблемами вполне справляются порошки, приготовляемые прямо здесь, в стенах ашрама. Все они – из коры местных пород деревьев. Аюрведа, как и йога, прежде всего лечит душу, а не тело…

Хочется увидеть все близко. И вот он начинается – Всеиндийский чемпионат по йоге в Дели. Событие достаточно камерное, не то что футбол, это не соревнование по регби, не гонки на верблюдах… Все чинно и празднично. На главную площадь столицы съезжаются главные министры правительства. Начинается шествие участников соревнований. Они, как демонстрация, пройдут по главной улице Дели, показывая тем самым, что йога – всенародное дело всех и каждого.

А затем в Чаттарпуре, одном из главных джайниских ашрамов Дели, проходят соревнования. Йога… Без нее Индия немыслима.

Это символ великой страны, которая в представлении людей всего мира неразрывно с ним связана.

Четыре основополагающих и взаимозависимых понятия, четыре движущих идеи помогают нам, европейцам, понять суть индийской духовности. Вот они – карма, майя, нирвана и йога. Историю индийской философии можно было бы написать, отталкиваясь от каждого из этих понятий, но при этом нельзя было бы обойтись без обсуждения остальных трех…

Карма… Закон универсальной причинности, связывающий человека с космосом и приговаривающий его к бесконечной череде воплощений.

Майя… Загадочный процесс, порождающий и поддерживающий космос, делающий возможным бесконечное вращение колеса существования – майи – космической иллюзии, с которой человеку поневоле приходится мириться до тех пор, пока он не освободится от слепоты и невежества.

Нирвана… Абсолютная реальность, чистое бытие, расположенное за пределами человеческого опыта, нечто бессмертное, нерушимое.

И, наконец, *йога* – действенные методы и техники, суть которых – освобождение, достижение божественного.

Все люди, с которыми мы разговаривали во время соревнований, абсолютно свободны. Но освобождение не может быть достигнуто, говорили они, пока человек не отделится от мира, не решит выйти из космического круговорота. Это является необходимым условием, без которого человек не может познать себя и овладеть собой. Акцент нужно делать на усилиях человека, на его самодисциплине, при помощи которых он может достичь концентрации духа даже быстрее, чем если бы он просил о помощи, – как это бывает в мистических разновидностях йоги. «Связать воедино», «впрячься», «твердо держаться» – целью всего этого является единение духа, избавление от рассеянности и автоматизма…

Особенность йоги – не только ее практический характер, но также и присущая ей форма инициаций. Йогой нельзя овладеть самостоятельно, без помощи наставника, гуру. Все учения типа йоги передавались тысячелетиями из поколения в поколение, из уст в уста. Но в йоге традиция инициации проявляется наиболее ярко, потому что йогин начинает с отречения от мирского – семьи, общества и под руководством гуру направляет свои усилия на то, чтобы преодолеть границы человеческого состояния, человеческую систему ценностей.

Те, кто занимается йогой, а занимаются ей здесь в той или иной степени практически все, очень внимательно относятся к своему питанию.

Утренние занятия йогой на крыше ашрама в Чаттарпуре: восходит солнце, и 24-летний Адид Багуамани, который, кстати, занял четвертое место на соревнованиях в классе молодежи, демонстрирует нам прямо на стене ашрама обычные упражнения. «Я слышал, что у ваших гимнастов, каратистов нередко случаются сильные боли в разных участках тела, – говорил нам Адид. – Они вынуждены вскакивать среди ночи и делать растяжки,

изнурительные упражнения, постоянно тренироваться, чтобы не потерять форму, а у нас 80-летний старик, однажды познав искусство йогических упражнений, может месяцами не заниматься, а потом сесть в позу лотоса, вращать брюшными мышцами… Все дело в самой йоге, в системе, основанной на единении духовного и физического начал, а не в накачке мышц». Нет, это не левитация. Зачем она, если есть такой талант, доступный всем?

Девушки в йоге не отстают от мужчин. Женская йога так же распространена в Индии, как и мужская. Она помогает бороться буквально со всеми болезнями и рожать здоровых детей. Нет, это не гимнастика, это скорее физкультура духа.

Многие люди слепо уверовали в свою карму и считают, что там все заранее расписано и нет нужды ни о чем беспокоиться – все равно умрешь тогда, когда тебе на роду написано. Думать так значит отвергать многовариантность жизни. Она может обернуться к тебе разными сторонами – в зависимости от того, как ты к ней относишься.

Таинство аюрведы

Обычно санскритское слово «аюрведа» переводят термином «медицина», хотя последнему гораздо более соответствовал бы термин «биология», ибо аюреда буквально означает «знание о долголетии, долгой жизни»

В одном из многочисленных современных аюрведических центров

Согласно традиции аюрведа считается дополнительной ведой к четвертой самхите – Атхарваведе (в ряде гимнов которой сохранились древнейшие сведения по индийской медицине). Она делится на восемь разделов-астаньга: 1) шалья – удаление инородных тел (заноз, стрел), гнойных выделений, кровопускание, лечение ран с применением различных инструментов, т. е. область, более или менее соответствующая общей хирургии. Сюда же относилась помощь при родах и выкидышах; 2) шаканья – офтальмология и отоларингология; 3) качукитса– общая терапия; 4) бхута-видья – лечение психических расстройств, которые, как полагали, являются результатом одержимости злыми духами; 5) каумарабхритья – педиатрия; 6) агадатантра – токсикология; 7) расаяна – фармакология; 8) ваджикарана – изготовление средств, повышающих половую потенцию. Все эти разделы древней медицины, правда в различной степени, получили развитие в Средневековье.

Самые ранние из дошедших до нас трактатов по медицине –

«Сушрутасамхита» («Собрание Сушруты») и «Чаракасамхита» («Собрание Чараки»). Точную их датировку и первоначальный вид по имеющимся в настоящее время данным установить невозможно. Имена Сушруты и Чараки окружены легендами, согласно которым ученые изложили и истолковали в своих сочинениях знания, полученные от мифических учителей, причем первым наставником был Самосущик Брахма (так же, как и в традиции передачи учения упанишад, музыкальной теории и т. п.). В этих самхитах, довольно значительных по объему, медицина предстает как законченная и последовательная система эмпирических знаний и умозрительных рассуждений о различных явлениях строения и жизнедеятельности человеческого организма, нормальных и патологических.

Теоретические положения трактатов Сушруты и Чараки, весьма близкие к идеям философской системы санкхья, опираются на отождествление макрокосма и микрокосма. Человеческий организм, выступающий в качестве аналога вселенной, состоит из тех же пяти элементов: эфира, или пространства (акаша), ветра (вайю), огня (агни), воды (джала) и земли (бхуми), соединенных между собой в различных комбинатах и пропорциях; элемент земли лежит в основе твердых частей человеческого тела, вода – в основе серозных жидкостей и жидких секреций, огонь отождествляется с животной теплотой, ветер является движущей силой жизнедеятельности организма, эфир находится в полых органах. Ветер, циркулирующий в дыхательных и пищеварительных каналах, получил особое название – прана, жизненное дыхание.

Значительное место в трактатах занимает описание болезней и систематизация их симптомов. Для правильной диагностики рекомендовалось обращать внимание на общее состояние больного, температуру тела, цвет кожи, осматривать язык, выделения, а при назначении лечения – учитывать не только симптомы болезни, но и такие факторы, как время года, темперамент больного, его вес и т. д.

Лечение имело целью восстановить внутреннее равновесие жизненных элементов, поэтому преимущественно назначались лекарства, которые должны были очищать тело и снаружи (ванны, обмывания) и изнутри (рвотные, слабительные). Большая часть лекарств была растительного или животного происхождения, но применялись также минералы, различные соли и окислы. Изготовлялись они в виде настоек, отваров, мазей, пластырей. Значительное место в лечении заболеваний и профилактике отводилось гигиене и диететике.

Наивысшим достижением аюрведы является ее хирургия.

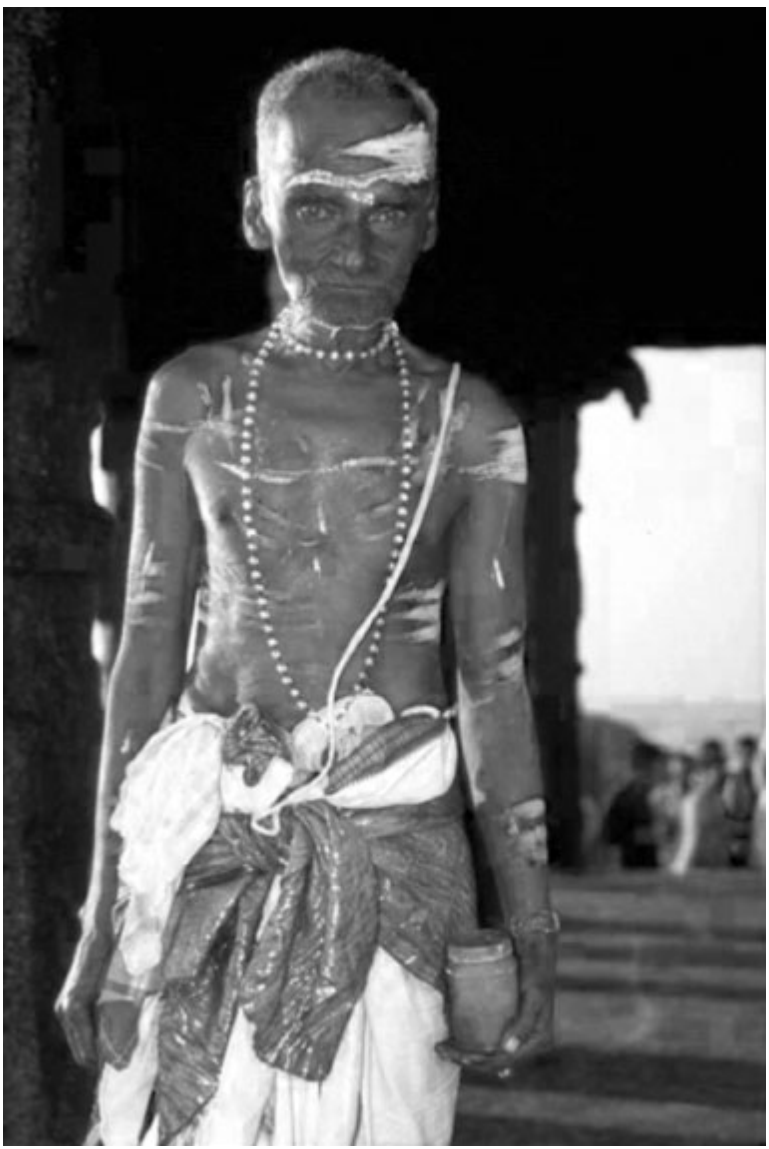
Особое внимание ей уделяет Сушрута. В самхитах перечислены около 200 хирургических инструментов – режущих, шприцев, катетеров, зеркал – и даны подробные наставления по их употреблению. Из трактатов явствует, что врачи того времени умели делать очень сложные операции: лапаротомию, камнесечение, наложение внутренних швов, удаление катаракты, искусственное восстановление носа методом трансплантации (в современной медицине он носит название «индийского метода»). Широко применялось хирургическое вмешательство в акушерской практике (эмбриотомия, кесарево сечение и пр.).

Огромная медицинская литература Средневековья включает работы по терапии, этиологии болезней, справочники по составлению лекарств, словари лекарственных растений, сочинения по гигиене и кулинарии, а также объемные компиляции, излагавшие знания по всем отраслям медицины. Большинство из этих работ не отличалось самостоятельностью, исключение составляли только трактаты Канады и Шанкарасены, посвященные специально исследованию пульса как главному методу установления диагноза.

Наряду с сочинениями классической аюрведы в Индии существовала значительная йогическая и тантрическая литература. Она содержала подробное описание различных органов и их функций, но это описание заметно отличалось от того, которое давалось в трактатах аюрведы. Вообще йогическая анатомия и физиология не подчинены цели распознавания и лечения болезни, они служат теоретическим обоснованием определенной практики поведения человека, ведущей к его физическому и психическому совершенствованию.

Магическая сила аскетизма

В одном из поздних гимнов «Ригведы» сообщается о существовании особого рода святых людей, отличных от брахманов. Это «молчальники» (муни); одеждой им служит ветер, и, напоенные собственным молчанием, они способны подниматься в воздух и парить в поднебесье вместе с птицами и полубогами. Молчаливому муни известны мысли людей, ибо он испил из магической чаши Рудры, чей напиток губителен для простых смертных



Аскета ждут почет и уважение, которые никогда не выпадают на долю простого

Другая категория мудрецов, о которой много говорится в Атхарваведе, – это вратьи. Впоследствии это слово приобрело более широкое значение: так называли ария, который отошел от истинной веры и больше не чтит «Веды». Однако в Атхарваведе вратья – жрец ведийского культа плодородия, связанного с ритуальными танцами и самобичеванием. Такой жрец обычно путешествовал по стране в повозке, вместе с женщиной, культовой проституткой, и музыкантом, который аккомпанировал ему во время обряда. До сих пор не вполне ясно, что представляли собой вратьи и каков был их статус. Их, по-видимому, усиленно обращали в арийскую веру и пытались найти для них место в системе ортодоксального культа. Среди вратьев, вероятно, в основном возникали и развивались новые учения и обычаи.

Ко времени создания литературы упанишад аскетизм стал в Индии широко распространенным явлением. Именно аскетам в первую очередь, а не ортодоксальным жрецам-брахманам обязаны своим развитием и распространением новые учения.

Одни аскеты вели отшельнический образ жизни психически больных людей – они обитали в лесной глуши, подвергали себя мучительным испытаниям голодом, жаждой, жарой, холодом, дождем. Другие жили в «местах покаяния», на окраинах городов и, подобно некоторым менее почитаемым святым людям позднейших времен, занимались самоистязанием: сидели у костра на солнцепеке, лежали на гвоздях и колючках, часами висели на дереве головой вниз или держали руки над головой, пока те не омертвеют.

Однако наибольшее влияние на развитие философской и религиозной мысли оказали аскеты, не столь крайние в своих обетах, которые занимались в основном психическими и умственными упражнениями, медитацией.

Часть из них жила уединенно на окраинах городов и деревень, часть объединялась в группы под руководством старейшего. Были и такие, которые бродили по стране, нередко большими группами, просили милостыню и объясняли свое учение всякому, кто готов был их слушать, а если попадался соперник, то старались победить его в споре. Одни аскеты ходили совершенно нагими, другие носили самую простую одежду.

Индийский аскетизм возник из стремления обрести магическую, сверхъестественную силу. Считалось, что ею обладают брахманы благодаря своему особому рождению и знаниям. Верили, однако, что существовала и иная, чем у

брахманов, сила, для достижения которой требовались другие средства.

Аскет, даже предававшийся самым суровым самоистязаниям, мог достигнуть лучшего положения, чем жрецы, служители жертвенного культа. Благодаря тому, что он подвергал свое тело боли и лишениям, перед ним открывалась перспектива безмерного блаженства. Отшельник, стоявший на низших ступенях социальной лестницы, мог рассчитывать на многое даже в чисто материально-житейском плане. Его ждали почет и уважение, которые никогда не выпадали на долю простого человека, а к тому же полная свобода от забот о хлебе насущном.

Однако к аскетизму побуждало и нечто большее. Совершенствуясь в своих упражнениях, отшельник приобретал сверхъестественные способности, недоступные простым смертным. Он мог видеть прошлое, настоящее и будущее; он поднимался на небо, и боги милостиво принимали его в небесных чертогах; сами божества спускались на землю и посещали его хижину.

С помощью волшебной силы, накопленной благодаря аскетическим упражнениям, он мог творить чудеса: по его приказу горы обрушивались в море; оскорбленный, он сжигал своих врагов одним только взглядом, насылал неурожай на целые страны; будучи должным образом почтен, он мог своей волшебной силой защитить город, умножить его богатства, уберечь его от голода, чумы, вражеского вторжения.

По сути дела, магическая власть, ранее приписывавшаяся жертве, теперь стала достоянием аскетов. В последующие века идея о том, что Вселенная основана и поддерживается посредством жертвы, отступила на второй план. Ее место заняла вера в то, что Вселенная опирается на подвижничество великого бога Шивы, который вечно пребывает в аскетическом трансе в твердынях Гималаев, а также вера в постоянное подвижничество его последователей на земле.

Но если аскетизм имел свои привлекательные стороны для людей духовно малоодаренных, то тем более это относится к людям ищущим, которые подвергали себя лишениям, руководствуясь искренними религиозными мотивами. По мере того как мистические упражнения развивали психические способности аскета, он достигал прозрений, которые нельзя описать словами. Его душа, перед которой постепенно открывалась тайна мира, поднималась выше мишурных небес, где в великолепии и блеске жили боги. Переходя из «тьмы во тьму глубочайшую», он постигал тайну тайн; он узнавал полностью и окончательно, что такое мир, что такое «я»; он поднимался к

сферам, где нет больше рождения и смерти, радости и горя, добра и зла, а есть только истина и блаженство. Вместе с этим трансцендентным знанием приходило осознание своей полной, абсолютной свободы. Аскет, который достигал цели своих поисков, побеждал всех победителей. Во всей Вселенной не было существа столь великого, как он.

Философское толкование этого мистического знания аскетов было разным в разных сектах, однако его главный смысл был одним и тем же. К тому же, как уже не раз отмечалось, оно не отличалось существенно от мистического опыта Запада, если иметь под этим в виду греческую, иудейскую, христианскую и мусульманскую мистические традиции. Однако в некоторых отношениях индийский мистицизм уникален в своем роде: лишь в Индии техника достижения экстатических состояний достигла столь высокого совершенства, а попытки истолкования мистических состояний привели к созданию сложнейших систем метафизики.

Если другие религии придают мистицизму большее или меньшее значение, то для Индии это основа основ.

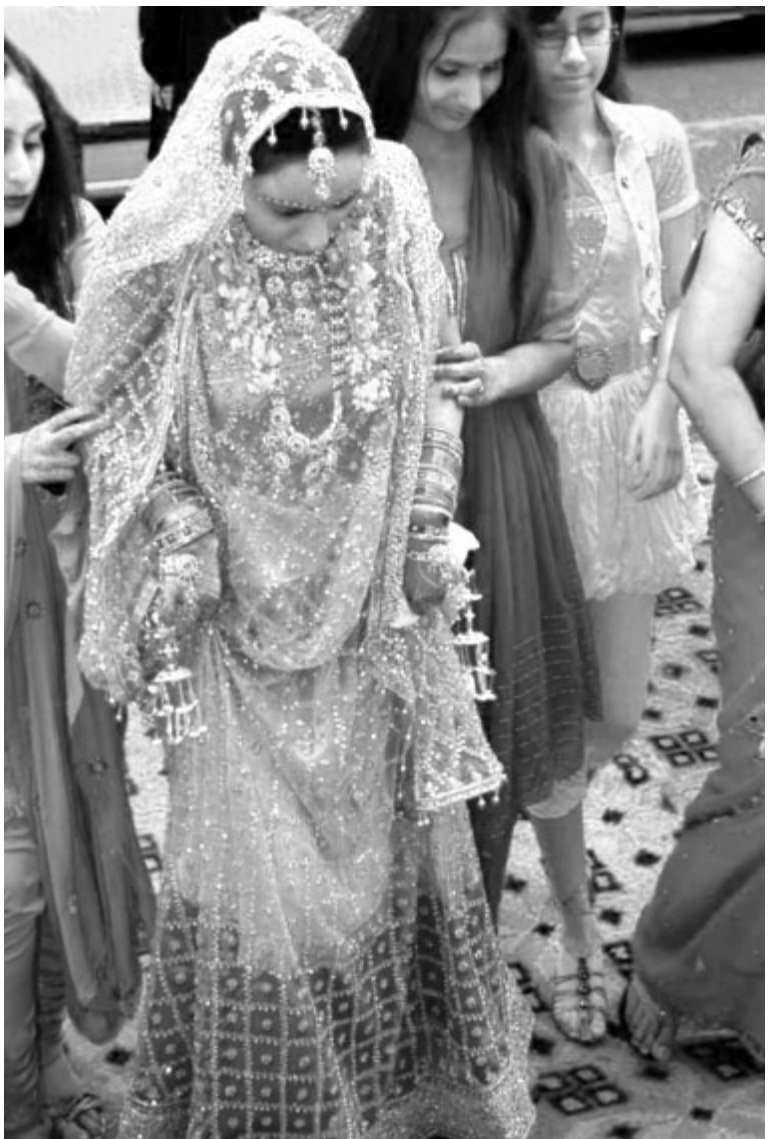
Стремительное развитие мистицизма и аскетизма привело к тому, что даже более приземленный и реалистический брахманизм уже не мог их больше игнорировать. Доктрина о четырех этапах жизни, которая впервые излагается в дхармасутрах, помогла странствующему аскету и отшельнику найти свое место в арийской социальной системе. Беседы и проповеди наиболее ортодоксальных из ранних мистиков были собраны и добавлены к циклу брахман – так сложились араньяки и упанишады.

Противодействие притязаниям брахманов и разочарование в жертвенном культе, конечно, играли известную роль, но в основе были глубокие психологические сдвиги, чувство тревоги, беспокойства, которые и привели к росту пессимизма, аскетизма, мистицизма. Время, о котором идет речь, было временем коренных социальных перемен. Древние племенные объединения распадались. Исчезло чувство взаимной опоры, сплоченности, присущее роду.

Несмотря на значительный рост материальной культуры, страх и неуверенность наполняли сердца людей. Именно это острое чувство тревоги перед будущим привело к росту пессимизма и аскетизма в середине I тысячелетия до н. э.

Атмосфера индийской семьи

Где и когда начинается воспитание доброты в человеке? В Индии мало кто знает известный анекдот о женщине, имевшей двухнедельного ребенка, которой сказали, что она уже на две недели запоздала с его воспитанием. Там не ссылаются на этот анекдот, там просто начинают воспитывать детей чуть не с первого дня их жизни



Индийская невеста

И основное, чему их учат, – это доброта. Учат всем своим

отношением к детям и друг к другу, учат личным примером, учат словами и делами. Терпеливость, которую проявляют в индийских семьях по отношению к детям, просто поразительна. Каким бы усталым ни чувствовал себя человек, как бы горестно он ни был настроен, он никогда не покажет этого детям. Ни отец, ни мать и никто вообще из старших.

Дети растут в атмосфере доброжелательности. Первые слова, которые они слышат в семье, призывают их к доброму отношению ко всему живому. «Не раздави муравья, не ударь собаку, козу, теленка, не наступи на ящерицу, не бросай камней в птиц, не разоряй гнезд, не приноси никому вреда» – эти запреты, расширяясь со временем, принимают новую форму: «Не обижай младших и слабых, уважай старших, не подними нескромного взгляда на девушку, не оскорби нечистой мыслью женщину, будь верен семье, будь добр к детям». Так замыкается круг.

И все это сводится к одному – не делай зла, будь добрым и сдержанным в чувствах.

Европейцы, не знающие этой страны и этого народа, часто удивляются тому, что индийские женщины – ну как бы вам сказать? – неконтактны, что ли, совсем не реагируют на присутствие мужчин, оно их как бы совсем не задевает. Они любят красиво одеться – для мужа. Они холят свою кожу, свои волосы, сурмят глаза, окрашивают красной краской пробор в волосах, надевают украшения – для мужа. Они учатся петь и танцевать – для мужа. И если муж жив и здоров, если он предан семье – а это правило, исключения из которого очень редки, женщина счастлива, она ничего больше не желает, ни к чему не стремится.

Во множестве мифов, легенд и преданий воспевается беспредельная преданность женщины своему мужу. Основным образцом, которому следует подражать, является Сита – жена эпического героя Рамы, но славятся также и Дамаянти, и Савитри, и многие другие.

Авторы книги бывали на многих свадьбах, и женщины семьи всегда приглашали взглянуть на невесту. Заходишь в комнату, видишь в окружении подруг и сестер ярко одетое и богато украшенное существо, с лицом, завешенным гирляндами цветов, дождем ниспадающих со свадебной короны. «Подойдите, посмотрите на нее», – просят все.

Подойдешь, откинешь дзеты с ее лица и встретишь прелестное юное личико и глубокий взгляд, исполненный огромного внутреннего волнения.

На лоб вдоль бровей часто бывает нанесена краской линия из точек, которая обводит глаза, спускается на щеки, обходит их

мягкий контур и завершается на подбородке. В крыло носа продето тонкое золотое кольцо с жемчугом или драгоценными камнями, с пробора на лоб свисает золотая розетка, тяжелые сверкающие серьги бросают светлые блики на щеки, шея и грудь скрыты под блестящими украшениями, глаза смотрят серьезно. Перед нами испуганно-трогательный и для наших дней слегка фантастический образ невесты.

Она не видит подарка, который ей приносишь, от волнения и усталости она не видит и не чувствует ничего вокруг. Наступил самый важный, самый ответственный момент в ее жизни – ее отдают мужу.

Отдают навсегда, безвозвратно, без права на расторжение брака. Ее растили и воспитывали только для этого, ее готовили только к этому.

Жених по обычаю должен приехать на коне в сопровождении своих родных и друзей. И обычно так он и приезжает. Поезд жениха движется медленно-медленно. Впереди идут оркестранты в ярких мундирах и тюрбанах. Музыка звучит непрерывно. За ними несколько друзей жениха движутся в танце (иногда, впрочем, танцоров и нанимают), затем в окружении нарядной толпы своих близких едет украшенный цветами и золотыми гирляндами жених в свадебной короне. Конь белый, с плюмажем, тоже весь украшенный и в раззолоченной наборной сбруе.

Перед женихом на седле часто сидит мальчик – младший его брат или племянник. Он является символическим участником свадебного обряда. Его присутствие означает, что в случае смерти жениха он станет мужем девушки и в дальнейшем обязуется также заменить ее детям отца.

Надо сказать, что это не только символ. Древний обычай братской полиандрии, когда несколько братьев становились мужьями одной женщины, доныне жив в Индии и иногда практикуется в среде так называемых низких каст, в среде же высоких каст сохраняется только обычай привозить с собой на свадьбу младшего мальчика семьи.

(В штате Керала и сейчас известна полиандрия (многомужество), имевшая сравнительно недавно широкое распространение, причем здесь она была распространена в основном в среде высоких каст…)

Так едет жених. Часто он держит в руке меч – тоже символ того, что он с боя возьмет невесту, победив всю ее мужскую родню. И так было когда-то – отбивали, умыкали, брали силой. Индийцы в большинстве своем не признают такой формы брака, но и запрета на нее нет. Иногда она встречается у некоторых племен и сейчас.

Над женихом несут зонт на длинном шесте. Зонт – знак царской власти, знак власти вообще. А вокруг процессии, и впереди нее, и в ее рядах идут люди-лампы, живые подставки, на головах которых ослепительно сияют карбидные лампы.

Медленно-медленно идет ярко озаренная процессия. Вот она вступает на улицу, ведущую к дому невесты. Или к тому дому, который снят под свадьбу.

Во дворе приготовлен пандал – специальный помост под навесом. Шесты навеса перевиты яркой фольгой и гирляндами цветов. Здесь они сядут рядом, и брахман проведет весь обряд, в котором будет много-много разных обязанностей у родителей жениха и невесты, а если нет родителей, то у старших братьев и их жен.

Надо будет по указаниям брахмана в должный миг в сопровождении должной молитвы омыть ноги жениху и невесте, окрасить их красной краской, надеть ей на пальцы ног серебряные обручальные кольца, дать жениху и невесте вкусить топленого масла и т. д. и т. п. Для них совьют особый шнур и свяжут их друг с другом. Они наденут друг на друга пышные гирлянды, и им поставят красные точки на лоб – знак счастья. Жених семь раз обведет невесту вокруг священного огня, или они вместе пройдут семь шагов – и обряд будет закончен.

Она войдет в его семью навсегда.

До сих пор во многих случаях индийская семья состоит из родителей, их женатых сыновей с женами и детьми, неженатых сыновей и незамужних дочерей. Все они живут вместе. Иногда человек по пятьдесят. Мужчины отдают родителям весь свой заработок, и свекровь определяет, на что и как надо тратить деньги. Если свекровь недостаточно добра, чтобы побаловать невестку подарком, та должна обходиться тем, что получила в подарок на свадьбу да привезла из родного дома. Если свекровь не считает нужным привлекать невестку к обсуждению бюджета семьи, к вопросам воспитания и обучения детей и ко всем другим проблемам жизни, невестка будет жить как бесплатная прислуга, проводя свои дни у очага, у детской кроватки, у посуды и не имея права голоса ни в чем. Найдут нужным отослать детей к каким-нибудь родственникам, отошлют. Найдут нужным взять для ее мужа вторую жену – возьмут.

Только в свободной Индии был принят, например, закон о том, что вдова имеет право на часть имущества покойного мужа, а до этого вдова пожизненно должна была служить прислугой в доме родственников мужа. Все презирали, угнетали ее, так как по традиции считается, что в одном из своих прежних перерождений она так грешила, что боги покарали ее теперь, отняв у нее мужа.

Если она возвращалась в родную семью, то и там обычно было не слаще, потому что те же попреки она слышала и от своих родных, и от жен своих братьев. К тому же, уходя в свой дом, она должна была оставить детей у свекрови, а какая же женщина пойдет на это?

В случае любой горькой доли женщине помогает выстоять только бесконечная преданность мужу и умение все прощать, подавлять в душе естественный протест.

Чистота отношений в среде индийской молодежи поражает европейцев. Городская молодежь из интеллигентных слоев учится, а до окончания обучения древняя традиция воспрещает общение с женщиной, и этого запрета придерживается большинство молодых людей. Те же, кто не может учиться, а работает, живя в семьях, воспитываются в таком же духе – в ожидании своего брака.

«Вы, европейцы, любите и женитесь, а мы, индийцы, женимся и любим». Это верно. Так оно и есть в большинстве случаев.

Присматриваясь внимательно к жизни индийской семьи, видишь, что нельзя сбрасывать со счетов ее бесспорно положительные стороны.

Молодежь, выросшая в атмосфере прочных семейных отношений и взаимной любви и уважения между родителями, продолжает развивать традиции добрых отношений в семье. Авторы книг об индусской семье всегда с ужасом подчеркивают традиционную невозможность развода по желанию жены. Но практически и разводов по желанию мужа почти не бывает. Не бывает, во-первых, потому, что каждый мужчина с детства приучен смотреть на свою будущую жену как на необходимую и неотъемлемую часть своего существа, без участия которой все дела жизни, по традиционной вере, являются недействительными и бесплодными. Брак считается актом религиозным, и для обеих сторон в равной мере его расторжение в высшей степени нежелательно. Жена является матерью его детей и заслуживает поэтому благодарности и всемерной поддержки.

Итак, только бездетную женщину муж может отослать обратно к отцу. Общественное мнение, которое в жизни индийского общества играет огромную роль, всегда восстанет против развода и осудит и покроет позором семью мужа, если он его осуществит.

Все это не означает, что нет закона, разрешающего развод. Такой закон действует уже свыше 80 лет, но мало кто им пользуется, равно как и законами, разрешающими межкастовые браки, вторичное замужество вдов и т. д.

До освобождения Индии женщина знала только кухню и

женскую половину дома. Только в среде безземельных батраков да бедных арендаторов бывали семьи, где женщина работала в поле наравне с мужем. За последние годы положение резко изменилось. Очень большое число женщин в городах стало работать. Женщина-учительница, врач, адвокат и даже инженер теперь далеко не редкость. Не говоря уж о женщинах – общественных деятельницах. И это поднимает женщину, увеличивает уважение к ней мужа, делает семью еще прочнее.

Но, несмотря на свою материальную независимость и свое собственное общественное лицо, индийская женщина помнит, что «речь жены, обращенная к мужу, должна быть сладостна и благоприятна».

Брак – это семья

Главная цель каждого новорожденного в индусской семье – грядущее бракосочетание. Детям внушают с самого раннего возраста, что они растут для того, чтобы при достижении предназначенного традицией возраста заключить брак со своей парой и дать жизнь потомству

Индийская семья на средневековой миниатюре

Мальчик твердо усваивает свою роль и с детства запоминает все свои права и обязанности в наступающей жизни, а также и

многие правила своего поведения, в числе которых особенно важны два – передача своего семени только законной жене и нерушимая забота о родителях, включая и последнюю обязанность – поджигание их погребального костра. Девочке столь же непреложно внушаются обязанности проявления почтения и покорности всем старшим членам семьи и, «главное», – будущему мужу и его родным.

Сдержанность, скромность, чистота – это основные законы жизни женщины, и надо сказать, что по общему стилю поведения можно в любом обществе сразу отличить индийскую женщину. Такими они вырастают и такими живут.

Все эти перечисленные правила собраны в древней сводке уложений и предписаний, известной под названием «Законов Ману», которые в той или иной мере знают все индусы и привычно выслушивают от своих духовных руководителей – брахманов строгие напоминания, что «надо жить по Ману».

Свадьба является центральным моментом жизни, и все предыдущие годы были временем подготовки к ней, временем подбора невест и женихов и временем необходимых действий, требуемых для проведения свадебного торжества и забот о жизни молодой семьи. До сих пор всех иноземцев поражает то, что женятся в большинстве случаев не по своему выбору, а по указанию родителей, которые «своим детям плохого не пожелают», хотя в новое время участились браки по собственному выбору, но, опять же, по согласию родителей.

Брачные объявления указывают также на конфессиональную принадлежность желаемой пары, а это значит, что вплоть до нашего времени религия играет решающую роль в жизни индийцев. В семейно-брачных отношениях требуется учитывать тот психосоциальный тип человека, с которым планируешь создать семью и избежать в совместной жизни взаимного непонимания в важнейших вопросах отношения к жизни, которое определяется привитым с детства мировосприятием. На задаваемый иностранцем вопрос об этих условиях обычно следует ответ такого рода: «Мне хочется, чтобы моя жена была воспитана в тех же принципах, что и я, а говоря точнее – в той же атмосфере».

И при всех этих условиях индусы твердо верят, что браки заключаются на небесах, а выборы родителей, сватов и брахманов каждой данной семьи играют роль практического осуществления воли богов. Свадебные обряды различны в среде разных каст, но всегда жених обводит невесту вокруг священного огня – бог Агни играет роль главного свата, скрепляющего брак, и в обязательном присутствии родителей и гостей шарф невесты привязывают к

одежде жениха. Вся церемония проходит в молитвенном молчании присутствующих и оглашается воплями вроде «горько», жених не должен целовать невесту (да, надо сказать, что и жену он не должен ласкать или даже обнимать в присутствии посторонних или близких родных).

По давнему обычаю свадебный обряд проводится в доме отца невесты, и лишь после его завершения она может вступить в дом мужа.

Цель брака – деторождение. Зачатие расценивается религией как высшее жертвоприношение богам, а поэтому брачное соединение считается актом высокой святости.

Положение молодой в доме мужа оценивается по факту беременности, и целый ряд традиционных обрядов проводят члены семьи, оберегая плод в ее чреве. Рождение мальчика делает ее «богиней дома», но и появление девочки на свет поначалу не очень огорчает домашних. Но вот если она «не сумеет» вообще родить мальчика, ее могут осуждать до такой степени, что свекровь имеет право привести сыну другую жену. Правда, в новое время этот обычай почти изжит, и в семьях часто появляются дети обоих полов.

Но можно сказать, что приверженность религиозных людей к деторождению стала определенной причиной безудержного роста населения. Перепись 2001 г. показала, что его численность превышает миллиард человек, и правительство страны вынуждено искать меры воздействия на жителей, которые плохо этим мерам поддаются, опасаясь нарушить религиозные заветы. Поскольку малограмотность еще не преодолена, то в качестве воззвания к простым людям ограничить размер семьи по дорогам и улицам выставляют щиты-рисунки с изображением мужчины, женщины и двух детей – мальчика и девочки, на которых пишут слоганы: «Мама, папа, брат и я – вот и вся наша семья».

В области семейной жизни наступило много нового – стали появляться случаи заключения молодыми браков по собственному выбору, постепенно нарастает процесс ограничения деторождения, и теперь даже иногда наблюдается проявление некоторого безразличия к фактам развода, что сравнительно недавно считалось нетерпимым.

Любовные игры

Хотя брахманы, авторы особого рода сочинений «смрити», составлявшие правила благочестивого поведения для мирян, во многих отношениях отличались известным пуританизмом, они отнюдь не отвергали физической любви. Из трех целей жизни последняя, т. е. получение наслаждений, хотя и уступала по своему значению двум другим, признавалась вполне законной сферой деятельности людей

Свадьба – одно из важнейших событий в жизни индийской девушки

В самом широком смысле слова «кама» означает желание любого рода и его исполнение, но, как в соответствующем русском слове, смысл его можно ограничить областью половых отношений. Половое наслаждение считалось самым высоким из всех законных удовольствий.

Вся индуистская литература – и религиозная, и светская – буквально изобилует намеками с сексуальным смыслом, половой символикой и откровенными эротическими описаниями. Склонность к подобным темам особенно усилилась в Средние века, когда самый процесс космического творения изображался как брачный союз бога и богини и фигуры тесно обнявшихся пар (майтхуна) высекались на стенах храмов.

Стремление индийцев к детальной классификации, хотя и не

приведшее к развитию экспериментальных наук, стимулировало возникновение целого ряда довольно педантичных учений о разных сторонах деятельности людей, в том числе о взаимоотношениях полов. Сохранился ряд сочинений, посвященных этой теме, из которых самым ранним и значительным является «Камасутра»; она была создана в первые века нашей эры, очевидно в эпоху Гуптов.

В этой чрезвычайно интересной книге мы находим, как и следовало ожидать, детальные предписания и наставления в искусстве любви, рецепты целебных средств и чар, усиливающих половое влечение, и, кстати, весьма ценные сведения о повседневной жизни древних индийцев. Из сочинений такого рода и многочисленных текстов куртуазной литературы можно немало узнать о сексуальной жизни высших слоев общества.

Смысл сексуальных отношений видели не в грубом удовлетворении животной страсти самца, но в утонченном взаимном наслаждении, отвечающем желаниям обеих сторон. «Камасутра» советует искушенным в любви горожанам, для которых она и была написана, никогда не отделять стремления к собственному удовольствию от чувств и желаний партнера и считаться с ними, как со своими собственными, ибо женщина наделена ничуть не меньшей чувственностью, а, по мнению некоторых источников, даже испытывает более сильное половое наслаждение.

Любовные игры подразделяются на множество видов и тщательно классифицируются; так, например, «Камасутра» насчитывает не менее 10 видов поцелуя. Любовное общение предполагало большую нежность, но часто завершалось неистовыми, страстными объятиями. Поэты рассказывают о любовниках – обоего пола, женатых или холостых, – открывающих близким друзьям следы ногтей и зубов на своем теле, интимные знаки любовной страсти.

Взгляд древних индийцев на таинства любви ярко проявился в искусстве и литературе. Их идеал женской красоты резко отличается от типа античной матроны и от худощавых фигур современных девушек в Европе и Америке, смахивающих на мальчишеские. Индийская красавица, с полными, широкими бедрами, очень тонкой талией и большой, тяжелой грудью, кажется созданной для плотского наслаждения.

В качестве примера, иллюстрирующего лучшие стороны сексуальной жизни в Индии, приведем выдержку из «Камасутры»: «В течение первых трех ночей после свадьбы муж и жена должны спать на полу и соблюдать воздержание… В течение следующих семи дней они совершают омовения под звуки музыки и пения,

украшают свою внешность, вкушают трапезы совместно и оказывают почести родственникам и прочим, присутствовавшим на их торжестве… Вечером десятого дня муж должен ласково обратиться к жене… чтобы внушить ей доверие… Ватсьяяна учит, что не следует нарушать обет воздержания, пока не завоевано ее доверие, и только тогда можно приблизиться к ней… ибо женщины нежны, как цветы, и предпочитают, чтобы их завоевывали нежностью.

Если женщина вынуждена подчиниться грубому насилию со стороны мужчины, еще не заслужившего ее доверия, у нее возникает отвращение к половым сношениям… она может возненавидеть весь мужской пол либо только мужа, и тогда обратится к другому».

Затем Ватсьяяна подробнейшим образом описывает, как молодой должен ухаживать за новобрачной. Его советы, несомненно, были бы одобрены большинством современных психологов.

Эротическая жизнь в Древней Индии была обычно гетеросексуальной. Гомосексуализм обоих полов в «книгах законов» осуждается в весьма лаконичных выражениях. В этом отношении половая жизнь в древней Индии имела значительно более здоровый характер, чем в большинстве древних цивилизаций.

Эта странная одежда…

Жители Индии, по-видимому, не знали шитой одежды почти до рубежа нашей эры. Они драпировали свое тело полностью или – что гораздо чаще – частично самыми разнообразными способами и в самые разнообразные ткани, но что это было, сказать невозможно: то ли набедренные повязки, то ли широкие пояса, то ли какие-то юбочки и шарфики

Индийские женщины с древних времен и до наших дней с удовольствием носят сари

Многие фигурки, найденные в раскопках в долине Инда, изображают обнаженных людей, на которых нет ничего, кроме пояса, ожерелий и браслетов. Лишь на одной из них четко различим широкий шарф или край плаща, переброшенный через левое плечо и украшенный узором из трилистников. Узор виден очень четко, но, конечно, нельзя определить, вышивка это, набойка или роспись ткани от руки.

Здесь, вероятно, зафиксирован, как и в древнеиндийской (а затем и традиционной средневековой) скульптуре, распространенный в доарийской Индии обычай ходить большую часть года полуобнаженными.

Арьи же, пришедшие сюда из более северных стран, в своей ритуальной, а затем и в правовой литературе – как, например, в уже упоминавшихся «Законах Ману», – строго предписывали

ношение одежды.

Вероятно, в результате распространения почти по всей Индии общественных и религиозных установлений арьев население страны стало считать обнажение тела настолько недопустимым, что даже муж был лишен права во избежание греха видеть свою жену обнаженной.

Население страны потребляло и потребляет ткани в огромном количестве, причем любит, как правило, орнаментированную одежду и яркие краски. Поэтому так разнообразны в Индии способы орнаментации тканей и так досконально индийцы изучили все растительные, животные и минеральные красители, которые только можно добыть в их стране.

Сари – основа женского костюма в Индии. В древности, как об этом говорят храмовые фризы и изваяния, а также не изменявшаяся в течение многих веков одежда профессиональных танцовщиц южноиндийских храмов – исполнительниц древнейших форм танца, – сари состояло из двух частей: длинного широкого полотнища, которым женщины искусно драпировали ноги, наподобие шаровар, выпуская спереди из-под пояса один его конец, заложенный в мелкую складку, и шарфа, или покрывала, которым они или прикрывали плечи и грудь, а иногда и волосы, или стягивали только грудь, то навязывая его на спине, то пропуская его концы под пояс, то просто набрасывая на себя, все это в соответствии с обстоятельствами.

Оттенки, сочетания тонов и их соотношение с кофточкой «чоли» и украшениями рассказывают о вкусе хозяйки и ее настроении, о времени года и времени дня, о достатке семьи, о принадлежности к той или иной национальности, к той или иной местности и даже к той или иной религиозной общине или касте. Так, наличие у женщины орнамента на сари, украшений на руках, ногах, на шее, в ушах и т. д., наличие «тилака», или «тики», – пятнышка на лбу – говорит о том, что женщина замужем, и муж ее жив и живет в семье, тогда как отсутствие всех этих признаков является печальным указанием на вдовство.

Орнамент на ткани и ее окраска сообщают о месте, где ее произвели. Для Бенгала характерны мягкие шелковые ткани с мелким набивным рисунком неярких тонов. Для Мадраса – ровно окрашенные яркие сари: огненные, вишневые, индиговые, зеленые и т. п., с контрастной каймой, обычно затканной еще и серебряной или золотой нитью, и с ярким, построенным на контрастных же сочетаниях узором паллава. Варанаси славится переливчатыми сверкающими парчовыми тканями и шарфами. Даже не верится, что их вручную ткут ремесленники в маленьких

полутемных мастерских, сидя на полу и спустив ноги в земляную яму, где размещены педали станка. Штат Уттар-Прадеш известен помимо набивных сари набивными хлопчатобумажными скатертями и покрывалами, на которых изображены всевозможные сценки из городской и деревенской, прошлой и современной жизни.

Как же надевают сари?

А его не надевают, его монтируют на себе, укрепляя на главной детали – очень тугом пояске нижней юбки или просто на пояске, закладывая складки вокруг талии, а затем перебрасывая свободный его конец-«паллав» через левое плечо.

На западе и северо-западе Индии женщины носят главным образом раскроенную и сшитую одежду – юбки и кофты, поэтому узор тканей обычно более расплывчат.

В штатах Раджастхан и Гуджарат разработали совсем особый способ окраски тонких хлопчатобумажных тканей, известный под названием «завяжи-окрась». Его широко пропагандируют сейчас в европейских странах, потому что он дает узор из пятен с неровными расплывающимися краями, столь близкий модным абстрактным веяниям в искусстве.

В западных областях Индии на первом месте стоит вышивка гладью, крестиком, петельчатым швом – аппликация из маленьких круглых кусочков зеркал.

А что уж говорить о знаменитых шерстяных и пуховых кашмирских шалях, тонких, легких, широких и таких теплых, что они согревают человека, даже когда на улице всего 8—10 градусов тепла!

Эти шали, в отличие от пхулькари, вышивают только мужчины. Ни один узор не повторяет другой: техника вышивки иногда напоминает гладь, но чаще всего это короткие стежки, словно штрихи, нанесенные тонкой кистью или пером. Есть шали, покрытые узором сплошь. Есть – и таких гораздо больше – вышитые только на концах и по краю. Цветовая гамма чрезвычайно богата – вся палитра существующих в мире красок: от белого до черного. (И тут, надо сказать, этой вышивкой занимаются мужчины, а не женщины.)

Шаль или широкая полоса ткани служит почти обязательной частью одежды многих мужчин в Индии, даже тех, кто носит сшитую одежду – рубашки и шальвары (многие горожане стали носить и брюки – в основном люди из среды служащих и лиц интеллигентных профессий). Шальвары разного покроя распространены как части мужской и женской одежды в северо-западных и западных областях, но большинство мужчин в Индии носят набедренные повязки «дхоти» из отреза ткани длиной от 2,5

до 5 метров, по-разному драпируя ими бедра и ноги.

Культ воды

Какое отношение к воде диктуют индийские мифы ныне живущим людям? Какую роль вода играет в ритуальной и бытовой жизни индусов? Наконец, какие основные идеи связаны с фактом зарождения жизни в воде, давно отраженным в древних индусских мифах и лишь недавно установленным мировой наукой? Стремились ли отдаленные предки человека доказать своими мифами, что человек может даже опустошать и заполнять ложе океана?

Женщина омывает себя водой во время молитвы заходящему солнцу

Скажем, прежде всего, что все источники, реки, озера и, главное, моря и океаны считаются воплощениями богов и носят соответствующие личные имена. Вода священна в любом своем проявлении и заслуживает поклонения. Каждая река может превращаться в богиню, представая перед своими почитателями, воспринимая и выполняя их мольбы, равно как и заботясь о процветании жизни и природы в целом.

Среди обилия скульптурных украшений храмов Индии не последнее место занимают изображения речных богинь, всегда и неизменно прекрасных и милостивых. Омовения в воде реки или другого источника не только очищают тело, но, главное, смывают грехи и очищают душу от нечистых помыслов. Водопровод действует еще далеко не всюду, но домашние омовения тоже абсолютно обязательны, а поэтому в любом доме есть запасы

воды, которые должны накапливать и пополнять женщины, ежедневно принося в больших кувшинах воду из реки или, что бывает чаще, из колодца. На всех реках есть особые, отмеченные традицией места, где сила омовения наиболее действенна, и в определенные дни люди устремляются в паломничество к этим местам.

Первое и главное место среди речных божеств занимает богиня по имени Ганга, владычица великой реки, питающей своими водами земли Северной Индии. Высшее искупление дарит индусам омовение в Ганге, а смерть, встреченная человеком на берегах этой реки, возносит его душу в царство предков, ибо Ганга – это прямой путь на небо. Останки плоти после обряда кремации родственники стараются довезти до Ганги и опустить их в ее святые воды. На ее берегах стоят монастыри, прибежища отшельников и храмы, поражающие своим разнообразием и скульптурным убранством. Всему миру известен «город тысячи храмов» Варанаси (бывший Бенарес), привлекающий миллионы паломников.

Но великая река не всегда омывала эти берега – когда-то ее просто еще не было. Не было вообще на Земле, так как она протекала по небу. С ней связано множество мифов, и вот один из них говорит, что она была низведена на Землю в результате поворота в судьбе одного из смертных людей. Именно человек стал причиной того, что она впоследствии осчастливила весь мир своим явлением на Земле. Дело в том, что сначала она была рождена великим Химаватом, владыкой Гималаев, бессмертных гор, подножия небосклона. Став дочерью Химавата, она озаряла своим сиянием эти горы и не смешивалась с водой земных рек. Но случилось так, что один из прославленных земных царей узнал, что его предки некогда предавались тяжким грехам и груз этих грехов подавляет его судьбу. Некий отшельник открыл ему, что этот груз смогут снять с его души только воды далекой горной реки, дочери Химавата. Она и родилась в горах в результате молений этого царя, впервые спустившись с небес. Отшельник объяснил царю, что для облегчения его участи следует добиться того, чтобы прах грешных предков был омыт водами пресветлой Ганги. Прекрасная река согласилась низринуться с гор, но побоялась, что мощный удар ее тяжких струй разобьет землю и истребит многие жизни, тогда всемогущий бог Шива, владыка созидания и разрушения, узнав о бедственном положении царя и об опасениях Ганги, спустился с вершин гор и, став у их подножия, повелел Ганге обрушить свои воды на его голову. Он принял всю тяжесть этого потока, разделил его прядями своих волос на отдельные реки и по

главному руслу направил Гангу. И тогда сбылось предсказание отшельника, и исчезло проклятие из жизни царя.

Люди не забыли о милости всесветлой Ганги, и об этом говорят два святых города, построенных вблизи ее верхнего течения, – Хардвар и Ришикеш, посещаемые миллионами паломников.

В одном из мифов говорится о том, что некий царь встретил на берегу этой реки прекрасную деву и полюбил ее всем сердцем. «Прошу тебя, одаренная всеми совершенствами, стать моей женой и подарить мне продление моего рода». Ему и во сне не могло присниться, что он предлагает брак самой Ганге, богине великой реки, но красавица милостиво приняла его предложение, поставив при этом два строгих условия: первое – никогда не пытаться узнать, кто она, и второе – никогда не требовать, чтобы она разъясняла ему причины своих действий и поступков. Очарованный царь готов был принять любые условия, и началась счастливая жизнь молодой семьи. Но когда родился первый сын царя, его жена немедленно утопила ребенка в реке. Царь не посмел потребовать у нее разъяснений. И не требовал еще семь раз, когда она так же убивала его детей. Но вот родился восьмой сын, и его сердце не выдержало. Он вскричал, охваченный горем: «О, кто ты, губительница детей, и за что ты безжалостно лишаешь жизни моих потомков?» – «Ты нарушил свое слово, и я покидаю тебя. Знай же, что я Ганга, и я здесь исполнила волю небес. Эти наши дети были раньше богами, но за нарушение обетов святой праведности были прокляты – они должны были родиться как человеческие дети, и лишь смерть в водах Ганги могла дать им прежний облик. И вот теперь, когда они снова стали божествами, я расстаюсь с тобой навеки и буду опять великой рекой, а нашего восьмого сына ты воспитай как доброго справедливого царя». И она стала невидимой для взора своего супруга, но он преодолел боль разлуки с ней, назвав своего наследника Гангадатта, то есть Данный Гангой, и тот жил тысячу лет, заботясь о своих подданных.

О том, что человек может проявить свою власть над стихией, говорит один из эпизодов в мифах о Ганге. Разгорелась некогда великая битва между богами и демонами, и побеждаемые демоны спрятались на дне океана, укрывшись в его ямах и пещерах. Боги и их соратники не могли проникнуть в такие глубины воды и обратились за помощью к самому святому и почитаемому отшельнику, превосходящему даже богов силой своего духа. Он был наделен даром творить чудеса и откликнулся на призыв о помощи. Он одним духом выпил всю воду океана, обнажив его, и демоны были обезврежены. Но океан остался сухим и безводным,

и отшельник не мог наполнить его вновь, так как вся выпитая им вода превратилась в облака. И тогда все воззвали к полноводной и могучей Ганге, умоляя эту пресветлую богиню направить в океан мощное изобилие струй ее реки. И эта великославная светлая река хлынула широким потоком в огромную чашу осушенного океана и заполнила ее до самых краев. С тех пор и по сей день Ганга вливается в океан, поддерживая его жизнь.

Как, какими описательными средствами можно было отразить мысль, что жизнь зародилась в воде и пришла на сушу из глубин мирового океана? Наиболее, так сказать, наглядным живым существом, появляющимся из воды, является рыба, и именно она стала в индуизме символическим изображением рождающегося бога, приходящего в мир людей, бога, получившего имя Вишну. Это имя является производным от санскритского слова «виш», что значит «весь», то есть «все, весь народ» (в таком же смысле применяется это слово и в славянских языках – широко известно определение «грады и веси»). Вишну, как «бог для всех», принимает молитвы от каждого, вне зависимости от его места в социальной иерархии, и заботится о каждом живом существе. Как же он вышел из океана? Просто появился изо рта рыбы и ступил на сушу. Это его действие отражено на иконах, на деревенских глиняных фигурках, на самых разных картинках, росписи стен домов и т. д. Он известен всем и всеми любим. Его постоянно изображают в облике рыбы.

Изображения рыб и русалок встречаются повсеместно на бытовых и ритуальных предметах, и они воспринимаются как наиболее привычный символ рек и воды в целом.

Погребение в Джамне

Реки – средоточие жизни. Издревле возле них возводились города и поселки, к их берегам была привязана хозяйственная деятельность человека, по водам плавали лодки и корабли. Они перевозили людей и товары

Ямуна – персонификация реки Джамны

В Индии реки всегда были также и средоточием религиозной жизни.

Джамна – одна из великих священных рек. Тысячелетиями

несет она свои воды мимо Дели. Тысячелетиями на ее берегах бурлит активная жизнь народа, и наряду с этим течет тихая жизнь, особая, храмовая жизнь, – в молитвах и религиозных церемониях.

Богини рек, прудов и колодцев, богини дорог и перекрестков, богини болезней и страхов, богини угрожающие и благие, милостивые и карающие царили в душах людей и в храмах, требуя безоговорочной веры и почитания, готовности приходить в ужас и приносить жертвы.

Древнейшие эти культы живы и сейчас. Простой народ стекается к храмам богинь, жаждая, веря, умоляя и надеясь.

– Я как-то приехала в храм богини Кали на берегу Джамны, – рассказывает один из авторов книги. – Цветные флажки на высоких шестах развеваются у ворот этого храма, выходящих на оживленное шоссе. Перед храмом во дворе крытый алтарь – часовенка с изображением богини, и перед этим алтарем взрыхленная земля – место, где приносят кровавые жертвы – режут козлят и петухов. В самом храме тоже изображение богини – черная многорукая статуя в ожерелье из черепов и с высунутым языком – и масса мелких статуэток у ее ног и ярких литографий по стенам, изображающих других богов индуизма.

Страшные белые глаза горят – в пустые глазницы вставлены электрические лампы. Прихожане сидят на земляном полу перед жрецом, длинноволосым плотным мужчиной лет пятидесяти, и с непоколебимой верой исполняют все, что он велит. Подходят к нему поочередно, пьют воду, которую он наливает им в ладони, излагают в двух-трех скупых горьких фразах суть своей беды и, словно истинное озарение, словно божественную панацею от всех скорбей, повторяют слова короткой молитвы.

Так и не иссякает этот религиозный экстаз в душах миллионов бедняков Индии…

…За храмом богини Кали стоит храм Шивы, а невдалеке от него – храм бога-обезьяны Ханумана, рядом еще храм, и еще, и еще. Шмашан – место сожжения мертвых – расположен тут же, ниже по течению Джамны.

На этом печальном месте сооружено много невысоких каменных платформ. Некоторые из них под каменными же крышами, опирающимися на четыре столба, некоторые открыты небу. На каждой из платформ – куча золы. И то, что эти кучи не круглой, а удлиненной формы, и то, что в дотлевающих углях можно увидеть белые, рассыпающиеся кости, говорит о скорбном назначении этих платформ.

Умершего, обернутого пеленой и привязанного к носилкам, относят на плечах к реке, окунают прямо на носилках в воду –

последнее омовение, – потом отвязывают, сбрасывают верхнюю пелену, ее заберут себе служители шмашана, и перекладывают на длинные поленья на одной из платформ.

Отбрасывают с лица крап савана и кладут к губам кусочек дерева, смоченный в воде, снова закрывают лицо, присыпают тело землей и воздвигают над ним высокое сооружение из толстых сухих дров, похожее на двускатную крышу. Обкладывают эту крышу сухими щепками и соломой и дают в руки главному плакальщику палку с горящим пучком соломы на конце.

И вот этот человек – обычно самый близкий по мужской линии родственник покойного – должен обойти костер и своей рукой поджечь его со всех сторон.

Здесь можно видеть, как родственники быстро и деловито совершают все, что велит им долг по отношению к мертвому, и уходят, переговариваясь или – что совсем уже странно – пересмеиваясь по какому-нибудь поводу.

Я спросила одного нашего друга, как это может быть, что на шмашане родственники могут смеяться во время сожжения тела близкого им человека.

– Вы это видели?

– Да.

– А сколько лет было этому человеку? – ответил он вопросом на мой вопрос.

– Лет шестьдесят – шестьдесят пять.

– Ну конечно, они должны были смеяться. Они радовались.

– Чему, помилуйте?

– Как чему? Тому, что старый человек достиг такой счастливой смерти, – скончался в окружении своей семьи, видя свое потомство живым. Там, наверное, были и его сыновья, и внуки. – Вот если умирает кто-нибудь молодой, тогда обязательно плачут родные, и главным образом мать и жена. Или муж.

Кроме культа предков, существует еще вера в переселение душ. Цикл возрождений, «возвратов» на Землю, практически бесконечен. Эти возвраты могут быть карой и могут быть наградой. Если своими делами заслужите наказание в будущей жизни, вы будете возрождены в виде осла, собаки или червя и будете влачить жалкое существование во искупление своих грехов. Если же ваша жизнь праведна, вы сможете вернуться в облике еще более праведного человека и даже брахмана – «высшего среди живых существ».

Так сказано в священных книгах. В это верят. А значит, к чему бояться смерти, ведь она не навек.

Волшебство слоновой кости

Неповторимые изделия из слоновой кости обнаружены при раскопках на огромном ареале северо-западной части индийского субконтинента, то есть их родина – вся древнейшая цивилизация долины Инда!

Кришна и Радха. Статуэтка из слоновой кости

Вещи, выточенные или вырезанные из слоновой кости, во множестве найдены также во время проведения археологических работ в других областях Индии, где их датировка колеблется в

широких пределах, начиная от VII–V вв. до н. э. и кончая эпохой Средневековья.

Памятники литературы Индии самых разных исторических периодов содержат описания предметов из слоновой кости, из которых явствует, что этот материал использовался очень широко для изготовления вещей как бытового, так и чисто декоративного назначения. Из слоновой кости вырабатывали рукоятки мечей, сидения, троны, ножки для столиков и лож, надвратные и наддверные украшения, столбики для паланкинов и навесов, ширмы, ручки опахал и царских зонтов, женские и мужские украшения, фигурки богов, людей и животных, гравированные пластинки, шахматные фигурки и т. п. Все эти вещи дорого ценились и были в употреблении только в среде знати и зажиточных людей.

В «Артхашастре» указывается, что за похищение изделий из слоновой кости налагается штраф как за похищение ценных предметов и что перевозить эти вещи следует по лучшим караванным путям.

В соответствии с древними предписаниями слонов нельзя было убивать для добывания их бивней, но необходимо было содержать в заповедниках или отлавливать и обрезать бивни, «оставляя количество, равное объему основания бивней. (Бивни следует обрезать) каждые два с половиной года у слонов, происходящих из речной местности, и каждые пять лет – у слонов, происходящих из горных областей».

К началу XX в. определился круг вещей, который мастера продолжают в основном вырабатывать и в современной Индии. Из-за отсутствия спроса прекратилось изготовление таких предметов, как троны, ложа, паланкины или надвратные украшения, и повсеместно утвердилось производство мелкой пластики: коробочек и шкатулок, рамок, оправы для ручных зеркал, гребенок, женских украшений и других декоративных изделий.

Темами изображений часто служат сюжеты из мифов, особенно эпизоды из жизни бога Кришны: его детство, сражения с демонами, любовные встречи с Радхой, танцы с пастушками – «раслилы» и т. д.; часто эти изображения располагаются в обрамлении из тонко вырезанных переплетающихся цветов и листьев или на фоне пейзажа.

Кришна вместе с Радхой или без нее, а также Лакшми – богиня счастья и процветания, Сарасвати – богиня знаний, бог Шива со своей супругой Парвати и, реже, слоноголовый бог Ганеша – эти персонажи мифов повсеместно изображаются не только на разных предметах, но и в виде объемных скульптурных

фигурок или многофигурных композиций из слоновой кости. Часто воспроизводится и очень распространенный сюжет из «Махабхараты», изложенный в ее философской части, «Бхагавадгите»: Кришна, служивший в великой битве на Курукшетре, которая описывается в этом эпосе, колесничим одного из пяти царевичей Пандавов, Арджуны, поясняет ему смысл и цель этой битвы и необходимость преодоления всех внутренних сомнений и колебаний. Широко встречается и изображение главных героев другого эпоса, «Рамаяны», – Рамы, его жены Ситы и его брата Лакшмана (этих двух героев легко отличить по тому признаку, что они всегда изображаются с луками).

В число объемных композиций бытового содержания входят изготовляемые чаще на северо-востоке страны изображения крестьянина, едущего на крытой арбе, в которую запряжены два вола. Делают и фигурки женщин с кувшинами для воды, и фигурки танцовщиц.

Из животных изображают чаще всего слона или шествие слонов – один другого меньше (обычно их бывает семь или девять). Изображениями слонов, а иногда и других животных или птиц украшают и стенки декоративных ажурных или полупрозрачных фонарей, что представляет собой разновидность скульптурной резьбы – объемно-плоскостную скульптуру.

Особым видом обработки поверхности изделий из слоновой кости давно стала ее окраска или разрисовка цветными лаками. Рисунок из лака наносится по гравированному узору и имеет поэтому линейный характер. Для нанесения рисунка поверхность изделия покрывают воском, на нем прочерчивают требуемые линии и заливают эту поверхность соком лимона. Через определенный промежуток времени поверхность вновь заливается, на этот раз краской; когда краска высыхает, воск соскребают и поверхность изделия шлифуют, причем в линиях рисунка, протравленных соком, красящее вещество остается.

Окраска производится также кистью по поверхности изделия. Раньше использовали естественные красители, но в наше время все в большей и большей мере употребляют химические. Слоновая кость, добываемая в Индии, различается по своим качествам; лучшей считается та, что добывается в Ассаме. Есть разница и между бивнями одомашненных и диких слонов– первые более хрупкие и не так долго сохраняют изначальный белый цвет (это, видимо, зависит от состава пищи, которую домашние слоны получают не из леса, а от человека).

Весь процесс обработки производится вручную. Сначала бивень распиливают, отделяя его толстую, полую внутри часть

(эта полость у живого слона заполнена костным мозгом, и если бивни берут от живых животных, то спиливают их выше полой части); затем массивную среднюю часть отделяют от сравнительно тонкого конца бивня. Все эти части предназначаются для разного вида изделий: мелкие вещи и браслеты делают из верхней, тонкой части бивня, крупные фигуры – из средней, толстая, нижняя часть распиливается на пластины, на которых вырезают большие рельефные композиции.

Перед началом расточки с заготовки счищают верхнюю корку сероватого цвета, обнажая белое костное вещество. Расточка производится при помощи напильников, резцов и рашпилей разного калибра. Отбелку производят при помощи перекиси водорода.

Полировка производится либо меловым порошком, либо (на юге) при помощи толстой жилки листа хлебного дерева, смоченной в воде. Она шероховата, очень прочна, хорошо полирует кость и не оставляет на ней царапин.

Тонкие фигурные пластинки слоновой кости, как плоские, так и выпукло профилированные, как гравированные или окрашенные, так и обладающие чистой ровной поверхностью, используются в Индии и для инкрустации изделий из дерева или других материалов. В ряде областей Южной Индии такими пластинками принято украшать музыкальные инструменты. На севере и северо-западе страны их используют для инкрустирования деревянных предметов – главным образом поверхности декоративных столиков, ширм, рамок, крышек альбомов, шкатулок и т. п.

Из множества индийских центров по производству изделий из слоновой кости и по их сбыту внутри страны следует упомянуть Дворец слоновой кости в Дели, ряд центров на востоке Индии – в штатах Ассам, Западный Бенгал и Андхра-Прадеш, на западе – в Мумбае и на юге – в штате Керала.

Хиджра: полумужчины, полуженщины

Нат ко bhi suar khane ка haram he – «Нам свинину есть тоже грех», – обиженно отзываются в Индии проститутки и слуги из низких, презираемых каст, придерживающиеся мусульманской религии и соблюдающие связанные с ней пищевые запреты, если слышат в свой адрес грубые выкрики. Они ведь тоже люди!

Встреча с хиджра, все еще мало изученными этнологами, вызывает одно из самых сильных потрясений

Здесь до сих пор существует множество низких,

неприкасаемых, презираемых групп. Но к каждой из них относятся по-разному и презирают каждую по-своему.

Взять хотя бы прачек дхоби и цирюльников мата – их общественный статус низок, но их уважают. Ведь без их услуг невозможно было бы существование высших каст, не соприкасающихся с такой повседневной «прозой жизни», как стирка белья, бритье бороды, стрижка. Низкие касты, занимающиеся уборкой мусора, кожевенными работами, плетением корзин, разделкой туш, необходимы обществу. А вот полукриминальную касту сан-си, представители которой до сих пор промышляют воровством чужих животных, боятся и презирают все.

Но, пожалуй, одно из самых сильных потрясений вызывают хиджра, все еще мало изученные этнологами. О них в приличном обществе не принято говорить, интересоваться их жизнью.

– Первые рассказы о хиджра – странных людях, полумужчинах-полуженщинах, которые бродят по улицам городов Северной Индии, попрошайничают, занимаются проституцией, я услышала от моих русских друзей, уже много лет живущих в Дели, – рассказывает С. Рыжакова. – Дмитрий Змеев – профессиональный исполнитель индийского классического танца бхаратнатъям, ученик знаменитой танцовщицы Лилы Самсон, а Светлана Гатина – одна из немногих женщин, играющих на индийском музыкальном инструменте ситаре, изучает классический вокал традиции хиндустани. Инструктируя меня, как себя вести в городе, они рассказывали, конечно, и о хиджра, предупреждали: «Будь осторожна с ними! Эти люди действительно обладают магическими способностями».

Большинство хиджра считают себя занана (на урду это означает «женский, женоподобный», а также – «евнух»). Они имеют женский облик и одеваются «под женщин»: отпускают длинные волосы, носят сари, украшения, обильно пользуются косметикой. В сочетании с высоким ростом, иногда низким голосом, мускулистым телом это производит странное впечатление. Хиджра говорят на языках тех народов, среди которых проживают. Но их почти всегда можно узнать по специфической интонации и особому сленгу, в котором имеется множество пословиц, эвфемизмов, поэтизированных строчек. Бродя по городу, выпрашивая милостыню или выискивая клиента для сексуальных услуг, хиджра ведут себя очень нагло, попрошайничают, пристают ко всем окружающим, особенно к мужчинам.

Происхождение сословия хиджра, вероятно, очень древнее. О них есть сведения в тамильской литературе и в «Махабхарате»,

куда, как известно, вошло много местных, неарийских сюжетов.

В одном из эпизодов «Махабхараты» рассказывается, что Арджуна, один из братьев Пандавов, по жизненным обстоятельствам вынужденный скрывать свой пол, самопроизвольно превратился в женщину или ее подобие. Скрываясь при дворе одного царя, он проводил время на женской половине дворца среди царевен и их подружек, обучал их танцу. Там он носил женские одежды и украшения.

Нынче в многотысячную общину хиджра (считается, что их около 50 тысяч человек) входят гермафродиты, бисексуалы, евнухи, а иногда и люди без сексуальных отклонений. Можно сказать, что хиджра – социальная или религиозно-культовая, с отклонениями от физиологической нормы группа, своего рода каста, имеющая определенный, в целом очень низкий общественный статус, но в то же время пользующаяся специфическим уважением.

Рождаются гермафродиты, конечно, повсюду, но скапливаются они в основном в северных штатах – Панджаб, Харьяна, Раджастхан, Кашмир. Сексуальные услуги гермафродитов были широко распространены в период империи Великих Моголов: в них влюблялись, про них писали, им посвящали стихи, за ними ухаживали. После падения империи в историю ушли и знаменитые куртизанки тавайф – исполнительницы лирических песен – газелей, и занкха, или хиджра – танцоры и певцы при дворах, судьбы которых часто переплетались.

Другим источником пополнения общины хиджра, помимо гермафродитов, был, по-видимому, класс евнухов в придворной мусульманской культуре. В XVIII–XIX вв. хиджра и евнухи представляли собой разные общины: первые – индуистскую, вторые – мусульманскую. Однако в настоящее время хиджра – индуисты и мусульмане – живут вместе.

Численность хиджра в современной Индии точно не установлена, но замечено, что она не снижается.

Хиджра – непременные участники многих религиозных праздников, свадебных и родильных обрядовых действий. Но, как и другие ачхут – «неприкасаемые», – они не входят в магазины, больницы, гостиницы, другие государственные учреждения. У них почти никогда нет паспортов, они фактически не имеют права голоса на выборах. Более того, неофициально им даже запрещено ездить в общественном транспорте. Если водитель и кондуктор посмотрят на это сквозь пальцы, то на вошедшую в автобус хиджра могут наброситься сидящие там женщины, обругать и вытолкать вон.

Известны три вида представителей этой общины. Это хиджра – мужиковатые существа, имеющие женскую грудь и женские половые органы, но грубый низкий голос, мощные мышцы, резкие черты лица. Хиджра – женственные гермафродиты, внешне больше похожие на девушек, они часто не занимаются проституцией, но поют и танцуют. Наконец, аква-хиджра – это гермафродиты, имеющие мужские половые органы.

Община хиджра делится на значительно различающиеся в социальном отношении группы. Их четыре, и они по-разному зарабатывают себе на жизнь.

Высокие группы исполняют танцы, их приглашают на празднование рождения и свадьбу, где они благословляют новорожденного или молодую чету, поют и танцуют и где получают дары – бадхаи, обычно деньги, сладости, одежду и зерно. Выступления хиджра несут в себе отчетливую символику плодородия. Средние группы поют и пляшут на площадях и рынках, прислуживают в домах, даже работают поварами. В некоторых городах Индии хиджра владеют общественными банями.

Низкие группы исполняют грязную работу по домам, самые нижайшие – воруют, занимаются вымогательством, выпрашивают милостыню у прохожих, пассажиров в поездах, в магазинах (за распределением собранных средств следят старшие), приводят клиентов к проституткам.

В настоящее время хиджра выступают с танцевальными представлениями на выставках, презентациях, праздниках в колледжах, снимаются в художественных фильмах.

Главный принцип социальной организации хиджра – отношения между гуру (учителем) и челли (воспитанницей, ученицей). Эта модель существует в индуистской семейной организации и в системе духовного наставничества в индуизме.

Гуру понимается как отец, мать или супруг, челла или челли обязаны ему подчиняться, выказывать уважение. Ученицы одного учителя – словно сестры между собой. Хиджра часто называют друг друга диди – «старшая сестра».

Хиджра примыкают к общине под покровительством какого-либо гуру, который в идеальном случае остается таковым на всю жизнь (хотя существует и несколько осуждаемая практика смены учителя, что оформляется небольшим обрядом и выплатой денежной суммы старому учителю).

«Учителя» и «ученики» составляют «дома», сходные с кланами. Таких домов у хиджра насчитывается по меньшей мере семь. Главы домов образуют джамат – совет старейшин, который вершит важные для общины дела, принимает новых членов,

разрешает конфликты. «Дома» хиджра не находятся в отношении подчинения, иерархии, но каждый имеет собственную легенду, историю происхождения, свои поведенческие нормы. Когда хиджра умирает, похороны организуют члены его «дома».

В последнее время хиджра стали заявлять о себе в обществе. У них существует, хотя и весьма слабая, общеиндийская ассоциация, которая собирается в случае юбилеев или смерти наиболее выдающихся, известных гуру. Появились даже своя партия и профсоюз. В Бомбее организовали государственную службу хиджра, занимающуюся сбором налогов и взиманием долгов. Через некоторое время было отмечено, что работает она чрезвычайно успешно: традиционно индиец никогда не откажет хиджра, это чревато самыми плохими для него последствиями.

Правда, есть и другая примета: если проходящая мимо дома хиджра присела на порог – это приносит в дом радость, процветание.

Большой интерес всегда вызывает сексуальная жизнь хиджра. Здесь есть два полюса. С одной стороны, имеются свидетельства об их целомудрии или импотенции, связи с божеством. С другой стороны, хорошо известно, что они заняты в проституции.

Повседневная жизнь хиджра связана с «домохозяйством» – коммуной, объединяющей обычно от пяти до пятнадцати человек под одной крышей, под управлением гуру или домохозяина. Все члены семьи должны заботиться о ежедневном заработке, распоряжается которым гуру. Пожилые или больные люди выполняют посильную, обычно домашнюю работу, присматривают за детьми.

Человек, изгнанный из общины (например, за нападение на учителя), лишается средств к пропитанию, не имеет больше возможности продолжать привычную ему работу.

Сила воздействия хиджра на индийцев, их особая сексуальная роль могут быть поняты только в контексте индуизма. Здесь очень значима тема божественной энергии существа, соединившего в себе мужское и женское начало. Хиджра идентифицируют себя с Шивой – амбивалентной фигурой в индуизме, объединяющим в себе (как и сами хиджра) сексуальность и аскетизм.

Главный религиозный объект почитания хиджра – Бахучара мата – одна из локальных форм Дурги, богини-матери индуистского пантеона. Хиджра считают себя орудием этой богини, главный храм которой находится в Аллахабаде (штат Гуджарат). Бахучара мата восседает на ваханс – ездовом животном в виде курицы или петуха. Все домохозяйства хиджра имеют алтарь с изображениями этой богини, которой

поклоняются ежедневно.

Богам индуистского пантеона посвящают хиджра свою необычную сексуальность, таланты и искусство.

(По материалам С. Рыжаковой, журнал «Восточная коллекция»)

Ветер на побегушках

Человек перестал ждать милостей от природы, очевидно, с того момента, когда стал человеком и этим выделил себя из животного мира. Он усилил свои руки топором и молотком, защитил тело от холода шкурами и стал укрываться от непогоды в хижине. Человек научился выращивать злаки и приручил животных. Он стал использовать силу воды, жар солнца и скорость ветра

Руины Мохенджо-Даро

В жарких странах ничто не может умерить зной так, как свежий ветер. Но как загнать его в жилище, чтобы он создавал там равномерную приятную прохладу?

Самые разные приспособления для ловли ветра обнаружены в древнеиндийском городе Мохенджо-Даро, который существовал на рубеже III и II тысячелетий до нашей эры. Сами дома с сооружениями для отлова ветра, конечно, не сохранились, но многочисленные изображения их на глиняных печатях вызывали недоумение у археологов. Даже один из лучших знатоков Мохенджо-Даро, доктор Баннерджи, не смог сразу разобраться: что это за высокие дома без окон, с какими-то шкафами на плоских крышах?

Доктор Баннерджи был родом из совсем другого района, зато

подсобных рабочих, набранных в окрестных деревнях, странные сооружения не удивили ни в малой степени.

– Это для ветра, – объяснили они. – Чтобы в доме было прохладно.

И, видя недоумение доктора, десятник Агзам Хан повез его в ближайший городок Тхатту. На его окраинах доктор Баннерджи увидел точно такие же дома, что и на мохенджодарских изображениях: высокие, без окон – как элеваторы, с какими-то этажерками на плоских крышах. В каждой «этажерке» чернело отверстие, обращенное в сторону моря.

– Мангхи, – объяснил Агзам Хан. – Ветер ловит.

Отверстие могло быть открыто или закрыто, в зависимости от направления ветра. Если ветер чересчур сильный, заслонка задвинута наполовину. Воздух поступает внутрь, в низкую чердачную каморку, где стоят глиняные плоские чаны с водой, и, когда сухой горячий ветер попадает туда, вода начинает испаряться. Температура в каморке заметно понижается, и, поскольку холодный воздух тяжелее теплого, по сложной системе отверстий, просверленных в толстых стенах, он опускается в жилые помещения.

На улице было градусов сорок, а в этих домах царила приятная прохлада. Это относилось, впрочем, только к глинобитным старым домам без окон, ради которых и приехал в Тхатту доктор Баннерджи.

У богатых местных жителей дома традиционного типа популярностью не пользовались и престижными не считались. Но продукты, которые портились в мощных холодильниках, прекрасно сохранялись под плоскими крышами окраины.

Нашли немолодого мужчину, который не один десяток лет строил мангхи в Тхатте и окрестностях, убедили его съездить на раскопки Мохенджо-Даро. Мастер смог объяснить археологам массу тонкостей в особенностях вентиляции древнейшего из городов Земли так, словно строил его если не он, то по крайней мере его отец или дед.

А может быть, так и было? Может быть, прапрапредок мастера точно так же, как он, резал из глины кирпичи, долбил проходы для воздуха, определял направление ветра в Мохенджо-Даро?

Только сейчас начинают проявляться связи обитателей Мохенджо-Даро с древним Двуречьем, со Средиземноморьем. На восточном побережье Африки, в старинных кварталах, сохранились кое-где глиняные дома с вентиляцией, напоминающей индостанскую. Есть нечто подобное по техническому решению и в Индокитае.

(По материалам Л. Минца)

Что едали и пивали люди индийские

Китайский путешественник Фа-сянь, в начале V в. посетивший Индию, отметил, что ни один уважаемый человек здесь не ест мяса и его употребление ограничивается низшими кастами. Вероятно, он преувеличивал, но, конечно, к этому времени многие индийцы из высших слоев стали вегетарианцами

Традиционные блюда индийской кухни

Рост вегетарианства был явно связан с доктриной ненасилия, возникшей задолго до Фа-сяня. Известная еще в период упанишад, она была детально разработана буддизмом и джайнизмом. В значительной степени благодаря этим религиям постепенно в Индии перестали практиковать большие ведийские жертвоприношения, при которых закалывали большое количество животных и их мясо съедали.

Царствование Ашоки знаменовало поворотный момент в развитии вегетарианства, так как он поощрял его личным примером и прямо запретил убийство многих видов животных. Но «Артхашастра» относится к употреблению мяса в пищу как к совершенно обычному явлению и излагает правила содержания боен и сохранения мяса.

Только с развитием буддизма махаяны и неоиндуизма получило широкое распространение строгое вегетарианство. Но и

тогда охота и мясная пища были приняты в воинском сословии, а тантрические культы Средних веков восстановили в новой форме практику жертвоприношений животных и употребление мяса.

Мы располагаем рядом свидетельств о существовании науки кулинарии, которой не гнушались даже цари, но ни одного древнего наставления по искусству приготовления пищи не сохранилось. Из литературных источников известно, что кулинария древней Индии почти не отличалась от современной. Мясо и овощи точно так же приготовляли в соусе карри и подавали с рисом. Карри и рис ели с лепешками из муки, современными чапати, и запивали водой, молоком или простоквашей. Излюбленным средством для приготовления пищи было топленое масло; на нем жарили и им же щедро поливали приготовленное блюдо. Бедняки часто заменяли топленое масло кунжутным или горчичным.

Некоторые пищевые продукты, ныне широко распространенные в Индии, были завезены в XVI или XVII в. из Америки португальцами. Наиболее достопримечательный из них – чили (или чилли), или красный перец, столь характерный для южноиндийской кухни. Другим нововведением XVII в. был бринджал, или баклажан, а также, конечно, картофель и кукуруза, или маис. Разнообразные фрукты и сласти были так же распространены, как и в наши дни, однако некоторые современные индийские лакомства, например джалеби, появились только вместе с мусульманами.

«Артхашастра» дает наставления о производстве под контролем государства алкогольных напитков и приводит несколько кратких и загадочных рецептов, свидетельствующих о существовании многочисленных крепких напитков, часть которых в настоящее время забыта. Среди них названы рисовое пиво, пиво из муки, приправленное пряностями, вино из лесных ягод, майрея, приготовлявшаяся из сахара-сырца, коры дерева мешашринга и перца, а также вино из манго. Виноградное вино гнали на северо-западе и вывозили в небольших количествах в остальную Индию. На юге основным алкогольным напитком был тодди, перебродивший сок пальмиры или кокосового ореха, часто упоминаемый в ранней тамильской литературе.

«Артхашастра» предлагает назначать «надзирателя за питейным делом» не только для контроля над продажей и потреблением алкогольных напитков, но и для организации их производства.

В тексте также предлагается полностью запретить продажу алкогольных напитков «на вынос». Кабаки часто давали приют преступникам, и царским соглядатаям рекомендовалось

бдительно наблюдать за ними. «Артхашастра», по-видимому, считает пьянство злом, которое полностью запретить нельзя, но которое следует строго контролировать.

Сома – древнейшее пиво?

Неоднократно в трудах индийских историков в формирующемся в древности смешанном индийском обществе, состав которого определялся соотношением арьев с доарийскими жителями Индии, указывается, что такой напиток, как пиво, был неизвестен индийцам до прихода в страну арьев

Но во всей ведической литературе постоянно упоминается некий пьянящий напиток «сома», который был известен с древнейших времен и играл важнейшую роль в ритуальных действиях арьев, что отражено в самых древних гимнах «Ригведы». В те наидревнейшие времена, которые точнейший переводчик «Ригведы», Б.Г. Тилак, именует эпохой пребывания предков арьев в Арктике (т. е. эпохой последнего межледниковья на нашей планете), этот напиток-сома подносился в жертву богам. Сому возливали на жертвенники и в изобилии вкушали жрецы, проводящие ритуалы. В процессе приготовления использовали некое растение «сому», смешивая его с перетертым зерном ячменя и добавляя мед. В гимнах упоминается процесс прогревания и сильного бурного брожения, а также отстаивания смеси и процеживания ее через солому. Вспомнив способ варки пива в русских деревнях, невольно сопоставляешь сому с пивом, что подтверждается еще и описаниями картин опьянения жрецов, поглощавших его в больших количествах «ради увеличения силы бога, борющегося с тьмой».

Эти мысли могли бы выглядеть абстрактными, если их не подкрепляли бы два главных факта. Первый – это сравнение варки сомы с процессом домашней варки пива в деревнях. Второй – это точные указания в книге индийского историка Рахулы Санкритьяяны, который в своей работе «От Волги до Ганга» рассказал, как варили сому на стоянках кочевых скотоводов арьев в годы их продвижения к Индии из северных областей Восточной Европы.

Он описывает не только аналогичные «Ригведе» приемы этой варки, но, хорошо зная навыки своих древних предков, рассказывает, как они готовили «крепкую сому» и напивались иногда до того, что могли даже не заметить, как угоняют их скот. И еще тут следует указать на один вспомогательный метод расшифровки сути напитка сомы – нам следует вспомнить о доказанном наукой близком, почти родственном сходстве языка арьев, санскрита и славянских наречий. Нельзя здесь не привести очень выразительный пример совпадений, который явно

указывает на то, что в русском, например, языке и в санскрите чрезвычайно близки слова, определяющие не только процессы глубочайшей древности, но и те из них, от которых зависит физическая жизнь человека.

Остановимся сразу на том, что древний глагольный корень обоих языков «пи, па» означал процесс питья и поглощения пищи, т. е. питание. Даже в этих приведенных словах мы видим слог «пи», а если шире взглянем на развитие его роли, то встретимся со значительным расширением его участия в словообразованиях; а именно: «питание», «питатель», «воспитание» и соответственно «воспитатель».

Слова «пить, испивать, выпивать, напиваться» и т. д. и т. п. хранят в себе память о той глубине веков, в которой наши общие предки не только знали питье как чистую воду, но и умели готовить очень действенные выпивки, важнейшей и самой распространенной из которых стало – пиво. Этот напиток пронес свою привлекательность сквозь многие века и равно стал известен как во всех странах Европы, так и в далекой Индии, где берегут память о его древней роли, сохраняя описания в гимнах «Ригведы».

В заключение следует напомнить и о том, что в индоевропейских языках прослеживается взаимная заменяемость звуков «с» и «х», а сочетание «см» в слове «сома» недвусмысленно уподобляется сочетанию «хм» в слове «хмель», и думается, что это открытие ученых без труда заставит подумать о том, что применяемым для варки сомы растением был широко известный хмель.

Расколоть кокос…

Огромный кокосовый орех падает и ударяется о скалистый склон, или о мраморную ступень храма, или о декоративный каменный цветок, или о старую каменную зернотерку. Он раскалывается на половинки, обнажая нежную белую мякоть, а наполняющая его жидкость растекается, пропитывая собой песок или увлажняя камень…

Кокосовая пальма – одно из самых распространенных тропических растений

Мы увидим такое и на домашней кухне Малайзии и Индии, когда хозяйка собирается готовить кисло-сладкую и пряную приправу, и в большинстве индуистских храмов во время богослужения, когда люди приносят божествам дары.

Кокосовая пальма (Cocos nucifera) относится к семейству пальмовых (Arecaceae) и является одним из наиболее распространенных тропических растений. И все же растет она далеко не везде. Ее родина – Юго-Восточная Азия, территория Филиппин, Индонезии, Малайзии, а наиболее излюбленные места обитания – приморские низменности, где почва богата подземными водами.

Кокосовые орехи могут путешествовать морским путем самостоятельно, без помощи человека. Издревле «переправляясь» на волнах океанов, они распространились в Океании, Южной

Азии и Африке. В другие же, нетропические страны кокосы проникали уже благодаря торговле. Первые упоминания о кокосовых орехах – наряду с бананами, хлебным деревом и другими фруктами и овощами – в письменных источниках Индии содержатся в джайнских и буддистских сочинениях, составленных, возможно, в IV в. до н. э. Марко Поло (XIII в.) был одним из первых европейцев, описавших кокосовые орехи.

Кокосовые пальмы украшают морские побережья Южной и Юго-Восточной Азии. Стройный изящный ствол дерева возвышается обычно на 20–25 метров. Цвести и плодоносить пальма начинает с пяти лет, полной же зрелости достигает к 15 годам. Пальма живет обычно около 50 лет и приносит ежегодно до 100 орехов, но обычный урожай – 50. Плоды зреют в течение года. Их твердая скорлупа с тремя мягкими «глазками» – порами, ведущими к трем семяпочкам, из которых одна развивается в семя, – скрывает маленький зародыш, окруженный жидкостью.

В хозяйстве используются все части кокосовой пальмы: строительный и отделочный материал, сырье для изготовления утвари и инструментов, пищевые и парфюмерные продукты, наконец, топливо.

Мякоть кокосового ореха, жидкость и масло занимают очень важное место в кухне народов Индонезии, Малайзии и многих областей Индии. В недозрелом орехе используется съедобная мякоть и жидкость; из жидкости путем сбраживания и закисления делают уксус. Из мякоти выжимают ценное масло, которое применяют в парфюмерии для изготовления мыла, шампуней, конечно, в кулинарии, а также в производстве – например как пластеризатор стекла.

Из сока пальмового ствола делают пальмовое вино. Цветы, срезаемые с верхушки, идут в салат, из их сока получают сахар, сироп и вино. Фибра, устойчивая к соленой воде, используется для изготовления шнуров, канатов, щеток, циновок. Скорлупа – для выделки утвари. Из пальмовых листьев плетут циновки, корзинки, из ствола и скорлупы вырезают письменные принадлежности.

Но, кроме практической пользы, кокосовые орехи всегда имели также и символическое значение.

Индийская мифология связывает происхождение кокоса с мудрецом Вишвамитрой. Он создал это дерево высоким, прямым и стройным, чтобы поддержать своего друга царя Тришанку в тот момент, когда его выбросили из небесного царства Индры.

В Индии кокосовые орехи весьма почитают в Гуджарате и Карнатаке как символ плодородия, и храмовые священники вручают их женщинам, желающим иметь сыновей. В Гуджарате

невеста дарит кокос жениху во время свадебной церемонии, и тот сохраняет его в течение всей жизни как память об этом радостном моменте. Жители штата Карнатака почитают кокос как семейное божество. Члены касты пробху во время брачной церемонии несколько раз вертят кокос над головой жениха, затем разбивают его и разбрасывают кусочки во все стороны (что предотвращает действие злых сил).

В древности одной из высших жертв богам и духам считалось раскалывание человеческого черепа – средоточия жизненной и магической силы человека. Высвобождаясь, эта сила, равно как и душа, пропитывала собою все окружающее пространство – словно жидкость из кокосового ореха.

В Северной Индии, например, голову умершего святого, санньясина, обычно разбивали кокосовым орехом, чтобы его жизненная сила (прана) могла свободно выйти из брахмарандхры – отверстия в голове.

Священное отношение к кокосам, возможно, связано с тем, что кокосовые орехи напоминают человеческую голову. Именно эти плоды красиво и адекватно заменили человеческие жертвоприношения. Кокосовый орех стал символическим «заместителем» человеческой головы, да и всего человека в целом.

Особенно высоко почитается кокосовый орех в индуизме. Это произошло тоже, вероятно, благодаря некоторому его сходству с головой человека.

В индуистских храмах наряду с цветами, благовониями и пищей люди приносят в жертву кокос. Орехи постоянно используются для подношения Шиве и Ганеше. Их разбивают у подножия божества или на балипитха – специальном камне сферической формы или в виде цветка, расположенном обычно напротив алтаря.

Пожалуй, пика почитания кокосовый орех достигает во время паломничества к богу Айяппе, Айяппану или Маникантхе в Керале.

Культ Айяппы сложился здесь относительно недавно. Однако к этому сыну двух мужских божеств – Шивы и Вишну – обращаются не только индуисты, но также и христиане, мусульмане, представители других религиозных конфессий.

Главное паломничество совершается в январе – феврале, когда тысячи людей устремляются в небольшое святилище Айяппы на горе Шабаримала, находящееся в холмистой лесной местности около реки Памба, в дистрикте Патанамтитта. Эти люди – среди них есть и мужчины, и женщины, хотя женщины детородного возраста не имеют права приближаться к самому

храму и остаются в маленькой деревушке на берегу Памбы, – облачены в черные одежды, иногда подпоясаны зелеными поясами и всегда носят длинные шиваитские четки, а также другие амулеты и знаки отшельников. В течение 41 дня они соблюдают строгий пост (враттам) – спят только на циновках на полу, не употребляют алкоголя и других возбуждающих средств, не имеют сексуальных отношений, воздерживаются от многих видов пищи.

Перед тем как начать путь в Шабарималу, адепты – свами, или Айяппаны, приходят в храм к гурусвами – учителю и наставнику, который дает им благословение на паломничество и вручает ирумути. Это специально сшитый матерчатый мешок, состоящий из двух отсеков, который паломник положит себе на голову и будет нести всю дорогу, лишь изредка снимая во время привалов.

Задняя часть мешка, свешивающаяся на шею и верхнюю часть спины, наполнена личными вещами адепта, в основном съестными припасами, постепенно расходуемыми в ходе путешествия. В переднюю же часть кладутся предметы, необходимые для богослужения в храме. Там же может лежать невскрытый кокосовый орех, который адепт обычно разбивает на одной из 18 ступеней храма, ведущих к образу божества: чем больше раз человек уже совершил паломничество, тем на более высокой ступени он разобьет свой орех.

Самым главным содержимым ирумути является кокосовый орех, у которого пробит один глазок, сцежена влага, а вместо нее внутренность ореха заполнена очищенным топленым маслом. Отверстие после этого затыкают пробкой, а на два других глазка наносят красные и желтые точки. Этот орех символизирует тело и, в частности, голову паломника. Вскрытый глазок напоминает об открытом всему миру «третьем глазе» Шивы, он свидетельствует о духовной пробужденности адепта, два других означают «солнечный» и «лунный» глаза Шивы. Топленое масло означает душу человека. Миф повествует, что сам Айяппа отправился в лес добывать тигриное молоко для своей мнимо больной мачехи и взял с собой только кокосовый орех, наполненный очищенным топленым маслом.

Когда адепт достигает храма, входит в главную святыню обители и лицезреет образ Айяппы, он, наконец, разбивает орех – приносит в жертву свое тело, свою голову, и струи золотистого масла орошают статую Бога. Этот обряд символизирует уничтожение бренного тела и долгожданное слияние души человека и личности Бога.

(По материалам С. Рыжаковой, «Восточная коллекция»)

Как и где родилась росголла

В истории каждого народа бывают периоды особого подъёма, взлёта в разных областях, периоды, которыми ещё долго гордятся и которые утешают национальное сознание много позже, когда гордиться бывает уже нечем. Для бенгальского народа таким временем стал XIX в., особенно вторая его половина, которую бенгальцы без ложной скромности сразу назвали Бенгальским Возрождением

Росголла – знаменитое блюдо бенгальской кухни

В те десятилетия Калькутта, столица Британской Индии, процветала. Бенгальцы диктовали моду во всём – от философии до театра. Вот только бенгальская кулинария ничем особенным не славилась: до кухни ли дело тем, кто озабочен высокими помыслами и великими идеалами? Но если дух творчества царит повсюду, то почему бы и кулинару не ступить на трудный и рискованный, но такой заманчивый путь поиска?

Это сделал Нобин Чандра Дас, скромный владелец маленькой кондитерской лавки в Багхбазаре, районе на севере Калькутты. По ночам он, подобно средневековому алхимику, начал что-то варить, парить, искать новые ингредиенты и соединять их в нужных пропорциях.

Результатом его двухлетних поисков стала росголла (или

росоголла). Рос – по-бенгальски значит «сок», а голла – «шарик». Нобин использовал в качестве основного компонента росголлы не муку и дала (вид бобовых), а мягкий домашний сыр, или, по-нашему, – творог. Круглые творожные шарики, сваренные в сахарном сиропе, – такова новая бенгальская сласть, имеющая не только законного отца-создателя – Нобина Даса, но и место рождения – Багхбазар, а также дату – 1868 г.

Самым большим поклонником росголлы стал Махарадж Ракхал, он же Свами Брахмананда, первый президент открывшейся в 1897 г. в Калькутте миссии Рамакришны, религиозно-просветительского и благотворительного отделения ордена Рамакришны.

Махарадж Ракхал будто бы сказал однажды: «Нобин отрезал наши языки и взял их в заложники». Языки монахов оказались побеждены росголлой, но не только.

После успеха «сладких шариков» Нобин Дас не прекратил экспериментов. Он придал новый вкус и разнообразил самую любимую бенгальцами сласть – шондеш, добавляя в него фруктовое пюре, изюм, шафран, фисташки. Шондешем бенгальцы наслаждались веками, ничего не меняя в рецепте его изготовления. Но нововведения Нобина Даса приняли.

Нобин Чандра Дас умер в 1925 г. Умер богатым, уважаемым и знаменитым. Основанное им дело процветало, а росголла, его любимое детище, прочно заняла место в бенгальской национальной кухне. Росголла завершает обед, её подают к чаю, ею можно просто перекусить.

Лавка и рецепты Нобина Даса после его кончины перешли к сыну – Кришне Чандре Дасу. В 1930 г. безымянная отцовская лавка расширилась и стала именоваться «Кондитерская Кришны Чандры Даса». Главным товаром в ней оставалась росголла и многочисленные модернизированные шондегии, но Кришна Дас создал и собственные сласти, в частности, росмалай – разновидность росголлы.

В 1934 г. Кришна Дас умер, передав дело своему сыну Шараде Чарану Дасу. Внук Нобина-мойры оказался не худшим предпринимателем, чем дед и отец. Если дед был автором росголлы, то внук создал сеть магазинов и первых индийских кафе.

Шарада Дас в 1937 г. даже съездил в Японию, откуда вернулся с фарфоровой посудой для этих кафе. Индийские сласти традиционно продавались в пальмовых листьях – экологично, но непрактично. Шарада Дас первым стал паковать сладкий товар в картонные коробки, застеленные пергаментной бумагой, – на вынос.

Придуманная Нобином Дасом росголла уже почти полтора столетия считается национальной бенгальской сластью. Об авторстве вспоминают немногие, разве что наследники изобретателя, владельцы процветающей фирмы «К.С. Das» («Кондитерские Кришны Чандры Даса»). Не существовало во времена создания росгаллы юридической защиты интеллектуальной собственности. Может быть, и хорошо, что не существовало, иначе росголла не распространилась бы с такой быстротой. Сейчас росголла производится и другими, большими и маленькими, кондитерскими фабриками, готовится в кафе и национальных ресторанчиках. Простота рецепта позволяет хозяйкам стряпать её дома. Росголла, пожалуй, – самое бенгальское из всех бенгальских угощений, а любовь к ней – непременный атрибут бенгальской культуры.

И куда бы ни уезжали бенгальцы – а с XIX в. они стали активно переселяться из Бенгалии в другие районы Индии, потом же и вовсе за границу, – всюду за ними следовала их любимица.

Однако сочный шарик не так просто переправить на другой край света. Значит, что-то нужно придумать и для сохранения дорогого подарка. В 1930 г. сын Нобина-мойры, Кришна Чандра, основатель фирмы «К.С. Das», представил изумлённым покупателям жестяные банки со сладкими консервами – их любимой росголлой. Кстати, это был первый консервированный десерт в Индии. Новинка пошла, что называется, на ура. Пожилые бенгальцы, собирающие в дальний путь своих образованных сыновей, обязательно укладывали им в чемодан хотя бы одну банку росголлы – маленький сладкий кусочек родины на горькой чужбине!

(По материалам И. Прокофьевой, журнал «Восточная коллекция»)

Калейдоскоп древностей

Что погубило Мохенджо-Даро?

Археологов давно волнует тайна города Мохенджо-Даро, погибшего 3500 лет назад. В 1922 г. индийский археолог Р. Банарджи обнаружил на одном из островов реки Инд древние руины. Их назвали Мохенджо-Даро, что в переводе означает «Холм мёртвых». Как был разрушен этот большой город, куда подевались его обитатели?

Фигурка танцовщицы из Мохенджо-Даро

Гипотезы археологов о причинах гибели Мохенджо-Даро

были разные. Весьма необычную версию высказали англичанин Д. Девенпорт и итальянец Э. Винченти. Они утверждают, что Мохенджо-Даро пережил судьбу Хиросимы!

Катастрофа в Мохенджо-Даро наступила внезапно. Гипотеза о наводнении весьма заманчива – город-то стоит на острове посреди полноводной реки. Но… в руинах не найдено следов разгула водной стихии. Более того, есть неоспоримые данные, говорящие о массовых пожарах. Эпидемия? Она не поражает людей внезапно и одновременно. А именно так и было – это подтверждается расположением скелетов. Палеонтологические исследования также отвергают гипотезу эпидемии. С полным основанием можно отвергнуть и версию о внезапном нападении завоевателей: ни на одном из обнаруженных скелетов нет следов, оставленных холодным оружием.

Авторы «ядерной» гипотезы обращают внимание на другие подробности, которые заслуживают обстоятельного анализа. Среди руин разбросаны оплавившиеся куски глины и различных металлов, которые в своё время быстро затвердели. Анализ образцов, проведённый в Римском университете и в лаборатории Национального совета исследований Италии, показал: оплавление произошло при температуре 1400–1500 градусов! Такая температура в те времена могла быть получена в горне металлической мастерской, но никак не на обширной открытой территории.

Зато в Мохенджо-Даро есть следы особого рода. Если внимательно осмотреть разрушенные здания, создаётся впечатление, что очерчена чёткая область – эпицентр, в котором все строения сметены каким-то шквалом. От центра к периферии разрушения постепенно уменьшаются. Наиболее сохранились окраинные строения. Словом, картина напоминает последствия атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки!

Мыслимо ли предположить, что таинственные завоеватели долины реки Инд владели атомной энергией? Впрочем, в индийском эпосе «Махабхарата» говорится о некоем «взрыве», который вызвал «слепящий свет, огонь без дыма», при этом «вода начала кипеть, а рыбы обуглились». Что это – просто метафора? Д. Девенпорт считает, что в её основе лежат какие-то реальные события…

Подавляющее большинство учёных отнеслось к новой гипотезе скептически. Действительно, версия Д. Девенпорта и Э. Винченти кажется невероятной, но всё-таки она имеет право на существование.

Среди экспонатов одного из музеев города Дели есть

небольшая статуэтка из темного металла. Только что закончив танец, застыла, гордо подбоченясь, нагая девушка. Уверенная в успехе, она словно ждет восхищенных аплодисментов от зрителей. Левой рукой, от запястья до плеча унизанной браслетами, танцовщица оперлась о колено, не без кокетства показывая, что она немного устала, – то ли от танца, то ли от тяжести браслетов.

Эта статуэтка была найдена при раскопках Мохенджо-Даро – одного из древнейших городов мира. В 1856 г. на территории нынешнего Пакистана, у небольшой деревушки Хараппа, археолог А. Каннингэм нашел камень цвета слоновой кости, на котором были высечены горбатый бык и неизвестные знаки, отчасти напоминавшие иероглифы.

Холм, где обнаружили эту находку, был буквально «сложен» из красного обожженного кирпича, которым много лет пользовались строители железной дороги и крестьяне окрестных деревень. Так постепенно исчезал с лица земли один из уникальных городов древности – Хараппа.

И только в начале 1920-х гг., после открытия города Мохенджо-Даро, мир узнал о существовании в долине Инда древнейшей цивилизации. Мохенджо-Даро отдален от Хараппы на расстояние почти 3000 километров, но оба города имеют между собой много общего. Разница заключалась лишь в том, что Мохенджо-Даро сохранился лучше.

Некоторые ученые и археологи, устремившиеся сюда из многих стран мира, долго отрицали самостоятельность индийской цивилизации в этом районе, считая ее восточным вариантом шумерской культуры. Другие исследователи, наоборот, полагали, что Хараппа и Мохенджо-Даро не были похожи на своих ровесников из Элама, Шумера и раннединастического Египта. У городов Двуречья была иная планировка, а строительным материалом служил кирпич-сырец. Только с постепенным освобождением из-под земли новых кварталов и строений миру явилась цивилизация, которую теперь называют протоиндийской.

До середины 1960-х гг. ученые считали, что Мохенджо-Даро не имел укреплений, хотя за 15 лет до этого английский археолог М. Уилер расчистил сооружения, которые можно было бы принять за оборонительные. Цитадель, располагавшаяся в центре Мохенджо-Даро, когда-то была обнесена мощными крепостными стенами толщиной 9 м.

От цитадели широкая прямая улица вела к зданию, которое ученые назвали «Залом заседаний». Рядом с ним размещалось вместительное зернохранилище, а неподалеку, на массивном

кирпичном фундаменте с вентиляционными проемами, когда-то высилось двухэтажное строение из гималайского кедра.

За стенами цитадели размещался нижний город, состоявший из кирпичных домов с плоскими крышами, которые одновременно служили и балконами. Здания возводились из кирпича, который обжигался в открытых ящиках, как и до сих пор это делают индийские крестьяне. Дома в Мохенджо-Даро достигали высоты 7,5 м, вместо окон в них делались вентиляционные отверстия с решетками из глины и алебастра.

В каждом квартале были общественные колодцы, превосходная для того времени система канализации и водопровод, по которому подавалась на вторые этажи зданий нагретая солнцем вода. В Мохенджо-Даро была и большая общественная баня с кабинами и детским отделением.

Большую часть домашней утвари жители Мохенджо-Даро делали из меди или бронзы.

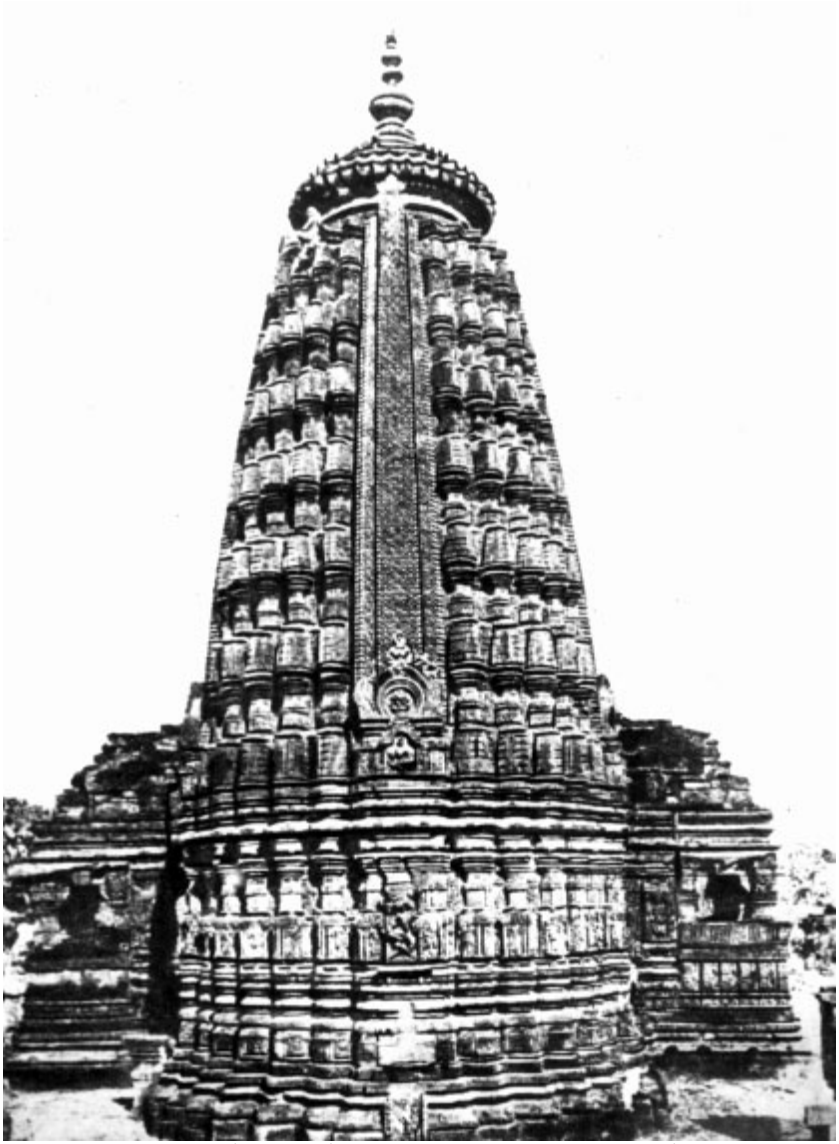
Из одежды женщины города носили только короткие юбки с приколотой к ним брошкой, жемчужным поясом или лентой. Мужчины были еще скромнее в одежде, довольствуясь лишь набедренной повязкой.

Насколько женщины были непритязательны в одежде, настолько взыскательны они были к украшениям. Все носили серебряные украшения и налобные повязки, пояса из позолоченной бронзы, шпильки для волос с фигурными головками и гребни из слоновой кости.

Несмотря на многочисленные исследования, ученых до сих пор продолжают волновать существенные для истории этой цивилизации вопросы. Кто возвел эти города, процветавшие 40 столетий тому назад? К какой расе относились обитавшие здесь люди и на каком языке они изъяснялись? Какая у них была форма правления?

Секреты древней архитектуры: храмы

Самым ранним самостоятельным религиозным зданием, остатки которого сохранились до нашего времени, является небольшой круглый храм в Байрате, возле Джайпура, первоначально, вероятно, содержавший буддийскую ступу. Он был построен из кирпича и дерева в III в. до н. э. Сегодня от него мало что осталось, кроме фундамента. Такая форма храма не получила дальнейшего развития



Храм в Джайпуре – один из шедевров храмовой архитектуры Индии

Следующей вехой в храмовой архитектуре служит Джандиальский храм (по современному названию его местоположения), раскопанный на одном из холмов, высящихся на месте древнего города Такшашилы. Этот храм – одно из весьма значительных зданий греческого города – состоял из квадратного внутреннего святилища, зала собраний и двора. По сторонам его внешнего и внутреннего входов стояли по две большие колонны классического ионийского ордера.

Джандиальский храм был, вероятно, зороастрийским, и эта традиция не имела прямых наследников в индийской архитектуре.

Самый известный из ранних храмов Кашмира – храм Солнца в Мартанде, датируемый не ранее VIII в.

Стандартный тип индуистского храма, существующий с VI в. до наших дней, немногим отличался от древнегреческого. Центром храма было небольшое темное помещение – святилище (гарбхагриха), в котором находилось главное изображение. Святилище выходило в зал для верующих (мандала) – первоначально отдельное здание, но обычно соединенное со святилищем переходным помещением (антарала). Входили в зал через портик (ардхамандала). Святилище, как правило, венчала башня, и, кроме того, башни меньших размеров возвышались над другими частями здания. Весь комплекс стоял на приподнятой платформе и был окружен прямоугольным двором, в котором иногда находились второстепенные святилища.

Храм отличался пышным декором, хотя освещался чаще всего только мерцающими масляными лампами. Однако при всей пышности и обилии украшений строители, воспитанные в традициях скальной архитектуры, обладали сильным чувством массы. Благодаря тяжелым карнизам, массивным колоннам, слишком широким по отношению к высоте, и обширным основаниям башен – шикхар индийская храмовая архитектура вызывает ощущение прочности и массивности, которые только до некоторой степени нейтрализуются изящными фризами и многочисленными горельефными и барельефными фигурами, часто заполняющими всю поверхность храмовых стен.

Специалисты выделяют два основных стиля и многочисленные школы. Северный, или индоарийский, стиль отдает предпочтение башне с округлой вершиной и криволинейными очертаниями, в то время как башня южного, или дравидского, стиля имеет обычно форму усеченной пирамиды. В VI–VIII вв. храмовое строительство в Декане получило широкое развитие благодаря покровительству династий Паллавов и Чалукьев. Вершина архитектурного стиля Паллавов –

Береговой храм в Мамаллапураме и храм Кайла-санатха в Канчи, построенный в начале VIII в. Последний имеет пирамидальную башню, состоящую из кладки двух полуцилиндрических сводов, которую венчает массивный купол, вызывающий в памяти буддийские ступы.

Стиль Паллавов получил дальнейшее развитие при династии Чолов (X–XII вв.), самыми великолепными памятниками которой являются величественный храм Шивы в Танджавуре (Танджур), построенный Раджараджей Великим (985—1014), и храм, построенный его преемником Раджендрой I в заложенной им столице Гангайкондачолапураме, возле Кумбаконама. Храм Шивы был, вероятно, самым большим из храмов в Индии того времени.

Начиная с XII в. стало обычным укреплять храм чаще всего тремя прямоугольными оградами одна внутри другой со входами с четырех сторон света. Входные ворота увенчивались сторожевыми башнями, которые постепенно превратились во вздымающиеся вверх башни (гопурам).

Новый стиль часто называют стилем Пандьев по имени династии (сменившей Чолов в Тамилнаде), цари которой воздвигали стены и надвратные башни вокруг многих уже существовавших святынь. Этот стиль ввел более изысканный декор и использование фигур животных на пилястрах и колоннах, в частности поднявшихся на дыбы лошадей и леогрифов, которые придают характерное своеобразие поздней дравидской архитектуре.

Кульминацию стиля Пандьев представляют величественные храмовые комплексы в Мадурае, Шрирангаме и некоторых других местах, которые, строго говоря, не относятся к рассматриваемому периоду, так как современный вид они приобрели в XVII в.

В то время как в Тамилнаде развитие храмовой архитектуры шло в описанном нами направлении, в других областях Декана при династиях Чалукьев, Раштракутов и Хойсалов широко распространились иные архитектурные стили. При поздних Чалукьях и Хойсалах (XI–XIV вв.) архитектурный стиль становится более вычурным.

Самые большие и известные храмы этого стиля в Халебиде (Дорасамудра, столица Хойсалов) и Белуре лишены башни, и поэтому можно полагать, что они не были завершены.

В Виджаянагарской империи процветала школа, достигшая своей вершины в XVI в. Ее черты свойственны стилю периодов Пандьев и Хойсалов. Для нее характерны еще более пышное изобилие резьбы, чем у Хойсалов, а также новые элементы в храмовом комплексе.

Из камня рвутся полные жизни и силы кони, поднявшиеся на

дыбы, леогрифы и другие фантастические чудовища. По богатству декора виджаянагарский архитектурный стиль остался в Индии непревзойденным. Наиболее блестящим его образцом, несомненно, является храм Виттхала в Хампи, древнем Виджаянагаре.

Средневековая архитектура Северной Индии лучше всего может быть понята на примере трех школ: Ориссы, Бунделькханда, а также Гуджарата и Южного Раджастхана. Существовали и другие местные направления, и отмеченный выше кашмирский стиль, но названные три школы имели наибольшее значение, и памятники их хорошо сохранились.

Расцвет орисской школы падает на период с X по XIII в. Самым превосходным образцом орисской храмовой архитектуры является храм Лингараджа в Бхубанешваре.

Орисские строители были очень щедры в отношении внешнего декора, и их скульпторы создали произведения высокой художественной ценности, но внутри храмы были лишены украшений.

К наиболее значительным орисским храмам относится храм Вишну-Джаганнатха в Пури, до сих пор считающийся одним из самых знаменитых святилищ Индии, и Черная пагода в Конараке, построенная в XIII в. Последняя – храм бога Солнца (Сурьи) – в прошлом была одним из самых больших и самых великолепных храмов Индии, превосходившим по величине храмы Бхубанешвара.

В X–XI вв. в Бунделькханде при династии Чанделлов достигла расцвета выдающаяся архитектурная школа, главным творением которой была великолепная группа храмов в Каджурахо, в 100 милях к юго-востоку от Джханси.

Шикхара Каджурахо, подобно большинству храмов Северной Индии, имеет криволинейные очертания, однако отличается от орисского типа.

Залы и портики храмов Каджурахо также увенчаны небольшими башнями, которые последовательно увеличиваются в высоте и ведут взор зрителя к главной башне, усиливая таким образом впечатление горной цепи. Орисские крыши имеют пирамидальную форму, но строители храмов Каджурахо, для того чтобы создать эффект несколько уплощенного купола, применили кладку выступами.

Много средневековых храмов существует в Раджастхане и Гуджарате, и некоторые из них обладают высокими архитектурными достоинствами. Здесь мы упомянем только самую крупную из западных школ, которая возникла под покровительством гуджаратской династии Чалукьев, или

Соланки, и процветала с XI по XIII в.

Самые известные памятники этой школы – изумительные джайнские святилища в Маунт-Абу, мало отличающиеся по стилю от храмов Каджурахо. Святилища Маунт-Абу из холодного белого мрамора покрыты исключительно тонкой и изощренной резьбой, особенно внутри помещений, которая, однако, носит довольно вялый и монотонный характер. По сравнению с Бхубанешваром, Конараком и Каджурахо богатый декор Маунт-Абу имеет оттенок холодной безжизненности.

В Средние века цари и вожди, несомненно, строили каменные дворцы, но от них сохранились только фундамент тронного зала в Виджаянагаре и некоторые руины на Шри-Ланке. Архитекторы и каменщики Индии самое большое внимание уделяли сооружению храмов. Как и сама индийская цивилизация, архитектура храма была одновременно и чувственной и аскетически суровой, уходящей корнями в землю и воспаряющей к небесам…

Секреты древней архитектуры: ступы

Прообразом ступы был земляной могильный холм, почитаемый местным населением. Выше мы уже говорили, что буддизм перенял и усвоил культ ступы и что Ашока воздвиг ступы в честь Будды по всей Индии. Только одна ступа, в Непале, сохранилась в том виде, в каком ее создал знаменитый правитель, но об архитектуре ранних ступ мы можем судить также и по материалам раскопок остатков этих памятников

Ступа в Бхархуте

Ступы были большими полусферическими сооружениями с помещением в центре, где в небольшом реликварии, часто искусно вырезанном из хрусталя, хранились реликвии Будды. Внутренний слой стен ступы выкладывался из необожженного кирпича, наружный – из обожженного и покрывался толстым слоем штукатурки. Ступу увенчивал зонтик из дерева или камня и окружала деревянная ограда, отделяющая место для ритуального обхода по часовой стрелке, так называемой прадакшины, которая была главной формой почитания реликвий внутри ступы.

В период между династиями Маурьев и Гуптов в буддийскую архитектуру вкладывалось много средств и энергии, и построенные ранее ступы были существенно расширены и

украшены. Из таких ступ особенно примечательны три: в Бхархуте, Санчи и Амаравати. Бхархутская ступа, в ее современной форме восходящая, очевидно, к середине II в. до н. э., интересна главным образом своей скульптурой, поскольку сама ступа к настоящему времени разрушилась. Ступа в Санчи, наоборот, сохранилась как один из наиболее поразительных памятников архитектуры древней Индии.

Во II в. до н. э. старая ступа в Санчи была увеличена в два раза, и в результате диаметр ее купола стал равен приблизительно 40 метрам.

Ворота Санчи примечательны, по-видимому, скорее своими резными украшениями, чем архитектурой. Каждые ворота состоят из двух квадратных столбов, на которые опираются три изогнутых архитрава, поддерживаемых животными или карликами. Все сооружение в целом достигает высоты около 11 метров.

В Индии лишь немногие ступы превосходили по величине ступу в Санчи, но на Шри-Ланке они достигали колоссальных размеров. Абхаягиридагоба в Анурадхапуре, столице древних царей Шри-Ланки, имела 110 метров в диаметре и была больше некоторых египетских пирамид.

Архитектура ступы в Индии развивалась в направлении все большей пышности и обилия украшений.

Ступа в Амаравати, получившая свое окончательное оформление около 200 г. н. э., превосходила ступу в Санчи по величине и была украшена плитами (часть их можно видеть в Британском музее) с резьбой, изображающей историю жизни Будды.

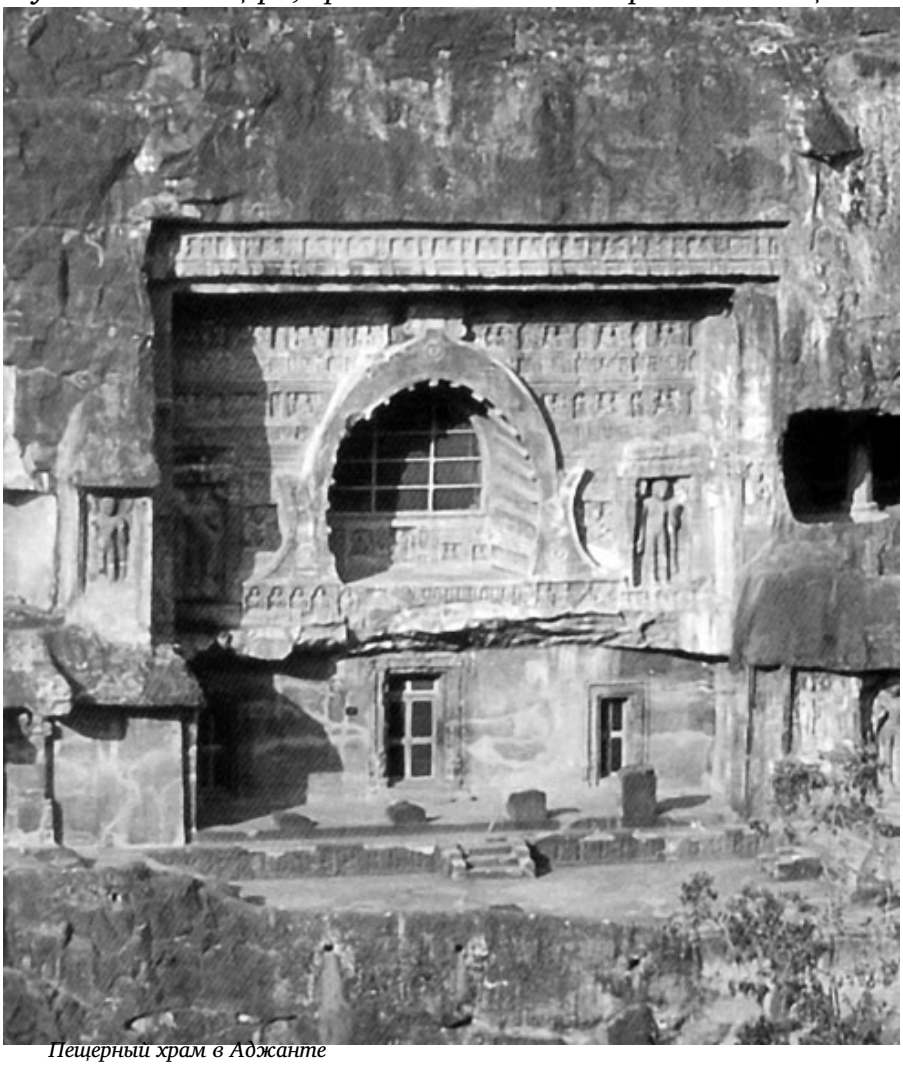
Из более поздних индийских ступ самыми известными являются ступы в Сарнатхе и Наланде. От величественной ступы в Сарнатхе, около Варанаси, места первой проповеди Будды, в настоящее время сохранилась только внутренняя часть. Но некогда это было исключительно впечатляющее сооружение – великолепный образец кирпичной кладки, с высокой цилиндрической башней, подымающейся над нижней полусферой, и большими изображениями Будды, установленными по углам с четырех сторон света. Ступа в Наланде, которую перестраивали, последовательно увеличивая ее размеры, семь раз, в современном, уже разрушенном, состоянии напоминает кирпичную пирамиду со ступенями, ведущими от террасы к террасе.

Сейчас, когда массивные купола больших ступ полуразрушены, они не кажутся величественными. Но в своем первоначальном виде ступа производила совсем иное впечатление. Побеленная или оштукатуренная, она сияла

ослепительно белым блеском в лучах тропического солнца, и ее башенка, теперь обычно осыпавшаяся, как золотое копье поднималась из ритуального каменного зонта на вершине ступы. Восстановленная в недавние годы и снова используемая буддистами для религиозных церемоний, большая дагоба Рувансели в Анурадхапуре на Шри-Ланке, белый силуэт которой уже издали виден на равнине, являет собой образец ступы во всем ее блеске как достойный символ мировой религии.

Секреты древней архитектуры: пещерные храмы

Кроме ступ и окружавших их оград и ворот, из архитектурных памятников многовекового периода, предшествующего династии Гуптов, до нашего времени сохранились главным образом искусственные пещеры, предназначавшиеся для религиозных целей



Пещерный храм в Аджанте

Наиболее древние из них свидетельствуют об имитации деревянных зданий, и это служит убедительным доказательством того, что строительство из камня находилось еще в зачаточном состоянии. Так, например, две пещеры в Барабаре, недалеко от

Гайи, дарованные Ашокой монахам-адживикам, имеют форму простого прямоугольного внешнего зала, в конце которого находится внутреннее помещение с закругленными стенами и выступающими карнизами. Очевидно, пещеры заменили традиционное место религиозных собраний – круглую, крытую тростником или соломой хижину, и строитель пещер еще не мог преодолеть привычную для него форму.

Пещеры в Барабаре и Нагарджуни лишены украшений, кроме одной в Нагарджуни, вблизи Барабара, имеющей сравнительно простой резной вход, добавленный в эпоху Маурьев или вскоре после нее.

Пещерные храмы и монастыри более позднего времени встречаются во многих районах Индии, но самые большие и знаменитые искусственные пещеры были вырыты при Сатаваханах и их преемниках в Западном Декане. Наиболее древняя из деканских 380 пещер, находящаяся в Бхадже (недалеко от Пуны), состоит из вырубленного в сплошной скале глубокого сводчатого зала; вдоль его стен ряд простых восьмиугольных колонн поддерживают вогнутые стрелки, высеченные на полукруглом потолке для имитации свода деревянного здания.

Одновременно с залами чайтьи все более грандиозными по размерам и украшениям становятся примыкающие к ним и также вырубленные в скале монастыри, так называемые сангхарамы. По мере того как пещерный монастырь становился мал для его обитателей, рядом высекали новую пещеру, и таким образом на протяжении столетий создавался целый пещерный комплекс.

Но, пожалуй, даже более сильное впечатление производят сравнительно поздние пещерные храмы в Элуру, возле Аурангабада, милях в тридцати от Аджанты. Здесь находятся по крайней мере 34 пещеры, созданные в период с V по VIII в. н. э., из которых большинство является индуистскими храмами, но есть также храмы буддийские и джайнские. Жемчужина Элуру – замечательный храм Кайласанатха, высеченный по повелению раштракутского царя Кришны I (около 756–763).

Храм Кайласанатха почти равен Парфенону по площади и в полтора раза выше его. Однако для его сооружения потребовалось меньше труда, чем для строительства подобного же каменного храма, поскольку не возникала проблема транспортировки строительных материалов и не было необходимости в строительных лесах: храм высекали, начав с вершины скалы и постепенно углубляясь к ее подножию.

Кайласанатх не самый ранний храм, высеченный из сплошной скалы. В Мамаллапураме, на берегу моря, приблизительно в 30 милях к югу от Мадраса, находится группа

из 17 небольших храмов, высеченных из обнажившихся гранитных монолитов в VII в., при династии Паллавов. Самые знаменитые из них, Семь пагод, всё еще обнаруживают влияние деревянного строительства.

Кайласанатх, точно имитирующий каменный храм, свидетельствует о том, что индийцы давно уже знали искусство строительства из камня и что их более не удовлетворяла древняя форма пещерных храмов. Начался великий период средневекового храмового строительства.

Тайна железной колонны Кутуб-Минар

До сих пор многие инженерные и культовые сооружения древних цивилизаций продолжают хранить в себе тайны великих знаний, которые привлекают к себе внимание и интерес современных исследователей. Одной из таких тайн является знаменитая Кутубова колонна на алтаре мечети Кувват-уль-Ислам в городе-крепости Лал-Кот, находящейся примерно в 20 километрах южнее старого Дели

Железная колонна, возраст которой составляет 1600 лет

Именно здесь стоит загадочный столб, сделанный из неизвестного металла, есть версия, что инопланетного происхождения. Говорят, если обхватить его двумя руками, заведенными назад, и они сойдутся, то все желания обязательно исполнятся. (Правда, сегодня подойти к столбу уже не удастся – он обнесен оградой.)

Железная колонна, возраст которой составляет 1600 лет, настолько крепко всажена в землю, что пушечное ядро, запущенное в нее завоевателем Надир-Шахом в 1739 г., не смогло ни повалить, ни даже повредить ее, всего лишь оставив небольшую вмятину на ровной и гладкой поверхности колонны.

Индийцы не случайно наделяют эту колонну чудодейственной силой. Она действительно обладает уникальным свойством: железо, отлитое 15 веков назад, не ржавеет. Как сумели древние мастера создать химически чистое железо, которое трудно получить даже в современных электролитических печах? Как удалось в IV в. отлить металлическую колонну высотой в 7 м и толщиной в обхват? Объяснения этому чуду наука не знает. Некоторые ученые считают Железную колонну редчайшим свидетельством материальной культуры давно исчезнувшей древней цивилизации, другие склонны видеть в ней «завещание звездных пришельцев», зашифрованное послание неведомых существ, некогда посетивших Землю и оставивших эту колонну как «воспоминание о будущем».

Первоначально колонна находилась в храме Вишну города Матхура, а на колонне помещался Гаруда. Колонна была перенесена на это место и вошла в состав индуистского храма, все остальные постройки храма были разрушены и использованы как стройматериалы для минарета Кутуб-минар и для мечети Кувват-ул-Ислам. На колонне осталась надпись, посвящённая Вишну и царю Чандрагупте II.

Ученые из Технологического института Канпур обнаружили, что колонна содержит неожиданно много фосфора, который, реагируя с железом, водой и кислородом, создал своего рода защитный антикоррозийный поверхностный слой. Ученые считают, что древние кузнецы не обладали уникальными знаниями химии сплавов, а подбирали состав железа опытным путем.

Стоящая под открытым небом легендарная железная колонна имеет диаметр 0,485 м внизу и 0,223 м вверху. Ее высота около 7 м над площадкой фундамента, а вес около 6 т.

Многолетними усилиями российских исследователей выявлен ряд неизвестных ранее особенностей этой колонны. Так,

например, фундамент образует (невидимый глазом) вертикальный энергополевой поток, напоминающий по форме пламя свечи высотой около 8 м и диаметром более 2 м, окутывая собой всю колонну. Подобные энергополевые потоки наблюдаются над вершинами пирамид, зиккуратов, культовых сооружений, отдельных горных вершин. Этот энергопоток идет непрерывно с большей или меньшей активностью в зависимости от климатических условий, времени суток, года.

Энергополевые образования наблюдаются над многими вершинами гор, сопок, курганов, а на равнинных местах над энергоактивными зонами и над бывшими культовыми сооружениями. Так, над вершиной высочайшей горы мира – Эверестом оно имеет высоту свыше 150 м. Отмечены случаи, когда геодезические знаки из обычного уголкового железа, установленные на вершинах сопок (гор, груды камней), тоже не ржавеют.

Проведенные исследования показывают, что внутри колонны на высоте около 3 м от земли имеется дополнительный источник энергополевого излучения, выполненный в виде небольшого спрессованного прямоугольного пакета из тонких листов устойчивого радиоактивного металла (подобно астату и полонию). Источник излучения вставлен внутрь колонны через просверленное, а затем заглушенное отверстие. Там же должно быть послание (текст) потомкам. Не исключено, что новые исследования колонны могут выявить дополнительные интересные сведения и «откровения».

Можно сделать предположение, что энергополевая оболочка железной колонны является надежной защитой от коррозии.

Что касается волшебства исцеления больных у железной колонны, то здесь основную роль играет энергетическое поле колонны, которое, воздействуя на энергетику человека, благотворно способствует нормализации работы всего его организма.

Древние предания и исследования показывают, что в древние времена (более 12 тысяч лет тому назад) западная береговая линия Индийского полуострова, например от современного города Мумбая, отстояла на 250–300 км западнее. В те далекие тысячелетия в 100 км к западу от современного Мумбая упал крупный железный метеорит, остатки которого находятся там и сейчас, но уже на шельфовой части моря.

С древнейших времен к метеоритам отношение было особое. Перед ними преклонялись. В период расцвета Атлантической и Индийской цивилизаций (более 12 тысяч лет тому назад) жрецы и мастера создали 3 одинаковых железных колонны методом

выращивания (кристаллизации) из осколков указанного метеорита в честь своих богов. Изготовление колонны методом кристаллизации было осуществлено южнее Мумбая, у истока реки Кришна, недалеко от г. Пуна. Подобным методом там изготовлялись и другие изделия в подземных сооружениях (пещерах), где археологи могут в наше время найти многие готовые и незаконченные изделия из кристаллизованного железа. Процесс изготовления трех одинаковых колонн осуществлялся методом одновременного выращивания из упорядоченной структуры кристаллической решетки.

Аналогичным методом сейчас в ряде стран мира и в нашей стране выращиваются различные изделия из металлов, кристаллы кварца, рубина, сапфиров и т. д. Однако современные изделия имеют пока небольшие размеры.

После изготовления выращенных колонн две из них остались в Индии, а третья была перевезена на северо-восток Эфиопии (севернее истока реки Фафен). Их судьбы сложились по-разному, но они и сейчас находятся в тех же районах. Только делийская (Кутубова) колонна находится в вертикальном положении после неоднократного падения и переставления с места на место. В Эфиопии колонна повержена и лежит, засыпанная землей.

Чтобы рассчитать вес этой колонны, ученые-металлурги из города Пуна использовали компьютерное моделирование. Согласно их расчетам ее общая масса составляет 6 т 511 кг, в том числе вес верхней декоративной части колонны – 646 кг.

Как отметил сотрудник Технологического института Вишвакармы, на создание компьютерной модели колонны им потребовалось 20 дней. По его словам, труднее всего было смоделировать верхнюю часть колонны.

Его коллега, инженер пунского Технологического института Сингада, уверен, что разгадка секрета изготовления колонны поможет современным металлургам.

Тадж-Махал, построенный во имя любви

Что является неофициальным, но самым популярным в мире символом этой страны? Конечно же Тадж-Махал! Воспетый поэтами символ любви императора Шах-Джахана к жене, Мумтаз Махал…

Воспетый поэтами Тадж-Махал

Этим именем, «украшение дворца», называл Арджуманад Бану Бегам ее будущий свекор, грозный шах Джангир. Сложны семейные отношения. Молодая жена приходилась племянницей матери Джахана и дочкой первому визирю. Впрочем, на этот счет существует много легенд, самая романтичная из которых гласит, что принц Кхуррам встретил на базаре прекрасную бедную девушку с бусами из дерева в руках, и так она на него посмотрела, что не видел он больше окружавшей грязи и нищеты и твердо решил взять в жены красавицу, чтобы не разлучаться никогда. Точно известно, что в тот год (1612) ей было 19 лет, довольно много даже по меркам современной Индии.

У шаха Джахана, как его стали почтительно называть после восшествия на престол в 1628 г., был большой гарем, как и полагается такому высокому правителю. Но супруги так нежно любили друг друга, что французский врач, философ и путешественник Франсуа Бернье, проживший в Индии двенадцать лет, отмечал в своих записках, что шах Джахан «не обращал внимания на других женщин, пока она была жива».

Мумтаз Махал, единственная из жен, сопровождала его даже в далеких военных походах, стойко перенося все тяготы вместе с мужем, единственный человек, которому он полностью доверял и даже советовался!

За 17 лет счастливого супружества у них родилось 13 детей. И вот, всего год спустя, в 1629 г., его настигло горе: Мумтаз Махал не пережила тяжелых родов 14-го ребенка. Это случилось в лагере, разбитом под Бурханпуром, в шатре шаха Джахана, который возвращался из победоносного похода в Декан.

Через полгода вдовец перевез тело в Агру, где он решил воздвигнуть мавзолей, по красоте достойный его любимой женщины, а по величию – силы их чувств.

Тадж-Махал – мавзолей-мечеть, находящийся в Агре, на берегу реки Ямуна, был построен по приказу императора Великих Моголов шаха Джахана в память о жене Мумтаз Махал (позже здесь был похоронен и сам шах Джахан).

Тадж-Махал считается лучшим примером архитектуры стиля Мугал, который сочетает в себе элементы персидского, индийского и исламского архитектурных стилей.

В 1983 г. Тадж-Махал стал объектом всемирного наследия ЮНЕСКО, был назван «жемчужиной мусульманского искусства в Индии, одним из общепризнанных шедевров наследия, которым восхищаются во всем мире».

Здание начали строить примерно в 1632 г. и завершили в 1653 г., работали тысячи ремесленников и мастеров.

На строительство собрали со всей страны больше двадцати тысяч человек. Главный архитектор, устад, что означает «мастер», из Шираза (Иран) Иса Кхан получил неограниченные полномочия, и он их оправдал. Мрамор привозили за 300 километров из уникальной раджпутанской каменоломни.

Внутри мавзолея расположены две гробницы – шаха и его жены. На самом деле место их захоронения находится там же, где и гробницы, но под землей. Время строительства относится примерно к 1630–1652 гг. Тадж-Махал представляет собой пятикупольное сооружение высотой 74 м на платформе, с 4 минаретами по углам, к которому примыкает сад с фонтанами и бассейном.

Стены выложены из полированного полупрозрачного мрамора с инкрустацией из самоцветов. Были использованы бирюза, агат, малахит, сердолик и др.

Мавзолей имеет многочисленные символы, скрытые в его архитектуре и планировке. Так, например, на воротах, через которые заходят посетители Тадж-Махала в парковый комплекс, окружающий мавзолей, высечена цитата из Корана, обращённая к

праведникам и заканчивающаяся словами «войди в мой рай».

Ежедневно Тадж-Махал посещают десятки тысяч человек, за счет туристов «индийская жемчужина» приносит казне страны немалые деньги. Итого за год Тадж-Махал посещает от 2 до 4 миллионов посетителей, из них более чем 200 000 – из-за рубежа.

Тадж-Махал также фигурирует в нескольких списках как одно из чудес в современном мире.

Сейчас мавзолей – одно из самых посещаемых мест не только туристами, но и самими индусами. Когда-то огромные двери, символизировавшие вход в рай, были целиком из серебра, тонкий рисунок тысячами серебряных гвоздиков был выложен на них. Сейчас двери медные, прежние украдены. Да и драгоценные камни на фасаде и изнутри сильно поредели с тех пор. Нет и золотого парапета, и жемчужного покрывала на месте сожжения тел…

Красный форт

Красный форт – крепостное сооружение в индийском городе Агра, служившее в эпоху империи Великих Моголов резиденцией правителей. Расположен над рекой Ямуна, всего в 2,5 км от Тадж-Махала. Вместе с ним Красный форт в 1983 г. был внесён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Часть ареала Красного форта сегодня используется в военных целях и недоступна для посетителей.

Красный форт, или Лал-Кила в Агре

Красный форт, или Лал-Кила, обязан своим именем красному песчанику, из которого выстроены его стены. Строительство форта началось в 1565 г. у по инициативе Акбара Великого, который перенёс столицу из Дели в Агру. Уже в 1571 г. форт был полностью обнесён стеной. Преемники Акбара Великого, прежде всего Шах-Джахан, расширили форт в начале XVII в.

В 1648 г. столица была перенесена обратно в Дели, в связи с чем Красный форт утратил своё значение. После захвата власти в 1658 г. Аурангзеб содержал своего отца Шах-Джахана в Красном форте под домашним арестом, где тот и умер в 1666 г. В 1803 г. форт был захвачен британскими войсками. Во время восстания сипаев 1857 г. форт был местом вооружённых столкновений.

Весь комплекс имеет форму полумесяца и обнесён стеной, высота которой составляет 21 м, а периметр насчитывает 2,4 км, ее высота варьирует от 18 метров со стороны реки до 33 м со

стороны города.

Стена, как и большинство находящихся в Красном форте сооружений, построена из красного песчаника, который и дал форту его название. Двое главных ворот, Делийские и Лахорские, образуют вход в Красный форт. Внутри находятся представительные дворцы, несколько мечетей и сады. Архитектурный стиль гармоничным образом сочетает элементы исламского и индуистского зодчества.

В планировку каждого могольского двора входили два зала для аудиенций: Дивани-Ам и Дивани-Кхас.

Первый использовался для официальных приемов у властителя, второй – для частных. Дивани-Ам – это большой, построенный на цоколе зал, который с трех сторон открыт во внутренние дворы. Здесь можно было собирать большое количество людей, и прошения подавались правителю публично.

Дивани-Кхас был тем местом, где император частным образом советовался со своими чиновниками или с иностранными посланниками. Когда-то здесь был просторный внутренний двор с мраморным полом и потолком из серебра, который поддерживался 32 колоннами, украшенными прекрасной резьбой и инкрустированными самоцветами.

Шах-Джахан повелел изготовить для Дивани-Кхас знаменитый Павлиний трон. Это был предмет, с необычайной пышностью украшенный драгоценными камнями. На изготовление его понадобилось семь лет. В 1739 г. трон увезли в Персию. (По одной из версий, он был вывезен из цейлонского порта Тринкомали на корабле «Гроувенор», но судно не добралось до цели назначения и затонуло в результате шторма у берегов провинции Наталь, в Южной Африке.) Когда-то этот трон украшал и известный огромный алмаз Кох-и-Нор, который сейчас красуется в короне английской королевы.

Надпись в Дивани-Кхас свидетельствует о том, что думал сам Шах-Джахан об этом месте: «Если существует рай на земле, то он здесь, здесь и только здесь».

Когда-то в Красном форте было шесть королевских дворцов (махал). В Мумтаз Махале сегодня находится музей. Другой называется Ранг-Махал (Расписной дворец), но только роспись давно исчезла.

На одной стене расположены пять резных окон, откуда принцессы могли смотреть на битвы слонов. В центре Ранг-Махала есть бассейн с лотосом из белого мрамора в центре, украшенный сверкающими самоцветами, выполненными в форме цветков и листьев.

Кхас-Махал состоит из трех частей. Помещения служили

соответственно для сна или молитвы, а длинный зал с потолочной и стенной росписью использовали для приема пищи. Сын и преемник Шах-Джахана, Аурангзеб, построил внутри форта необыкновенную Моти-Масджид (Жемчужная мечеть). Мечеть и ее дворы относительно невелики, но их пространственное решение обладает особым обаянием.

Невероятно эффектны интарсии из черного мрамора на основе из белого мрамора. Аркада с магазинчиками перед ведущими во дворец впечатляющими воротами Лахорэ доступна для посещения, как и императорские купальни. После восстания 1857 г. значительную часть форта снесли, чтобы освободить место для казарм.

Историческая ценность этого места заключается еще и в том, что именно здесь в 1947 г. был спущен английский флаг и поднят флаг независимой Индии.

Золотой храм у озера Бессмертия

Первоначально Золотой храм располагался на берегу маленького лесного озера, в месте, известном с древних времен как центр медитации. Еще Будда проводил здесь время в своих созерцаниях. Озеро называется Амрита Сарае, Озеро Бессмертия или Озеро Амброзии

Крыши храма покрыты золотыми пластинами, благодаря которым он получил свое «западное» название – «Золотой храм»

Это озеро использовал для своих медитаций также и гуру (святой) Нанак, основатель учения сикхов. После его смерти эта область часто посещалась последователями Нанака. Во времена правления четвертого сикхского гуру Рам Даса озеро было расширено, а при его преемнике Арджан Деве на острове был построен Хар Мандир Сахиб, или Золотой храм.

В 1574 г. на земле, подаренной могольским императором Акбаром, Рам Дас основал город Амритсар.

Золотой храм стал наиболее священным и почитаемым местом для паломников-сикхов. История современного здания храма начинается с XIX в., когда была проведена его реконструкция во время правления махараджи Ранджита Сингха, завоевателя Пенджаба.

Сегодня крыши храма покрыты золотыми пластинами,

благодаря которым он получил свое «западное» название – Золотой храм. Большая часть современной позолоты, драгоценных камней и резьбы по мрамору относится к периоду реконструкции времен Ранджита Сингха. Архитектура храма испытала влияние как мусульманского, так и индуистского стилей.

В храме Хар Мандир Сахиб хранится «Гуру Грантх-Сахиб», священная книга, оставленная гуру Говиндом Сингхом, представляющая собой сборник религиозных стихов и гимнов, созданных десятью сикхскими гуру, а также мусульманскими и индуистскими священнослужителями. Здесь же расположено здание Акал Тахт, место жительства главы сикхской религии.

Город Амритсар занял особое место в истории страны после события, получившего название «Амритсарская бойня», явившегося ключевым моментом в борьбе Индии за независимость.

Во время Первой мировой войны правительство колонизаторов активизировало давление на антибританское движение, сформировавшееся к тому времени. Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди, духовный лидер оппозиции, призвал индийцев к всеобщему сопротивлению. 10 апреля 1919 г. были арестованы представители партии Индийский национальный конгресс в Амритсаре, а 13 апреля 20 000 безоружных представителей различных конфессий (индусов, мусульман и сикхов), включая женщин и детей, вышли на площадь Джаллинвала Багх с акцией протеста. Британские войска под командованием бригадного генерала Реджинальда Даера плотным кольцом окружили площадь и открыли огонь по безоружным людям.

В результате побоища и возникшей паники 379 человек были убиты и 1200 ранены.

Сегодня в окрестностях храма целыми днями звучат религиозные гимны, читаемые под аккомпанемент флейт, скрипок и барабанов. Синтез атмосферы, видов и звуков повергает верующих в состояние, близкое к трансу. Паломники приходят сюда не только чтобы увидеть храм, но совершают омовение в озере – не столько для очищения тела, сколько для очищения души.

(По материалам книги Дж. и Э. Спенсера «Мистические и священные места мира»)

Гробница Хумаюна, усыпальница Тимуридов

Гробница Хумаюна – мавзолей могольского императора Хумаюна в Дели, построенный по заказу его вдовы Хамиды Бану Бегум. В архитектурном отношении он представляет собой связующее звено между Гур Эмиром, где погребён Хумаюнов предок Тамерлан, и строившимся по заказу его правнука Шах-Джахана мавзолеем Тадж-Махал.

Мавзолей Хумаюна – еще одна архитектурная жемчужина Индии

Проект усыпальницы принадлежит известному персидскому архитектору того времени Мирзе Гийасу, который впервые в Индии дополнил гробницу чётко распланированным парком-садом.

Строительство мавзолея началось в 1562 г. и закончилось 8 лет спустя. Зодчими считаются Саид Мухаммад и его отец Мирак Гиятхуддин, на проект которых, очевидно, сильно повлияли самаркандские постройки Тимуридов.

Светло-розовый двухэтажный мавзолей стоит на массивной платформе высотой до 7 м. Он увенчан кажущимся невесомым беломраморным куполом. Наиболее сильный «эффект невесомости» купола можно ощутить, рассматривая мавзолей с

возвышенности Старой крепости. Высота гробницы Хумаюна – 43 м. Сама могила сделана из желто-черного мрамора.

Это сооружение по праву называют «усыпальницей дома тимуридов», ибо ни одна гробница Индии не содержит такого числа могил могольских императоров и их родственников. Здесь покоится прах наследного принца Дары Шикоха, жены Хумаюна, придворной знати. На этом же месте в 1857 г. последний из Великих Моголов Бахадур Шах сдался в плен англичанам.

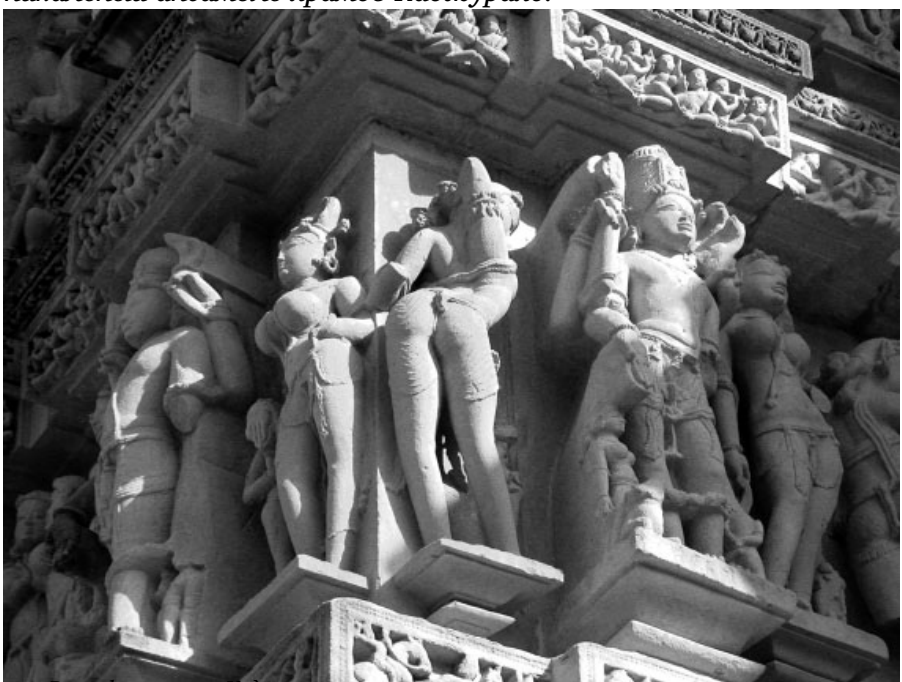
Хумаюн правил в Дели в начале XVI века, был по описаниям историков человеком образованным, но весьма ленивым и подверженным наркотической зависимости.

Кстати, знаменитый Тадж-Махал в Агре, являющийся для многих визитной карточкой Индии, проектировался на основе и исходя из опыта постройки мавзолея Хумаюна.

При входе в мавзолей Хумаюна находится сад Бу Халима, рядом с садом возвышается купол гробницы Иса-хана, влиятельного аристократа времен Шер-шаха.

Каджурахо: каменный учебник любви

«Храмы “Камасутры” в Каджурахо – самое эротичное место мира! Гигантская галерея эротических скульптур под открытым небом! Откровенность и секс в каменных изваяниях!» – уверяют путеводители и туроператоры, призывая отправиться в самое сердце индийского штата Мадхья-Прадеш, где расположен уникальный ансамбль храмов Каджурахо.



Рельефы храма в Каджурахо

Каджурахо – город с населением примерно 3 тысячи человек, выросший на месте бедной глухой деревушки с тех пор, как со всего мира сюда стали съезжаться туристы, чтобы полюбоваться удивительными храмами, построенными в период с 950 по 1050 г., во время правления династии раджпутов Манделла. Первоначально здесь было 85 храмов, однако до наших дней сохранились только 22.

Некоторое время Каджурахо был столицей королевства, а затем стал играть роль религиозного центра династии. Уцелевшие храмы Каджурахо имеют много общих черт, и в то же время каждый из них особенный: одни посвящены Шиве, другие – Вишну, третьи – джайну Тиртанкарасу. Эти храмы объединяют не только архитектурные принципы и строительные технологии и приемы, но и удивительно мастерское обращение с камнем.

Фасады их напоминают монолитные скульптуры, украшенные огромным количеством барельефов, изображающих охоту на зверей, батальные сцены, ритуальные действа и, конечно, любовные игры.

Существует красивая легенда, повествующая о происхождении храмов Каджурахо. Когда однажды вечером Эмавати, очаровательная молодая дочь священника-брамина, купалась в речке Рати, ее соблазнил бог Луны. Ребенок, рожденный от союза смертной и бога, был назван Чандраварманом. Отвергнутая всеми, одинокая женщина нашла прибежище в густых лесах Центральной Индии и стала для сына не только матерью, но и гуру. Когда мальчик вырос, он основал великую династию Чанделла. Став правителем страны, он решил осуществить мечту своей матери: она просила его построить храмы, которые показывали бы силу человеческой страсти и красоту любви.

Безусловно, доля истины в этой легенде есть, потому что едва ли не главный мотив храмовых барельефов – женщина. Женщина, пишущая письмо, играющая с ребенком, приоткрывающая тонкую лодыжку. Женщина, вынимающая занозу из ступни, целующая любовника, смотрящаяся в зеркальце, расчесывающая волосы, играющая на флейте, танцующая, примеряющая новое одеяние. Женщина – невинная и кокетливая, любящая и любимая, бесконечно соблазнительная и красивая, изображенная тщательно, с проработкой мельчайших деталей, с огромным мастерством и любовью.

Открытые в прошлом веке, храмы эти вызывали и вызывают немало споров. Прежде всего, о том, зачем были изображены на их фасадах эротические картины, не встречающиеся больше ни на каких других храмах мира, за исключением разве что святилищ в Пури и Конараке.

На стенах храмов действительно находятся самые эротические и чувственные картины, которые были созданы в мире до начала XX в. Здесь в мельчайших деталях и с поразительной откровенностью показаны любовные игры богов, а соединение мужчины и женщины становится выражением глубокой религиозности, символом изначального единства и слияния понятий «атман» (индивидуальная душа) и «брахман» (мировая душа).

Существуют, впрочем, и более приземленные версии. Согласно одним, заказчики храмов из династии Манделла хотели таким образом повысить рождаемость своих подданных. Другие считают, что они просто радовались жизни и желали видеть на стенах храма то, что больше всего ценили и в чем видели не

только величайшее наслаждение, но и наилучшее служение любвеобильным божествам. Находятся и такие, кто трактует барельефы храма как каменный учебник, повествующий юношеству обо всех сторонах жизни без исключения, и версия эта выглядит не менее убедительной, чем все прочие.

Присутствие на стенах храмов майтун – скульптур и барельефов, изображающих сексуальный акт, выглядит нелогичным, неправильным как для христиан, так и для мусульман, иудеев, джайнов. Он выглядит невозможным и противоречивым. Как храм связан с майтун-картинами? Почему? В храмах не должно быть такого, христианин не может представить себе церковную стену с такими картинами. Многие индусы, вольно или невольно усвоившие христианские взгляды и представления, также испытывают при упоминании эротических фресок Каджурахо неловкость.

Вероятно, именно забота о нравственности, умноженная на религиозную нетерпимость, стала причиной того, что большая часть храмов Каджурахо была разрушена. Пострадал и самый большой и впечатляющий из западной группы храмов – Кандарья Махадео, посвященный Шиве. Более 900 скульптур украшают святилище и его стройную башню – шикхару, воплощающую гору Меру – символ Земли и Вселенной. Святилище было частично разрушено завоевателями-мусульманами и, как многие другие храмы, потеряло для верующих свое значение.

Для создателей храмов Каджурахо не существовало таких сторон жизни, о которых нельзя говорить, и уж, конечно, они считали, что говорить о любви во всех ее аспектах можно и должно во весь голос. С гордостью, восторгом и преклонением перед богоподобными людьми и антропоморфными богами, которым не чуждо ничто человеческое.

Остается добавить, что к самым популярным индийским праздникам относится проходящий ежегодно фестиваль индийских классических и народных танцев, привлекающий множество любителей искусства. Проходит он в храмах Каджурахо вот уже более четверти века, и участие в нем принимают лучшие классические танцоры Индии. Фестиваль этот представляет большой интерес для туристов, поток которых в Каджурахо растет год от года.

(По материалам Н. Белозерова)

Храм Солнца в Конараке

На берегах Бенгальского залива в лучах восходящего солнца храм в Конараке представляет монументальное изображение бога Солнца на солнечной колеснице, запряженной шестёркой лошадей. Все 24 колеса колесницы украшены символическими барельефами. Построенный в XIII в., этот храм – один из наиболее известных и посещаемых брахманских храмов Индии

Храм Солнца в Конараке – один из наиболее известных и посещаемых брахманских храмов Индии

Храм Солнца в Конараке, или Черная пагода, как называли его раньше европейцы, считается высшим достижением архитектуры штата Орисса и шедевром мирового значения. «Конарак» на санскрите значит «угол солнца», то есть угол Ориссы, где почитают бога Солнца. Он был построен в XIII в., в правление царя Нанарасимхи I из династии Восточных Гонгов. Когда-то у его ступеней плескались волны моря, но за семь столетий море отступило почти на три километра, да и от самого сооружения остались руины, которые привлекают туристов со всего мира красотой статуй и обаянием древности.

Весь ансамбль храма состоит из трех частей. Танцевальный павильон, где храмовые танцовщицы исполняли ритуальные танцы, находится отдельно от двух других. Крыша его обвалилась, но еще крепкие стены хранят былую красоту. Снаружи они сплошь покрыты горельефами, изображающими как

бы застывших в танце полногрудых танцовщиц. В руках у них барабаны, флейты, цимбалы.

Другие части храма – джагамохана (зал для молящихся) и деул (святилище) – соединены. Когда-то они стояли на одной огромной платформе и представляли собой гигантскую двухкупольную каменную колесницу.

Перед храмом – семь каменных коней в богатой сбруе, символизирующих дни недели. Тяжелая колесница опирается на двенадцать пар колес – по числу месяцев в году, – диаметр которых чуть меньше трех метров.

Джагамохана сохранилась довольно хорошо – железные балки еще держат крышу, но внутри помещение забито галькой и песком, чтобы предотвратить обвал здания.

Большинство изображений здесь посвящено теме любви, ибо «желание – основа Вселенной, – говорится в древнеиндийской книге по архитектуре “Шилпа пракаша”, – из желания возникло все живое». Каменный декор сохранился далеко не полностью, но и то, что дошло до наших дней, производит потрясающее впечатление. Сложный, почти кружевной орнамент сплошь покрывает разно-образные плоские и фигурные поверхности бесчисленных выступов и углублений, которые служат постаментами и нишами для крупных горельефов, отдельных фигур и скульптурных групп.

Скульптурные группы, представляющие собой в основном любовные пары, настолько причудливы по композиции, что не сразу постигаешь сюжеты изображаемых сцен.

Всякий, кому неведомы творческие каноны и символика этого искусства, обычно видят в сюжетах скульптурных групп, покрывающих стены джагамоханы, прежде всего апофеоз плотской любви, которая воспринимается как плод самого изощренного и смелого воображения.

Святилище давно рухнуло. Если судить по пропорциям остальных частей храма, то его высота должна была достигать 70 м. Вокруг руин стоят двухметровые каменные слоны, лошади и чудища, которые некогда украшали внешние стены святилища. Особое восхищение вызывает ювелирно выточенная из твердого камня скульптура молодого стройного воина – бога Солнца – на сохранившейся нижней части святилища. Искусство «Веды» восторгаются изяществом работы древнего мастера, а историков удивляют сапоги бога Солнца – подобные носили скифы.

Из донесений правительству Великих Моголов известно, что храм Солнца был окружен стеной, в пределах которой, кроме главного, находилось 6 храмов, а за стеной, напротив входа, – еще 22. Один из могольских историков писал, что даже те, кто

склонен к критическому суждению и кому трудно угодить, были ошеломлены видом храма. Да и в наше время такие же чувства испытывают специалисты, когда узнают, что свод сооружения поддерживают железные балки длиной более 10 м, которые за 700 лет не тронула ржавчина. Сколько было высказано восторгов по поводу железной колонны в Дели! А ведь ее высота чуть меньше 7 м. И древний секрет выплавки нержавеющего железа пока не найден.

Местные поэты и писатели, вдохновленные и зачарованные руинами храма в Конараке, сочиняли все новые и новые легенды. Таким образом появилось предположение, что 12 сотен скульпторов в течение 12 лет творили это чудо. Все эти долгие годы им было запрещено видеть своих жен. Царь якобы считал, что в тоске по дому, по любимой мастера смогут живее передать в камне страсть и наслаждение любви.

Скульптуры из Конарака можно увидеть в музеях Индии и Великобритании. Англичане потратили немало сил и средств на консервацию памятника. Английские историки и архитекторы изучали это необычное сооружение. В 1837 г. Конарак посетил известный археолог Фергюссон. В своей книге «Образцы древней архитектуры Хиндустана» он пишет, что руины святилища имели высоту до сорока метров.

Найденные документы XIII в. (при многократной переписи возможны искажения) донесли до нас трагедию этого архитектурного шедевра. Раньше высказывались предположения, что святилище пострадало в результате удара молнии, землетрясения или неравномерного опускания песчаного грунта. Однако настоящая причина крылась в поспешности или, как мы сейчас говорим, штурмовщине. Царь Нарасимха I повелел возвести святилище за 10 лет, 10 месяцев и 10 дней, да еще закончить все строительные работы к определенному дню. Он хотел, чтобы первая служба в храме состоялась в год празднования дня рождения бога Солнца, в седьмой день индийского месяца магх (январь – февраль), который падал на воскресенье.

Храм был должным образом освящен, и состоялась служба в указанный царем день. Сейчас недалеко от развалин торчат из земли два столбика «юпа» – их ставили в ознаменование церемонии освящения. Такие можно найти и около других древних святилищ Ориссы.

В конце книги «Падмакшетра деула карманги» есть такая запись: «Вот уже 12 лет жрецы не исполняют свои обязанности. Бог Солнца покинул храм». Разрушение началось с падения огромного каменного льва на восточной стене святилища, вслед

за ним рухнула и вся восточная стена. Это случилось в начале XVII в.

Таково прошлое Черной пагоды.

Но вот на седьмой день месяца магх (январь – февраль) около храма появляются религиозные паломники. Еще до рассвета они идут к водоему, где совершают омовение. Когда-то там протекала река Чандрабхага, от которой остался лишь небольшой пруд, наполненный, по мнению верующих, водами исчезнувшей святой реки. Затем они направляются к берегу моря встречать восход солнца; и когда красный диск отрывается от вод морских, люди погружаются в безмолвную молитву.

Семь или восемь веков назад в Индии получило распространение учение «сахаджа тантра» (легкая тантра), призывавшее искать истину в своем собственном теле, в божественной сути своего «я», а не вне себя, не в боге. Для достижения слияния с Истиной не нужны воздержания, посты, чтение мантр и безбрачие. Наоборот, необходимо всячески развивать и потакать своим желаниям. Йога и секс, по их мнению, вели к слиянию с Абсолютом – Истиной.

Большинство исследователей предполагают, что именно «сахаджа тантра» оказала влияние на храмовую скульптуру XIII в. Кроме храма Солнца в Конараке, приблизительно в то же время был возведен в Кхаджурахо (штат Мадхья прадеш) еще ряд храмов с эротическими скульптурами.

Но почему в храме Солнца в Конараке и храмах Каджурахо такой нарочитый отбор сюжетов? Вероятно, авторы проектов и заказчики преследовали цель – доставить удовольствие богам, жрецам и прихожанам всех сословий. Храмы никогда не оставляют равнодушными. В их каменном послании из глубины веков звучит ясная мысль – земная любовь угодна богам!

(По материалам Н. Рукавишниковой)

Махабалипурам, вновь вышедший из моря

Махабалипурам – город на Коромандельском берегу в индийском штате Тамил-Наду, в 60 км к югу от Ченнаи, с населением около 40 тысяч человек

Храмовый комплекс в Махабалипураме

Город возник в VII в. как главный порт царства Паллава под названием Мамаллапурам (вероятно, назван так в честь одного из царей).

С эпохи Паллавов (VII–IX вв.) здесь сохранились разнообразные памятники монументальной скульптуры и зодчества, вырубленные в монолитных скалах и насыщенные буддистскими мотивами: прибрежный храм – смыт в море во время цунами 26 декабря 2004 года, впоследствии восстановлен; небольшой скальный храм Вараха; гигантские рельефы со сценами покаяния Арджуны и сошествия с неба Ганги; храм Панча Рата – пять исполинских каменных колесниц, которые наречены именами пандавов. Все эти памятники входят в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

С XVIII в. в литературе появлялись сообщения о том, что значительная часть древнего Мамаллапурама ныне находится под водой. Во время упомянутого цунами отходящая волна открыла двухметровые каменные фигуры и прочие развалины неизвестного ранее храмового комплекса эпохи Паллавов.

Волны подняли у берегов Южной Индии тысячи тонн песка, из которого показались скульптуры и развалины древнего города

Махабалипурам, чей расцвет пришелся на III–IX в. В частности, открылись два гигантских двухметровых гранитных льва, что охраняли прибрежный храм этого дравидского города.

Из-за цунами также обнажился погребенный в песке каменный барельеф слона близ прибрежного храма. Теперь к нему стекаются толпы паломников, чтобы коснуться его руками. Говорят, это приносит счастье.

«Нисхождение Ганги» – одно из уникальных творений индийского искусства. Этот грандиозный наскальный рельеф высотой 9 и шириной 27 м включен в список 100 великих храмов мира. Центром рельефа является расщелина, из которой во время фестивалей и торжественных церемоний низвергается вода, символизирующая священные воды Ганги. К ней, Ганге, устремлены все фигуры богов, людей и животных.

Рельеф «Нисхождение Ганги» в Махабалипураме сыграл огромную роль в искусстве Индии и соседних стран. Его мотивы отчетливо прослеживаются во многих других индийских постройках, в рельефах индонезийского Боробудура и храмов Центральной Явы и Шри-Ланки.

Рядом – холм, на котором расположен маяк и несколько скальных монолитных храмов. Среди них храм Варахи – Аватары Вишну в образе вепря. Дальше находятся храмы Кришна Мандапарам, Тримурти и Рамануджа Мандапа, а справа от стелы – монолитный храм Ганеши с восьмиметровым куполом.

В южной части города находится замечательный храмовый комплекс Панча Ратха – «Пять Колесниц» – из 5 небольших храмов, посвященный братьям Пандавам и их жене Драупади (героям эпоса «Махабхарата»). Это как бы мини-энциклопедия индийского зодчества, так как все пять храмов выстроены в разных стилях.

Являющийся символом Махабалипурама ажурный Прибрежный храм – первое на юге храмовое сооружение в каменной кладке. Построенный в VIII в., он посвящен Шиве и представляет собой высокую рельефную башню-шикхару пирамидальной формы.

Прибрежный храм занесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Он сохранился не очень хорошо, ведь волны отпустили его совсем недавно, после цунами, когда власти соорудили дамбу, отделяющую храм от моря. К сожалению, богатые рельефы, остатки которых видны на стенах храма, разрушились под действием ветров, песка и моря.

Пять ратх, то есть 5 храмов-колесниц, вырезанных из цельного камня, являются образцом скальных храмов, возводимых в Индии до VII–VIII в. в, после храмы стали строить

самостоятельно от убежищ.

Ратхи расположены на выходе из Махабалипурама, на огражденной территории. Ратхи представляют собой небольшие открытые с фронтальной стороны мандапы, внутренняя поверхность которых и наружные стены украшены рельефными фигурами богов и их спутников. Из 5 ратх 2 не закончены. Мордой ко входу между ратхами стоит каменный лев, а за ним слон в натуральную величину.

К Панча Ратха ведет улица скульпторов, которая заслуживает особого внимания. Здесь можно увидеть как готовые скульптурные изображения богов, Будд и животных, так и понаблюдать полный цикл работы скульпторов, от обтесывания куска камня до завершающих украшений. Расположенный недалеко от автобусной станции в центре города храм Таласаяна – это действующий и один из известных храмов Вишну. Ежегодно в октябре – ноябре в храме проходит фестиваль паланкинов.

В Махабалипураме также ежегодно проводится фестиваль танца, который длится целый месяц, с начала января по начало февраля.

Махаботхи: храм и дерево

Этот храм – одна из четырех главнейших святынь буддизма в Индии, он же – один из самых древних кирпичных храмов. Возле него растет известное любому буддисту дерево Бодхи (или Боди)

Храм Махаботхи – одна из четырех главнейших святынь буддизма в Индии

Храм Махаботхи – знаменитый буддийский храм в Бодх-Гая (Бодхгая), расположенный в том месте, где Гаутама Сиддхартха, который уже 6 лет к этому времени занимался духовной практикой, но все еще не знал ответа на многие вопросы, достиг

просветления и стал Буддой, проведя в медитации 49 суток на берегу реки Фалгу.

Бодх-Гая находится в индийском штате Бихар, в 96 км от Патны. В храмовый комплекс входит также святое дерево Бодхи (Боди). Это дерево было выращено из семени дерева Шри Маха Бодхи в Шри-Ланке, которое в свою очередь произошло от оригинального дерева Махаботхи, под которым нашёл просветление Будда.

В 2002 г. храм Махаботхи получил статус охраняемых объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

В соответствии с буддийской традицией около 500 г. до н. э. принц Сиддхартха Гаутама, странствующий как монах, достиг берегов реки Фалгу около города Гая. Там он расположился для медитации под деревом Бодхи. После трёх дней и трёх ночей медитации он добился просветления и нашёл ответы на все вопросы, которые у него были. После этого он провёл семь недель в медитациях, закрепляя свой опыт просветления. Далее он направился в Сарнатх, где стал обучать людей буддизму.

Считается, что через 250 лет после просветления Будды царь Ашока посетил Бодх-Гая. Его считают основателем храма Махаботхи.

Считается, что первое священное строение на этом месте построили еще в III в. до нашей эры, примерно через два с половиной столетия после просветления Гаутамы.

Некоторые историки считают, что храм был построен или перестроен во времена Кушанского царства в I в.

Нынешний храм стоит со времен V–VI вв. н. э. В те времена он был важнейшей святыней, его курировали буддисты не только Индии, но и Бирмы, Шри-Ланки, Аракана. Махаботхи был целью паломничества, священным местом.

Но с упадком буддизма в Индии храм был заброшен. Причем настолько, что его занесло песком, покрыло почвой.

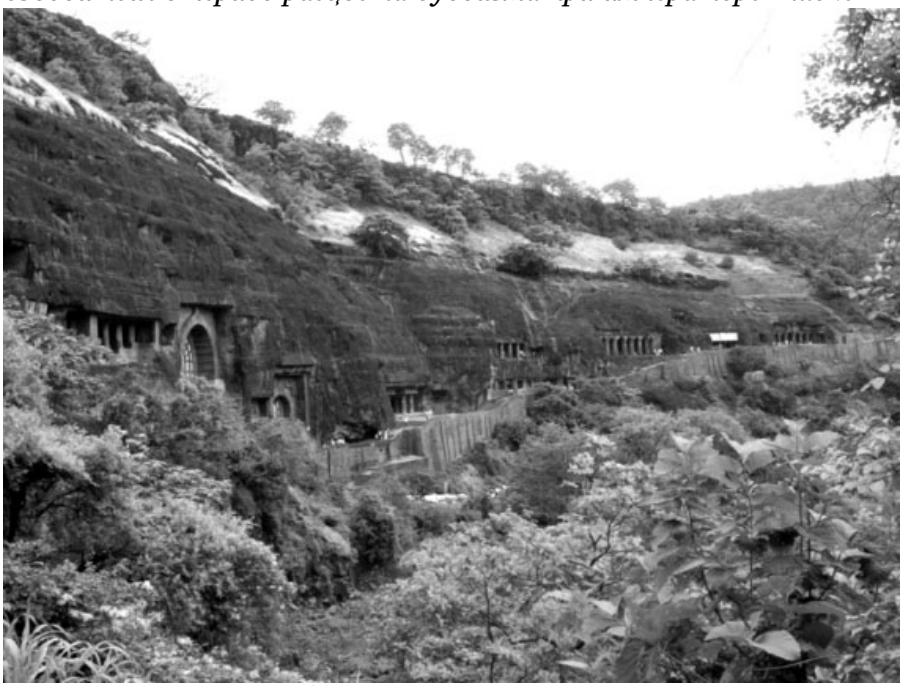
Восстановлен он был уже англичанами. С 1883 г. Александр Каннингэм, Дж. Д. Беглар и доктор Раджендралал Миитра вели здесь тщательные археологические раскопки в рамках Британского археологического общества. В результате храм был восстановлен в прежнем виде.

Сейчас храм снова принимает паломников. Вход в него расположен несколько ниже площади, на которой он стоит, а склоны «стен» украшены резьбою еще времен царя Ашока, основателя первого строения Махаботхи. Возле храма растет и дерево Бодхи, даже более знаменитое, чем сам храм. Именно под его тенью, считается, медитировал Будда. Такие деревья даже научное название получили в честь памятного события буддизма:

их называют «фикус религиозный». Экземпляр на территории Махаводхи, правда, уже пятый фикус, высаженный в том же самом священном месте. Но каждый новый выращен из ростков старого фикуса, поэтому хранит священную традицию буддизма.

Пещеры Аджанты

Уникальный комплекс Аджанта (штат Махараштра) – это 29 хорошо сохранившихся пещерных монастырей, которые славятся своей живописью. Эти храмы, где уже более двух тысяч лет назад, за три века до рождения Христа, звучали молитвы, начали возводиться в период расцвета буддизма при императоре Ашоке



Пещерные монастыри в Аджанте, построенные еще при царе Ашоке

Всего в Индии около 1200 рукотворных пещер, и тысяча из них – в западном штате Махараштра. Там в изобилии был вулканический базальт, из которого они высекались, и более десятка мест, где расположены ряды пещерных храмов. Есть несколько пещер и в Аурангабаде, самом большом городе севера Махараштры. А самый впечатляющий массив пещер, сочетающий буддийские, индуистские и джайнистские храмы, – в Эллоре, в 30 км от Аурангабада.

Стремившиеся к уединению монахи уходили в базальтовые скалы и селились в живописных холмах близ рек и озер. Торговые караваны, получавшие в монастырях пищу и отдых, предоставляли средства на строительство храмов. Строители имели также царственных покровителей (из династии Маурьев и Гупта, а потом Раштракута и Чалукта), которые сыграли большую роль в возведении и отделке храмов Аджанты и Эллоры.

Пещеры Аджанты вырублены в отвесных гранитных скалах, в ущелье высотой 22 м. Храмы высекались в скалах в течение нескольких столетий – в III–VII в. Наиболее интенсивное строительство велось в V в. при Харишене (462–483 гг.), правителе Центральной Индии. В это время созданы наиболее совершенные образцы скульптур и росписей Аджанты. После смерти Харишены строительство в пещерах велось менее интенсивно, монастырь стал угасать.

И вот в 1819 г. один английский офицер с самым банальным именем Джон Смит, охотившийся в горах, преследуя тигра, случайно заметил неясные очертания пещер.

Стилистически комплекс делится на 2 вида – чайтьи (молельни) и вихары (монастыри). Всего в Аджанте 4 чайтьи и 25 вихар. Широчайшую известность принесли пещерным храмам Аджанты их росписи. Живопись сохранилась лишь в 16 пещерах. Здесь расписывались потолки, стены и даже колонны. Краски на росписях как будто светятся в темноте.

Древние мастера сначала готовили смесь из глины, коровьего навоза и порошка трапового камня, иногда добавляя для прочности рисовую шелуху. На этот слой специальной щёткой наносили тончайший слой белой штукатурки и полировали его тонкой железной лопаточкой. Для приготовления красок растирали яйцо, добавляя рисовый отвар, патоку, клей и нужный краситель (их получали из минералов).

Пещеры выбивались из камня не подряд. Наиболее древние пещеры (8—13 и 15) находятся посредине массива. Архитектура позволяет выделить пещерные храмы хинаянского и махаянского периодов. Согласно традициям искусства Хинаяны, более ранней формы буддизма (его «узкой колесницы», ставящей акцент на индивидуальном внутреннем совершенстве), Будду не принято было изображать. На него намекают только символы: например, дхармачакра – колесо закона. Эти пещеры лишены скульптур. Зато их храмы (9 и 10 залы, с рядами восьмиугольных колонн, датируемые II–I вв. до н. э.) имеют огромную монолитную звучащую ступу – и их потрясающе звучная акустика лучше всего подходит для пения мантр. Возникает желание попеть – или зайти в маленькие четырехугольные кельи по бокам 12-й пещеры: посидеть на каменных ложах и ощутить, как жили монахи.

А более поздние пещеры Махаяны («широкой колесницы», акцентирующей роль бодхисатвы, спасающем все живые существа), по обе стороны от центральных, отличают изображения будд, бодхисатв и богов.

Фрески и скульптуры в нишах дают богатейший материал для созерцания. Частые скульптуры буддийских персонажей в

пещерах Аджанты – богиня процветания Харити с ребенком и наги, змееподобные божества с головой кобры. На потолках пещер – резные орнаменты лотосов и фрески мандал.

Наиболее интересны скульптурные группы 26-й пещеры. Одна рисует искушение Будды демоном Марой: медитирующего Будду окружают соблазнительные женщины, животные и демоны. На другой – огромная скульптура лежащего Будды с закрытыми глазами: его уход в нирвану. Но Будда и в смерти улыбается той же полуулыбкой, которая является отличительной чертой буддийских скульптур.

Почти во всех 29 пещерах Аджанты есть фрески: особенно хорошо они сохранились в 1, 2, 16 и 17-й пещерах махаянского периода. Все они посвящены жизни Будды и иллюстрируют «Корзины закона» Джатаки. Но разобраться в последовательности сюжетов сложно. Картины этого монастыря лишены рамок и являют единое цветное полотно прекрасных полуобнаженных фигур в драгоценных украшениях, где один образ не похож на другой. А сам принц Сиддхартха Гаутама столь женственно красив, что сложно принять его за аскета – даже на фреске, где он возвращается к своей семье как отшельник, прося подаяния. Сначала считалось, что создателями фресок были сами монахи, рисуя в свободное время сезона дождей. Но поздние исследования показали, что здесь работала варна (замкнутое сословие) профессиональных художников, передавая свое искусство детям.

Возникает вопрос: как же могли художники в полутёмных пещерах так тщательно выписать мельчайшие детали? Оказывается, они использовали белую материю и полированные металлические пластины для отражения в пещере яркого солнечного света, приходящего снаружи.

Художники Аджанты оставили нам портреты множества красавиц с замысловатыми украшениями и причёсками, среди которых нет одинаковых. Конечно же, большинство сюжетов посвящены жизни Будды и его учению.

Знатоки утверждают, что если бы Индия внесла в сокровищницу мирового искусства только живопись Аджанты, уже одно это было бы бесценным даром.

Притяжение Карли

Пещеры Карли, расположенные вблизи города Пуна, невдалеке от Мумбая, – заповедник буддизма, каменная кладовая, в которой давно нет ни книг, ни буддистов, а есть только камни и камни, и они многое помнят и до сих пор сохраняют атмосферу тех давних дней…

Столб Ашоки в пещерах Карли

Буддизм – религия, отрицавшая касты, отвергавшая жертвы и умевшая понятно объяснить цель человеческого существования.

Эта религия без бога возникла в Индии, в стране многобожия и жертвоприношений, в VI в. до н. э.

В III в. до н. э. мудрейший из правителей того времени великий Ашока Маурья, имя которого и посейчас не забылось в Индии, попытался объединить страну. Ведя кровопролитные войны, он подчинял себе одно царство за другим, но видел, что сопротивление не одолевается, а растет и растет. И тогда Маурья обратился в буддизм и стал учить людей добру и непротивлению. По буддийскому «осьмичленному пути спасения» он повел за собой тысячи своих подданных.

Сотнями и тысячами создавались прекрасные произведения зодчества и скульптуры, посвященные восхвалению новой религии и способствовавшие ее распространению в течение десяти столетий, которые зовутся эпохой буддизма.

Из всех памятников буддизма, составивших одну из ярких страниц каменной летописи индийской истории и во множестве сохранившихся в Индии, самыми впечатляющими являются пещерные храмы и жилища монахов.

Пещеры Карли, хотя и не самые грандиозные из пещерных монастырей, все же широко известны.

Земляные ступени, укрепленные неровными камнями, ведут наверх. Все ниже и ниже уходят вниз квадратики полей, озерцо, дома, дорога, автобусы. У самого входа в большую чайтью, у величественного темного входа, украшенного пластичными каменными статуями, стоит невысокий, ярко окрашенный новый храмик богини Парвати.

А внутри чайтьи, вдоль стен, идут строгие шестигранные колонны со скульптурными капителями. Оттуда, сверху, в древности смотрели они на тихие собрания буддийских монахов.

Чайтья имеет традиционную форму опрокинутого килем вверх корабля. В глубине ее возвышается массивная ступа, а на гладкой поверхности ступы выбиты маленькие углубления для светильников. В полу полукруглые ямки, очевидно, для круглодонных сосудов из пористой необожженной глины, в которых по всей Индии и сейчас держат воду: в любую жару можно иметь прохладное питье. И тогда, значит, монахи тоже пили здесь из таких сосудов.

Диву даешься, как скульптуры высекали вручную. И почти везде, где есть изображения Будды, есть и поздние добавки – изображения лингама Шивы, символа его плодородия, осыпанные красным порошком и убранные цветами. В простом и наглядном этом сочетании отразилась титаническая борьба идеологий, длившаяся много столетий.

Рамешварам, храм у пролива

Остров Рамешварам иногда называют «Бенаресом юга Индии». Географически он располагается в ближайшей к Шри-Ланке точке Индии. Каждый день его посещают более десяти тысяч паломников

Остров Рамешварам. Именно отсюда Хануман совершил свой прыжок на Ланку для спасению Ситы

«Рамаяна» рассказывает, что именно отсюда Хануман совершил свой прыжок на Ланку в поисках похищенной Ситы. Позднее он вернулся при поддержке Рамы, Лакшманы и обезьяньей армии Сугривы, построил мост через океан и участвовал в битве с Раваной. После победы Рамы над Раваной он вернулся в Рамешварам и участвовал в церемонии коронации брата Раваны, Вибхисаны, который был провозглашен царем Ланки.

Этот остров широко известен из-за храма Раманатхасвами, который в свою очередь приобрел мировую известность благодаря великолепным длинным коридорам, включая самый длинный в мире, и тому, что украшен замысловато вырезанными колоннами. Храм посвящен Шиве. Паломники, прибывающие сюда, считают своим долгом совершить омовение в священных водах Агнитхиртам, полоске моря, растянувшейся вдоль берега недалеко от храма.

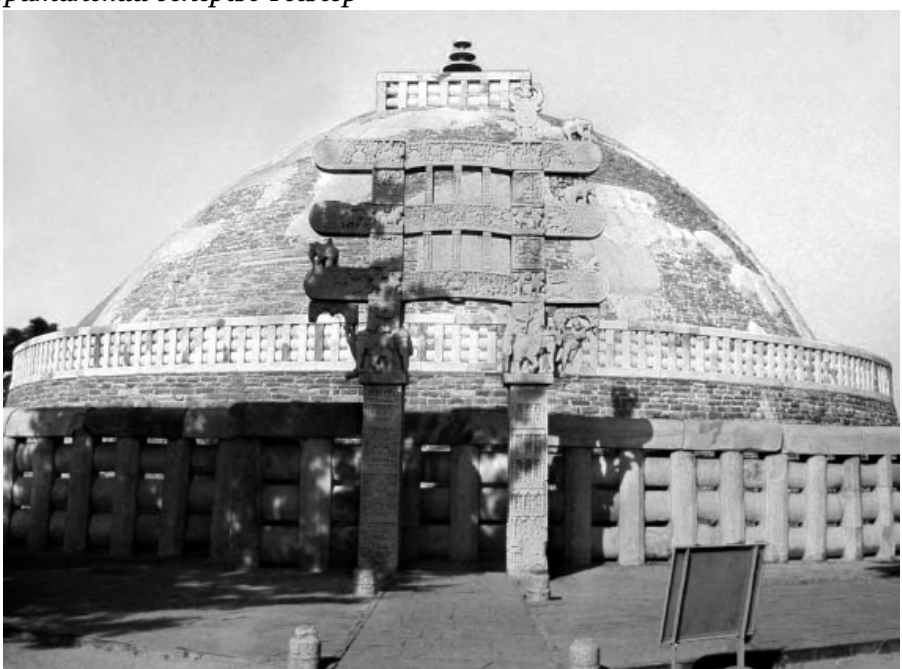
Верующие индуисты с юга Индии приносят песок с берегов Ганга и погружают его в воды, омывающие Рамешварам. Соблюдая этот ритуал, паломники обеспечивают себе место в раю.

Особенную важность для верующих Рамешварам представляет из-за проводимого здесь ритуала шраддха. Он подразумевает оказание последней дани уважения скончавшемуся родственнику и позволяет душе усопшего вырваться из замкнутого круга бесконечных перерождений. Вплоть до XII в. храм представлял собой хижину, покрытую соломой. Первое каменное здание появилось по приказу Паракпама Баху, правившего на Шри-Ланке. Большинство украшений и дополнений было создано в период с XII по XVI в. Сегодня над островом возвышается огромное здание с двумя башнями, тридцатиметровыми воротами, относящимися к XVII в., и множеством скульптур, иллюстрирующих сюжеты «Рамаяны».

(По материалам Дж. и Э. Спенсер «Мистические и священные места мира»)

Большая ступа в Санчи

Санчи, этот процветавший некогда торговый центр, находился на караванном пути и благодаря пожертвованиям купеческого сословия стал одним из самых примечательных мест во всем регионе. Его великолепие засвидетельствовано многочисленными письменными источниками. Впоследствии, с закатом влияния буддизма в Индии, Санчи пришел в запустение и к XII в. зарос травами. Это место случайно обнаружил в 1818 г. британский генерал Тейлор



Знаменитая ступа в Санчи

Сегодня Санчи – деревня в индийском штате Мадхья-Прадеш, в 46 км к северо-востоку от Бхопала, где сохранились выдающиеся памятники раннебуддийской архитектуры – храмы, ступы, монастыри.

Главной достопримечательностью Санчи является первая в истории ступа, символ священной горы Меру (высота ступы 16,5 м, до верхнего зонтика 23,6 м, диаметр основания 36,6 м). Она была возведена по приказу императора Ашоки в III в. до н. э. На рельефах изображены не только индийцы, но и люди в греческих одеждах. Задуманная в качестве наглядного символа Колеса дхармы, ступа в Санчи послужила прообразом всех последующих ступ. Расположенная поблизости сорокатонная

колонна Ашоки была привезена сюда из Чунара.

Первоначально здание главной ступы представляло собой полусферу, выстроенную из необожженного кирпича и окруженную деревянной оградой. В середине II в. до н. э. ступа была увеличена, полусферу увенчала дарохранительница с каменным шпилем и нанизанными на него тремя хармиками (зонтиками), которые символизировали ступени восхождения к вершине неба.

При династии Сатаваханов (I в. до н. э.) для большой ступы были выстроены каменные ворота-торана, ориентированные по сторонам света «выходы во вселенную». Форма ворот также напоминает деревянную архитектуру: две мощные квадратные колонны перекрыты тремя каменными балками, завершающимися спиралями (подобно священным буддийским свиткам-сутрам). Капители колонн выполнены в виде фигур четырех слонов, львов или карликов-якш, поддерживающих поперечные балки. Вся поверхность ворот покрыта обильной каменной резьбой, промежутки между балками и навершие ворот заполнены скульптурой.

Эти многочисленные изображения повествуют о жизни Будды после его появления на Земле и в прежних рождениях (джатаки), представляют сцены почитания буддийских святынь ступ, дерева Бодхи, Колеса дхармы и являют картину буддийского мира людей, животных и растений, радостно приветствующих явление Будды. Этот мир населен также персонажами добуддийских верований якшами, превращенными в ревностных почитателей буддизма. Сам Будда изображен в человеческом облике только в джатаках; как персонаж исторической биографии он представлен в символических образах (следы его ступней, лотос и т. п.). В сцене просветления под деревом Бодхи изображен лишь пустой трон. Ворота увенчаны символическим изображением «трех сокровищ» (триратна): лотос (Будда) увенчивает колесо (дхарма, буддийское учение), опирающееся на четырехступенчатую пирамиду (буддийская община).

Форма ступы строго подчинена канонам, имевшим глубоко символическое значение. Полусфера символизирует небесный свод. На вершине купола находится хармика – надстройка с квадратным основанием в форме балкончика – она символизирует священную гору Меру. Над хармикой возвышается проходящий через весь купол до его основания стержень с надетыми на него круглыми зонтами, последовательно уменьшающимися в диаметре снизу вверх. Стержень символизирует мировую ось, зонты означают три священных неба.

Ступа в Санчи, очень простая по своим округлым очертаниям, кажется скорее вылепленной, чем построенной. Но в ее органичной простоте ощущается скрытое внутреннее движение вверх. Это монументальное сооружение явно возводилось на века.

Вокруг ступы – массивная каменная ограда, лишенная всяких украшений. По четырем сторонам, соответствующим четырем сторонам света, в ограде сделаны ворота, богато украшенные скульптурой. Через ворота в святилище входили торжественные процессии для совершения священного обряда: он состоял в обходе вокруг ступы и восхождении процессии на верхнюю часть платформы. Ворота ограды Большой ступы (они называются торана) – выдающееся произведение древнеиндийской архитектуры.

Рельефы ворот в Санчи являются свидетельством большого шага вперед, сделанного индийскими мастерами каменной скульптуры в I в. до н. э. и являются наиболее зрелым произведением искусства Индии той эпохи. Основные темы, изображенные на рельефах, – жизнь Будды в разных воплощениях. Здесь присутствуют много-численные символы буддизма – колесо, дерево, лотос. Ворота украшают скульптуры духов природы – якшинь, птиц и зверей – слонов, львов.

В сюжетах ворот Санчи тесно переплетаются буддийское вероучение и древнеиндийские народные мифологические сказания. Среди рельефов ворот в Санчи можно видеть фантастические образы, неизвестные до сих пор в индийском искусстве: например, летающих львов. А фигуры якшини – женского божества природы – на воротах в Санчи определили идеал женского телосложения в каменной резьбе Индии на много столетий вперед, став эталоном индийской скульптуры.

Заброшенные на протяжении столетий, памятники Санчи были вновь открыты и описаны англичанами в 1818 г. Сто лет спустя здесь открылся музей, а в 1989 г. местные достопримечательности были занесены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Фрагменты скульптур святилища в Санчи, в частности торс якшини с южных ворот, находятся в Бостонском музее (США). А сам комплекс Большой ступы в Санчи считается одним из выдающихся историко-культурных памятников страны.

Скальные укрытия в Бхимбетке

Скальные жилища Бхимбетка находятся у подножия гор Виндхья, в южной части Центрального Индийского плато. В массивных известняковых скалах из девонского буро-коричневого песчаника, возвышающихся над довольно густым лесом, располагаются пять групп естественных скальных укрытий. Там имеются росписи, представляющие период от мезолита до конца доисторического времени

Древние рисунки на стенах скальных жилищ в Бхимбетке

Культурные традиции жителей 21 деревни, которые расположены вблизи этого объекта, имеют большое сходство с сюжетами, представленными на скальных изображениях.

Как и пещеры Ласко во Франции, относящиеся к палеолитической эре, Альтамиры в Испании и доисторические пещеры Африки и Австралии, пещеры в Бхимбетке возле Бхопала, высеченные из скал гор Виндхья, являлись укрытиями примитивных людей и считаются, вероятно, самыми старыми в мире.

В минувшем веке в этих горных местах среди скалистых отрогов и густых лесов, покрывающих горы, было обнаружено свыше 700 пещер, принадлежащих к неолитическому веку. Из них более 500 имеют на своих стенах яркие панорамные росписи, сделанные руками их древних обитателей в красном и белом цветах. Они рассказывают о повседневной жизни наших предков в окружении дикой природы.

Эти росписи делают пещеры Бхимбетки археологическим сокровищем и представляют собой бесценную редкостную

хронику в истории эволюции человека на протяжении почти 100 тысяч лет.

В. Ваканкар, открывший их, считает, что название Бхимбетка происходит от имени Бхимы – эпического героя «Махабхараты». Индийские археологи датируют некоторые из этих изображений очень ранними эпохами, включая верхний палеолит.

Опустевший Фатехпур-Сикри

Это удивительный, однако ныне пустынный город, бывший некогда столицей императора Акбара Великого, уцелевший в первоначальном виде, в каком он был задуман и построен при могольском правителе, и являющийся уникальным памятником градостроительства Индии

Индийские туристы в древнем пустующем городе Фатехпур-Сикри

В молодости Акбар часто сетовал по поводу того, что у него до сих пор нет сыновей: девочки выживали, а младенцы мальчики умирали. По этому случаю он посетил некоего суфийского мудреца и пророка Салима Чисти, жившего в маленьком городке Сикри, и тот предсказал ему, что его желание иметь наследника скоро осуществится. Предсказание сбылось, и в 1569 г. первая жена Акбара родила ему мальчика, названного именем святого – Салим.

Акбар решил отметить рождение сына закладкой нового города. Строительство велось в крайне сжатые сроки. Многие тысячи мастеров были привезены сюда, чтобы удовлетворить прихоть императора. Люди переселялись сюда навсегда, ведь здесь должна была быть столица империи. Вскоре, в 1573 г., сюда прибыл и двор императора. Дорога из Агры в Фатехпур-Сикри превратилась в огромную улицу, сжатую с обеих сторон рядами лавок.

Город с трёх сторон был окружён стенами толщиной 2,4 м и

высотой 9,6 м, сложенными из красного песчаника. С четвёртой стороны его защищало большое искусственное озеро.

Фатехпур-Сикри был замечательно распланирован: с широкими естественными террасами, дворами, сгруппированными вокруг них дворцовыми павильонами из красного песчаника.

Наиболее интересное здание города, которое можно назвать уникальным, – это Дивани-Кхас, или зал частных аудиенций Акбара. Огромная колонна возвышается в центре зала, на которой покоится огромная капитель. Капитель служит основанием для круглой обширной площадки, на которой Акбар восседал, принимая придворных, размещавшихся на галереях и внизу на полу.

Рядом с Дивани-Кхас находится Панч-Махал (пятиэтажный дворец). Он очень оригинален. Множество колонн упирается в скалистую землю, поддерживая четыре последующих этажа. С террас дворца открывается прекрасный вид на окрестности города.

На одной из сторон холма находится зал аудиенций Дивани-Ам, стоящий в центре просторного внутреннего двора. Часть двора размечена как гигантская доска для игры в пачизи, отдаленно напоминающая шахматы. Плиты – черные и белые. Здесь Акбар по ходу игры переставлял живые человеческие фигуры.

К югу располагаются большие спальные покои Акбара. Каменное ложе поднято на 2-метровую высоту. Там же находится соборная мечеть, построенная в 1572 г. из красного песчаника. Огромный открытый двор мечети имеет два величественных входа. Один из них, «Буланд Дарваза» – «Высокие ворота», построен в 1576 г. как триумфальная арка в память о походе Акбара в Гуджарат и называется также «ворота Победы». Высота ворот – 40,9 м. Стены покрыты выполненными из белого и чёрного мрамора изречениями из Корана.

Подлинная жемчужина форта и мечети – усыпальница Салима Чисти (1573 г.). Гробница представляет собой небольшой словно кружевной домик из белого мрамора, резко выделяющийся на фоне темно-красных стен мечети. Внутри гробница отделана необыкновенно богато: черным деревом и полудрагоценными камнями. У стен мечети – небольшой водоем.

Стоит посмотреть также дворцы Акбара; особняк его жены Мириам, украшенный стенной росписью; дворец Джоды Бай; особняки министра Бирбала и военачальника Руми Султана и другие здания, выполненные из ценных пород камня, с великолепной отделкой. Особую нарядность им придают ярко-

голубые глазурованные покрытия куполов и крыш.

Фатехпур-Сикри был столицей могольской империи лишь 10 лет.

Когда город разросся, оказалось, что в нем не хватает воды. Поэтому в 80-е гг. XVI в. двор Акбара покинул Фатехпур-Сикри, переселившись в Агру, а затем в Лахор. Опустевший навсегда город, как каменная сказка, возвышается над окружающей равниной.

Сегодня он является памятником всемирного наследия ЮНЕСКО.

Хампи: вслед за паломниками и кладоискателями

Хампи – деревня на севере индийского штата Карнатака. Хампи расположен посреди руин Виджаянагара – бывшей столицы Виджаянагарской империи. В Хампи находятся множество памятников, некогда являвшихся частью древнего города.

Руины Виджаянагара

Так как деревня Хампи расположена в самом центре руин Виджаянагара, её часто отождествляют с самим разрушенным городом. Руины Виджаянагара принадлежат к объектам всемирного наследия ЮНЕСКО, где они числятся как «Памятники Хампи». На сегодняшний день эта появившаяся ещё до основания города Виджаянагара деревня продолжает оставаться важным индуистским религиозным центром, в частности благодаря действующему и поныне храму Вирупакши.

«Хампи» происходит от слова «пампа», древнего названия реки Тунгабхадра, на берегах которой был построен город Виджаянагара. «Хампи» представляет собой англизированный вариант «хампе» (слова на языке каннада, произошедшего от «пампа»). В течение длительного периода времени этот населённый пункт также называли Виджаянагара и

Вирупакшапура (от Вирупакши – названия божества – покровителя правителей Виджаянагарской империи).

Хампи имеет вид средневековой деревни, окруженной храмами, в которых до сих пор осуществляются богослужения. Центром комплекса, а также крупным объектом поклонения и паломничества служит 50-метровый храмовый комплекс Вирупакша, возведенный в честь бога Шивы. (Он также известен как храм Пампапати.) Его строительство было завершено в IV в., почти за тысячу лет до распада империи.

Всего же здесь находятся более 12 храмов, форт, руины дворцов, царских купален, природные памятники архитектуры, такие, как «Скалы сестер», и памятники в честь былых побед, такие, как гигантская платформа, созданная Кришнадеварайей в честь победы над Ориссой. В Хампи в наши дни собираются художники и архитекторы, которые съезжаются сюда со всех уголков Индии.

Храм Вирупакша. Это самый старый храм в Хампи. Главный алтарь посвящен одной из форм Вишну. Рядом расположен храм джайнов и огромная скульптура Нарамсинха.

Угра Нарамсинха. Гигантская каменная фигура (6,7 м).

Храм Витхала. Расположен на востоке от базарной площади Хампи. Известен своими «музыкальными» колонами. В храме много красивых скульптур. Особенно известна каменная колесница и скульптура Гаруды.

Бадави Линга. Гигантский Шивалингам, высотой более 3 м сделан из черного камня.

Лотос Махал. Двухэтажное строение было создано как павильон для отдыха цариц. Рядом находились помещения гарема.

Купальни цариц. Площадь построек – 15 м, глубина – 1,8 м. Помещение украшено колонами, коридорами и балконами. Одно из самых красивых строений в Хампи.

Ворота Сингараду. Одно из старейших строений города Хампи.

Храм Хаджара Рама. Построен в самом центре города. Датируется XV в. Базальтовые колонны украшены резьбой, посвященной воплощениям бога Вишну. Каменные скульптуры иллюстрируют события, взятые из «Рамаяны».

Храм Ачута Райя. Это храм известен каменной резьбой эротического содержания.

Паломники проводят всю ночь вне стен здания, чтобы войти в храм с первыми лучами солнца. К входу ведет семисотметровая дорога, по которой паломники следуют за саддху (отшельниками). Путь проходит мимо колоннады, которая

некогда поддерживала крышу дворца императора. Первые ворота храма находятся на пирамидальном возвышении, украшенном скульптурами, вырезанными из камня. За вторыми воротами располагается обширная площадь, в ее центре стоит храм Бхуванешвари, таинственность и великолепие которому придают огни сотен свечей и лампад, установленных в небольших углублениях в стенах. Здесь же можно увидеть множество изваяний, самым заметным и почитаемым из которых является круглое каменное изображение лингама.

На противоположном берегу реки стоит комплекс Анегонди. С двумя этими городами-близнецами связано огромное количество мифов. Согласно одному из них, Пампа, дочь Брахмы, став женой Шивы, убедила его поселиться в здешних местах.

С 1336 по 1565 г. на месте Хампи располагалась столица Виджаянагарской империи – город Ваджаянагара. В 1565 г., после падения империи, город был разрушен и разграблен исламскими султанами.

В последнее время Археологическое управление Индии проводит в Хампи и округе систематические раскопки с целью обнаружения других артефактов и храмов.

В Хампи расположен ряд важных индуистских храмов, действующих по сей день. Самым знаменитым является посвящённый Шиве храмовый комплекс Вирупакша, также известный как храм Пампапатхи.

Хампи широко известен также благодаря своим ежегодным праздникам Пурандара, которые проходят в январе – феврале в храме Виттхала и посвящены этому поэту и композитору эпохи Средневековья.

Под знаком быка: храмы Чолы

Чола – тамильское государство, возникшее во II в. н. э. в долине реки Кавери и после падения империи Паллавов, в конце IX в., распространившее свою власть на весь Тамилнад и юго-восточную оконечность Деккана. В годы расцвета столицей служил Танджавур

Ворота храма Брихадисвара в Танджавуре

Правление Чола в X–XII вв. ознаменовалось небывалым расцветом тамильской литературы и строительством крупных храмовых сооружений, которые внесены в число памятников всемирного наследия как «великие храмы империи Чола».

Большой храм Брихадисвара в Танджуре (Танджавуре) был сооружен между 1003 и 1010 гг., во времена правления царя Раджараджи, основателя империи Чола. Окруженный двумя стенами, имеющими в плане форму квадрата, этот храм (построенный из гранитных блоков и частично из кирпича) увенчан пирамидальной 13-ярусной башней – «виманой», имеющей высоту 61 м, с монолитом-луковкой на вершине. Стены храма богато украшены скульптурой.

В 2004 г. в объект наследия были включены еще два храма, также относящиеся к временам империи Чола: Гангайкондачолисварам и Айраватесвара в городе Дарасурам.

Храм Гангайкондачолисварам, построенный Раджараджей I, был закончен в 1035 г. Его 53-метровая «вимана» имеет заглубленные углы и грациозные, устремленные вверх изогнутые формы, контрастирующие с прямой и суровой башней в Танджавуре. Шесть пар массивных монолитных статуй «дварапала» охраняют вход, а внутри находятся исключительно красивые предметы из бронзы.

Храмовый комплекс Айраватесвара, построенный Раджараджей II в Дарасураме, известен 24-метровой «виманой» и каменной скульптурой Шивы.

Все индийские храмы окружены каменными заборами. В зависимости от величины (или значимости) храма у него может быть несколько колец ограды.

Мы двигаемся по Танджавурскому храму и проходим ворота. Перед нами большой внутренний двор. В центре находится большое строение храма. По краям маленькие храмы. Круговая ограда представляет собой как бы крытый коридор с колоннами, где в углублениях стены также находятся альковы с разными богами.

Потихоньку начинает темнеть и включается подсветка. Обернемся и посмотрим на ворота с внутренней стороны. Посмотрите, какие они огромные!

Внутренний двор весь выложен плиткой. Очень чисто. Если кто-то устал – можно прилечь и отдохнуть. Кто-то отбивает поклоны перед маленькими храмами, кто-то просто спит, некоторые целыми семьями расположились на небольшой пикник у дальней стены храма.

Центральный храм Брихадисвара состоит из двух частей. Первая располагается в низком здании. Вторая – в высоком. К каждой части ведет своя лестница. А теперь представьте, что внутри лишь две маленькие комнатки, без единого окна размером 5 на 5 м, в высоту 4 м. В центре одной из комнат стоит статуя бога Шивы с 8 руками, вокруг горят свечки. Пол, стены и потолок сложены из больших каменных блоков.

Общая высота храма 65,4 м. Верхушка увенчана монолитным камнем весом в 80 т. Говорят, этот камень везли с расстояния 6 км.

А вокруг всего здания по основанию стены идет древняя письменность. И этим словам тоже около тысячи лет.

Когда обойдешь вокруг храма, то, подходя к выходу, встречаешь еще одно чудо этих краев, каменного быка – мифическое животное, верхом на котором разъезжала стража Шивы, охранявшая центральный вход в храм.

Это вторая по величине скульптура подобного типа из

монолитного камня в Индии!

Захваченные подъемом религиозного движения шиваитов (найанмары) и вишнуитов (альвары) (VI–IX вв.), прокатившегося по всей стране, правители Чола не только реконструировали и расширили несколько сотен уже существовавших храмов и построили сотни новых, но и учредили новые культы и праздники, поддерживая их щедрыми дарами. Поэзия, искусство, музыка и танец достигли в это время вершины совершенства, и потому эта эпоха называется золотым веком империи Чола.

Город пещер Элефант

Пещеры Элефанты расположены в центральной части острова Гхарапури (Элефанта), расположенного в Аравийском море вблизи города Мумбаи. Так называемый Город пещер содержит большое собрание наскального искусства, посвященного культу бога Шивы. В 1987 г. пещерные храмы на острове Элефанта вошли в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО

Ворота храма Брихадисвара в Танджавуре

Одним из сокровенных мест в Индии, которые стоят того, чтобы их непременно посетить, является остров Элефанта. Самый впечатляющий среди этих памятников VII и VIII вв. – комплекс древних пещерных храмов с огромными изваяниями внутри. Главное зрелище здесь представляет пятиметровый массивный бюст трехголового Шивы, который воплощает в себе его ипостаси как Создателя, Охранителя и Разрушителя. «Пещеры Шивы», эти знаменитые древние пещеры острова Элефанта, вырублены в скале, составляя сакральный храмовый комплекс, посвященный богу Шиве.

Название острову дали путешествовавшие в этих краях португальцы, которые в XVI в. увидели на острове, в одном из раскопанных храмов-дворцов, огромную вырубленную из скального монолита фигуру слона. Такая находка не могла не заинтересовать гостей острова, и на нее покусились англичане,

которые решили во что бы то ни стало забрать такую диковинку себе, но сумели доставить ее только до Мумбая. Здесь, в музее принца Альберта, по сей день и хранится это произведение искусства древних индийских зодчих.

До Элефанты путь занимает около часа, во время путешествия можно любоваться приближением прекрасного острова, покрытого пышной тропической растительностью. Одна из старых индийских легенд рассказывает, как с Гхарапури (старое название острова) на помощь Раме кинулся царь обезьян, одним махом перепрыгнув почти десятикилометровый пролив.

От пристани к храмовому комплексу Шивы можно совершить пешую прогулку, любуясь морским пейзажем и встречая по дороге многочисленных ремесленников и торговцев, предлагающих сувениры из камня, керамики, дерева, бронзы и меди, которыми славятся индийские мастера.

И вот цель туристского пути – удивительное по красоте, уникальное произведение древних зодчих 450–750 гг., комплекс из четырех храмов, посвященных Шиве.

Для создания комплекса использовались семь пещер, которые выдолбили и объединили в один ансамбль здешние монахи. Самой значимой среди этих пещер является пещера Махесамурти, в которую ведут каменные ступени.

Созданный в недрах самой природы храм встречает гостей и паломников колоннадой и простирающимися за ней просторными, залами. Своды залов подпирают каменные столпы, украшенные резьбой, а сами залы украшены скульптурами, барельефами и горельефами с изображениями разных божеств – танцующего Шивы, свадьбы Шивы и Парвати и других.

Внутри двухвершинной горы этого острова пещерный храм, высеченный целиком в камне. Главная пещера имеет 39,5 м длины, 40 м ширины и от 4,5 до 5,3 м высоты; свод поддерживается 42 массивными и тонко обработанными, теперь уже поврежденными и отчасти даже разломанными (а 8 из них и вовсе уничтожены) колоннами. В глубине пещеры исполинское (около 6 м высотой) рельефное поясное изображение индийской троицы – Брахмы, Вишну и Шивы, представленных в едином образе. Боковые стены тоже украшены колоссальными рельефами, относящимися к циклу мифов о Шиве. Вход в храм охраняется восемью обнаженными фигурами выше человеческого роста, высеченными из камня.

Зигзаги истории

Почвоведы-детективы

Когда дело касается прошлых событий, ученый становится детективом. Бывает так, что целые народы не оставляют после себя никаких обычных вещей: сосудов, украшений или строений, а только кучи земли и предметы непонятного назначения

Археолог собирает мельчайшие улики, чтобы хоть что-то узнать о жизни предков, и обращается к специалистам других наук. Окаменелые клетки растений – еще один след, который может привести к интересным открытиям, если его умело распутать. Ключевая информация – это форма окаменелости, по ней можно сказать, какое растение здесь росло или было принесено. Фитолиты находят на поселениях, в погребениях, сосудах, желудках, зубах умерших животных.

Больше столетия изучают археологи пепельные холмы на юге Индии – огромные насыпи, достигающие высоты десяти метров. Ученые считают, что более четырех тысяч лет назад здесь обитали пастухи, потому что строительным материалом для холмов послужил сожженный навоз крупного рогатого скота. Кроме редких обломков керамики, в холмах не нашли больше никаких артефактов. Зачем их насыпали?

Как рассказал Марко Маделла из Института Макдональда в Англии, анализ фитолитов оказался единственным методом, способным пролить свет на этот вопрос. Пепельные холмы на 98 процентов состоят из окремнелых клеток, что придает им характерный белесый цвет. Некогда они были травами, но травами свежими, а не увядшими. Это означает только одно – пастухи пригоняли свои стада к холмам весной или ранним летом.

Холмы сложены из разных видов пепла, одни участки содержат крупные и жесткие частицы, другие – мелкую пыль. Детально их состав исследовали индийские ученые Санджей Экзамбекар и Мукунд Каджале из университета города Мумбаи. Они установили, что часть пепла, особенно нежной консистенции, раньше была навозом коз или овец, а не коров, как думали раньше. Дело в том, что нежный пепел образован фитолитами мелких растений, высотой не больше 1,5 см. Коровы не могут щипать траву под корень, поэтому низкорослые виды доступны только мелкому рогатому скоту.

Большое количество навоза в одном месте, по мнению Маделлы, может означать, что у пастухов были постоянные места торговли скотом, где из столетия в столетие собирались разные

семьи. Ярмарки длились по нескольку месяцев, а скотины паслось вокруг – тысячи голов. Лето, юг Индии. Легко себе представить, что там творилось. Видимо, в санитарных целях люди складывали навоз в кучу и сжигали. Экзамбекар не согласен со своим английским коллегой Маделлой. Он считает, что сожжение больших куч навоза – это праздничный или религиозный ритуал, который повторялся из года в год. Здесь могут быть корни древних индийских культов.

Цивилизация долины Инда

Индская цивилизация была одним из самых ярких явлений в историческом развитии Древней Индии. Более четырех тысяч лет тому назад древнее население бассейна Инда создало высокоразвитую городскую культуру, не уступающую таким очагам мировой цивилизации, как Месопотамия и Древний Египет, а в ряде отношений и превосходившую их

Печать из Хараппы

Открытие и исследование хараппской культуры (названа так по месту раскопок в Хараппе, округ Монтгомери, Западный Пенджаб) имели чрезвычайно большое научное значение. После этих открытий уже невозможно было утверждать, как это раньше делали многие ученые, что Индия в древности «никогда не проходила через стадию цивилизации, отмеченную широким употреблением бронзы», что индийская культура была прочной стеной отделена от других государств древнего Востока и резко уступала им по уровню развития.

Еще сравнительно недавно Индская цивилизация объявлялась иногда лишь провинциальным вариантом шумерийской. Научные открытия в долине Инда убедительно доказали древность, самобытность и автономность индийской культуры, процветавшей задолго до появления в стране индоарийских племен. Этим был нанесен удар по тем теориям, которые связывали происхождение цивилизации в Индии лишь с

приходом арьев.

Первые научные раскопки памятников Индской цивилизации были начаты в 1921 г. индийским археологом Р. Сахни в Хараппе, а годом позже Р.Д. Банерджи открыл остатки другого центра – Мохенджо-Даро (на языке синдхи – «Холм мертвых»). В дальнейшем памятники Индской цивилизации исследовались многочисленными научными экспедициями под руководством Дж. Маршалла, Н. Маджумдара, Э. Маккея, М. Ватса, М. Уилера и др.

При изучении ранних этапов хараппской культуры немалая трудность состоит в отсутствии точных стратиграфических данных с периода неолита до строительных комплексов в индских городах. Повышение уровня подпочвенных вод затрудняет исследование древнейших слоев в Мохенджо-Даро. Мало известно и о возникновении поселения в самой Хараппе. Все это привело к тому, что до сих пор среди исследователей нет единодушия в трактовке такого важного вопроса, как происхождение хараппской культуры. По мнению некоторых исследователей, она обязана своим возникновением цивилизации на Евфрате и Тигре.

Наиболее популярна сейчас точка зрения, рассматривающая хараппскую культуру как создание чисто местное, индийское. Однако при этом ученые нередко впадают в крайность. Стремясь подчеркнуть древность индийской культуры, Э. Эрас, например, считал, что хараппская культура предшествовала шумерийской и, возможно, даже породила ее.

Среди исследователей Индской цивилизации имеются защитники мнения о создании хараппской культуры арийскими племенами. Даже некоторые авторы большого труда «История и культура индийского народа» склонны рассматривать хараппскую культуру как первую волну индоевропейского проникновения. К этому примыкает и точка зрения К. Шастри, согласно которой Индская цивилизация была по своему характеру ведийской (по времени соответствующая «Атхарваведе»), так как, по мнению К. Шастри, «Ригведа» была много древнее этой цивилизации.

Ошибочность таких заключений становится особенно очевидной в свете новых археологических раскопок, говорящих о вызревании хараппской культуры в результате закономерного прогрессивного развития местных раннеземледельческих культур и до появления индоарийских племен в Индии. О местном характере культуры свидетельствует изучение древних культур Белуджистана и Синда – областей, с которыми граничила и находилась в тесном контакте хараппская культура. Но планомерные широкие археологические изыскания до недавнего времени здесь фактически не проводились. Не существует и

общепринятой классификации этих культур. Лишь в последние годы получены новые данные о развитии раннеземледельческих культур не только Белуджистана и Афганистана, но и соседних районов.

Материалы раскопок показали последовательное развитие культур в горных долинах Северного Белуджистана. Первые жители поселения (Кили 1) употребляли еще кремневые орудия и не были знакомы с изготовлением керамики. О возможном развитии земледелия уже в этот ранний период говорит значительная толщина культурного слоя и небольшое число костных останков диких животных. Карбонный анализ определяет верхнюю границу докерамической культуры в Северном Белуджистане 3712–3688 (+85) гг. до н. э.

Только культура третьего периода предстает как типично земледельческая. Связь с Хараппой прослеживается лишь на материале седьмого периода. Существенным аргументом в пользу местного происхождения раннеземледельческих культур Белуджистана некоторые археологи считают наличие среди одомашненных животных местных пород скота.

Раскопки Е. Росса в Рана-Гундай позволили выявить последовательность культур на протяжении длительного периода и дали относительную стратиграфию Северного Белуджистана. Сравнение материала нижних слоев Рана-Гундай с культурами Северного Ирана показывает и определенное сходство культур Северного Белуджистана и Северного Ирана (Гиссар). Можно предполагать, что здесь имело место и проникновение отдельных племенных групп из Ирана в Северный Белуджистан. Однако в целом северобелуджистанская земледельческая культура характеризуется своеобразными местными чертами, что противоречит взгляду некоторых археологов об иранском характере и иранском происхождении земледельческих культур Северного Белуджистана.

Керамика, близкая к керамике второго и третьего периода в Рана-Гундай, была найдена М. Уилером под укреплениями в Хараппе. Это позволяет не только говорить о связи культур Северного Белуджистана с самыми ранними культурами долины Инда, но и определить во времени третий период Рана-Гундай как дохараппский.

В особую группу могут быть выделены дохараппские по времени культуры Южного Белуджистана и Синда – Амри (часто Амри-Наль) и Кулли.

Для первых раннеземледельческих культур Южного Белуджистана характерен более высокий уровень их развития по сравнению с древними земледельческими культурами севера.

Освоение севера Белуджистана проходило значительно раньше, и на юг первые земледельческие общины пришли уже более развитыми…

Показательно, что в ряде районов дохараппская культура предстает перед нами уже как высокоразвитая. Недавние раскопки в Кот-Диджи (недалеко от Хайрпура, Западный Пакистан) открыли существование местной самостоятельной и высокоразвитой оседлой земледельческой культуры. Археологи нашли непосредственно под памятниками хараппской культуры большое сооружение дохараппской эпохи. Исследованный здесь архитектурный комплекс состоял из двух частей: крепости и предместья с постройками. Изучение керамики из Кот-Диджи свидетельствует о высоком развитии гончарного производства, а сходство керамики с раннехараппской вскрывает корни собственно хараппского гончарного производства. Интересный материал о предшественниках хараппцев был добыт индийскими археологами и при раскопках Калибангана. Два холма, расположенные на левом берегу высохшего русла реки Гхаггар в Раджастхане, были местом обитания и хараппцев и их предшественников. Первые жители Калибангана возводили свои дома из сырцового кирпича, знали уже медь, хотя продолжали пользоваться орудиями и из камня. Форма керамических изделий, техника и характер росписи сближают керамику предшественников хараппцев с керамикой раннеземледельческих общин Белуджистана и Синда (например, с керамикой Амри и Кот-Диджи). Но она встречается и в нижних слоях Хараппы и Мохенджо-Даро, а также, как показали новые раскопки, во многих хараппских поселениях долины Сарасвати. Это привело ученых к выводу о значительной роли «предхараппской культуры» в сложении Индской цивилизации. Новые раскопки окончательно опровергли мнение о «внезапном возникновении Индской цивилизации без всяких следов предшествующего развития».

Поселения хараппской культуры, вначале обнаруженные лишь в долине Инда, известны теперь на территории более чем 1100 км с севера на юг, начиная от Сиваликских гор до реки Тапти и Нармады, и более 1500 км с запада на восток от Суткаген-Дора до Аламгирпура (близ Дели) и даже Аллахабада.

Новые археологические исследования показали, что хараппская культура охватывала долину Инда, Гуджарат, области Раджастхана, верховья Джамны. Территориально она значительно превосходила древнейшие цивилизации Египта и Двуречья. Среди многочисленных городов и поселений этой культуры лучше всего исследованы два главных города – Хараппа и Мохенджо-Даро, а

также Чанху-Даро, Рупар, Калибанган и Лотхал. Область распространения хараппской культуры не оставалась неизменной на протяжении столетий ее истории. В процессе развития хараппцы двигались на юг, к Катхиавару, и на восток, проникая во все новые и новые районы.

Хараппские поселения в Гуджарате располагались преимущественно по берегу моря. По мнению некоторых индийских археологов, это указывает на морской путь движения хараппцев из долины Инда к Гуджарату.

Археологические открытия последних лет убедительно опровергли широко распространенное мнение о единообразии и застойном характере хараппской культуры. В настоящее время уже можно говорить не только об общих чертах хараппской культуры в целом, но и об определенном своеобразии отдельных областей и периодов в истории хараппских поселений.

Фаза развитой хараппской культуры датируется примерно 2100 г. до н. э., что позволяет отнести ее начальные периоды на несколько столетий раньше – условно к 2500–2400 гг. до н. э.

Упадок хараппских поселений протекал в разных районах не одновременно. Лучше всего верхний рубеж устанавливается в Хараппе и Мохенджо-Даро. В верхних слоях Хараппы обнаружены сегментированные фаянсовые бусы, спектральный анализ которых показал их идентичность с бусами из Кносса (Крит), относящимися к XVI в. до н. э. Это позволило датировать экземпляры из Хараппы, а отсюда и верхние слои самого поселения также приблизительно XVI в. до н. э.

В настоящее время радиоуглеродный анализ дает более ранние, чем это было принято, даты для поздних хараппских слоев в Мохенджо-Даро– примерно XVIII в. до н. э. Новые исследования в Лотхале показали, что здесь не позднее XVII в. до н. э. культура теряет типично хараппские черты. Мы не имеем точных данных о времени упадка самой Хараппы, но можно думать, что запустение ее произошло не позднее XVII–XVI вв. до н. э. Новые датировки конца хараппской культуры, безусловно, нуждаются в дальнейшем подтверждении, но уже сейчас ясно, что старые схемы должны быть пересмотрены в сторону некоторого удревнения принятых ранее дат.

О степени развития Индской цивилизации мы судим главным образом на основании раскопок городов, поскольку поселения так называемого сельского типа исследовались до сих пор в ограниченном масштабе. При этом надо иметь в виду, что при относительной однотипности культуры в целом города, а тем более крупные центры, какими являлись лучше всего

исследованные Мохенджо-Даро и Хараппа, находились на более высокой ступени развития, чем небольшие провинциальные поселения.

Раскопки показали очень высокий уровень городского строительства. Город Мохенджо-Даро располагался, например, на площади до 2,5 кв. км и мог иметь население в 100 и более тысяч человек. Строительство велось по заранее разработанному плану. Даже в древних городах Шумера не было такой строгой и четкой планировки. Улицы шли параллельно друг другу и пересекались с другими под прямым углом. Ширина главных улиц была довольно значительной, доходя до 10 м. К ним сходились более мелкие улочки и переулки, иногда такие узкие, что по ним с трудом могли передвигаться повозки. Раскопки не выявили каких-либо следов дорожного покрытия, и, вероятно, в условиях индийского климата движение по дорогам в период муссонов было чрезвычайно затруднено. При раскопках Хараппы была открыта специальная прецессионная дорога, проходившая у края цитадели. Возможно, по ней шествовали войска, охрана правителя и различные процессии во время праздников и состязаний.

Городские постройки подразделялись на жилые дома и общественные строения. Дома зажиточных граждан обычно были двух– и трехэтажные. Строились они из обожженного кирпича, который был очень прочен и мог служить в течение длительного времени, что имело особое значение в условиях довольно влажного в то время климата в Синде. Наряду с обожженным кирпичом пользовались и сырцом; его изготовление было дешевле. Летом в зданиях, построенных из сырца, было значительно прохладней. Связывающим материалом служил специальный илистый раствор; в особых случаях (например, при строительстве системы канализации) применяли и гипсовый раствор.

Вход в дом обычно вел с улицы. Двери изготовлялись из дерева. Деревянными, очевидно, были и крыши, которые делались плоскими. Возможно, что для настила крыш применялся утрамбованный ил. Судя по сохранившимся постройкам, окон в домах не было, и свет поступал через специальные отверстия в верхней части стен. Кроме жилых комнат, в домах находились хозяйственные помещения и специальные комнаты для прислуги и сторожей.

Внешне дома обычно не украшались. При каждом доме имелся двор, где приготовляли пищу. Существовали специальные кладовые, где хранились продукты. При раскопках были обнаружены и остатки кухонь. В одном из дворов археологи

нашли круглую печь, предназначенную для выпечки хлеба. Во дворе, вероятно, находился и мелкий рогатый скот. Почти в каждом доме имелась комната для омовений. Грязная вода стекала в отстойник, затем в специальные каналы, построенные для стока воды на каждой улице. Уличные каналы соединялись с главными городскими каналами. Можно полагать, что через определенные периоды времени вся система подвергалась очистке. Для отвода дождевой воды были построены специальные подземные стоки из кирпича. Таким образом, система канализации была тщательно разработана и являлась одной из наиболее совершенных на Древнем Востоке. Раскопки говорят и о хорошо налаженной системе водоснабжения. Колодцы имелись при крупных домах; общественные колодцы устраивались на улицах.

Кроме жилых зданий, в хараппских городах раскопаны и различные общественные постройки, в частности городской рынок. Было найдено и зернохранилище, построенное на кирпичной платформе размером 61×46 м для защиты от наводнения. Вблизи находились специально сделанные платформы для помола зерна. Большой интерес представляет открытие в Мохенджо-Даро помещений для омовений, которые, очевидно, являлись частью общественного бассейна. Возможно, что последний существовал при каком-либо религиозном сооружении, но ответить определенно на этот вопрос пока нельзя. Бассейн был построен с учетом постоянного спуска воды и поступления свежей. Его дно покрыто битумом. Недалеко от бассейна обнаружили здание бани, которое, судя по раскопкам, обогревалось горячим воздухом.

Размеры зданий иногда довольно значительные. Так, раскопанное в Мохенджо-Даро здание (полагают, что это дворец) имело размеры 230×170 м. Длина общественного бассейна в Хараппе составляла 11,9 м, ширина – 7 м и глубина – 2,4 м.

Специфика городского планирования определялась характером городского поселения, его положением. В ряде городов, страдавших от наводнений, дома строились на особых платформах, защищавших жителей от водной стихии. Таковым предстает перед нами, например, городское поселение в Лотхале, где город был защищен от наводнений глиняной стеной и массивной платформой, на которой стояли жилые кварталы.

Основным занятием населения долины Инда было земледелие. Раскопки говорят о культивировании пшеницы, ячменя, гороха, кунжута, хлопка, дыни, о развитии садоводства. В городах существовали специальные амбары для хранения этих продуктов. На большое значение земледелия в хозяйстве

указывают находки огромного числа зернотерок.

Жители долины Инда были знакомы с водочерпательным колесом. Современная археология не располагает прямыми данными о наличии ирригационных сооружений в тот отдаленный период, однако можно предполагать их существование.

Из домашних животных разводили овец, коз, коров, а также кур. Население Хараппы знало собаку, домашнюю кошку, осла. Некоторые исследователи полагают, что жителям индских поселений была известна и лошадь, но имеющиеся данные еще требуют дальнейших подтверждений. Находки костей животных – слона, верблюда, льва – свидетельствуют о фауне той эпохи. Многие изображения домашних и диких животных мы находим на индских печатях.

Хараппская культура была культурой бронзы. В этот период бронза наряду с медью играла важную роль в хозяйстве и ремеслах. Из этих металлов изготовлялись многие орудия производства и оружие. Жителям хараппских поселений хорошо были известны плавка, ковка и литье металлов. При раскопках было найдено много ножей, топоров, зеркал, бритв, из оружия – кинжалов, мечей, наконечников стрел и копий, булав. Из металлов делались и предметы искусства.

Анализ процентного содержания металла свидетельствует об употреблении населением особого сплава меди и мышьяка, причем процент последнего был довольно высоким – до 4,5. Высоким было и содержание олова: в некоторых предметах до 26 %. Железо еще не было известно; его следы не обнаружены даже в самых верхних слоях хараппской культуры. Употреблялись также золото, серебро, свинец. Из золота делали различные украшения, а из серебра также сосуды. Эти металлы могли добывать на севере Индии, но возможно, что их доставляли из некоторых западных районов – Афганистана, Белуджистана, а также с юга Индии. Кроме металлов, в хозяйстве продолжал употребляться и камень.

Крупные города были центрами ремесленного производства, многие отрасли которого достигли в то время значительного развития. Находки пряслиц почти в каждом доме, а в некоторых и кусочков хлопчатобумажной ткани указывают на широкое развитие прядения и ткачества.

Замечательным мастерством славились ювелиры, горшечники, резчики по кости и металлу, судостроители и т. д. Высокой техникой изготовления и росписи отличается керамика местных горшечников. Сосуды делали на гончарном круге и подвергали обжигу. Обнаружены крупные печи для обжига

сосудов. Керамику грунтовали обычно красной охрой, затем лощили и перед обжигом расписывали черной краской.

Памятников изобразительного искусства сохранилось немного. Это прежде всего скульптурные изображения: например, прекрасно выполненный женский торс, сделанный из песчаника, мужская голова, которую иногда условно называют скульптурой жреца. До нас не дошли стенные росписи в зданиях, хотя они, безусловно, существовали, о чем свидетельствуют их следы.

Большим спросом у жителей хараппских поселений пользовались различные украшения, бусы, ожерелья, кольца, браслеты. Они делались из металла (золота, серебра), кости и камня. Широкое распространение имели изделия из фаянса: украшения, браслеты и даже небольшие сосуды. Хараппские ремесленники пользовались также раковинами, различными полудрагоценными камнями (агат, яшма), которые добывались, очевидно, в Гуджарате.

Высокого развития в городах достигла внутренняя и внешняя торговля. О широком размахе торговых операций говорят находки весов и большого числа гирь разнообразной величины. Торговля велась как сухопутным путем, так и по рекам и морю.

В течение длительного времени среди ученых была распространена точка зрения о большой пестроте антропологического состава населения Индской цивилизации.

В настоящее время наиболее правильным следует признать мнение о преобладании европеоидных черт в расовых типах древнего населения долины Инда и его принадлежности к европеоидной расе, ныне широко распространенной в Северной Индии. Вместе с тем такое заключение еще не свидетельствует в пользу тех авторов, которые считают хараппскую культуру созданием племен – носителей индоевропейского языка (арьев). Европеоиды проникли в Северную Индию задолго до сложения индоевропейской общности, возможно еще в верхнем палеолите или мезолите.

Одной из характерных черт Индской цивилизации и показателем ее высокого культурного развития является существование письменности, к сожалению, до сих пор еще не расшифрованной. Найдено более тысячи печатей с надписями, включающими почти 400 различных знаков. Надписи наносились не только на особые печати (чаще всего четырехугольные), но и на керамику, медные пластинки и т. д. Многие из печатей просверлены, что позволяет рассматривать их либо как амулеты, либо как своего рода расписки и метки, которые могли прикрепляться к товарам. Все это говорит о широком развитии грамотности в эпоху Индской цивилизации.

Жители Хараппы писали горизонтальными строками. Надписи имеют преимущественно рисуночный характер, однако изучение письма позволило ученым прийти к выводу, что наряду с идеограммами оно имеет и ряд фонетических знаков. Среди знаков привлекают внимание черточки, которые ученые справедливо считают цифрами. Надписи, как правило, коротки, в основном текст содержит от одного до восьми знаков.

Письменность Мохенджо-Даро издавна привлекала внимание ученых, пытавшихся дешифровать загадочные письмена. Появление первых публикаций печатей в 70-х гг. XIX в. вызвало серию попыток прочтения надписей. Были высказаны точки зрения о близости письма Мохенджо-Даро письменности острова Пасхи, хеттскому иероглифическому письму и т. д. Основная трудность в правильной дешифровке письменности Мохенджо-Даро состоит в том, что наука не дает пока окончательного ответа на вопрос о языке создателей Индской цивилизации. Не располагают ученые и двуязычными надписями – билингвами.

Некоторые современные индийские ученые склонны рассматривать язык надписей Мохенджо-Даро как архаический санскрит, что противоречит многим историческим и лингвистическим данным. К настоящему времени установлено влияние дравидийских языков на ведийский санскрит, хорошо прослеживаемое по материалам «Ригведы», причем для индоарийских языков Северо-Западной Индии дравидийский субстрат являлся, очевидно, единственным. Наличие такого влияния позволило ряду исследователей высказать предположение о принадлежности языка доарийского населения долины Инда к группе дравидийских языков.

Можно привести еще ряд аргументов в пользу высказанного предположения о дравидоязычности древнего населения долины Инда. Прежде всего это существование явных связей между дравидийскими языками и языками Передней Азии, в частности эламским. Показательно, что дравидоязычное население и много позднее, почти до настоящего времени, было распространено далеко к западу от границ Индской цивилизации. В районе Калата (Белуджистан) сохранилась группа племен, говорящих на одном из дравидийских языков – брагуи, который развивался самостоятельно, без явного влияния дравидийских языков юга Индии.

Интересный вывод о близости языка протоиндийских надписей к дравидийским языкам был в свое время сделан советскими учеными, проведшими анализ текстов при помощи вычислительной техники. По мнению руководителя этих работ Ю.В. Кнорозова, «имеются все основания считать, что

протоиндийский язык близок к дравидийским языкам по грамматической структуре».

Российские исследования показали также, что сближение протоиндийского языка с другими языковыми семьями Индостана и Передней Азии неправомерно.

О религиозных представлениях людей в эпоху Индской цивилизации можно судить только на основании отдельных памятников материальной культуры, так как специальных сооружений сакрального характера обнаружено не было. Правда, некоторые исследователи склонны считать храмом огромное здание, частично раскопанное в Мохенджо-Даро под буддийской ступой. К этому комплексу примыкает и бассейн, построенный из обожженного кирпича. Находки большого количества терракотовых статуэток женщин могут указывать на существование культа богини-матери, широко распространенного и у других народов древности. Это согласуется и с той большой ролью, которую играло земледелие в жизни хараппского общества. Жители индских поселений, вероятно, обожествляли животных. На печатях имеются изображения носорога, быка, слона, буйвола, крокодила, льва, тигра и других животных, что в определенной степени могло быть связано с тотемистическими представлениями населения. Интересно, что на печатях изображены также и мифические животные, полубоги-полулюди. Жители хараппских поселений поклонялись также огню и воде.

Особенно интересно изображение на печатях трехликого божества, сидящего в позе, в которой позднее изображали бога Шиву, окруженного животными. Дж. Маршалл идентифицирует его с Шивой в образе Пашупати, т. е. покровителя скота. Это может, по-видимому, указывать на определенную связь религиозных представлений жителей Хараппы с индуизмом. Изображение Шивы было обнаружено и на печатях, найденных после раскопок Дж. Маршалла. Он нарисован трехликим божеством с цветами, возвышающимися над головой. Вероятно, это отражает его власть над природой.

Любопытен так называемый протоиндийский вариант изображения Гильгамеша, встречающийся на печатях (герой держит не львов, как в месопотамском варианте, а тигров).

Весьма сложным остается вопрос о политической и социальной структуре общества Индской цивилизации. Некоторые исследователи считали, что политическая система на Инде являла собой миролюбивую демократию без каких-либо проявлений власти государства. Открытие в Хараппе, Мохенджо-Даро и в Калибангане городских цитаделей произвело переворот

в представлениях о структуре хараппского общества; оно окончательно опровергло мнение о доклассовой структуре Индской цивилизации, бытовавшее до последнего времени во многих зарубежных работах.

В цитаделях, сделанных из обожженного кирпича и хорошо укрепленных оборонительными стенами с башнями, располагались, по-видимому, городские власти. Показательно, что цитадели находились на отдельном холме и как бы господствовали над городскими постройками.

По мнению ряда ученых, общество Хараппы было рабовладельческим, а политический строй индских городов был близок к политическому строю Шумера. В.В. Струве полагал, что государство в долине Инда могло принять форму деспотии, поскольку устои первобытно-общинного строя еще не были изжиты полностью. Д. Косамби склонен был сопоставлять общество Индской цивилизации с обществом Месопотамии и считал, что во главе управления стояли жрецы, а вся земля составляла собственность большого храма.

Однако эти точки зрения пока не могут быть подтверждены письменными свидетельствами и нуждаются в дальнейшем обосновании. С достаточной определенностью можно пока говорить только об имущественном и общественном неравенстве, но какой именно характер имело это неравенство, сказать в настоящее время не представляется возможным. О существовании имущественного и общественного неравенства свидетельствует общий облик городских построек и предметы ремесленного производства. Наряду, например, с небольшими строениями, принадлежавшими, очевидно, ремесленникам, были раскопаны просторные двухэтажные дома с большими внутренними дворами, специальными помещениями для омовений. Здесь, можно полагать, жили зажиточные слои хараппского населения.

Интересное здание было открыто в Мохенджо-Даро, которое, по мнению Э. Маккея, могло быть дворцом. В нем наряду с большими залами имелось несколько караульных помещений, административные комнаты и продовольственные склады. Есть некоторые основания полагать, что в городах находились и рабы, обслуживавшие зажиточных горожан. Они жили либо в домах своих хозяев, либо ютились в хижинах. Вероятно, в городах были и государственные рабы, возводившие общественные постройки, но никаких прямых данных об этом не имеется. Некоторые ученые пытаются даже проследить четыре основные социальные прослойки: «владельцы больших домов», или олигархи, военные, торговцы и, наконец, ремесленники. Среди населения индских городов ученые склонны находить нарождающуюся форму

кастовой системы.

Тщательная планировка городов, городское благоустройство также могут говорить о существовании сильной централизованной власти. В городах раскопаны общественные постройки – амбары для хранения продуктов, бассейны для омовения и т. д. Как отмечалось выше, в Мохенджо-Даро имелось огромное крытое помещение, которое являлось городским рынком. За всеми этими постройками должны были следить городские власти. В их функции входил надзор за канализацией и водоснабжением. Они же должны были принимать меры по борьбе с наводнениями.

Можно думать, что при столь сильной власти, осуществлявшей надзор над городом и жизнью населения, существовали и государственные хозяйства, где работали различные категории свободного и подневольного населения. В пользу такого предположения, очевидно, говорят раскопанные археологами огромные амбары для хранения зерна.

Индская цивилизация просуществовала несколько столетий. Затем наступил «закат» хараппской культуры. Новые археологические материалы позволяют восстановить в общих чертах последние этапы истории Индской цивилизации, отмеченные внутренним кризисом культуры и упадком ряда основных центров.

Процесс упадка не был одновременным, а продолжался в течение длительного времени, протекая по-разному в различных районах. В поздний период в главных городах – Хараппе и Мохенджо-Даро – нарушилась нормальная городская жизнь, ранее строго регламентировавшаяся. Ослабел и муниципальный надзор, который являлся характерной чертой города в период расцвета. Это ясно проявляется и в планировке города, и в городском строительстве.

В Мохенджо-Даро крохотные домишки выросли на развалинах пришедших в упадок общественных строений (например, амбара), вторглись на улицы, чего раньше не наблюдалось. Даже на главных улицах появились гончарные печи, а вдоль дорог ряды наспех построенных прилавков. Многие здания в главных центрах просто забрасывались, обширные строения перегораживались в мелкие помещения. Черты внутреннего упадка явно проступают и в Хараппе. В поздний период многие строения пришли в негодность и вскоре превратились в развалины. В городах нарушалась торговля, как внутренняя, так и внешняя (резко уменьшилось количество привозных вещей), упало ремесленное производство.

До недавнего времени упадок хараппской культуры большинство ученых объясняли внешними факторами: вторжением иноземных племен, отождествляемых, как правило, с ариями. Однако указанные черты упадка отчетливо проявляются до проникновения в индские города каких-либо значительных групп пришлых племен.

Вывод о внутреннем упадке хараппских городов до и независимо от непосредственного вторжения иноземных групп подтверждается новыми исследованиями позднехараппских и послехараппских поселений и городов Саураштры и Катхиаварского полуострова. На этих поселениях не прослеживаются черты каких-либо культур пришлых племен, но и здесь видны изменения, связанные с начавшимся внутренним кризисом хараппской культуры.

В Рангпуре, например, непосредственно над слоем с типично хараппской культурой залегал слой, отличавшийся особыми признаками. В керамике этого периода отмечаются черты упадка, сосуды обработаны грубее, хотя техника их изготовления еще непосредственно связана с Хараппой. Этот «переходный» период, как показали раскопки, был довольно продолжительным. Совершенно очевидно, что в данном районе упадок хараппской культуры не был связан с вторжением арьев, а вызывался внутренними причинами.

Исследователи предлагали различные объяснения упадка хараппской культуры. Большинство из них, как уже отмечалось, ссылались на внешние факторы – одновременное наступление арийских племен, некоторые видели причину в изменении русла рек и направлении муссонов, в засухе, наступившей в результате вырубки лесов, в засолении почв, в наступлении пустыни из Раджастхана, в наводнении. В связи с последним заключением любопытно следующее сообщение, переданное Страбоном (XV, 1.19): «Во всяком случае он (т. е. Аристобул) говорит, что посланный с каким-то поручением он видел страну с более чем тысячью городов вместе с селениями, покинутую жителями, потому что Инд, оставив свое прежнее русло и повернув налево в другое русло, гораздо более глубокое, стремительно течет, низвергаясь подобно катаракту».

Можно привести и ряд других объяснений внутреннего упадка центров на Инде и видоизменения хараппской культуры в провинциях. Не исключено, что в силу развития общества, значительного расширения территории, включавшей уже и многие соседние племена, которые стояли на более низкой ступени развития и социальной организации и отличались в этническом отношении, произошла определенная варваризация

культуры, ее приспособление к потребностям нового периода.

Принятие вывода о внутренних причинах падения главных хараппских городов ни в коей мере не исключает, однако, и значительную роль внешнего фактора – вторжения иноземных племен, которые в ряде поселений завершили упадок хараппских городов.

Последний этап Мохенджо-Даро связан со странным на первый взгляд усилением контакта с культурами Южного Белуджистана и главным образом с Кулли, что выражается в появлении керамических изделий и каменных сосудов белуджистанских типов.

Совершенно иная послехараппская культура – культура Джхукар – засвидетельствована в Чанху-Даро, небольшом поселении к юго-востоку от Мохенджо-Даро. Первые три периода относятся к собственно хараппской культуре, затем появляется культура типа Джхукар, известная по находкам одноименного поселения в Синде. Раскопки Э. Маккея показали, что создатели культуры Джхукар оккупировали Чанху-Даро уже после того, как город был покинут населением хараппской культуры, должно быть, из-за наводнения. Таким образом, конец хараппской культуры в Чанху-Даро не наступает с приходом сюда иноземных племен – носителей культуры Джхукар.

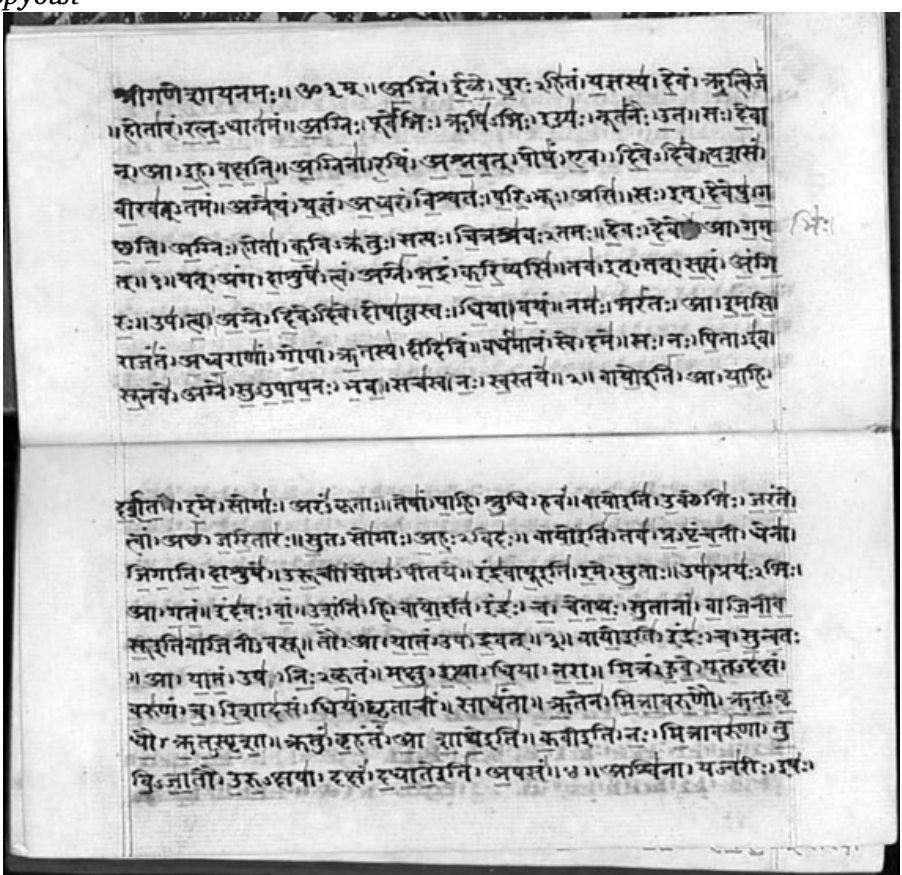
Послехараппская культура Джхукар отмечена рядом особенностей, отличающих ее от хараппской, но сближающих с культурами Белуджистана и Ирана. В первую очередь это проявляется в керамическом производстве.

По мнению ряда ученых создателями послехараппской культуры Джхукар были арьи.

Вышеприведенное заключение подтверждает факт проникновения индоарийских племен в Индию, реальность которого теперь не вызывает никаких сомнений.

«Веды» и арктическая родина

Тот, кто имеет возможность познакомиться со значительной частью научных трудов по истории, увидит, что началом ее иногда считают III–II тысячелетия до н. э., связывая именно этот период с переходом человеческого общества к производящему хозяйству (речь идет о территории, получившей не столь давно название Евразии). Основным признаком или критерием производящего хозяйства признается наличие земледелия и скотоводства. От этого признака как основного большинство современных ученых отказалось или отказывается, изучая историю как единый поток развития человека, начиная с первого созданного им каменного орудия



Рукопись «Ригведы». XIX в.

И перед учеными стоит труднейшая задача выявления путей духовного развития человеческих коллективов, возникновения и развития их речи, складывания их взаимоотношений.

Мы пытаемся найти исходные земли и зоны расхождения древнейших предков двух групп этносов – арьев и славян, причем в тот период, когда они уже существовали как группы племен, каждая из которых была обобщена своим языком или близкородственными диалектами, своей бытовой культурой и верой.

Здесь следует пояснить и уточнить значение слова «арья (арий, ария)», которое стало часто неправомерно, а иногда и спекулятивно употребляться в нашей публицистике.

В науке и литературе утвердилось это название, но следует помнить, что оно условно и относится к группе племен, говоривших на близкородственных диалектах и создавших некогда сходные формы культуры. Перевод слова «арья» как «благородный» дошел до европейцев не из «Вед», а из более поздних источников, создававшихся главным образом жрецами арьев – брахманами. Современные индийские специалисты переводят и поясняют его по-другому, что точнее и научнее.

Это слово встречается в «Ведах» более 60 раз и означает, по мнению выдающихся древнеиндийских грамматистов, «хозяин», «скотовод-земледелец (вайшья)», «член кочующего племени» (последнее производят от глагольного корня «рь(ри)» – передвигаться, идти, кочевать). Словом «арья» в «Ригведе» определяются члены трех сословий – «варн»: брахманы, кшатрии (воины) и вайшьи, т. е. все члены племени. Вернемся снова к проблемам нашей общей древности.

Что касается славян, то многие видят территорию их сложения в областях, лежащих к северу от Карпатских гор. Но согласиться с тем, что описываемые ими земли, средней частью которых был бассейн р. Припять, являлись прародиной славян, мы не можем в силу вышеизложенной оценки поисков «родин» и «прародин». Да, в указанных областях жили славяне, что подтверждается многими исследованиями, но как они там очутились и откуда и когда пришли сюда их первые группы или даже, возможно, группы племен? Вот на этот вопрос, к сожалению, лишь небольшая часть историков пытается найти ответ. Наш крупнейший ученый, академик Б.А. Рыбаков, настоятельно призывает выявлять «тысячелетнюю архаику отдаленной первобытности» и, тщательно изучая пережитки древности, находить пути и возможности связать их с теми условиями, к которым восходят их корни. И не углубляться в поиски прародин народов, а уделять внимание следам их древнейших связей. Большинство ученых русской археолого-исторической школы и большинство лингвистов придерживаются такой же точки зрения. Поэтому попытаемся и мы здесь

присоединиться к поискам следов, уводящих в глубь тысячелетий, и к попыткам объяснить некоторые явления, неотложно требующие внимания тех исследователей, которые посвятили себя самым разным отраслям науки – археологии, лингвистике, палеогеографии, палеоботанике, геофизике…

Откуда, куда и когда продвигались в древности группы предков славян и арьев? Где они скапливались и куда уходили те, кто переселялся? Какие следы их контактов остались в истории? В ряду многих попыток ответить на эти вопросы не последнее место занимает теория, известная под названием полярной, или арктической.

Посмотрим, как эта теория связана именно с этими народами.

Почему из всей обширной семьи индоевропейских народов мы останавливаемся здесь на славянах (и конкретно на русских) и арьях? Для пояснения этого мы выбираем два повода из ряда многих других: а) максимальная из числа всех индоевропейских языков взаимная близость русского языка с санскритом; б) сходство языческих культов славян с религией индуизма.

Как бы давно ни начали возникать эти схождения и взаимная близость, в них важно то, что они в известной своей мере дожили до наших дней, а в сравнительно недавнем прошлом, то есть в начале нашей эры и в эпоху Средневековья, проявлялись все еще заметно, что и нашло свое отражение в письменности и в литературе. Где и в каких условиях могли сложиться такие схождения и такая близость?

Наиболее убедительные ответы на ряд подобных вопросов дает полярная теория, которой нам и следует здесь уделить внимание. Зародилась она в умах исследователей прошлого века, когда они, один за другим, из числа тех, кто изучал санскрит – «язык индийской культуры», стали обращать внимание на содержащиеся в древнейших памятниках литературы Индии, таких, как «Веды» и эпос, описания природных явлений, совершенно не соответствующих действительности Индии или лежащих к западу от нее стран Азии. Проследить эти описания «вниз» по ступеням эпох было хоть и трудно, но возможно, так как в религиозных гимнах «Вед» веками свято сохранялся каждый звук, каждое слово без права внесения в них малейших изменений. Удалось установить место и время завершения главной из «Вед» – «Ригведы» (то есть «Ричведы», или «Рикведы», букв.: «знания речи» – слова-синонимы «риг-рик-рич» сохраняются и сейчас в старорусском в известной всем форме «реку, речешь» и других аналогичных образованиях). «Ригведа» была завершена в конце II тысячелетия до н. э. в области северо-запада Ддревней

Индии. Тот факт, что до наших дней строго соблюдается запрет на внесение в нее изменений, как речевых, так и фонетических, заставляет думать, что этот запрет возник гораздо раньше, в доиндийский период жизни арьев, когда в среде жрецов сложилась эта традиция бережной передачи знаний из уст в уста, от учителя-проповедника к ученику, из поколения в поколение.

Из «Вед» многие описания перешли в связанные с ними памятники ведической литературы (а они в Индии насчитываются сотнями) и стали известны более широкому, чем жрецы, кругу лиц. В знаменитой эпической поэме «Махабхарата», начало сложения которой тоже теряется во тьме веков, содержится ряд описаний загадочных природных явлений, которые далеки от реалий Индии. Так в чем же дело? Эти описания отличаются заметным сходством с имеющимися и в древнейших по своему происхождению преданиях, сказаниях и поверьях всех славян. Б.А. Рыбаков в своей книге «Древняя Русь» пишет, что их истоки «нам по-настоящему неизвестны, так как фольклористы XIX–XX вв. уловили лишь схемы сказаний, получивших еще в Средневековье христианскую окраску».

В какой же глубокой древности могло возникнуть такое сходство? И где? Многие из описаний, содержащихся в древнеиндийской литературе, которые принято считать загадочными, совсем не кажутся таковыми славянам, даже живущим в наше время. Их предки в течение тысячелетий наблюдали на Крайнем Севере эти «загадочные» явления природы (как их могут наблюдать и живущие в тех краях наши современники), а поэтому не только русским, но и некоторым другим индоевропейским народам вполне знакомо то, что в Индии считается уже только мифами или поэтическими аллегориями.

Остановимся на этих моментах как основных в построении полярной теории, а затем перейдем к сопоставлению славян с арьями.

В полярной теории ряд загадок разрешается без особого труда, а на другие будут, видимо, найдены ответы исследователями в самом недалеком будущем.

Большинство источников видит «родину» или «прародину» арьев в лесостепной зоне Причерноморья. Это утверждение не расходится с той исторической истиной, что жившие здесь рядом с праславянами арьи, занимавшиеся главным образом скотоводством, стали волна за волной уходить в сторону Ирана и Индии в конце III – начале II тысячелетия до н. э. при наступлении затянувшегося периода засухи. Жили они здесь до своего постепенного ухода длительное время, но значит ли это,

что земли «от Днепра до Урала» можно назвать их прародиной? Нет, не значит, тем более что и на Урале, и в Зауралье жили, как считают некоторые ученые, ираноязычные арьи, тогда как другие утверждают, что они были индоиранцами: «Около 2000 г. до н. э. обширные степные территории, простиравшиеся от Польши до Средней Азии, населяли полукочевые варварские племена; это были высокие, довольно светлокожие люди… Они приручали лошадей и впрягали их в легкие повозки на колесах со спицами.

Колесницы превосходили быстроходностью влекомые ослами неуклюжие телеги с четырьмя сплошными колесами – лучшее средство передвижения, известное Шумеру той эпохи… В начале II тысячелетия… эти народы пришли в движение. Они мигрировали группами в западном, южном и восточном направлениях, покоряли местные народности и смешивались с ними, образуя правящую верхушку… Некоторые племена переместились на территорию Европы, и от них произошли греки, латиняне, кельты и тевтоны. Другие пришли в Анатолию и в результате их смешения с местными жителями возникла великая империя хеттов. Некоторые – предки современных балтийских и славянских народов – остались на своей прародине».

Не углубляясь здесь в проблему признаваемой в науке балтославянской общности, укажем лишь на мнение известного венгерского лингвиста Я. Харматты, выступившего с докладом на Международном симпозиуме «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.)», в котором содержалось утверждение, что «индо-иранские племена отделились от балтов и славян в начальный период развития земледелия в Европе, то есть примерно в первой половине V тысячелетия до н. э.». Эта дата указывает на признаваемый наукой факт наличия славян в V тысячелетии до н. э.

Б.А. Рыбаков, пытаясь определить место древнего расселения праславян, которое он именует прародиной, указывает, что «наименее определенной была северо-восточная окраина земли праславянских племен, где могли быть неясные для нас индоевропейские племена, не создавшие прочного, ощутимого для нас единства… Вытянутость праславянской области в широтном направлении на 1300 км (при меридиональной ширине 300–400 км) облегчала соприкосновение с разными группами соседних племен». Далее исследователь подчёркивает историческую важность такого фактора, как «двухтысячелетняя устойчивость основной области расселения праславян».

Здесь важно уделить внимание тем фактам исторической значимости, которые дают всем историкам ключ к утверждению наличия в указанной области праславян, начиная с расцвета

эпохи бронзы, с первых веков II тысячелетия до н. э. Сюда, значит, и продвинулись к этому времени близкие предки славян и прочно заняли эти земли, поддерживая связи не только с западными, но и с «неясными» восточными соседями, в число которых входили и продвинувшиеся к югу племена арьев, о чем свидетельствует и такой фактор, как неоспоримая близость языков, и такой, как множество сохранившихся здесь (как на Русском Севере) топонимов и гидронимов арийского характера.

Как уже упоминалось, историки в поисках «прародины» не только арьев, но и других индоевропейских народов, включая и предков славян, обратили свои взоры на Заполярье. Заметное воздействие на подход к этой проблеме оказала дискуссионная книга американского историка Уоррена, выдержавшая десять изданий. Среди предков других народов начали в Арктике искать и предков арьев, или индоиранцев (названных так по «будущей их судьбе» – они стали, как нам известно, жителями Индии и Ирана). Внимание историков многих стран привлекла книга известного индийского ученого, знатока санскрита (как в ведийской, так и эпической и, самой поздней, классической его форме) Бала Гангадхара Тилака (1856–1920). Этот труд под названием «Арктическая родина в “Ведах”» был впервые издан в 1903 г., а затем неоднократно переиздавался на разных языках. Исследователями было выявлено сходство некоторых слов индоевропейских языков, а также ряд совпадений в их грамматическом строе, близость верований и обычаев этих народов. В поиске путей «прародины» и «праязыка» некоторые ученые пришли даже к заключению, что в древности была общая арийская раса. Возникла дискуссия о возможности существования такой расы, и проявилась тенденция причислять к ней лишь кельтов и германцев.

Сначала искали их родину в Центральной Азии и даже в Гималаях, что является абсурдом с точки зрения любой отрасли науки, затем связали их происхождение с «арийской расой» севера, и в результате многие вышли за рамки научных исследований, что привело в XX в. к нелепому утверждению об «арийстве» немцев и «неарийстве» ряда других народов, в том числе славян. Нам всем известно, какой трагедией завершилось это отчисление славян от «арийской расы», каким мучениям и издевательствам подвергались славянские народы за свое «неарийство» и до какой нелепости доводили немецкие фашисты свои «арийские достоинства». Подобные теории не имеют никаких исторически оправданных оснований и относятся лишь к области геополитических спекуляций.

А никаких достоинств, определяемых по этому признаку, не

было и быть не могло, так как нигде на земле и никогда в истории не существовало «той пресловутой “арийской расы”». Не существовало и народа, именуемого арьями, хотя это название постоянно встречается и в индийской литературе. Повторяем, что это название относят к древнейшей общности племен индоиранцев, в состав которых входили две группы племен– индоязычных и ираноязычных. Один из известных историков-иранистов Э.А. Грантовский убедительно доказал в своей книге, что «индоиранское единство безусловно следует рассматривать как реальный исторический комплекс, а его возникновение – как результат интенсивных связей в течение определенного периода и на сравнительно ограниченной территории».

Это утверждение может отсылать исследователей лишь к областям Заполярья и к периоду жизни этого «единства» до предполагаемого разделения на две ветви: индоязычную и ираноязычную, так как нигде больше их единство не может быть выявлено. Но под вопросом стоит и сам факт подобного разделения – наличие такого единства в глубочайшей древности пока никем не доказано и остается в области предположений. Они основаны на том, что во многом сходны гимны «Ригведы» и «Авесты» (и по языку, и по описываемым фактам), но это может равноправно означать и указания на близкое соседство и даже родство древних групп арьев, но не обязательно на их единство – тем более что в той же «Авесте» отражена вражда между расселяющимися группами арьев. Следует помнить о том, что именно с индоязычными арьями были особенно близко связаны древние племена, формирующиеся на северных землях Восточной Европы, и в первую очередь прапредки славян, что, повторяем, доказывается значительной близостью культурного наследия и языковым сходством.

Каждый этнос, даже в эпохи своего формирования из объединяющихся семейно-родовых групп, имел название; чаще всего это было так называемое самоназвание – обычно племя называло себя на своем языке словом «люди, человек». Соседние племена именовали их по-другому, но как – этого нам знать не дано для таких отдаленных эпох. Напоминаем, что слово «арья» (которое стали часто переводить как «благородный») относилось к большой группе племен, родственных по языку и культуре. О том, что эти племена в Индии назывались по-разному, мы узнаем только из древнеиндийской литературы. Равным образом мы не знаем и изначальных названий других индоевропейских племен, включая и славянские.

Не исключено, что зарождающееся этническое самосознание какого-либо племени в эпоху его формирования могло

выражаться в том, что его члены начинали считать себя более «благородными», чем люди из других племен. В результате знакомства ученых Запада с индийской литературой в европейскую науку вошло слово «арьи» (причем часто имеющее самые разные значения), а от него и такие названия языков, как индоарийские.

Известный индийский историк Д.Д. Косамби, опубликовавший много трудов, посвященных древней истории Индии, поясняет нам, что представляли собой арьи времени III–II тыс. до н. э.: «Археологические данные свидетельствуют, что эти конкретные арьи во втором тысячелетии представляли собой воинственный кочевой народ. Их главным источником пищи и мерилом богатства был крупный рогатый скот, вместе с которым в поисках пастбищ они кочевали по обширным пространствам материка… Арьи не были цивилизованным народом по сравнению с народами великих городских культур III тысячелетия, на которых они часто нападали, что способствовало гибели этих культур… Их главным достижением было безжалостное уничтожение барьеров между типичными для III тысячелетия небольшими замкнутыми земледельческими общинами… Арьи заимствовали все полезные для них достижения местной техники, после чего двигались дальше… Опустошения, которые часто они наносили, были столь велики, что после их ухода побежденные часто уже не могли восстановить разрушенное… Арьи до своего прихода в Индию уничтожили не одну городскую цивилизацию».

Доказанное наукой сходство многих черт славянских языков с санскритом никак не говорит о некой развитости или высоте культур арьев и славян, но лишь о том, что формирование первичных ядер этих этносов протекало, как полагают, на землях Заполярья в те века, когда все прапрапредки индоевропейцев стояли на уровне развития, соответствующем концу палеолита и началу неолита.

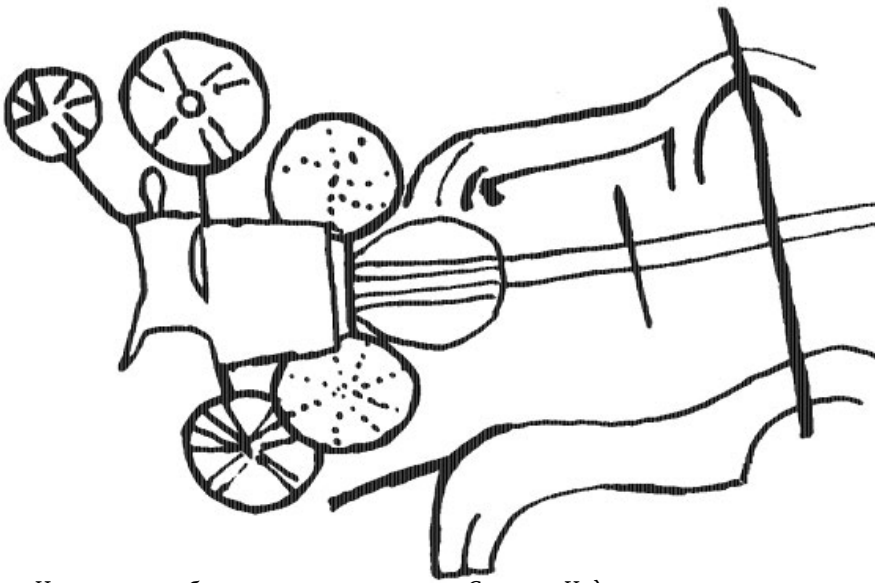
Видный русский языковед Ф.П. Филин считает, что «в процессе выделения общеславянского языка из балто-славянской лингвистической зоны (или иных зон) в общеславянском единстве оказались генетически разные диалекты. Не каждая диалектическая особенность обязательно моложе языковой основы, к которой она относится». Можно утверждать, что подчеркиваемая в данном сборнике близость славянских и арийских языков именно не моложе, а значительно древнее той языковой основы, которую исследователи именуют уже общеславянской, и одни из них датируют ее концом (или началом) II тысячелетия до н. э., а другие – V–IV тысячелетиями.

Некоторые полагают, что славянские языки сблизились с арийскими при посредстве финно-угорских племен, как будто искони живших на нашем севере, а поэтому имевших все шансы поддерживать близкие контакты с арьями, расселявшимися, по Тилаку, из арктических областей. Приобщившись к арийским языкам и культуре, финно-угры якобы в дальнейшем обучили всему этому славян. Трудно здесь и обсуждать подобный взгляд на историю наших далеких предков. По данным энциклопедий и трудов по истории финно-угорских народов, их языки вместе с самодийскими входят в уральскую семью языков, не сходную с индоевропейскими.

На Урале, в Зауралье и в Западном Приуралье прафинно-угорские языки отделились от своего предка – прасамодийского языка и были распространены только в этих районах до конца III тысячелетия до н. э. В III–II тысячелетиях некоторые их племена мигрировали по лесной части северных районов Восточной Европы вплоть до Балтийского моря. Значит, их контакты с приуральскими группами арьев могли привести к некоторым языковым заимствованиям, что и выявлено наукой. Но в дальнейшем их встречи и даже соседство с предками славян были, видимо, далеки от тесных контактов, так как в славянских языках практически не прослеживается заимствований из финно-угорских, особенно таких схождений, которые связаны с древнейшими периодами жизни. Поскольку к древнейшему периоду формирования всех индоевропейских народов относятся достигавшие разной степени развития их взаимные связи, а значит, и заимопроникновение ряда издревле общих или сходных слов, то, повторяем, что, хотя такие схождения прослеживаются вплоть до нашего времени, наибольшее их число относится все же к славянским языкам и санскриту, что крайне важно для подтверждения глубокой древности происхождения славян и близости в те эпохи их далеких предков к предкам арьев.

Арьи и славяне – соседи или родичи?

Протославянские и арийские племена, вероятно, переселялись, так сказать, рядышком, будучи наиболее восточными группами всего формирующегося индоевропейского массива. «Группы людей, переносивших индоевропейский язык в новые страны либо путем завоевания, либо путем колонизации, должны были составляться, как это обыкновенно бывает, из членов различных родов, живших в разных местах и имевших вследствие этого несколько различные говоры», – так писал ученый-лингвист А. Мейе



Наскальное изображение колесницы арьев. Северная Индия

И добавлял: «Нет такого известного в настоящее время языка, древнего или нового, который мог бы быть присоединен к индоевропейской группе… С течением времени индоевропейские языки стали все менее и менее походить друг на друга; это произошло отчасти от их независимого развития, но также и от различия исторических влияний, которые они на себе испытывали».

Выявление наукой замечательного свойства языка – изменяясь, оставаться самим собой – помогает раздвинуть рамки познаваемой истории! «Свидетельства языка неоценимы и в области изучения прошлого славян», – так пишет один из «Веду» щих наших лингвистов О.Н. Трубачев. Следует добавить – не просто прошлого, а глубокого прошлого. Язык сохраняет в себе слова, зарождавшиеся на заре человеческой речи, и несет их

сквозь века, как и новые формы, накапливая свой золотой фонд для всех грядущих поколений. Это – бесценное наследие минувшего, и на нем можно обнаружить отпечатки всего, что пережил народ за долгие века своего развития, всего, что он помнит, и то, что уже активно не осознает, но что существовало в далеком прошлом и сохраняется в языке. И в том числе сохраняются следы его встреч с другими этносами, повествующие иногда о неожиданных для наших современников и слабо изученных явлениях истории.

Встречи и контакты порождали общность или сходство многих понятий и соответственно слов, отражавших эти понятия, и грамматических форм, которые показывали изменяемость понятий, представлений и действий.

Языковеды, изучая эти процессы, открывают порой такие факты, в которые трудно поверить, находят древнюю близость тех народов, которые история развела в разные стороны земли. Эти народы попали в различные климатические условия, стали вести совсем разные формы хозяйства, изменилась и их внешность, и обычаи, и вера, а их языки продолжают хранить память о далеком прошлом, общие или сходные слова, некогда бывшие в их употреблении.

Иногда эту память можно выявить лишь путем тщательных и сложных научных исследований, проводя в языках буквально «археологические» раскопки, а иногда нужно только внимательно вглядываться и вслушиваться в современную живую речь, чтобы обнаружить эти сходные или даже общие слова. Тем, кто изучает чужие языки, часто просто бросается в глаза такая близость и одинаковость, причем это, конечно, не относится к поздним заимствованиям, вроде технических или медицинских терминов.

Нас здесь интересует удивительное, почти до полной неотличимости, сходство между славянскими и индоарийскими языками, как современными, так и, главное, древнейшим из них – санскритом.

Языковедами подсчитано, что наибольший процент таких близких слов приходится именно на славянские языки, а затем, так сказать, во вторую и третью очередь, – на другие европейские, тоже входящие в семью индоевропейских языков.

В иранских языках, отделявшихся, возможно, в более поздний период истории от взаимно близкой массы древнеарийских диалектов, тоже обнаруживается много общего со славянскими языками. Можно ли возводить эти схождения к самой древней эпохе общеарийских диалектов, или они являются результатом контактов с уже выделявшейся из этой общности иранской ветвью, мы не знаем. Контакты эти были тоже достаточно

долгими и тесными на восточных окраинах формирующегося славянского мира, и ряд ученых связывает их с андроновцами. Уже упоминалось о том, что немало очагов этой культуры обнаруживается в области к западу от территории ее основного распространения, т. е. к юго-западу от Урала.

Скифы, которых многие ученые считают потомками ираноязычных арьев, поддерживали близкие связи со славянами. Открыто и их физическое сходство: антропологи пишут, что поляне, т. е. группы поднепровских славян, обнаруживают значительное сходство со скифами, судя по промерам костяков, найденных в соответствующих погребениях. А эти скифы по своим антропологическим особенностям восходят к местному населению эпохи бронзы – ко II тысячелетию до н. э. Это говорит о том, что скифы – прямые потомки ираноязычной ветви арьев – представляли собой часть местного славяно-арийского теснейшего соседства, имели во многом общие интересы и издревле поддерживали брачные контакты со славянами.

Это подтверждается и исследованиями нашего выдающегося лингвиста В.А. Абаева, который пришел к выводу, что: «…по количеству и весу скифо-славянские изоглоссы далеко превосходят сепаратные связи скифского с любым другим европейским языком или языковой группой».

В этой же работе говорится, что срубная культура (датируемая большинством ученых II–I тысячелетиями до н. э.) являлась «протоскифской», с которой во второй половине II тысячелетия до н. э. непосредственно соприкасалась местная праславянская культура.

О чем это говорит? Ни одна культура, т. е. сложный комплекс хозяйственных навыков, общего языка, обычаев, веропредставлений, народного искусства, не может возникнуть из ничего и за короткий срок. Значит, и та культура, которую именуют праславянской, складывалась в течение тысячелетий.

Для нас не менее важно и указание археолога А.И. Тереножкина, что к западу от Днепра в I тысячелетии до н. э. селились земледельцы, которых греческие авторы именовали скифами-пахарями, не будучи в силах отличить скотоводов-скифов от родственных им земледельцев-славян. Культура пахарей-славян часто называется в книгах скифообразной славянской культурой. Этот ученый относит уже сложившуюся славянскую культуру к началу I тысячелетия до н. э.

Не только по его убеждению, но и по мнению других ученых, на время вычленения славянской общности указывает обнаруженная археологами среднеднепровская культура. Во II тысячелетии до н. э. завершался отход арьев на восток:

индоязычная ветвь, путь которой, занявший не одно тысячелетие, пролегал по Восточной Европе и Южному Приуралью на Индию, прошла, видимо, раньше, ираноязычная же ушла у Ирану позже, но потомки арьев – скифы – оставались на землях Северного Причерноморья до первых веков н. э. Как мы видим, некоторые их группы были неотличимы от славян до такой степени, что греки их путали.

Одним из самых выдающихся научных открытий последних десятилетий было доказательное утверждение лингвиста О.Н. Трубачева о том, что индоиранцы (арьи) заселяли вплоть до середины II тыс. до н. э. обширные области северночерноморского побережья, Восточное Приазовье и, главное, весь полуостров Крым. Эти земли до наших дней сохранили множество индоязычных названий мест (топонимов) и водных источников (гидронимов), несмотря на то, что в течение многих последующих веков эти названия вытеснялись иранскими, скифскими или греческими, а затем переводились и на русский и тюркский языки (следует сказать, что благодаря этим переводам сохранялся смысл многих древнейших наименований).

В своей поразившей современников книге автор доказывает, что наиболее древний пласт населения Крыма – тавры, о которых Геродот писал, что они не были скифами.

О.Н. Трубачев доказал, что и синды Восточного Причерноморья, и их соседи, а возможно, и соплеменники меоты были индоязычны, а родственными им по языку были крымские тавры.

В этой работе автор приводит список из 150 названий местных топонимов и гидронимов, безошибочно связывая основную их часть с древнеиндийским языком, и пишет: «Индоарийско-иранские отношения Северного Причерноморья еще предстоит изучать. Индоарийская принадлежность языка определенного слоя северопонтийского населения положительно свидетельствует о прежнем пребывании праиндийцев в этих краях. Значительная их часть осталась и была перекрыта близкородственными иранцами (скифами, сарматами)…»

Мы имеем основания полагать, что эта оставшаяся часть смешивалась и с теми группами предков славян (которых мы позволяем себе называть авангардными волнами продвигавшихся с севера племен), которые, видимо, появились на землях Юго-Восточной Европы вместе с арьями, пришедшими сюда по близким или одинаковым с ними путям. (Причем здесь речь может идти именно об индоязычной ветви арьев, что и подтверждается работами О.Н. Трубачева.) Все более очевидным делается тот факт, что древнейшая индоиранская (арийская)

общность разделилась на две ветви все же на севере и эти ветви в основной своей массе «обтекали» Урал с двух сторон, и, в частности, индоязычная ветвь двигалась по территории Восточной Европы в направлении Черного моря. Эти арьи, видимо, раньше славян пришли на море, заселили его берег, Крым, Прикубанье и Приазовье, где обнаружены учеными многочисленные следы их пребывания.

О.Н. Трубачев приводит цитату из труда русского историка И. Штриттера (СПб., 1771): «Не бесполезно также и для любителей российской истории знать похождение того народа, который в древние времена имел жительство в соседстве, или паче в пределах России, хотя бы после того и совсем в другую часть света он переселился». (Нравоучительность высказывания этого пытливого мыслителя, жившего за 200 лет до наших дней, разъяснять, мы полагаем, не требуется.)

Автор подчеркивает, что давно устарела мысль об отсутствии связей древних славян с античным миром, как и «об отсутствии самих славян в античном Северном Причерноморье». Более того, он считает, что «названные связи, по крайней мере отчасти, относятся к индоарийскому компоненту северопонтийского населения. Наши наблюдения над реликтами этого рода касаются: 1) этнонимов, 2) культурной лексики и 3) сведений о берегах Черного моря».

Интереснейшие соображения О.Н. Трубачева относятся к вечно живому и вечно спорному названию «Русь». Он пишет: «Сознавая всю ответственность шага, мы хотели бы коснуться здесь некоторых новых возможных аспектов происхождения этнического названия Русь в ряду рассматриваемых проблем». Автор напоминает о том, что этой проблеме посвящена уже обширная литература и что доминирующее место занимает теория о скандинавском происхождении термина «Русь», хотя многие сторонники этой теории многократно подчеркивают, что все же он постоянно встречается именно на юге, в Причерноморье и Приазовье, и признают факт «существования азовско-черноморской Руси и раннего освоения восточными славянами Приазовья».

Автор приводит ряд примеров из греческих и иранских источников и указывает на местные топонимы, в которых содержится как составной элемент слово «россо» (как в непосредственной, так и измененной форме), означающее «белый, светлый», сопоставляя его с древнеиндийским словом «рукша» – «белый, светлый». Он усматривает в таких старых названиях в Крыму, как Россо Тар, Россатар, переводимых как «Светлый (Белый) берег», аналогию с русским названием низовьев Днепра –

Белобережье. Многие древние названия в описываемых областях несут в себе частицу «светлый» в более поздних формах, в частности, в форме «ак» в переводах на тюркские (татарские) диалекты, так что, видно, такие топонимы еще будут открыты исследователями.

Не будем здесь углубляться в дальнейшие доказательства родства славян со скифами – для цели данной работы сказано об этом уже достаточно. Здесь нам следует уделить внимание пластам славянского языка, в том числе древнейшим его пластам, восходящим, по всей видимости, к периоду до разделения далеких предков арьев на две ветви, то есть к изначально возможной (хотя, по нашему убеждению, вероятной) эпохе близости (или единства?) индоираноязычных прапредков арьев с прапредками славян на далеком нашем севере.

Историю славян пытались в течение довольно долгого периода описывать некоторые западные ученые, не владевшие славянскими языками и не имевшие четких представлений о славянской культуре, что привело к тому, что Гегель, например, назвал славян «неисторическим народом». Историк Сергей Лесной задает в своей книге «Откуда ты, Русь?» правомерный вопрос: «А кому же придет в голову писать историю неисторического народа?» Поэтому русский ученый Н.П. Загоскин в конце XIX в. так энергично восстал против господствовавшей в науке теории о норманнском происхождении русских, что четко написал: «Вплоть до второй половины текущего столетия учение норманнской школы было господствующим, и авторитет корифеев ее – Шлёцера – со стороны немецких ученых, Карамзина – со стороны русских писателей представлялось настолько подавляющим, что поднимать голос против этого учения считалось дерзостью, признаком невежественности и отсутствия эрудиции, объявлялось почти святотатством» («История права русского народа», 1899).

С. Лесной пишет: «Огромная площадь Европы, занятая славянами к моменту появления их на страницах писаной истории, является неопровержимым доказательством их древности… образование славян, несомненно, уходит в глубину тысячелетий».

Остановимся на некоторых примерах сходства слов, договорившись сразу, что это будут русские слова, взятые к тому же, так сказать, с поверхности современного языка без углубления в исторические его формы.

Это-то как раз и поражает – разница во времени, прошедшем с эпохи последнего расставания славянских и арийских племен, составляет около 4 тысячелетий, а оба языка хранят в себе

близкие и общие слова и формы, возникшие еще в незапамятные времена, но легко воспринимаемые на слух и во многом понимаемые даже неспециалистами, как славянами, так и индийцами.

Автору этой книги довелось услышать слова индийца, профессора Д.П. Шастри: «Вы все здесь разговариваете на какой-то древней форме санскрита, и мне многое понятно без перевода» и что «схожи не только синтаксис и порядок слов, сама выразительность и дух сохранены в этих языках в неизменненом начальном виде».

Надо сказать, что «предок» арийских языков, санскрит, продолжает в Индии играть роль «языка индийской культуры» – его изучают в колледжах и многих школах, на нем проводят диспуты, издают книги и даже газеты и журналы. К нему восходят 60–80 % слов ряда современных языков Индии. По конституции Индии он признается одним из официальных языков страны.

Предметом особого интереса являются те слова, которые зарождались в древнейший период формирования семьи и рода. К их числу в разбираемых здесь языках относится ряд сохранившихся доныне терминов родства, что и приведем как первый ряд примеров:

матерь матрь
брат бхратар
праматерь праматрь
братство бхратрьтва
сын суну, суна
деверь деврь
сноха снуша
зять джата
свояк свака
свойство джати
тата, тятя тата
жена сватва
шурин швашурья
отец, покровитель джани, папу
старший родич дада

(В санскритском словаре есть буква, означающая звук, именуемый полугласным «р». В работах на европейских языках его транскрибируют как «ри», и это заимствовали наши исследователи. Поскольку в русской азбуке есть мягкий знак, то мы здесь, в виде опыта, предлагаем более точную передачу указанного звука через «рь».)

Букву «дж» в Индии произносят и как «з», обозначая этот звук точкой под буквой. Славянскому «з» соответствует в санскрите и

звук «h». В русской транскрипции обычно – «х»: хима – зима. Этот звук следует произносить как «h» (и в отдельном положении в слове и в сочетании с предшествующим согласным в качестве придыхательного звука: напр., слово «убха» должно читаться как «убha», слово «стха» как «стha», т. е. произносить этот звук «х» как украинское «г» (после звонких согласных) или как «х» (после глухих).

К древним формам относятся и местоимения, от которых в санскрите и славянском образуется много сходных производных слов:

самый сама
тот самый татсама
свой сва
твой тва

Вспомним и о том, что числительные тоже вошли в речь в очень давние времена, так как счет был необходим людям при самых даже примитивных формах хозяйства. Немало общего мы увидим и в этих формах слов:

первый пурва (т. е. древний, начальный)
два, две, двое два, дви, двая
тройка трика
четвертый чатуртха

Если же взглянуть на глаголы, их корни и формы, произведенные от них, то здесь обнаружится великое множество близких и общих форм, потому что глаголом, как известно, обозначается действие или состояние, а эти категории существовали с момента зарождения человечества и издревле нашли свое выражение в языке.

Интересно то, что приставки как в славянских языках, так и в санскрите тоже отличаются взаимным подобием и сообщают глаголу одинаковые по смыслу новые значения. Остановимся лишь на немногих иллюстрациях этого: переплыть – параплу, проплыть – праплу, прознать – праджна, передать – парада, ниспадать – нишпад, налепить – анулип, отчатить – утчал, полюбить – упалубх, отпадать – утпад, противостоять – пратистха и др. Аналогичную роль играют и суффиксы, придающие словам новое и, опять же, аналогичное значение. Возьмем для примера такие суффиксы, как – к-, -т-, -н-, -тель-(в санскрите – тар): чашка – чашака, носик – насика, открытый – уткрита, отдание – утдана, раненный – вранин, (по) датель – датар, отец (питатель) – питар и т. п.

Не менее наглядны, а главное, очень многочисленны, примеры из имен существительных, т. е. слов, обозначающих предметы, явления природы, ощущения и пр. Эти слова

обозначают все, с чем человек соприкасается в окружающей его действительности, определяют его реакции на мир, на себя и себе подобных, на предметы и их качества. Если бы был составлен полный русско-санскритский словарь (а это, несомненно, должно быть сделано, и чем скорее, тем лучше), то мы увидели бы, какое большое место занимают в обоих языках сходные слова именно этого разряда. Хочется напомнить читателю, что русскому «с» в санскрите часто соответствует «ш»; «л» чередуется с «р», «е» в транскрипции произносится как «э»):

крестьянин крышик гать, путь гати
дева дэви
шея (загривок) грива
небо набха
небеса набхаса
дверь двар
тьма тама (с)
роса, сок раса
простор прастара

Для русского и санскрита характерно сходство процесса, называемого именным отглагольным словообразованием. Например, следует уделить внимание тому обширному кругу слов в русском и санскрите, который сложился на основе глагола «пи, па» и соотносится с его исходным смыслом, с той глубочайшей древностью, когда он обозначал два представления – о питье и о пище, то есть определял весь процесс поглощения человеком и жидких и густых продуктов, да и сам процесс такого поглощения, то есть питание:

Русск. Санскр.
пить, питье пи
напиток; питание питу
питатель; отец; небо питар
(было) пито пита
пьющий пити
пивший питва
вода, напиток пива
жир пивас
полный; сильный пиван

Если же углубляться в научный лингвистический анализ, предполагающий и прослеживающий исторические изменения в строении и звучании слов, то найдется многое, что не сохраняется «на поверхности» языка, но таится в его глубинах. Многое сохранено в поговорках, неосознаваемых словосочетаниях и т. п. Мы все употребляем выражение «трын-трава», не подозревая даже, что «трьна» в санскрите как раз и значит трава.

Или говорим детям «бука придет, тебя забодает», а слово «букка» в санскрите означает «коза». Мы знаем слова «куток», «закуток», но не знаем, что в санскрите слово «куга» имеет это же самое значение. Равным образом слово «сарпа» – «змея» сохранилось в форме «сапа» (тихой сапой), а слово «карна» – ухо – в форме «карнаухий», восклицание «эва!» («вот же!») так и будет в санскрите: «эва!»; «ну» («сейчас», «скорее») будет также «ну».

В новоиндийских языках сохранились некоторые слова, восходящие к древнейшим арийским диалектам, как, например, на языке маратхи «рабад» значит «работа», а на языке хинди глагол «рабна» означает «удобрение поля золой», что, видимо, восходит к процессу выжигания леса под поля (буквально: «вырабатывать поле»). На хинди же слово «баян» означает «повествование». К сожалению, все это не прослежено еще наукой, не выявлено – слишком недавно стали уделять этому внимание.

В заключение следует упомянуть и о возможности сопоставления имен прилагательных, предлогов, наречий и частиц. Дадим их здесь, не разделяя на столбики: веющий – ветра, юный – юна, новый – нава, дурной – дур, сухой – сукха, другой – друха (интересно, что это слово на санскрите означает «враг», а на славянских языках – «друг»), светлый – швета, бодрый – бхадра, нагой – нага, дерево, деревянный – дравья, дара-ва, когда – када, тогда – тада, всегда – сада, куда – кутах, приятно – прия, нет – нед, против – прати и др.

Была ли Индия изолирована от мира?

Бытует мнение, что в древности страны и народы почти не общались ни на государственном, ни на бытовом уровнях. Жили изолированно и убого. Не ездили друг к другу в гости. Не перенимали опыт соседей. На самом деле это было далеко не так…

Монета эпохи правления кушанского царя Кадфис II

С середины I тыс. до н. э. внешние связи Индии, которые и до этого имели место, все более укрепляются. Увеличиваются политические контакты и растет внешняя торговля. А значит, устанавливается обмен между Индией и другими странами достижениями в области материального производства и духовной культуры. И хотя индийцы многое заимствовали у других народов, они и сами внесли огромный вклад в культурную сокровищницу человечества.

Самым значительным событием в отношениях между Индией и странами античного мира был поход греко-македонцев в Индию в 327–325 гг. до н. э. Эпизодические связи между ними существовали и раньше, особенно с того времени, когда часть СевероЗападной Индии и малоазийские греческие города оказались в составе Ахеменидской империи. Поход Александра Македонского имел хотя бы то положительное значение, что способствовал сближению двух различных цивилизаций, а это имело большие последствия для той и другой страны.

С IV в. до н. э. начались дипломатические отношения Индии с эллинистическими государствами. В Индию прибывали послы от Селевка Никатора – сначала Мегасфен (конец IV в. до н. э.), потом Деймах (III в. до н. э.), от Птолемея Филадельфа – Дионисий (III в. до н. э.). Ни об одном индийском посольстве в эллинистические

государства данных нет. Но миссии Ашоки в страны, где правили цари Антиох (Сирия), Антигон (Македония), Александр (Эпир), Птолемей (Египет) и Маг (Кирена), о чем упоминается в XIII наскальном эдикте, хотя и не могут считаться актами дипломатических отношений, все же предполагают наличие каких-то политических связей с этими странами.

Дипломатические отношения между Индией и Римской империей также имели место. Античные источники сообщают об индийских посольствах к императорам Августу (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.), Траяну (98—117), Адриану (117–138), Антонину Пию (138–161), Гелиогабалу (218–222), Аврелиану (270–275), Константину (323–353) и Юлиану (361–363). Но данных о посольствах римлян в Индию нет.

Через горы и пустыни тянулись к Средиземному морю караваны, а через Аравийское море плыли корабли с индийскими драгоценностями, пряностями и благовониями, шелковыми и хлопчатобумажными тканями, слоновой костью и изделиями из нее. Обратно они везли драгоценные металлы, изделия из цветных металлов, стекло, керамику. Индийцы были не редкостью в Александрии и других крупных торговых и культурных центрах Средиземноморья, а египтяне, греки, римляне – в портовых городах Индии. В древних тамильских поэмах многократно упоминаются яваны (так в Южной Индии называли не только греков, но и римлян); многие проживали здесь постоянно и даже нанимались к местным царям в телохранители.

Все это приводило к обмену научными знаниями, идеями, производственными навыками и житейским опытом.

Индийские предметы роскоши в немалой мере способствовали изменениям в образе жизни верхушки античного общества. Исследователи нашли общие черты в некоторых древнеиндийских философских системах и в древнегреческой философии; это позволило им предположить влияние одной на другую. Есть бесспорные доказательства того, что кришнаизм и особенно буддизм оказали значительное влияние на раннее христианство, а Гаутама Будда оказался в конце концов даже в числе христианских святых под именем святого Иосафата.

Индия также довольно много заимствовала от античных стран. Монеты, например, хотя и существовали в Индии еще до греков, только под греческим влиянием приняли обычную круглую форму с рельефными портретными изображениями и легендой. Археологи усматривают античное влияние в методах обработки различных пород камня, в гончарном деле, в получении новых медных сплавов (в частности, латуни) и т. д. Даже после того как в I в. н. э. исчезли последние в Индии мелкие

государства с греческими династиями, еще долго оставались некоторые элементы греческой системы администрации, кое-где употреблялся македонский календарь, монеты выпускались с греческой легендой, сохранялись некоторые мотивы в изобразительном искусстве и художественных ремеслах.

В поздний период древности индийцы многое взяли из более передовой к тому времени греческой астрономии. Что касается архитектуры и искусства, то греко-римское влияние сильнее всего сказалось в Северо-Западной Индии. Даже само возникновение каменных храмов здесь, возможно, произошло под эллинистическим влиянием. Хотя новые храмы в плане повторяли уже существовавшие в Индии пещерные храмы, однако наличие колонн с греческими ордерами, портиков и т. д. явно указывает на заимствования из эллинистической архитектуры. Столь же заметно влияние в скульптуре. Упоминавшаяся ранее так называемая гандхарская скульптура – очевидное свидетельство этому.

Для Южной Индии некоторое значение имело проникновение христианства, начало которого относится ко II–III вв., но христианская традиция относит его еще к I в. и связывает с проповеднической деятельностью апостола Фомы.

Эллинизм не исчерпывается синтезом греческих и восточных культурных элементов. Культурное взаимовлияние даже не основное в эллинизме. Главное – это появление новых элементов в общественных отношениях, идеологии и государственном строе тех стран, где происходило взаимодействие различных по типу цивилизаций: возникновение в восточных странах античного полиса в сочетании с продолжавшей существовать деспотической царской властью, распространение античных форм рабства, появление космополитических по своему характеру религий. По-видимому, влияния такого рода на общественную структуру не имели места в сколько-нибудь значительной мере даже в Северо-Западной Индии, не говоря уже о долине Ганга или Южной Индии.

Прямые культурные заимствования также не следует преувеличивать. В Индии греческая колонизация не была значительной; даже в правящей верхушке индогреческих государств греки вряд ли преобладали. Период их политического господства был относительно невелик (около ста лет). Греческий язык был распространен в основном среди господствовавшей прослойки общества и продержался, очевидно, недолго. На индийские языки он почти никакого влияния не оказал. К тому же греческие колонисты были оторваны (особенно с усилением Парфии) от Греции и эллинистических государств Востока.

Вследствие всего этого не индийское население эллинизировалось, а, наоборот, греческое индианизировалось. И уже в раннем Средневековье не обнаруживается почти никаких следов греческого влияния.

Таким образом, если и можно говорить об эллинизме в Древней Индии на настоящей стадии изученности вопроса, то совсем не в том смысле, в каком говорят о таких эллинистических государствах, как Египет, Сирия, Вавилония и др. Об Индии вообще нельзя говорить как об эллинистической стране. Греческое влияние проявилось лишь в некоторых сферах культуры, оказалось непрочным и ограничилось только окраинной областью страны; большая часть страны – долина Ганга, Центральная и Южная Индия – влиянием греческой культуры оказалась затронутой в ничтожной мере.

Куда большее влияние на Индию оказал Иран. Он был ближайшим соседом Северо-Западной Индии и к тому же связан с ней наиболее удобными путями сообщения. Именно из горных районов, окаймлявших с севера и запада долину Инда, началось в IV тысячелетии до н. э. распространение на восток земледельческих культур, приведшее к возникновению в этой части страны одной из самых ранних в мире цивилизаций.

В конце VI в. до н. э. часть Северо-Западной Индии подпала под власть Ахеменидов. Заиндские территории были покорены еще Киром. Какие-то части индийской территории были подчинены Дарием I вскоре после 518 г. до н. э. Судя по тому, что по приказу Дария I грек Скилак совершил путешествие вниз по Инду до океана (и далее к Египту), с властью персов в этом районе индийцам приходилось серьезно считаться. Однако мы не знаем, какие именно территории входили в состав двадцатой «Индийской» сатрапии, как и при каких обстоятельствах они были покорены.

Греческие писатели, относительно много писавшие об Индии IV в. до н. э., ничего не говорят о существовании в это время «Индийской» сатрапии, о наличии персидских гарнизонов в Индии или о чем-либо подобном. По-видимому, индийские воины, сражавшиеся на стороне Дария III, были наемниками, а территории Индии, входившие в свое время в индийскую сатрапию (в первую очередь расположенные по нижнему течению Инда), вышли из-под контроля Ахеменидов еще в конце V в. до н. э., при Артаксерксе.

После крушения Ахеменидской империи связи между Индией и Ираном слабеют. Сначала Иран вошел в состав Селевкидского государства, потом Северо-Западная Индия оказалась под властью сначала бактрийских греков, потом шаков. Частые в этот период

войны также не способствовали укреплению отношений между соседями, хотя и не могли их совсем прекратить. Только в небольшой отрезок времени – 29–60 гг. – установились непосредственные отношения между Индией и парфянским Ираном. Некоторые территории Северо-Западной Индии оказались даже подчиненными парфянам. В это же время начинается проникновение в глубь Ирана буддизма, получившего здесь в домусульманский период широкое распространение.

Прямых свидетельств о существовании экономических и культурных связей Индии и Средней Азии в ахеменидский период обнаружено пока мало, и они не всегда достаточно определенны. Со II в. до н. э. об этих связях можно говорить уже с достаточной уверенностью. С этого времени начинается проникновение в Индию шаков, носителей резко отличной культуры среднеазиатских кочевников. При раскопках древнеиндийского города Таксилы обнаружены предметы, уверенно определяемые археологами как происходящие из Средней Азии: детали доспехов, предметы вооружения (мечи, наконечники стрел), бронзовые зеркала, некоторые виды глиняной посуды и пр.

Наиболее тесными связи между этими странами стали в период их совместного пребывания в составе Кушанской империи (I–III вв. н. э.). В этот период культурное влияние Индии на Среднюю Азию начало быстро усиливаться. Как известно, кушанская верхушка скоро индианизировалась. Огромную роль в этом процессе сыграло распространение здесь буддизма. Кушанские государи сами приняли буддизм и активно способствовали его распространению; особенно известен этим самый выдающийся из кушанских императоров, Канишка.

Проникновение в Среднюю Азию буддизма и, в меньшей мере, шиваизма, основание здесь монастырей влекло за собой переселение сюда образованных монахов, распространение санскритской образованности, появление в местных языках индийской терминологии, понятий и представлений в духовной жизни и быту, индийских идей в архитектуре и изобразительном искусстве. Но и индийская культура обогащалась заимствованием новых идей в искусстве и технике. Хорошо известно, что к упомянутому времени относится расцвет так называемой гандхарской школы. Эта школа возникла на основе взаимодействия искусства древних народов Индии, Средней Азии, Ирана и Афганистана, при сильном влиянии греко-римского искусства.

Интересны отношения Индии и Синьцзяна. Природные условия Синьцзяна в древности были менее суровы, чем в настоящее время: пустыня Такла-Макан была меньше, Тарим,

Хотан и другие реки, стекающие с Тянь-Шаня и Кунь-Луня, – полноводней. Однако и тогда земледелие сосредоточивалось в оазисах и население страны было немногочисленным. Значение этой страны возросло незадолго до начала нашей эры, когда был установлен через нее Великий шелковый путь из Китая в Среднюю Азию, Парфию и далее к странам Средиземноморья. После этого в течение почти всего периода древности Синьцзян находился под господством китайцев, но наибольшее воздействие на местное население оказала индийская культура. Это происходило вследствие активного участия индийских купцов в налаживавшейся здесь торговле, а также быстрого распространения в Синьцзяне буддизма. Первое сопровождалось образованием индийских торговых колоний, второе – переселением сюда значительного числа индийских монахов-буддистов. В какой-то мере все это имело место и в Средней Азии, но в Синьцзяне приобрело гораздо больший размах и поэтому имело более значительные последствия.

Архитектура важнейших сооружений (храмов, монастырей, ступ) была или прямо индийской, или находилась под ее явным влиянием. Это же относится и к изобразительным искусствам – скульптуре и живописи. Язык многих светских документов (не говоря уже о религиозных) был санскритом или одним из пракритов; если же надписи были на местных языках, то письменность была брахми или кхароштхи. Многие местные жители носили индийские имена. Служебная терминология была в большой степени индийской. В Синьцзяне найдены древнеиндийские литературные произведения на индийских языках и в переводах на местные. Некоторые из них еще не найдены на территории самой Индии. Огромную ценность представляют фрагменты некоторых произведений санскритской буддийской литературы, ранее известные только в китайских и тибетских переводах, а также драматических произведений, принадлежавших знаменитому древнеиндийскому драматургу Ашвагхоше.

Кроме археологических данных, мы имеем также свидетельства современников. Так, Фа Сянь говорит об одном из княжеств, находившихся на востоке Синьцзяня: «Миряне и шраманы этой страны следуют религии Индии, только некоторые делают это тщательней, а другие небрежней. При продвижении на запад все минуемые страны подобны в этом отношении, только люди отличаются по языку. Однако те, которые считают себя учениками Будды, используют индийские книги и индийский язык».

Особенно заметно проявилось индийское влияние в Хотане.

Согласно китайским источникам, местная династия даже носила индийские имена и выводила свое происхождение от Ашоки. Расположенный здесь буддийский монастырь Гомативихара считался в древности важнейшим центром буддийской учености. В нем, по утверждению Фа Сяня, проживало одновременно до 3 тысяч монахов.

Теперь о контактах с Поднебесной империей. Вследствие отдаленности друг от друга этих двух стран – Китая и Индии – и трудностей сообщения между ними они долго были мало связаны между собой. Имеются сведения о существовании торговых связей между Индией и Китаем во II в. до н. э. Начиная с I в. торговля постепенно росла. По суше она велась главным образом через Синьцзян (Великий шелковый путь); путь через Бирму и Сычуань был более трудным и, видимо, так и не приобрел столь же существенного значения. По мере совершенствования судов и возникновения индийских торговых колоний в Индонезии и на Индокитайском полуострове развивалась морская торговля. Путешествие Фа Сяня морем из Индии в Китай происходило в 414 г. по хорошо известному и освоенному маршруту из Цейлона в Кантон. Основными товарами, шедшими из Китая в Индию, были шелк и шелковые ткани. В обратном направлении везли хлопчатобумажные ткани, пряности, благовония, драгоценные камни, жемчуг. На товары обеих стран был устойчивый спрос. Это видно из того, что древние и раннесредневековые китайские монеты найдены в Индии только единицами (и их датировка спорна), а в Китае соответствующих индийских монет пока не найдено вовсе.

II в. до н. э. знаменовал собой начало китайской экспансии на запад. В связи с этим в обеих странах росло стремление установить политические контакты. Растущая торговля также подталкивала к сближению. Однако до тех пор, пока Северная Индия входила в состав Кушанской империи, непосредственные связи были затруднены из-за враждебных отношений между Кушанами и Китаем. А затем условия для них стали малоподходящими вследствие политического хаоса и хозяйственной разрухи, воцарившихся в Китае с развалом империи Хань (конец II – начало III в.) и дававших о себе знать долго после этого. В периоды стабильности дипломатическая активность усиливалась. Так, в Северовэйском государстве с середины V в. менее чем за 70 лет побывало 8 посольств из североиндийских государств. Лучшее знакомство друг с другом индийского и китайского народов привело к сближению между ними и в культурной области. Но Китай заимствовал больше, чем дал. Важным обстоятельством, определившим такой характер

культурных взаимоотношений, было распространение в Китае буддизма.

В начале VI в. буддийские монастыри в Китае насчитывались десятками тысяч, а монахов и монахинь, согласно китайским данным, было будто бы свыше 2 миллионов.

Буддийскому духовенству требовалось огромное количество религиозной литературы, а следовательно, и людей, способных читать ее в подлинниках на санскрите и пали и переводить на китайский язык. Переводом и переписыванием индийских текстов было занято большое число людей. Это способствовало усвоению китайской интеллигенцией индийской терминологии и фразеологии, философских понятий, литературных жанров и т. д. Пробуждался интерес и к индийской науке; переводились научные трактаты по математике, астрономии и медицине; ко дворам царей и знати приглашались индийские астрономы и врачи. В строительстве буддийских храмов и монастырей заимствовался опыт индийского зодчества, в частности в сооружении пещерных храмов.

Китай сыграл важную роль в передаче многих достижений индийской культуры другим странам – Тибету, Монголии, Корее, Японии, непосредственные контакты которых с Индией вследствие их отдаленности или трудностей сообщения были слабыми.

Отношения Индии с Цейлоном были наиболее близкими. Сингалы, составляющие основную массу современного населения острова, считают себя потомками древних колонистов, прибывших сюда из Северной Индии в VI–V вв. до н. э. с царевичем Виджаей во главе; по имени его отца Синхалы остров и стал называться Синхаладвипой. В основе этого предания лежат, очевидно, исторические факты, что подтверждается данными лингвистики и археологии. Другая основная народность Цейлона – тамилы – также состоит из потомков индийских иммигрантов, только переселившихся на остров из Южной Индии в более позднее время.

Хотя создателем цейлонской культуры, безусловно, является в первую очередь сам цейлонский народ, близость Индии наложила отпечаток на всю историю страны. В течение всего периода древности Цейлон поддерживал политические отношения главным образом с Индией.

Цейлонцы и индийцы хорошо знали друг друга. Уже в первые века нашей эры Цейлон стал важным транзитным центром морской торговли в Индийском океане, однако решающую роль в его внешней торговле играла Индия. За обменом товарами шел обмен производственными навыками, техническими

достижениями, научными знаниями. Современная сингальская письменность произошла от брахми. Литературным языком Цейлона долгое время оставался индийский язык пали, из которого много слов вошло в сингальский язык.

Буддийский канон оказал огромное влияние на сингальскую литературу. В архитектуре, скульптуре, живописи – во всем можно обнаружить заметное индийское влияние.

Со странами Юго-Восточной Азии индийцы были знакомы с отдаленной древности. Определенные данные о связях с этими странами имеются в джатаках и «Артхашастре». Индонезия и Индокитай были известны в Древней Индии под общим наименованием Суварнабхуми («Золотая земля»). Это, несомненно, объясняется рано возникшими представлениями о сказочных богатствах этих стран. Более или менее регулярная торговля Индии со странами Юго-Восточной Азии установилась, возможно, с IV–III вв. до н. э. и развивалась одновременно с совершенствованием мореходных средств; сухопутная торговля из-за исключительно трудных природных условий не имела в древности существенного значения. Несколько позже началось переселение в эти страны отдельных индийцев.

К началу нашей эры эта часть Азии значительно отставала в своем развитии от Индии и Китая. Большую часть ее населения составляли племена охотников, собирателей, рыболовов. Лишь в долинах по нижнему течению рек велось земледелие. Железо стало проникать в ремесло и земледелие только около начала нашей эры. В это же время возникали ранние государства; исключением явилась территория Северного Вьетнама, где процесс классообразования начался несколько раньше. Естественно, что народы Юго-Восточной Азии должны были испытать влияние соседних стран. Несмотря на то, что Китай расположен географически ближе, воздействие Индии оказалось значительно более сильным.

В основе проникновения Китая лежала политическая и военная экспансия. Поэтому отношения Китая со странами, расположенными к югу от него, были, как правило, враждебными, а это препятствовало проникновению китайского культурного влияния. Проникновение же индийцев происходило мирными средствами и медленно, но зато имело прочные результаты.

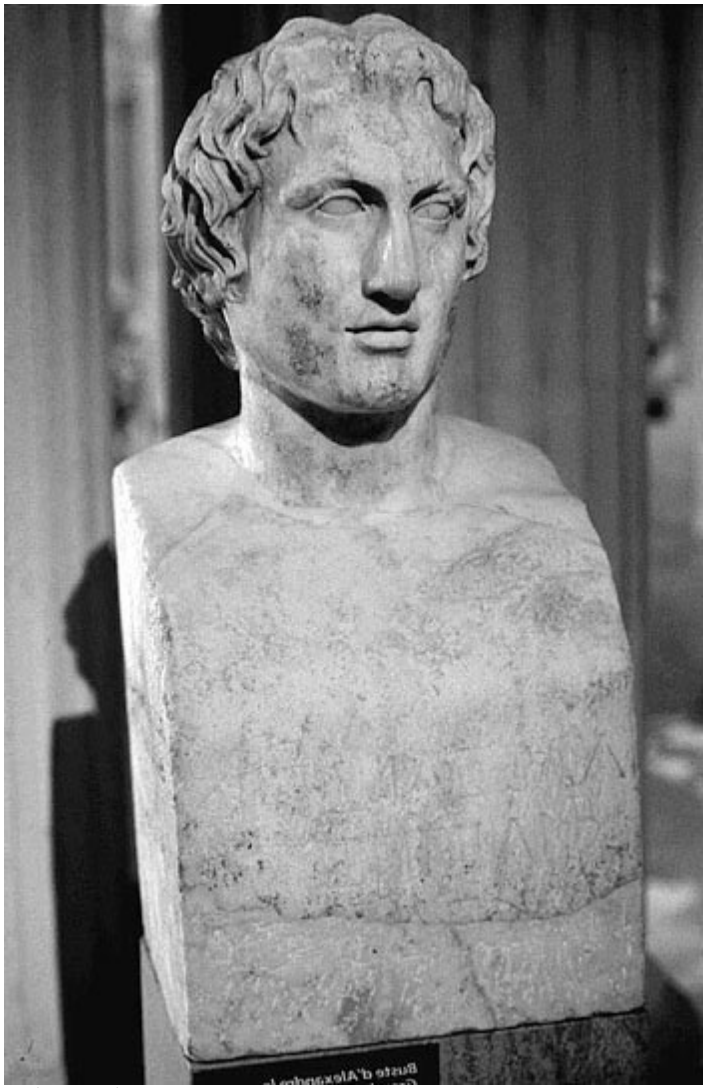
Местное население охотно торговало с индийцами, разрешало им селиться в своей стране, перенимало все полезное, чему у них могло научиться, и приспосабливало к своим нуждам. Образованные индийцы охотно принимались при дворах местных государей, и многие из них сделали успешную карьеру. Древнейшая письменность возникала на базе индийской, в

местные языки вошло огромное число слов из индийских языков, а санскрит часто использовался как язык надписей и официальных документов. Индийская культура приобрела такую популярность, что знать принимала индийские имена, а царствующие династии свои родословные возводили к индийским брахманам и кшатриям знатных родов, а то и к самому царю Ашоке.

Индийский поход Александра Македонского

Сломив мощь многих западных и восточных правителей и одержав ряд блистательных побед, Александр создал огромную империю, простиравшуюся от Эллады до Инда. Индийский поход, последний в серии его военных операций, подробно описан античными авторами, которые опирались на свидетельства непосредственных его участников – Неарха, Аристобула, Онесикрита и других. «Анабасис» и «Индика» Арриана, сочинения Плутарха, Диодора, Страбона, Курция Руфа содержат не только данные о передвижении войск, но и интересные сведения очевидцев о народах Индии, их государственном устройстве, обычаях, традициях…

Правда, никто из древних авторов ни слова не говорит о судьбе огромного флота Александра, бесследно исчезнувшего вскоре после смерти полководца…



Александр Македонский. Античный бюст

Перейдя через Гиндукуш, Александр с огромным войском вступил в долину реки Кофен (Кабул), где разделил армию на две части: сам во главе одной из них двинулся в горные районы на север, чтобы обезопасить тыл, а другую под командованием Пердикки и Гефестиона направил к Инду.

Греко-македонские войска, переправившись через Инд, подошли к Таксилу и были дружественно приняты правителем этого «самого большого города между Индом и Гидаспом» (Арриан V, 8.2) – Таксилом. Последний даже не пытался оказать сопротивления и подчинился добровольно. Более того, он подарил Александру боевых слонов и большое число всадников. Его воины участвовали на стороне греко-македонцев в борьбе

против других индийских народов.

Раздробленность страны, вражда между отдельными государствами, племенами и союзами племен облегчили покорителям продвижение в глубь Индии. Этому в определенной степени способствовала и политика Александра, который привлекал на свою сторону местных владетелей, сохранял им частичную автономию за помощь и преданность и сурово расправлялся с теми, кто оказывал сопротивление. Однако не все индийские правители поступили так, как Таксил. Уже в самом начале похода Александр получил отпор от ряда племен. В течение четырех дней, например, ему пришлось штурмовать город Массагу, «крупнейший из здешних городов» (Арриан), жители которого сражались очень мужественно и отступили лишь после гибели предводителя. Армия ассакенов, согласно Арриану (Анаб. IV, 25.5), состояла из 30 тыс. пехотинцев, 2 тыс. всадников и 30 слонов. Отказались от переговоров с иноземцами и жители других областей и городов, в частности Базира, они предпочли встретиться с неприятелем в открытом бою. У реки Гидасп (совр. Джелам), куда Александр направил свое войско, он узнал о решении Пора, сильнейшего царя Северо-Западной Индии, дать сражение. Эта битва (июль 326 г. до н. э.) – одна из наиболее интересных и драматических страниц в истории индийского похода. Античные писатели старались подробно поведать об этом столкновении двух полководцев, их личной смелости, военной стратегии.

Пор расположил свое войско на берегу Гидаспа, намереваясь помешать переправе неприятеля. Армия индийского царя была не только весьма многочисленной, но и очень боеспособной. В заключительной схватке, по словам Арриана (V, 15.4), участвовали 4 тыс. всадников, 300 колесниц, 200 слонов и 30 тыс. пехотинцев. Все же Александру удалось усыпить бдительность Пора и прорваться с частью войска на противоположный берег. Греко-македонская конница была более подвижна, чем громоздкие колесницы противника. Пор рассчитывал на боевых слонов, которых он построил в линию, поместив за ними пехоту. Но Александр направил конных лучников не в центр, где находились слоны и готовая к бою пехота, а на фланги и, когда индийцы начали перестройку, внезапно напал на центр. Слоны были оттеснены и стали топтать как врагов, так и своих. «Это было сражение, не похожее ни на одно прежнее», – писал Арриан (Анаб. V, 17.3). Вскоре индийцы обратились в бегство.

Несмотря на поражение, Пор показал себя мужественным воином – не ушел с поля боя и дрался до тех пор, пока, «потеряв от множества ран много крови… скатился на землю» (Диодор,

XVII, S8). Увидев в нем возможного союзника, Александр оставил ему прежние владения и даже присоединил к ним новые.

Ожесточенная битва с Пором, продемонстрировавшая македонцам силу и храбрость индийцев, не изменила, тем не менее, планов Александра по дальнейшему захвату Индии. Его тянуло дальше на восток. Он считал, что война не может окончиться, пока есть люди, способные с ним воевать (Анаб. V, 24.8). Правда, многие индийские царьки, в том числе Абисар, бывший союзник Пора, после поражения последнего добровольно признали власть греко-македонцев, прислали посольства и богатые подарки.

Александр продвинулся вначале до Акесина (Ченаб), а затем и Гидраота (Рави), покорил отдельные племена, захватил их города. Он готовился идти за реку Гифасис (Беас), где, как ему говорили, «лежит богатая страна» (Анаб. V, 25.1), но тут в войске началось брожение. Трудности длительного похода, упорное сопротивление ряда племен, близкое знакомство со страной, оказавшейся, видимо, менее богатой, чем раньше рисовалось воинам, изнурительная битва с Пором, рассказы местных жителей о могуществе народов восточных областей – гангаридов и прасиев – все это породило недовольство солдат, потребовавших возвращения домой. И хотя Александр мечтал о завоевании всей Азии, он вынужден был повернуть обратно.

Часть войска на специально построенных судах поплыла вниз по Гидаспу, остальная армия двигалась по обоим берегам реки.

Александру пришлось столкнуться с маллами, «независимым индийским племенем», славившимся своим мужеством. Во время взятия их главного города полководец получил тяжелое ранение и чуть не погиб. Пришлось ему и подавлять восстания, вспыхнувшие в некоторых городах Индии. Эти восстания явились как бы первым симптомом нараставшего антимакедонского движения.

Александр отступал на запад и по Инду достиг Великого моря. Флот во главе с Неархом он направил в Персидский залив к устью Евфрата, а сам по суше пошел через Гедрозию, намереваясь покорить эту провинцию и при необходимости оказать помощь Неарху. Если верить античным авторам, армия Александра перенесла тяжелые испытания. По словам Плутарха, полководец не привел из Индии и четвертой части боеспособного войска. Лишь в начале 324 г. до н. э. он встретил Неарха и отправился в Вавилон.

Так завершился индийский поход. Отдельные отряды грекомакедонцев оставались в Индии еще в течение нескольких лет. Сатрапы, назначенные Александром, удерживали свои

позиции и после его смерти (323 г. до н. э.). Только в 317 г. до н. э. последний из них, Эвдем, покинул индийскую территорию…

В Индии Александр проводил свою обычную политику – не только покорял народы и разрушал города, но и старался укрепить греческое влияние. Он разделил захваченные земли на ряд сатрапий, поставив во главе их своих сподвижников или местных индийских правителей. Часто под властью греческих наместников оказывались довольно значительные области, иногда же гарнизоны иноземцев находились на территории, управляемой индийским царем. Это обусловливало определенное сближение пришельцев с местным населением, способствовало взаимодействию греческой и индийской культур.

Правда, греческое культурное влияние распространилось лишь на некоторые районы северо-запада и запада и коснулось преимущественно верхушки общества.

Связи между Европой и Индией стали теперь непосредственными и более прочными. Эллинский мир ближе познакомился с неведомой дотоле страной. Солдаты, возвращаясь на родину, в разные уголки огромной империи Александра, рассказывали о том, что они видели; военачальники, участники похода, оставили довольно подробное описание жизни индийских народов, и эти свидетельства еще долго были самым надежным источником знаний об Индии.

Оживленнее стали и торговые связи ее с эллинским миром. Плавание Неарха из Инда к Евфрату и поход Кратера из Синда через Систан в Персию наглядно подтвердили возможность еще более тесных контактов…

Поход имел немалое влияние и на развитие внутриндийских политических событий. Можно полагать, что разгром Александром мелких царьков облегчил будущему основателю империи Маурьев борьбу за власть.

Однако не следует переоценивать положительное значение похода Александра. Уже отмечалось, что греко-македонцы подчинили небольшую часть страны и оставались здесь очень недолго. Поселения, которые они создавали, как правило, носили военный характер и призваны были служить для подавления местного населения и защиты пришельцев. Поход был опустошительным. Даже античные авторы, всегда старавшиеся подчеркнуть благородство греко-македонцев и их превосходство над «варварами», сообщают, что Александр разрешил солдатам «грабить места, лежавшие по реке [Гифасис] и богатые всем необходимым» (Диодор XVII, 94). Согласно Арриану (IV, 25), часть македонского войска после победы захватила 230 тыс. голов рабочего скота, из которых Александр выбрал лучших, «чтобы

отослать их в Македонию для полевых работ» (IV, 25.4).

В целом индийская культура оставалась самобытной. (Любопытно, что об Александре и его походе свидетельств в древнеиндийской литературе не сохранилось, хотя отдельные исследователи склонны увязать с Александром некоторые косвенные данные.) Раскопки в Северо-Западной Индии (прежде всего в Таксиле) показали, что города не утратили своих специфически местных особенностей. Вообще отношения греко-македонцев и индийцев не были односторонними и не сводились исключительно к влиянию греков. Можно обнаружить и индийское влияние на эллинский мир, главным образом на античную философию.

Ну а как же сложилась судьба флота, которым командовал Неарх? По мнению некоторых исследователей, после кончины Александра Неарх вывел его в Индийский океан и двинулся в сторону Индонезии, а оттуда через Австралию, Новую Гвинею и Тихий океан – в Новый Свет. Дальнейшая история более походит на сказку и потому должна найти место в ряду гипотез о доколумбовом открытии Америки…

По суше и по воде

Ко времени Будды сеть проверенных торговых путей покрывала большую часть Северной Индии, а к эпохе Маурьев подобные дороги уже существовали и на полуострове Декан. Одним из главных был торговый путь из Тамралипти, порта на Ганге, недалеко от современной Калькутты, вверх по реке в древний город Цампа, а затем через Паталипутру и Варанаси в Каушамби, откуда через Видишу и Удджайн шло ответвление к порту Бхригукаччха в устье Нармады

Монета эпохи правления царя Скандагупта

Большие города к северу от Ганга и Джамны были связаны с магистральной дорогой. Хотя в течение веков ее направление изменялось на отдельных участках, она оставалась главной артерией Северной Индии. Отмеченная путевыми столбами, обеспеченная через равные расстояния колодцами и постоялыми дворами, она была объектом внимания и забот маурийских правителей.

Главный путь на юг шел из Удджайна в город Пратиштхану в северо-западном Декане, столицу империи Сатаваханов около начала нашей эры. Отсюда он через Деканское плоскогорье спускался к низовьям р. Кистна и дальше направлялся к крупным южным городам Канчи (Кондживерам) и Мадураю. В самом начале нашей эры от этого древнего пути ответвилась сеть дорог, связавшая все наиболее значительные города Деканского полуострова. Контакты между севером и югом через его восточную часть первоначально, по-видимому, не были тесными или регулярными, но пути из Паталипутры в Ориссу скорее всего существовали еще до эпохи Маурьев.

В наиболее беспокойные времена после Маурьев серьезным препятствием для путешествий являлись неосвоенные леса Центральной Индии, и поэтому, по крайней мере до эпохи Гуптов, самым важным был западный путь.

На крупных реках, пересекаемых торговыми путями, мостов не было. Строительное мастерство, достигшее в Индии больших высот во многих областях, по-видимому, так и не дошло до сооружения мостов через большие реки; однако в местах всех важных переправ действовала регулярная паромная служба, которой во времена династии Маурьев ведало государство.

Европейцы, посещавшие в XVII в. Могольскую империю, были удивлены плачевным состоянием дорог, плохих даже по низким стандартам Запада той эпохи. В искусстве дорожного строительства индийцы не выдерживают сравнений с римлянами, но из надписей Ашоки, из «Артхашастры» и других источников явствует, что наиболее энергичные правительства поддерживали дороги в хорошем состоянии, и положение при Моголах не характерно для более ранних эпох.

В сезон дождей, приблизительно соответствующий европейскому лету, дороги становились практически непроходимыми. Переправа через разлившиеся реки была невозможна, и всякое движение прекращалось. Даже тысячи бродячих нищих монахов, которые странствовали по Индии от одной святыни к другой, устраивались до окончания дождей на территории храма, в надворной постройке щедрого покровителя или в пещере близ деревни. Но в другое время года, особенно прохладной и ясной зимой, по пыльным дорогам двигались длинные караваны из громыхающих телег, запряженных буйволами, и вьючных животных – быков, ослов, мулов и верблюдов.

Дороги были опасны для торговых караванов. Многие торговые пути, связывающие цивилизованные центры, проходили через густые джунгли и горы, где обитали дикие племена.

Существовали целые деревни профессиональных грабителей, готовых в любое время подстеречь в засаде купца. Безопасности путников угрожали и дикие звери – тигры, слоны и особенно змеи. Отдаленные части страны слыли прибежищем злых демонов. При таких обстоятельствах купцы не рисковали путешествовать в одиночку, и мы читаем о караванах, объединявших до 500 человек.

Палийская литература повествует об отрядах профессиональной охраны караванов (антапалы), которые обычно брали на себя обязанности проводников и обеспечивали безопасность передвижения на определенном отрезке пути. По-

видимому, они были обязательной принадлежностью торгового каравана, по крайней мере в тех случаях, когда купеческие корпорации не обеспечивали себя собственной охраной. Если наставления «Артхашастры» об обязанностях антапалы отражают реальное положение вещей, то можно предположить, что маурийские цари, а следовательно, и другие значительные династии принимали серьезные меры для безопасности дорог. Тем не менее, судя по многим рассказам, а также по «Артхашастре», разрешавшей взимать огромные проценты с займов на финансирование рискованных дальних торговых операций, караванам угрожала большая опасность со стороны грабителей.

Предводитель каравана был немаловажным лицом в торговой общине, и гуптские надписи на медных досках из Северной Бенгалии свидетельствуют о том, что он мог занимать видный пост в окружном совете. Другим должностным лицом, связанным с караванной торговлей, был проводник. О нем говорится в палийском каноне. Он вел караваны через пустыни и глухие места, ориентируясь по звездам.

По главным рекам на больших и малых судах перевозили грузы и пассажиров. Ганг был главной водной артерией Великой равнины, но Инд и реки Декана также служили торговыми путями. Водные пути, как и сухопутные, изобиловали опасностями. Судоходству угрожали многочисленные речные пираты, мели на одних реках и подводные скалы на других.

Торговля с отдаленными городами и странами велась в основном предметами роскоши – пряностями, сандаловым деревом, золотом и драгоценными камнями с юга, шелком и муслином из Бенгалии и Варанаси, мускусом, шафраном и хвостами яков с предгорий Гималаев. Но этим не исчерпывались торговые грузы караванов. Многие области нуждались в привозном металле. Железо поставлял в основном Южный Бихар, и вполне возможно, что возвышению магадхской державы способствовало то обстоятельство, что по ее территории пролегал путь из района производства железа (современный район Ранчи) к Гангу. Медь добывали и выплавляли в различных районах Декана, в Раджастхане и в Западных Гималаях. Соль, без которой невозможно обойтись в жарком климате, доставляли с морского побережья и из различных месторождений каменной соли, в первую очередь с Соляного хребта в Пенджабе.

Предметами дальней торговли служили некоторые продукты питания: сахар вывозили в более прохладные и сухие районы, в которых сахарный тростник не произрастал, а рис ввозили в отдельные районы северо-запада страны, где он считался

деликатесом.

Трудно сказать, насколько хорошо знали море арьи эпохи Ригведы», но ко времени Будды индийские мореплаватели, вероятно, уже обошли берега субконтинента, а может, и установили первые контакты с Бирмой, Малайей и островами Индонезии.

В первые века нашей эры морская торговля достигла наивысшего расцвета, особенно торговля с Западом: в Римской империи был большой спрос на предметы роскоши с Востока. С падением Рима пришли в упадок и торговые связи Индии с Западом, хотя их поддерживали арабы. Но с ростом материального благосостояния в Западной Европе торговля постепенно оживилась. До эпохи Гуптов плавали из Южной Индии в Китай, и по мере сокращения отношений с Западом расширялась торговля с Китаем.

Возможно, некоторые слишком восторженные индийские исследователи склонны переоценивать достижения мореплавателей Древней Индии. На самом деле их нельзя сравнивать с викингами или некоторыми другими мореходными народами древности. Большинство товаров, экспортировавшихся из Индии, перевозилось на иностранных судах, и хотя в индийской литературе упоминаются корабли, принимавшие на борт тысячу пассажиров, – это представляется явным преувеличением.

Самый крупный индийский корабль, известный Плинию, который располагал довольно точными сведениями о морской торговле в Индийском океане, измерялся 3 тыс. амфор, т. е. имел водоизмещение всего 75 тонн. В V в. Фа-сянь, которому в данном случае нет оснований не доверять, плыл со Шри-Ланки на Яву на судне, на борту которого находилось 200 человек. Это самое большое число пассажиров и членов команды, подтверждаемое достоверными источниками.

Несколько изображений кораблей, дошедших до нас от этого периода, не дают ясного представления об их размерах, хотя на одной из фресок из Аджанты воспроизведен трехмачтовик. Суда, столь живо и реалистично изображенные на фризах огромного буддийского храма в Боробудуре на Яве, невелики по размерам: самое большое из них вмещает только 15 человек. Все суда на изображениях оборудованы для устойчивости утлегарем, подобно рыбачьим лодкам в современной Южной Индии и на Шри-Ланке, и управляются с помощью больших весел: в рассматриваемый период руль был неизвестен.

Хотя в Средние века в Индии определенно уже умели сбивать шпангоуты судов, в предшествующий период их обычно

связывали якобы для того, чтобы избежать опасности, исходящей от магнитных скал. Но фактически сшитые или связанные между собой шпангоуты имели более эластичную конструкцию, чем сбитые гвоздями, и лучше противостояли свирепым штормам периода муссонов и многочисленным коралловым рифам Индийского океана.

На таких судах купцы могли плавать в Александрию, Бирму, Малайю и Китай. Повесть VI или VII в. рассказывает о купеческом сыне, совершившем плавание к «Острову черных яванов», как в то время назывался Мадагаскар или Занзибар.

Главные порты Древней Индии находились на западном побережье. Это Бхригукаччха, о которой мы уже упоминали, Супара, недалеко от современного Бомбея, и Патала в дельте Инда. Отсюда осуществлялось каботажное судоходство в направлении Южной Индии и Шри-Ланки. Имеются свидетельства о том, что прямой путь из Красного моря через Индийский океан использовался, по крайней мере время от времени, еще до нашей эры, но суда, направлявшиеся в Индию, большей частью следовали вдоль берега.

Купцы и моряки эллинистического Египта хорошо знали Индию. Сохранился любопытный морской путеводитель, составленный на греческом языке анонимным автором конца I в. н. э., – «Перипл Эритрейского моря». Из «Перипла», «Географии» Птолемея, относящейся к следующему веку, и ранних тамильских поэм, восходящих к этому же периоду, мы черпаем множество сведений о торговле Тамилнада. Источники упоминают ряд процветающих портов, из которых главными были: Муширн, известный грекам как Мусирис, в государстве Чера (Керала); Коркаи, в стране Пандьев, недалеко от современного Тутикорина, и Каворипаттанам, главный порт государства Чола, в устье Кавери.

В это время на Сокотре существовала значительная индийская колония, и возможно, что само название острова индийского происхождения. Дион Хризостом встречал индийских купцов в Александрии. Один такой купец, на пути в Александрию пересекший пустыню от Красного моря до Нила, оставил короткую надпись в храме в Редезийе: «Софон, индиец, проявляет почтение к Пану за удачное путешествие». Имя «Софон», вероятно, соответствует индийскому имени вроде «Субхану», а Пан, без сомнения, в представлениях купца отождествился с Кришной, который также был богом стад и пастухов и играл на простой деревенской свирели. Очевидно, автор надписи испытал сильное влияние эллинизма.

Помимо купцов, мы читаем об индийских предсказателях,

фокусниках и наложницах в Риме. Погонщики слонов часто сопровождали своих животных на Запад. Есть сведения о нескольких посольствах от индийских царей к римским цезарям. Самое раннее из них, по словам Страбона, было направлено царем из династии Пандьев и принято Августом в Афинах около 20 г. до н. э. В эту дипломатическую миссию входил аскет по имени Зарманочегас, который, устав от бремени земной жизни, сжег себя в Афинах.

Из индийских товаров наибольшим спросом пользовались на Западе пряности, благовония, драгоценности и тонкие ткани. Вывозились также сахар, рис, изделия из слоновой кости и сама кость в необработанном виде. В развалинах Геркуланума была найдена статуэтка богини тончайшей работы из слоновой кости. Высоко ценилось индийское железо за чистоту состава и прочность. Очень популярны были такие красители, как лак и индиго. Обязательной частью экспорта из Индии были живые звери и птицы: вывозили множество слонов, львов, тигров и буйволов для участия в зрелищах, устраивавшихся римскими императорами и губернаторами провинций. Крупных животных доставляли главным образом по суше, через Пальмиру, торговый центр в пустыне. Более мелкие животные и птицы – обезьяны, попугаи, павлины – попадали в Рим в еще больших количествах и служили живой забавой богатым римским матронам. Императору Клавдию даже удалось получить сказочного феникса, вероятно золотого фазана, одну из самых очаровательных индийских птиц.

В обмен Индия брала почти исключительно золото. В Индию доставляли гончарные и стеклянные изделия Запада, и в развалинах среди остатков торговой станции в Арикамеду, возле Пондищери, были найдены многочисленные черепки арретинской и другой массовой керамической продукции.

Некоторым спросом пользовалось вино. Кроме того, западные торговцы привозили олово, свинец, кораллы и рабынь. Торговый баланс, однако, складывался не в пользу Запада, и в результате возникла серьезная утечка золота из Римской империи. Это признавал Плиний, который, яростно обрушиваясь на распущенные нравы своего времени, подсчитал, что ежегодная утечка золота на Восток составляет 100 млн сестерций.

В Индию поступало не только золото, но и всевозможные чеканные монеты. Римские монеты найдены во многих частях полуострова и Шри-Ланки в таком большом количестве, что напрашивается вывод об их регулярном обращении здесь.

Существуют достоверные свидетельства о том, что если не сами римляне, то подданные Римской империи переселялись в Индию. В источниках упоминается храм императора Августа в

Мусири, но это, по-видимому, ошибка, вызванная сходством имени римского императора с именем Агастья, принадлежавшим легендарному мудрецу (риши), который, по преданию, принес в Южную Индию арийскую культуру. В ранней тамильской литературе встречается несколько упоминаний о яванах, которых тамильские цари нанимали на службу в качестве телохранителей или строителей, высоко ценившихся за их познания в осадном искусстве и сооружении военных машин. Хотя термин «явана» употреблялся весьма расплывчато и, утратив свое первоначальное значение «грек», означал любого уроженца западного мира, не исключено, что среди яванов Южной Индии были и дезертиры из римских легионов.

О связях между Индией и Западом свидетельствуют и данные лингвистики. Предполагают, что даже некоторые древнееврейские слова имеют индийское происхождение, в частности коп – обезьяна (на санскрите капи) и туки – павлин (тамильское тогай). Хотя отдельные подробности в Книге Царств могут быть исторически неточными, утверждение, что фарсисский корабль привозил царю Соломону золото и серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов, показывает, что в древности в Иудею поступали товары из Индии. Было высказано предположение, что земля Офир, откуда царь Тира Хирам привозил Соломону золото, драгоценные камни и дерево алмуг, – это Супара, древний порт недалеко от Мумбая. Предположение подтверждается тем, что в Септуагинте, греческом переводе Ветхого Завета, Офир назван Софарой. Дерево алмуг могло быть сандалом, одно из санскритских названий которого – валгука; от него, возможно, ведет происхождение древнееврейское слово.

Заимствованные из Индии греческие и латинские слова почти все обозначают предметы торговли – драгоценные камни: например, смарагдос – изумруд (санскр. мараката) и берюллос – берилл (санскр. вайдурья); пряности: например, дзиггиберис – имбирь (санскр. шрингавера) и пепери – перец (санскр. пиппали); продовольственные товары: например, сакхарон – сахар (санскр. шарка-ра), орюдза – рис (тамил. ариши) и карпасос – хлопок (санскр. карпаша), и некоторые другие.

В Средние века китайцы предъявляли спрос на те же товары, что и жители Запада, но могли предложить взамен больше товаров. Индийцы, хотя и выделывали сами великолепные шелка и муслины, охотно покупали их в Китае, и китайский фарфор находил сбыт в Южной Индии и на Шри-Ланке, так же, как и керамика мусульманских стран, от которой до нас дошли многочисленные черепки.

Хотя индийские моряки отличались находчивостью и отнюдь

не были трусливы, плавание по морю неизменно описывалось как ненавистное и чрезвычайно опасное занятие. В Средние века арабы и китайцы превзошли индийцев в искусстве судостроения, и купцам стало выгоднее продавать свои товары иностранным посредникам, чем самим везти их за границу. Нашествия мусульман способствовали распространению неприязни ко всему иностранному, и народ, некогда основавший столько колоний от острова Сокотра до Калимантана, с благословения новой религии стал сухопутной нацией, чуждой мореходству.

Волшебное притяжение «Махабхараты»

Истинным и непревзойденным по своему богатству хранилищем преданий, легенд и мифов является уникальная по своему характеру и содержанию эпическая поэма Индии «Махабхарата». Она состоит из 18 книг и посвящена 18-дневной битве. На этот основной мотив наслоено бессчетное количество параллельных сюжетов и сказаний, которые к битве-то и отношения не имеют, но вкраплены в поэму как рассказы разных ее героев или других персонажей

Уттара и Абхиманью, отправляющийся на битву. Сцена из «Махабхараты»

В ней наряду с историческими описаниями встречаются и совершенно фантастические повествования о людях-оборотнях, о делах земных, подземных и подводных чародеев, о вмешательстве богов в жизнь и деяния людей и о многом подобном. Но красота большей части этих повестей столь привлекательна, а их содержание столь богато, что во всей литературе Индии многие их сюжеты нашли свое перевоплощение в форме драм, поэм и устных преданий, причем именно последние во многом известны каждому жителю страны с самого раннего детства. Сразу следует упомянуть, что другой великий эпос «Рамаяна», появляется в виде краткого сюжета уже в древнейших частях «Махабхараты».

Когда, где и кем была сложена эта великая поэма? Тут следует обратиться опять же к мифам, к основному из них – к мифу о Вьясе, создателе поэмы. Он был якобы свидетелем всех описанных в ней событий, и даже более того – был прародителем ее главных героев. А что это были за герои?

Когда-то, в очень давние времена, некий царь из арийского рода Куру был вынужден по ряду обстоятельств уступить свое брачное ложе для встречи своей жены с автором «Махабхараты». И от этого одноразового союза родился слепой царевич.

Почему слепой? В ответе на этот вопрос заключены данные о смешении двух рас. Вот как это произошло: автором, или, точнее, составителем, поэмы считается человек по имени Кришна (Черный) Двайпаяна (Островитянин) Вьяса. В памяти арьев он остался как типичный представитель австралоидов – «темнокожий, мохнатый, плосконосый». Но если именно он был приглашен к царице на ложе, значит, имел место вариант династического брака, и этот Вьяса являлся вождем влиятельного местного племени. Но царица, увидав его, закрыла от ужаса глаза. И поэтому родила слепого сына. Он стал впоследствии царем и породил сто сыновей, старший из которых носил имя Дурйодхана (его имя переводится в двух вариантах – Дурной воин или Трудноодолимый воин). По характеру он был жесток и крайне честолюбив и подталкивал своих братьев на злые дела.

В те же годы другой арийский царь был за грехи свои поражен бесплодием и к его жене тоже был приглашен для продления рода тот же Вьяса. Эта царица при виде брачного партнера побледнела так, что у нее родился затем бледный сын, который так и был назван Панду, т. е. Бледный.

Если попытаться исторически расшифровать эти сведения, то увидим, что оба сына от Вьясы были арьями лишь наполовину – и Слепой и Бледный. В сыновьях слепого царя была уже четверть арийской крови, а в сыновьях бледного ее потом оказалось еще

меньше, поскольку его женой стала царевна из местного племени ядавов, и имя ее было Кришна, что и значит Черная, а другое ее имя было Кунти.

Но еще раньше родила она добрачно от Солнца сына по имени Карна и скрыла его от всех. Этого сына Солнца вырастил простой колесничий, а поэтому ее сыновья презирали его, изгоняя с воинских поединков. И всю жизнь он страдал от незаслуженных унижений. Она дала жизнь трем сыновьям, которых зачала от богов. Это был вынужденный выбор, поскольку Панду тоже был поражен бесплодием. Эти трое юношей носили имя Пандавы, т. е. сыновья Панду. Кунти-Кришна и еще двух детей-близнецов растила как своих, они были рождены другой женой Панду, и все вместе они известны как пять братьев-Пандавов.

Первые сто сыновей слепого царя и эти пять Пандавов были двоюродными братьями, росли вместе и всегда соревновались в воинских занятиях и играх. Дальше повествуется о том, что Пандавы преуспевали во всем, а Дурйодхана с братьями отставал от них и всегда им завидовал. Эта зависть переросла в открытую вражду, и в поэме описывается много случаев, когда злой брат пытался погубить своих кузенов, но воля богов была на их стороне, и они неизменно избегали гибели. Вот поэма и насыщена сотнями эпизодов, связанных с разными их жизненными ситуациями.

Мифы «Махабхараты» содержат огромное количество указаний и описаний, по которым историки составляют картины жизни индийцев. Очень интересны данные о процессе вооружения армий и накопления оружия, которое сводилось тогда главным образом к лукам со стрелами и метательным копьям с каменными и бронзовыми наконечниками, хотя описываются в сказаниях о боях и кинжалы, и мечи, и даже острые металлические насадки на бивни боевых слонов. А слоны упоминаются постоянно, и повествуется о том, как они топтали конных воинов, убивали пеших и громили колесницы.

Так кого же все-таки следует считать автором «Махабхараты»? Не углубляясь здесь в те споры, которые много лет ведут между собой исследователи этой поэмы, приведем однозначный вывод – ее создавал народ, весь народ Индии. Создавал постепенно, в течение многих-многих веков, столь многих, что в ней нашли свое отражение даже очень давние впечатления людей, производимые на их умы и души явлениями далекой арктической природы. До появления вышеупоминавшейся книги Тилака «Арктическая родина в «Ведах» эти описания считались плодами неумеренной фантазии, но когда стало известно, что в гимнах «Ригведы» воспеты те

проявления земной и атмосферной действительности, которые могут быть связаны только с Приполярьем, ученые стали приходить к выводу, что в этой поэме отражены явления столь же древние и что некоторые из них можно считать даже более древними, чем «Веды».

Так, в первой из 18 ее книг содержится описание сцены пахтанья молочного океана: боги и демоны захотели добыть напиток бессмертия – амриту. И для этого решили вместе взболтать воды белого «молочного» океана (можно задать вопрос – какой океан Земли может быть так назван, за исключением Ледовитого?).

Для этого они взяли огромную гору и, обвязав ее гигантским змеем в качестве мутовки, стали пахтать океан. И из его глубин начали появляться разные существа и предметы белого цвета, последним из которых был белый сосуд с амритой. Не будем перечислять все, но вспомним, что и древнейший ведический бог Индра, по преданию, имеет в качестве своего ездового животного белого слона, хотя белых слонов в Индии нет, и этот образ явно восходит к сцене пахтанья.

Привлекает внимание и описание некоего небесного явления, точно соответствующего полярным сияниям, которые из Индии уж никак не могли и не могут быть видны «ни при какой погоде»; во второй книге поэмы рассказывается о том, как некий древний мудрец увидел в небе над молочным океаном бога, который был «как бы огнецветный и как бы мелькнувшее звезды сиянье, как бы радуга и как хрусталя искристость, как бы иссиня-черный мазок и как бы золота груды, как бы белый блеск, здесь златоцветный, там подобный бериллу, как бы синева сапфира, местами подобный смарагду, местами подобный жемчужной нити». Подобные описания содержатся в книгах воспоминаний всех, кто бывал на дальнем севере и наблюдал удивительную игру полярных сияний.

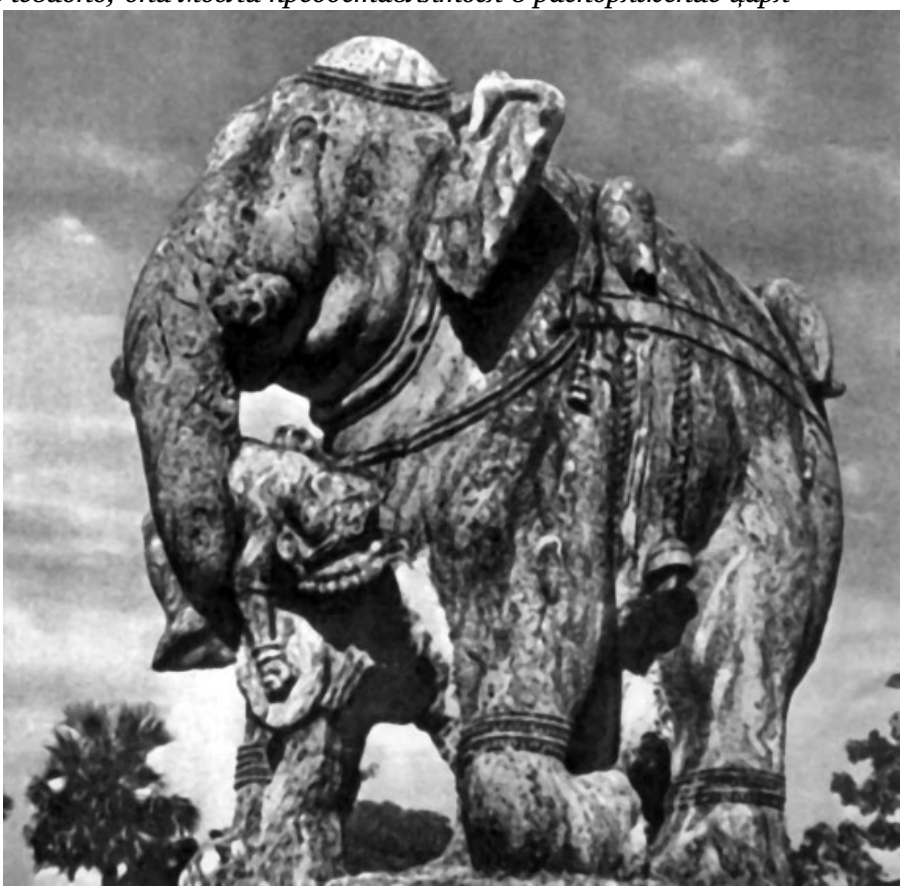
«Махабхарату» можно назвать энциклопедической поэмой, содержащей в себе сотни самых разных эпизодов и описаний, прямо или косвенно касающихся жизни всех ее героев. Эти описания еще ждут своих расшифровщиков, хотя все вместе они являются отдельными повестями, вкрапленными в основную рамку повествования о том, как готовилась, а затем и протекала великая битва.

Следует указать и на то, что в современной Индии поле, где происходило великое сражение, почитается как высокосвятое место, и к нему в определенные дни тянутся на поклонение многие тысячи паломников из всех штатов страны. Оно расположено недалеко от Дели, по направлению к северо-западу,

и носит имя поля Курукшетры. Это название напоминает родовое имя главных героев – Куру, от которого произошло и обобщенное имя всех потомков несчастного слепого царя – Кауравы, боровшихся с кланом своих двоюродных братьев Пандавов.

Воины царя и наемники – их мощь и слабость

Древнеиндийская армия состояла из воинов разного типа. Часто они подразделялись на шесть категорий: наследственные воины, составлявшие костяк армии; наемники; войска, поставляемые различными объединениями; войска зависимых союзников; перебежчики от врага; дикие племена, использовавшиеся для партизанской борьбы в горах и джунглях. Неясной остается третья категория. Она включала, по-видимому, частные армии, находившиеся на содержании торговых гильдий и предназначавшиеся для охраны их караванов и торговых постов; очевидно, они могли предоставляться в распоряжение царя



Слон несет воина в хоботе. Храмовый комплекс в Ориссе

В Средние века на Шри-Ланке объединение малабарских купцов, называемое Маниграмма, благодаря своей армии, подобно Ост-Индской компании XVIII в., оказывало важное, а

иногда и решающее влияние на политическую жизнь острова. Жестоких наемников Кералы (Малабар) и Карнатаки на протяжении всего Средневековья охотно использовали в своих армиях многие индийские и сингальские цари.

Из четырех основных сословий кшатрии были преимущественно воинами, и, конечно, большая часть наследственных воинов считала себя принадлежащей к этому сословию. Однако в войне принимали участие все сословия.

По традиции индийская армия состояла из четырех родов войск: слонов, конницы, колесниц и пехоты.

Слоны, обученные для военных целей, впервые упоминаются определенно в буддийском каноне, где говорится, что у царя Магадхи – Бимбисары был большой и сильный отряд боевых слонов. Хорошо обученные слоны шли в авангарде армии и действовали почти как современные танки, прорывая ряды врагов и разрушая ограды, ворота и другие укрепления. Шеренга слонов могла также служить живым мостом при форсировании неглубоких рек и потоков. На слонов часто надевали кожаные доспехи, а их бивни укрепляли металлическими наконечниками. Слон, кроме погонщика, нес на своей спине обычно двух или трех воинов, вооруженных луками, дротиками и длинными копьями. Продвигался он под прикрытием небольшого отряда пеших воинов, защищавших его от нападения.

В планах индийских стратегов слонам придавалось большое значение, но на практике это не оправдывалось. Хотя сначала боевые слоны производили устрашающее впечатление на непривычную к ним армию, они ни в коей мере не были непобедимыми. Так же, как римляне нашли средства защиты против слонов Пирра и Ганнибала, греки, тюрки и другие завоеватели, вторгавшиеся на территорию Индии, вскоре переставали бояться боевых слонов.

Конница, хотя и играла важную роль, не получила у индийцев такого развития, как у некоторых других древних народов, и это очень способствовало тому, что индийские армии были побеждены завоевателями, пришедшими с северо-запада. Решительная победа Александра над Пором в 326 г. до н. э., а затем победа Мухаммада Гури над Притхвираджей в 1192 г. были обусловлены в основном лучше подготовленной и более подвижной конницей. Конные лучники представляли особую опасность для индийских армий.

Колесницы перестали употребляться в качестве боевого средства вскоре после начала нашей эры.

В литературе встречается несколько упоминаний об использовании кораблей для военных целей, однако мало

указаний на то, что индийские цари имели верное представление о значении морского могущества или о военных действиях на море. Корабли использовались главным образом для переброски войск, обычно по большим индийским рекам.

Военные корабли использовались и для подавления пиратов, орудовавших в Индийском океане.

Пехота, хотя и мало упоминающаяся в литературных источниках, всегда была становым хребтом армии. В большинстве царств существовали и привилегированные войска, нечто вроде преторианской гвардии. В Средневековье на юге Индии такая царская гвардия считала своим долгом охранять особу царя до последней капли крови, и ее преданность освящалась церемонией совместной трапезы с царем при восхождении его на престол. Благодаря этой привилегии гвардейцы получали нечто вроде дворянского достоинства.

В «Артхашастре» упоминаются санитарные отряды, которые заботились о раненых; они помещались в тылу армии, имея медикаменты, перевязочный материал и другое снаряжение. Существование таких отрядов врачей, а также армейских ветеринаров, обслуживавших лошадей и слонов, подтверждается и другими источниками. Кроме того, «Артхашастра» говорит о женщинах, обязанностью которых было приготовление пищи для воинов в тылу сражения.

В Средние века в армиях было несколько военачальников, подчинявшихся великому военачальнику (маха-сенапати). Военачальник всегда считался весьма важным сановником и часто был членом царской семьи. Он получал приказы непосредственно от царя, которому надлежало даже в преклонном возрасте руководить всеми важнейшими военными предприятиями.

Цари часто сражались впереди своего войска, хотя осторожный автор «Артхашастры» советует им руководить из тыла военными действиями. Военачальнику подчинялись многочисленные офицеры (наяка, данданаяка), которые в Средние века часто приближались по положению к феодальному дворянству. Полки, отряды и подразделения имели свои отличительные штандарты и часто, бесспорно, вели корпоративный образ жизни.

Вооружение древнеиндийской армии мало отличалось от оружия других ранних цивилизаций.

Индийцы знали метательные орудия Древнего мира – баллисты (неизвестные в домаурийское время), стенобитные машины и другое осадное снаряжение.

Обычный индийский лук периода Маурьев имел в длину полторадва метра и делался часто из бамбука. Для него

использовались длинные тростниковые стрелы. Согласно описаниям античных авторов, это было очень мощное оружие; при стрельбе его опирали о землю и придерживали ногой.

Применялись мечи различного вида, из них наиболее опасным считался ништринша, длинный двуручный рубящий меч. Копья и дротики также составляли обычное вооружение индийских воинов. Были в нем особые длинные копья (томара), использовавшиеся при бое на слонах. Железные булавы и боевые топоры также находились на вооружении индийской армии. На развалинах городов долины Инда найдены терракотовые пращевые камни.

Фортификационное дело составляло важную часть военной науки, однако почти все крепости домусульманской Индии были так расширены и перестроены в более позднее время, что уже не дают истинного представления о древнеиндийской военной архитектуре.

Идеальный укрепленный город (дурга), описанный в «Артхашастре», был окружен тремя очень широкими рвами, внутри которых находилась насыпь, покрытая колючим кустарником и увенчанная стеной высотой 36 футов с многочисленными квадратными башнями и крытыми выступами для лучников.

Наиболее важным из сохранившихся фортификационных памятников домусульманской Индии является крепость Дэвагири (современный Даулатабад), столица царей династии Ядава в Северном Декане до взятия ее войсками Ала уд-Дина Хилджи в 1312 г. Внешние ее укрепления были по большей части заменены и расширены мусульманскими правителями, однако в цитадели, стоявшей на почти неприступном холме, до сих пор сохранились коридоры, пробитые при индийских царях в сплошной скальной породе и открывавшие фактически единственный путь к вершине. Эти проходы остаются подлинным памятником инженерного искусства средневековой Индии.

Индийская армия была медлительной и малоподвижной. Армия размещалась в огромном лагере, который представлял собой фактически временный город с царским кварталом, кварталом для царского гарема и палатками следовавших за армией маркитантов и проституток. Царь и главные офицеры брали с собой в поход членов своих семей, включая любимых жен и наложниц.

То обстоятельство, что войска сопровождало множество гражданских лиц, не подчинявшихся полностью военной дисциплине, замедляло передвижение армии и уменьшало ее боеспособность. Один из теоретиков военного дела возражал

против присутствия в лагере женщин, однако его совету если и следовали, то, очевидно, крайне редко.

Битва была великим религиозным обрядом, высшим жертвоприношением воина, а потому она не могла начаться без соответствующих подготовительных церемоний. Когда это было возможно, день и час битвы устанавливались с великой тщательностью астрологами и накануне исполнялись очистительные обряды. Перед сражением брахманы и сам царь обращались к войскам с речью, вдохновляя их обещаниями добычи и славы, а также небесной благодати для павших.

Автор «Артхашастры» советует применять в центре тяжеловооруженную пехоту, а на флангах легких пехотинцев, колесницы и конницу. Слоны обычно сосредоточивались в центре, а лучники занимали позиции позади копьеносцев. Почти во все времена особое значение придавалось единоборству отборных воинов. Хотя решающую роль в военных действиях часто играли воины, сражающиеся массами в строю, им уделяется мало внимания в произведениях, которые являются нашим единственным источником информации.

Из сказанного можно сделать вывод, что война и межгосударственные отношения были самыми слабыми аспектами политической жизни Индии. Царства средневековой индуистской Индии, не способные ни к объединению в империю, ни к прочному союзу, обремененные огромными армиями, которые всегда находились в состоянии войны, конечно, имели своих героев, однако не смогли противостоять тюркам.

Кто такой Ману

Имя этого человека встречается в Индии чуть не на каждом шагу. Где бы и кто бы ни обсуждал чьи-то семейные дела и особенно чьи-то неверные шаги, чаще всего разговор или спор об этом сводится к словам «надо жить по Ману, а не вот так». Это что – упрек или совет? Пожалуй, и то и другое: если бы жили «по Ману», то все было бы хорошо в любом смысле этого слова и теперь дело не дошло бы, например, до развода, или, скажем, до раздела имущества, или, в некоторых случаях, до присвоения отцовства или других прав на ребенка

Первая аватара Вишну

Иностранец, слушающий этот спор со стороны, не поймет, что никакого Ману сейчас в природе не существует, что это не какой-либо представитель юриспруденции, имеющий власть запрещать, разрешать или предписывать что-либо. Обратившись за разъяснениями к знатокам вопросов права, можно узнать, что в некой удаленной древности некий человек по имени Ману разработал свод законов, касавшихся самых разных сторон жизни и самых разных форм человеческих отношений. Вел он, по легенде, богоугодную жизнь, имел много заслуг перед небожителями и за все это был ими одарен правом верно судить

обо всем, что происходит и должно происходить в жизни людей.

Когда он жил – неизвестно. Неизвестно также к какому народу он относился и членом какого социального слоя считал себя, и кем его считали окружающие, хотя обычно в легендах он именуется членом высшей общественной прослойки – брахманом.

В память приверженцев индуизма его имя связывается обычно с авторством некогда написанного им свода законов, известных всем и каждому под названием «Законы Ману». Их роль установилась уже не менее трех-четырех тысяч лет назад. Специалисты по истории правовой литературы Индии знают, что за истекшее долгое время «Законы Ману» издавались много раз и в них не вносилось никаких изменений, диктуемых новыми историческими периодами. Издревле было всеми принято, что надо жить «по Ману» и что отступления от них влекут за собой кару не только при этой жизни, но и в посмертном существовании.

Большинство исследователей полагает, что эти правовые уложения были в своей главной основе продиктованы условиями смешения местного, доарийского населения Индии с племенами пришедших в страну в III–II тыс. арьев. Поскольку пришельцы резко отличались по всем показателям от местных жителей – по образу ведения хозяйства, по вере и языку, по своей внешности и по своим правилам жизни – возникла необходимость выработки каких-то норм, регулирующих процессы смешения.

Переведенные на русский язык «Законы Ману» доступны нашим читателям, и каждый, кто с предлагаемой позиции знакомится с их содержанием, может увидеть, что в более поздние сроки, возможно даже в эпоху Средневековья, в тексты были внесены детализированные указания, касающиеся семейной жизни, воспитания детей, их обучения кастовым профессиональным занятиям и всего того, с чего начался этот очерк, – воспитания этико-нравственных норм поведения и взаимоотношений.

«Законы Ману» представляют собой 5400 стихотворных нерифмованных одноразмерных строк, объединенных в 12 разделов, и признаются традиционным кодексом права. Основные их установки утверждают высокое общественное положение и права членов высшей прослойки общества – брахманов в том виде, в каком эти права сложились ко второй половине I тыс. до н. э., и многие исследователи датируют их появление на свет рубежом нашей эры.

О личности Ману пишут даже как о сыне самого бога Брахмы, продиктовавшего ему правовой кодекс в момент сотворения мира, по другим сведениям, он именуется первопредком всех

людей, который некогда спасся от Всемирного потопа.

Вот на этом последнем варианте следует остановиться подробнее, поскольку он связан с древней легендой об отношениях человека с природой. Эта легенда очень популярна и известна в Индии даже детям.

Итак, некогда жил одинокий отшельник, проводивший свои дни в молитвах светлому богу Вишну, охранявшему мир от зла и неправды. Возле его лесной хижины был небольшой пруд, где он черпал воду для питья и омовений. И однажды в его сосуд запрыгнула маленькая рыбка и обратилась к нему с просьбой не выплескивать ее обратно, а отнести домой, так как в пруду ее жизни угрожают большие рыбы. Прожив под опекой Ману некоторое время, она так выросла, что уже не помещалась в сосуде, и попросила отшельника отнести ее в просторное озеро. Прошло время, и в озере стало ей тоже тесно. Тогда Ману перенес ее в реку, впадавшую в океан, и она, счастливая, уплыла. Прошло долгое время, и внезапно отшельник снова увидел ее в реке. Она обратилась к нему с речью, повелев от имени бога Вишну построить лодку и привязать к ней прочный канат. И пояснила, что скоро разверзнутся небеса, и вся земля будет затоплена водой, которая погубит все живое. Но он, Ману, должен будет войти в лодку, и ждать среди волн появления этой рыбы. У нее, у рыбы, будет большой рог на голове, и этим канатом он должен будет привязать лодку к рогу.

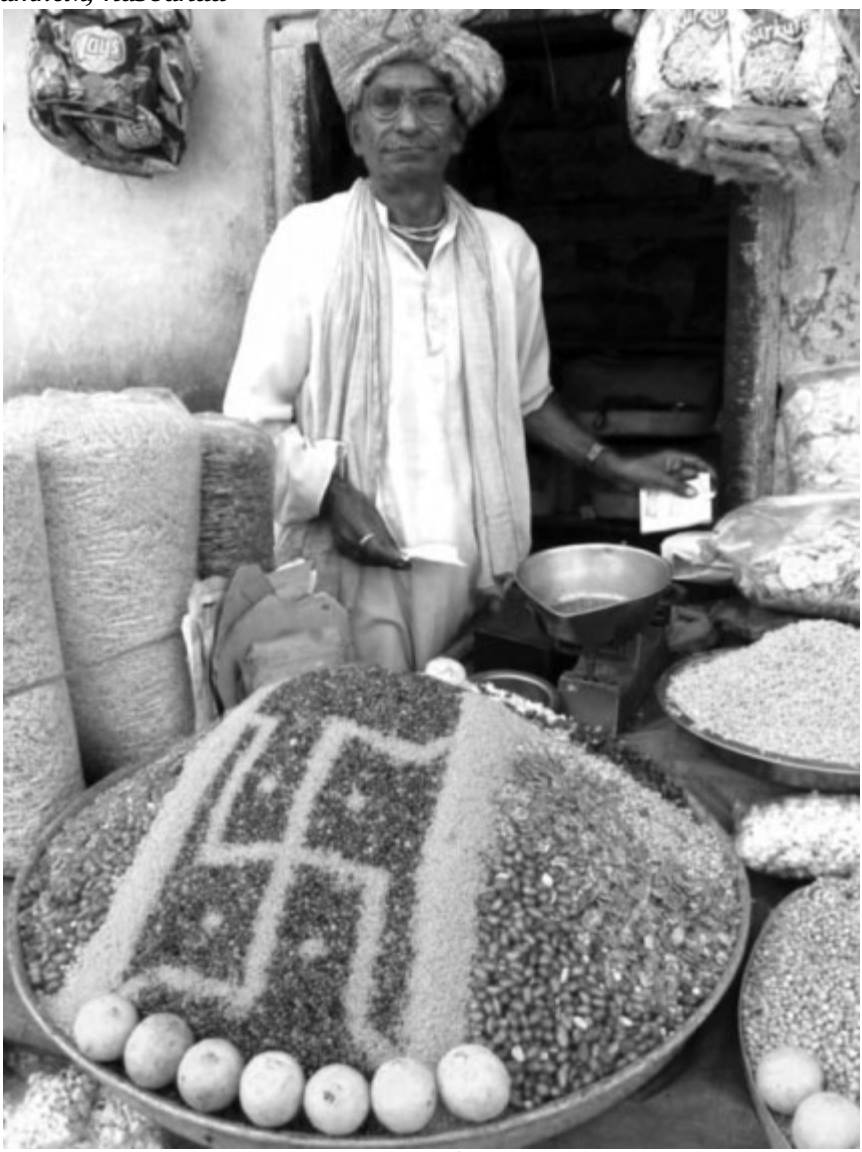
Все так и произошло – вода залила землю, и перед лодкой явилась огромная рыба. Ману привязал к ней лодку, и она много дней носила его по бескрайним водным просторам до тех пор, пока из пучины не поднялась вершина горы. Приведя лодку к горе, рыба исчезла, а Ману, подождав, пока схлынет вода, спустился на обезлюдевшую землю. Отчаявшись от одиночества, он сотворил из воды себе дочь, и от этой пары вновь появились люди на Земле.

Эта легенда изложена здесь в своем основном варианте, но народная фантазия расширила ее сюжет и дополнила многими красками, так что в индийском фольклоре существует много преданий о Ману и потопе. Люди верят в то, что рыба была образом бога Вишну, захотевшего возродить жизнь на Земле, и в своих молитвах упоминают это его чудесное деяние. И кроме того, верят, что Ману причалил свою лодку к Гималаям и даже указывают там один склон, который до наших дней носит название Спуска Ману.

Имя Ману известно каждому, и с ним твердо связываются представления о своде законов и соответственно бесчисленные упоминания о них и ссылки на невозможность их нарушений.

Свастика в Индии

Самые древние изображения свастики дошли до нас из одной из первых цивилизаций Земли, известной под названием цивилизации долины Инда, или цивилизации Хараппы (по названию одного из открытых археологами городов в долине реки Инд, т. е. на северо-западе южноазиатского субконтинента, в областях современного Пакистана и Северной Индии). Остановимся здесь на втором, более кратком, названии



Свастика повсеместно используется в Индии как знак благих пожеланий

Эту цивилизацию называют доарийской, потому что ее расцвет приходится на IV–III тыс. до н. э., на то время, когда кочевники-арьи еще только двигались к степям Причерноморья по землям Восточной Европы, завершая здесь свой исход из Приполярья, где, по мнению ряда ученых, формировались их племена.

Доарийские жители создали развитую цивилизацию. Они строили города с домами из обожженного кирпича, развили орошаемое земледелие, знали искусства и многие ремесла.

И вот, знакомясь с найденными в раскопках предметами, мы обнаруживаем, что им были известны знаки солнца и креста, а также и свастики. Найдено множество разных изображений – главным образом всевозможных животных и в первую очередь быков. Печатей и обломков керамики обнаружено много, и те из них, что несут на себе символы солнца, креста и свастики, тоже были в числе этих находок.

Знали ли арьи свастику до своего появления на землях цивилизации Хараппы? Вот вопрос, на который трудно найти ответ, подкрепленный достаточным количеством доказательств. Можно лишь предположительно утверждать, что знали, и более того – она им была очень близка. Попробуем в этом разобраться.

Поскольку арьи были кочевниками и продвигались в течение многих и многих веков по огромным пространствам, материальных остатков на местах их кратковременных стоянок найдено мало – изделия из дерева, необожженной глины или ткани не сохранились в земле, но в числе находок повсеместно встречается знак солнца – свастика.

Вспомним, что языком арьев был санскрит, на котором созданы «Веды». А откуда взялось само слово «свастика»? Из санскрита. Оно состоит из трех частей: «су» – «хороший, благой» (перед гласным изменяется в «св»), затем «асти» – «есть» (третье лицо единственного числа от глагола «быть») и суффикса «ка», хорошо известного нам из нашего языка. И что получается? Некое слово, вроде «хорошка» или «благушка», т. е. знак, определяющий нечто хорошее, доброе, благое. Это наводит на мысль, что древние арьи имели изображения свастики.

В наречиях всех индоевропейцев издревле присутствует слово «свастика», санскритское, арийское название знака солнца, того светила, которому в «Ригведе» посвящается множество гимнов и молитв, насыщенных главной просьбой – прервать мрак полярных ночей.

Арьи в своем движении к югу пронесли по всему долгому пути свое преклонение перед солнцем и память о его спасительном воздействии на их жизнь. Поэтому можно

предполагать, что то небольшое количество печатей, найденных при раскопках в Хараппе, могло, вероятно принадлежать пришедшим арьям, пытавшимся воспроизводить форму печатей местных народов. Так или иначе, но на разных произведениях искусства в Индии уже в I тыс. до н. э. знак свастики стал повсеместен.

Свастический знак широко распространился в Индии именно со времен появления в ней арьев, и доныне сохраняющих там свое традиционное значение, – им стали отмечать самые разные предметы, стены домов, вышивки и пр. как знаком благоприятствования, как призывом к счастью и довольству. И особенно большую роль играет этот знак при проведении таких обрядовых действий, как, например, свадьбы – тут индусы наносят свастику на очаги, сосуды, одежды и украшения, ковры и циновки.

Фризами из свастик украшены стены и колонны храмов, подножия статуй богов. Свастиками же отмечены деловые печати, бумаги, конверты, пригласительные и поздравительные письма, вышивки на одежде, шалях и пр. При проведении многих молитвенных церемоний верующие наносят на пол перед алтарем магические узоры, обязательным элементом которых являются свастики, имеющие и прямоугольные и закругленные лучи.

Перед днями праздников женщины расписывают свои ладони традиционными узорами, в затейливый рисунок которых тоже часто бывают включены свастики. И перед праздниками не только повсюду продают значки-свастики, но этим узором украшают шкуры домашнего скота.

Можно утверждать, что вся область орнаментальной культуры Индии отмечена знаком свастики и время его появления в этой стране безусловно сопряжено с фактом прихода на ее территорию племен арьев, исконных жителей северных широт, поклонников солнца.

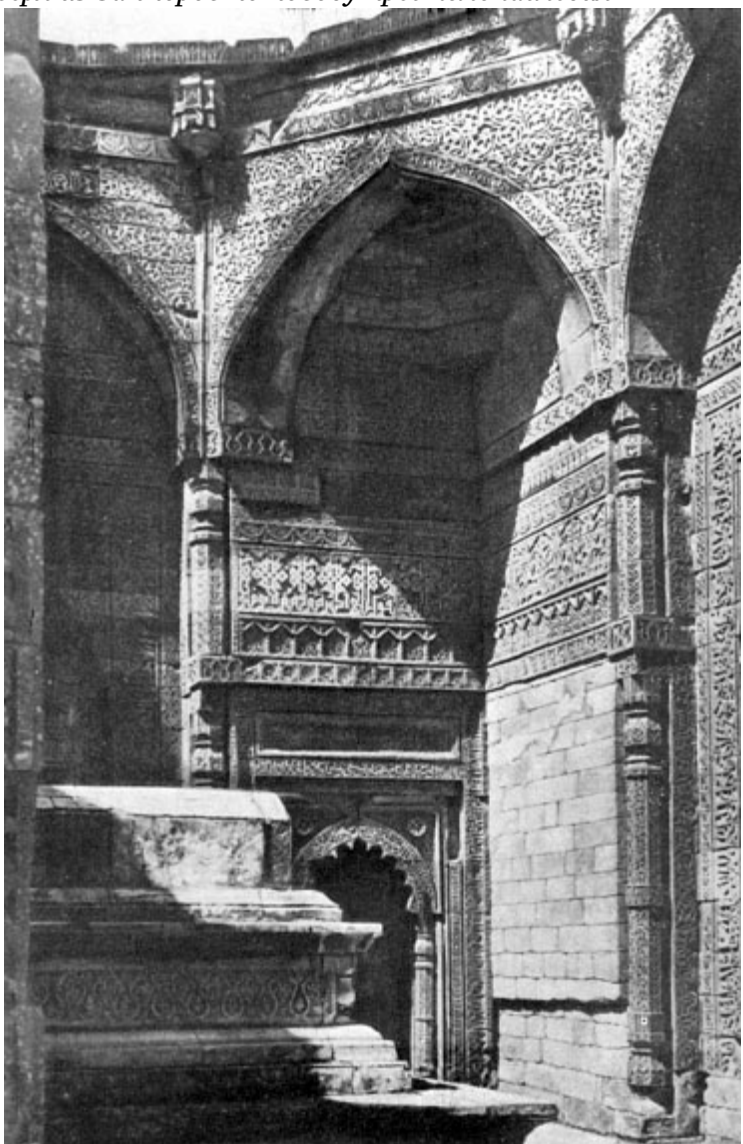
Здесь уместно напомнить и о том, что в число древнейших предков всех индоевропейцев входили и предки славян, которые, судя по ближайшему сходству их языков с санскритом, долгие века плотно соседствовали с арьями в Приполярье, а возможно, и поддерживали родственные связи, переживая те же невзгоды долгих полярных ночей, а значит, и придерживаясь того же преклонения перед спасительной силой солнца. Вот чем объясняется абсолютно доминантное положение мотива свастики во всех формах орнаментального искусства Русского Севера – в вышивках, кружевах, деревянной резьбе и т. п.

Вероятно, и огромный интерес к знаку свастики в политической программе германских националистов объясняется

той же памятью о пребывании рядом с арьями предков немцев, как одной из составляющих частей всей массы индоевропейцев, расселившихся после таяния последнего ледника по широким просторам Евразии от Европы до Индии.

Мусульманка на индийском троне

После смерти в 1236 г. могущественного повелителя Индии Шамс-ад-Дина Ильтутмиша правящая элита Делийского султаната, где преобладали тюрки-кыпчаки, выходцы из Дешт-и-Кыпчака – евразийских степей от Алтая до Карпат, раскололась на два лагеря из-за споров по поводу престолонаследия



Мавзолей Шамс-ад-Дина Ильтутмиша

Первый наследник трона Насир-ад-Дин Махмуд, сын Ильтутмиша, умер ещё при жизни отца, будучи наместником

Бенгалии. А остальных сыновей Ильтутмиш считал недостойными престола. В 1232 г. он объявил о назначении наследницей трона своей дочери Разийи, по его словам, «справедливой, любящей народ и способной принимать решения по управлению государством».

Однако, несмотря на завещание Ильтутмиша, часть тюркской элиты захотела посадить на трон безвольного Рукн-ад-Дина Фируз-шаха, старшего сына Ильтутмиша, за которым стояла его мать Шах-Туркан и приближённые к ней эмиры.

При поддержке матери и эмиров ему удалось стать султаном. Но правление его было скоротечным. Как писал современник этих событий персоязычный индийский летописец Джузджани, Шах-Туркан пыталась убить законную наследницу, что вызвало волнения в Дели. Исход борьбы был предопределён вмешательством в события личной султанской гвардии – гулямов, сформированных в значительной степени из кыпчаков, соплеменников царствующей династии, которые принесли присягу на верность Разийе и возвели её на престол Делийского султаната.

Оказавшись на троне, Разийя приказала схватить своего брата-узурпатора. Наиболее преданные ей кыпчакские эмиры с гвардейцами доставили Рукн-ад-Дина Фируз-шаха в Дели, где он был казнён.

Разийя отличалась незаурядными способностями и превосходными человеческими качествами. К тому же она владела навыками воина: была искусна в верховой езде, метко стреляла из лука, что являлось немаловажным в среде тюркской знати, в частности кыпчакских эмиров из правящей делийской элиты, которые не утратили традиции воинской доблести своих кочевых предков.

Как и её отец, Разийя уважала учёных и образованных людей, заботилась о них. В то время от террора монгольских завоевателей в Индию бежали многие известные ученые, поэты, религиозные деятели, жившие в таких известных культурных центрах, как Отрар, Самарканд, Бухара, Мерв, Нишапур, Герат, Балх. Благодаря покровительству Разийи они обретали в Индии новую родину и своим творчеством обогащали её культуру и приумножали её славу.

Разийя возродила традиции и порядки кыпчакской династии Шамсийя, основанной Ильтутмишем, которыми пренебрегали во время правления Фируз-шаха, и взяла «кормило управления» в свои руки. На монетах, отчеканенных в первые годы её правления, она приказала выбить следующую титулатуру: «Опора женщин, владычица эпохи, султан Разийя, дочь Шамс-ад-Дина

Ильтутмиша». Она получила и такой титул, как «Разийят-ад-Дунийя ва-д-Дин» – «Любимица мира и веры».

Тернистым был путь правления Разийи, немалые испытания выпали на её долю. Самым серьёзным из них был мятеж Нури-тюрка.

Влиятельные тюркские эмиры, занимавшие выжидательную позицию во время мятежа исмаилитов, организовали заговор с целью смещения Разийи с делийского трона. Заговор был раскрыт, войска эмиров, открыто выступивших против Разийи, были разгромлены гвардейцами на берегу реки Джамны, а главные заговорщики казнены. Тюркские эмиры, поддержавшие государыню, получили высокие посты. Самое же высокое положение занял мужественный воин, эфиоп Джамал-ад-Дин Якут Хабаши, которому Разийя пожаловала ранг «эмира эмиров».

Назначение эфиопа на высший пост в государстве вызвало недовольство наиболее влиятельной группы правящей элиты первых султанов Дели, преимущественно кыпчаков, в течение долгого времени распоряжавшейся судьбами государства.

Источники сообщают, в какую ярость приходили тюркские эмиры, когда видели, как красавец эфиоп подсаживает Разийю на коня или слона. Слухи о близости Разийи и эфиопского эмира, распространяемые чихилъгтш, серьёзно подрывали авторитет правительницы в глазах её подданных.

Тюркским эмирам удалось захватить и убить командующего войсками Джамал-ад-Дина Якута Хабаши, а саму Разийю заговорщики бросили в темницу Табархинда.

Как только слух об этом дошёл до Дели, бывшие в столице эмиры возвели на делийский трон сына Ильтутмиша Муиз-ад-Дина Бахрам-шаха.

Через месяц после заточения Разийя была освобождена эмиром Алтун-тобой, посчитавшим себя обделённым после переворота. Он женился на Разийе, и они попытались вернуть престол. Разийя разослала во все концы страны гонцов за помощью, и ей удалось собрать значительные силы. Алтун-тоба возглавил войско для похода на Дели Но фортуна изменила Разийе, в ожесточенном сражении её армия была разбита, и она отступила в Табархинд.

Через некоторое время Разийя сформировала новое войско и вновь выступила в поход. Но из-за измены эмиров Разийя опять потерпела поражение и попала в плен. Был схвачен и Алтун-тоба.

Этим исчерпываются сведения о Разийе, приводимые её современником и подданным Джузджани.

Ибн-Баттута, путешествуя по Индии через столетие после гибели Разийи, посетил её гробницу на берегу Джамны, которая

являлась местом поклонения.

Разийя почти четыре года управляла огромным и могущественным государством, была просвещённой правительницей. Нельзя не отметить и её поэтический талант, который виден в стихах на фарси, подписанных псевдонимами «Ширин Дихлави» и «Ширин Гури».

Роковой для Разийи стала попытка обуздать тюркских эмиров – своих соплеменников и приблизить к трону выходцев из других этнических групп, а также чувство, на которое властитель не имеет права, – любовь…

(По материалам А. Кадырбаева, журнал «Восточная коллекция»)

Конец Нана-сахиба

Нана-сахиб! Для театралов XIX в. эти четыре слога не напоминали ничего, кроме драмы Жана Рипшена, показанной в театре Порт-Сен-Мартен 17 декабря 1883 г. и появления Сары Бернар в экзотической роли, пышных картин, великолепных строф, звучных и раскатистых стихов. Нана-сахиб! За четверть века до этой постановки это имя обошло все газеты мира как имя непримиримого врага Англии

Нана-сахиб. Гравюра XIX в.

В 1857 г. Нана-сахибу было тридцать семь лет. Это был принц маратхов, которого последний потомок пешва, или вице-король

Пунакхи, усыновил перед смертью, в 1852 г., в своем дворце в Бихаре. Покойный, хотя и князь по происхождению, считался просто частным лицом. Англичане не признавали за его приемным сыном никаких политических прав. Но они позволили ему унаследовать дворец в Бихаре, на берегу Ганга, и в тридцати восьми километрах к юго-востоку, тоже на берегу Ганга, дворец в городе Кавнпуре: все, что осталось от огромного состояния. Наследник не требовал большего. Удовлетворившись этим, по-видимому, он принял английские обычаи, усвоил европейские идеи, оставшись в то же время, по своим склонностям к удовольствиям и к роскоши, настоящим принцем из «Тысячи и одной ночи».

Правительство королевы Виктории, очень довольное нарезным оружием, бой которого был таким метким, а срок службы, как показала Крымская война (1854–1856), таким долгим, решила вооружить им сипаев в Бенгалии. Несмотря на то что бумажная обертка патронов смазывалась салом свиньи, нечистого, по мнению индусов и мусульман, животного, полковник Беш, начальник артиллерии, приказал раздать их солдатам. Из предосторожности он скрыл от них это обстоятельство, чтобы оно не беспокоило их совесть.

В казармах новость эта распространилась, как пожар.

В своем обращении к войскам главный наместник заверил, что патроны с такой смазкой будут изъяты из употребления. Все, казалось, успокоилось. Но огонь мятежа все же тихо тлел.

Этот год казался благоприятным для того, чтобы сбросить британское иго. Лорд Делхаузи, последний наместник в Индии, который только что присоединил королевство Уд, вызывал большое недовольство индусов, и уже давно бытовало поверье, что британское владычество закончится через сто лет после того, как оно установилось. Мятеж в первые месяцы 1875 г. охватил почти все туземные полки, и тем более быстро, что обещание об изъятии злосчастных патронов не было выполнено. В мае восстал Дели. Резня европейцев началась с ужасной, изощренной жестокостью. Восставшие выбрали королем девяностолетнего старца, потомка Великого Могола, и объявили всему миру, что британцы отныне изгнаны из Индии.

В конце июня 136 европейцев, среди которых были женщины и дети, плыли в лодках вниз по Гангу. Они миновали город Футигар, который только что восстал, и уже приближались к замку Бихар. Здесь, они знали, живет раджа законопослушный и сказочно богатый: Нана-сахиб не откажет им в приюте и защите. Они причалили и высадились на берег.

Несчастные не знали, какие события произошли в течение

последних трех недель в Кавнпуре и Бихаре. В первом из этих городов гарнизоном командовал генерал Хью Уиллер.

Сэр Хью сосредоточил весь свой гарнизон в здании старого госпиталя, распорядившись вырыть ров и возвести земляное укрепление вокруг этой слабой крепости; там же он укрыл восемьсот жителей-европейцев, среди которых было триста тридцать детей. 22 мая капитан Мур прислал ему из Лукноу слабое подкрепление. В ночь с 4 на 5 мая касса и склад боеприпасов были разграблены восставшими сипаями в количестве 3500 человек, которые затем направились к Дели. Нанасахиб, который в течение последних недель успел поменять свой образ мыслей, присоединился к ним в Куллумпуре.

Он убедил их вернуться в Кавнпур для того, чтобы уничтожить защитников госпиталя, и увеличил это войско до 12 000 человек, которыми командовал сам раджа. К ним присоединились еще 400 преступников, выпущенных из городской тюрьмы. Вся эта армия осаждала сэра Хью с его небольшим отрядом.

Высадившиеся на берег беженцы попали прямо в руки восставших: все мужчины были немедленно вырезаны, женщины и дети оставлены для дальнейших пыток.

Для защитников госпиталя не было другого средства к спасению, как почетная капитуляция. Сэр Хью принял условия Нанасахиба. 26 июня они оба принесли клятву: английский генерал поклялся на Библии, Нана-сахиб клялся, соблюдая священные обряды.

Прошло двадцать четыре часа, и вот на берегу Ганга показались слоны, которые перевозили генерала и его товарищей. Они погрузились в двадцать лодок, но едва отплыли от берега, как артиллерийская батарея ударила по лодкам картечью. Некоторые лодки дали течь, другие загорелись. Тех, кто пытался спастись вплавь, рубили саблями конные индусы, зайдя в воду, или же их брали в плен на берегу.

Генерал был убит при первых же выстрелах, а его дочь попала в плен. Все пленные мужчины были расстреляны. Мисс Уиллер увели в Кавнпур вместе с женщинами и детьми. Один из всадников сделал ее своей рабыней. Вернувшись домой со своей добычей, он напился пьяным и уснул. Когда пришла ночь, мисс Уиллер, подобно Юдифи, взяла саблю и отрубила голову своему Олоферну, но не остановилась на этом, а обезглавила также мать, жену и детей несчастного. После чего она убежала и бросилась в колодец.

Другие женщины и сто двадцать два ребенка оставались в плену в течение трех недель – до того дня, когда британские

войска подошли к Кавнпуру. Это было сигналом к резне. Нана-сахиб приказал сипаям зарубить саблями всех пленников.

На другой день их всех сбросили в шахту, не потрудившись добить тех, кто еще дышал. Позднее англичане поставили в этом городе многоугольный монумент в память о девятистах убитых по приказу раджи.

К счастью, Нана-сахиб не был большим полководцем. 1 6 июля 1857 г. во главе полуторатысячного отряда он был разбит генералом Хевлоком. Раджа вынужден был покинуть Кавнпур и уехал в Уд, а затем в Непал, после чего след его теряется. Победившие англичане не сумели схватить Нана-сахиба. Не удалось узнать, что с ним стало в дальнейшем.

На фоне этого таинственного конца индийского раджи Жан Ришпен мог дать волю своему романтическому воображению, которое не имеет никакого отношения к действительности.

Сомнительный образ Нана-сахиба вдохновил еще одного писателя. Но это уже тема отдельного рассказа.

Капитан Немо – принц Даккар

Жюль Верн вначале задумал капитана Немо как польского революционера, но позже своего героя писатель превратил в бунделькхандского принца Даккара, возглавлявшего в 50-х годах XIX в. восстание индийских сипаев против британских захватчиков, поработивших его родную страну.

У постели умирающего капитана Немо. Гравюра XIX в.

Сипаи проиграли борьбу, и Индия снова оказалась под владычеством Британии, и за голову наследного принца и

предводителя мятежников была назначена огромная цена. По некоторым сведениям, жену и двоих детей Даккара взяли в заложники и убили в плену, сам он был вынужден скрываться. Благодаря блестящему разностороннему образованию, полученному Даккаром в Европе, и многочисленным талантам он смог построить первый в мире действующий подводный корабль вместе с горсткой верных ему людей на отдаленном островке Тихого океана, откуда и начал свое плавание.

Так человек, шагнувший в глубины океана, потерял, по собственному его выражению, и веру, и Родину, и имя – и стал называться капитаном Никто (Немо). Он утверждал, что навсегда умер для земли и всех людей, объявив таким образом протест всему миру. Принципиально не употребляя ни для каких нужд своей жизни веществ наземного происхождения и стараясь не выходить на сушу, Немо не смог обрести душевный покой в океанских просторах.

Перед нами предстает волевой человек, жёсткий и порой даже жестокий, но также ему свойственны и широта души, и неравнодушие к судьбам мира: декламируя свою отстраненную позицию, Немо все-таки помогает борцам за свободу на Крите, спасает ныряльщика за жемчугом, рискуя жизнью. Немо – человек-тайна. В нем уживаются гордость, решительность, железная воля, отстраненность и милосердие, способность бурно выражать чувстваи холодный рассудок. Прошло немало лет. Однажды в печати промелькнуло сообщение о том, что в Индии, в лесах Бунделькханда, пойман наконец еще один из руководителей индийских бунтовщиков. «Неужели это Нанасахиб?» – думал Жюль Верн. Невольно в памяти вновь возникали картины расправ и бесчинств, творимых сначала сипаями, а затем и англичанами. И снова вспоминался неумолимый мститель, предводитель сипаев, известный уже нам Нана-сахиб.

В то время писатель работал над романом «Двадцать тысяч лье под водой».

Однако в этом романе не было разгадки тайны капитана Немо. Впрочем, могло случиться и так, что профессор Аронакс, столь упорно стремившийся разгадать тайну капитана Немо, а вместе с ним и читатели вообще никогда не узнали бы, кто скрывался под этим именем, что за человек, откуда родом, какова его история.

Что касается читателей, как и профессор Аронакс, заинтригованных загадкой, то их явно не устраивали скудные сведения о капитане «Наутилуса». Письма, которые позже начал получать автор, содержали просьбу рассказать подробнее о

командире сказочного корабля.

И Жюль Верн раскрывает тайну капитана Немо на страницах новой книги – «Таинственный остров». В ней он расскажет о жизни и труде горстки колонистов, заброшенных случайной судьбой на необитаемый остров в южной части Тихого океана.

Им приходится отстаивать свою колонию с оружием в руках – воевать с пиратами, пытающимися ее захватить. Горстка смельчаков отважно вступает в бой с многочисленным противником. Исход поединка, казалось, предрешен. И только вмешательство загадочного покровителя острова спасает колонистов…

Кто помогает обитателям таинственного острова? Кто их невидимый защитник? Им оказывается не кто иной, как капитан Немо, а непонятный предмет – это «Наутилус».

Несколько лет спустя Жюль Верн напишет роман «Паровой дом», где в главе «Восстание сипаев» продемонстрирует свою великолепную осведомленность о минувших событиях в Индии, о ее истории и географии. И не случайно главным героем романа писатель сделает Нана-сахиба.

В горах Бунделькханда он пытается создать очаг восстания. Отныне у него одна цель – мстить ненавистным феринги. Его месть жестока. Но разве не были жестоки солдаты полковника Мунро – главного врага Нана в романе, когда привязывали к жерлам своих пушек пленных сипаев, когда английские войска безжалостно истребляли жителей Дели и других городов, когда от их рук погибло «сто двадцать тысяч офицеров и солдат и двести тысяч индусов только за то, что они принимали участие в восстании во имя национальной независимости!». Нана-сахибу не удается достичь своей цели, он попадает в плен и погибает. Видимо, и много лет спустя трагическая судьба Нана-сахиба продолжала волновать воображение Жюля Верна.

Лакшми Бай, женщина – вождь сипаев?

Возмущение английским колониальным игом, проявлявшееся на протяжении всей первой половины XIX в. в разрозненных, локальных выступлениях отдельных слоев населения, в какой-то мере слилось воедино, когда во главе движения встали привычные к организованности сипаи

Лакшми Бай. Гравюра XIX в.

Ближайшим поводом к восстанию, как уже говорилось, послужило введение англичанами новых патронов к ружьям

Энфильда, обертка которых была смазана, по слухам, свиным салом и говяжьим жиром.

По правилам стрельбы обертку надо было надкусывать зубами. Это оскверняло и правоверного мусульманина, и индуса. Однако английское командование сурово расправлялось с теми, кто отказывался употреблять новые патроны. В Мируте 10 мая 1857 г. был публично приведен в исполнение приговор к разжалованию и многолетней ссылке группы сержантов и солдат, отказавшихся брать патроны. Это явилось сигналом для начала восстания сипаев, поддержанного городскими низами и крестьянами из близлежащих деревень. Перебив английских офицеров, сипаи направились 11 мая в Дели, где к ним присоединился делийский гарнизон. Захватив Дели и расправившись с английскими офицерами, сипаи явились в Красный форт и заставили престарелого Бахадур-шаха II (1837–1857 гг.), доживавшего свои дни английским пенсионером, лишенного всякой власти, объявить себя правителем Индии и подписать воззвание, продиктованное восставшими. Мусульманские улемы издали фетву, объявляя священную войну против англичан. В Дели было создано правительство, состоявшее из придворной знати. Бахадур-шах стал для восставших символом восстановления независимой Индии.

Сипаи, привыкшие к дисциплине, но не знающие военной науки и не командовавшие воинским подразделением больше отряда, способны были решать только тактические, но отнюдь не стратегические задачи. Овладев такой сильной крепостью, как Красный форт в Дели, они стали готовиться к обороне, вместо того чтобы распространять восстание на еще не охваченные им районы. Это дало англичанам возможность оправиться, подтянуть верные войска и осадить Дели.

Между тем оборонявшие Дели сипаи делали вылазки, но не предпринимали серьезных действий. Даже Бахт-хан, энергичный вождь отряда, приведенного им из Барейли, один из самых способных руководителей сипаев, не смог навести порядок, несмотря на самые решительные меры, принятые им.

Почти 65-тысячная сипайская армия не могла отогнать от стен Дели 6-тысячное войско англичан. Военные неудачи и нехватка средств привели к тому, что некоторые сипайские отряды стали самовольно покидать Дели.

14 сентября англичане, стянувшие войска, начали штурм Дели и через пять дней овладели городом и крепостью. Началась зверская расправа над восставшими. Даже губернатор Бомбея лорд Элфинстон писал по этому поводу: «Преступления, совершенные нашей армией после взятия Дели, неописуемы.

Наша месть пала поголовно на всех: и на друзей, и на врагов. В грабеже мы превзошли Надир-шаха».

После падения Лакхнау, последнего крупного центра сопротивления сипаев, они разбились на мелкие отряды и стали вести, по существу, партизанскую борьбу, выливавшуюся в мелкие стычки с английскими отрядами.

В Бунделькханде действовал Тантия Топи, проявивший себя как один из способнейших сипайских военачальников. Генерал Роуз из Бомбея направился с армией в Бунделькханд. На пути лежало небольшое княжество Джханси с крепостью того же названия. Там правила за своего сына молодая княгиня Лакшми Бай.

Лакшми Бай (1827 или 1828) – 17 июня 1858) – национальная героиня Индии, рани (княгиня) княжества Джханси, одна из руководителей Сипайского восстания, символ индийского сопротивления деспотизму англичан.

При рождении Лакшми Бай получила имя Маникарника (сокращенно – Ману). Она родилась в Варанаси (Бенаресе), в браминской семье. Имя её отца было Моропант Тамби. Её мать, Бхагирати, умерла, когда девочке было два (по другим источникам, четыре) года.

О её детских и юношеских годах сохранилось очень мало достоверной информации. По всей вероятности, Ману росла сорванцом и непоседой. Самым странным фактом её жизни является то, что, несмотря на зависимое и приниженное положение женщины в индийском обществе, она была не только всесторонне образованна, но и обучена боевым искусствам (одним из известнейших эпизодов её жизни является демонстрация верховой езды с мечом (или саблей) в каждой руке и управлением лошадью при помощи узды, зажатой в зубах). Молва приписывает ей дружбу с её будущими соратниками Нана-сахибом и Тантией Топи, но это маловероятно, учитывая тот факт, что оба были гораздо старше её.

В возрасте четырнадцати лет Ману вышла замуж за махараджу Джханси Гангадара Рао и в соответствии с индийским княжеским этикетом сменила имя на Лакшми.

Приблизительно в 1851 г. Лакшми родила сына, который, к несчастью, скончался в возрасте трех или четырёх месяцев. Вскоре после этого здоровье Гангадара Рао серьезно пошатнулось и его советники настойчиво рекомендовали ему усыновить ребенка, чтобы сохранить Джханси для своей семьи. Раджа согласился на это лишь за день до смерти, избрав в приемные сыновья своего пятилетнего родственника Дамодара Рао. В числе свидетелей усыновления присутствовали британские офицеры

майор Эллис и капитан Мартин. В своем завещании Гангадар Рао просил британские власти отнестись к Дамодару Рао как к его родному сыну и назначал Лакшми Баи регентшей.

Гангадар Рао скончался 21 ноября 1853 г. Лакшми Бай соблюдала траур в течение всего лишь тринадцати дней и вопреки обычаю не стала носить белое вдовье сари, обривать себе голову и ломать свои браслеты.

В свое время дед Гангадара Рао подписал договор с представителями Ост-Индской компании, который гарантировал ему и его потомкам постоянную власть в Джханси в обмен на поддержку интересов компании. Вплоть до кончины Гангадара Рао этот договор соблюдался. Когда же раджа умер, Ост-Индская компания в лице губернатора Индии маркиза Джеймса Дэлхузи и его чиновников объявила об аннексии княжества на основании того, что Дамодар Рао не является родным сыном покойного раджи и, следовательно, законным наследником Джханси. Этот ход, позволяющий алчной Ост-Индской компании присваивать обширные территории, являлся обычной тактикой. Лакшми Бай попыталась протестовать. Она написала несколько писем представителям британской администрации, в которых ссылалась на вышеупомянутый договор, заслуги и лояльность семьи покойного мужа интересам Британии и Ост-Индской компании, а также рассказывала об усыновлении Дамодара Рао и настаивала на его законности. Некоторые британские чиновники оказали ей поддержку, но все её старания оказались тщетными. Лакшми Бай была отстранена от управления Джханси; в качестве компенсации ей назначили ежемесячную пенсию в 5 тысяч рупий.

В 1857 г. вспыхнуло Сипайское восстание. По одной из версий (наиболее популярной), Лакшми Бай не только знала о подготовке к восстанию, но и принимала в ней деятельное участие. По другой же, гораздо более вероятной, произошло следующее.

5 июня 1857 г. гарнизон Джханси примкнул к восстанию. Несколько английских офицеров были убиты. Повстанцы захватили одну из крепостей, во второй же укрылись оставшиеся в живых европейцы – 61 человек, более половины из которых составляли женщины и дети. Они обратились к Лакшми Бай с просьбой о помощи и защите, которых она не могла им предоставить, так как на тот момент обладала лишь очень ограниченной властью и не имела фактически никакого авторитета в глазах мятежников.

7 июня повстанцы, окружившие форт, пообещали, что предоставят европейцам безопасный проход в том случае, если они сдадутся без боя. Осажденные согласились, но когда они

вышли за пределы города, один из лидеров повстанцев приказал их убить.

После того как восставшие ушли в Дели, Лакшми Бай сообщила колониальным властям, что считает себя у них на службе и вернёт управление княжеством. Однако колониальные власти обвинили её убийстве англичан, и это вынудило её перейти в лагерь повстанцев. Лакшми – Бай мужественно возглавляла оборону Джханси от английской армии генерала Роуза, а затем во главе кавалерийского отряда героически воевала в войсках Тантия Топи и пала в бою под Гвалиором.

Еще 1 ноября 1858 г. был обнародован манифест королевы Виктории, объявивший о переходе управления Индией к английской короне и о ликвидации Ост-Индской компании. Королева обещала прощение всем феодалам, примкнувшим к восстанию, исключая тех, кто непосредственно участвовал в убийстве англичан, а также заявляла, что новая власть будет уважать владельческие права индийских феодалов.

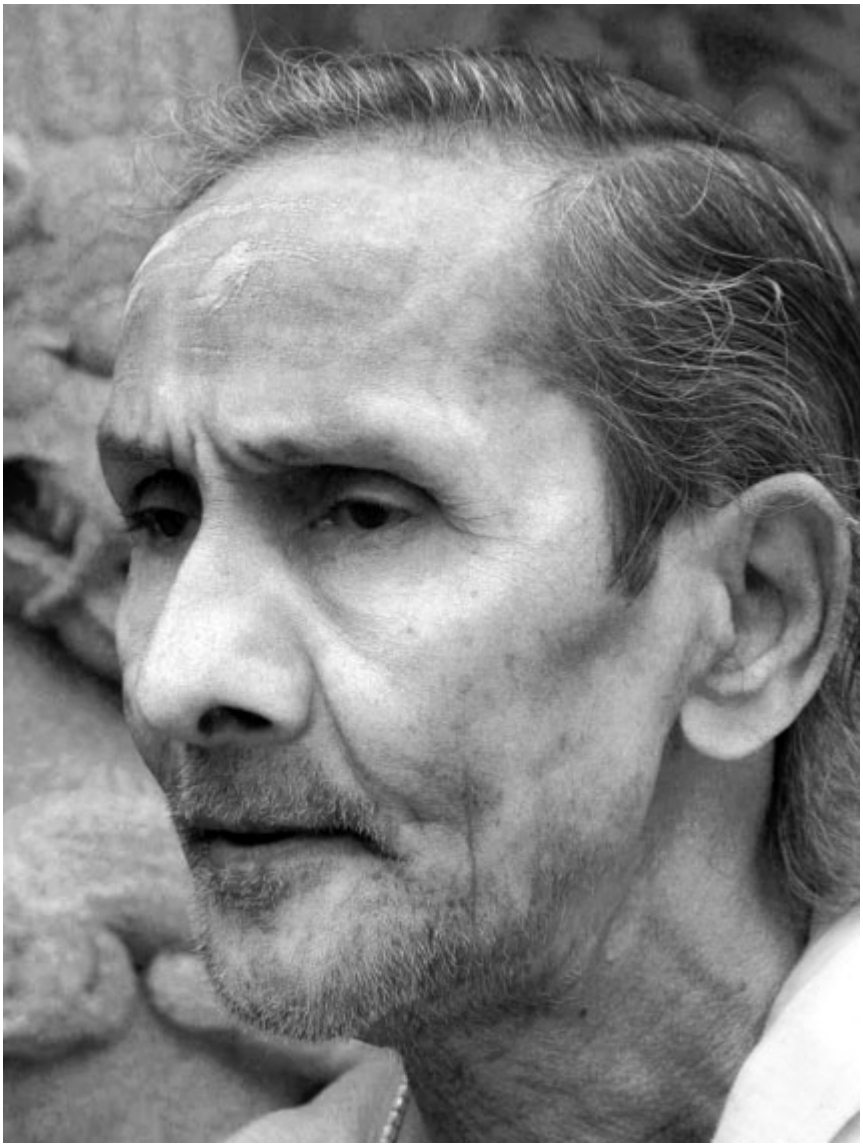
Этот манифест привел к тому, что от восстания отошла феодальная верхушка. Талукдары, раджи и заминдары Ауда, выступившие после мартовской прокламации Каннинга, сложили оружие. Продолжали борьбу лишь те феодалы, которые не надеялись на помилование.

В конце концов и их сопротивление было сломлено. Нана-сахиб и Азимулла пропали в джунглях, Бахадур-хан был казнен англичанами. Восстание было подавлено.

Несмотря на подавление народного восстания, англичане вынуждены были изменить свою политику в Индии. Ост-Индская компания была ликвидирована, и Индия стала колонией британского правительства, которое теперь само назначало весь состав колониальных властей. Кроме того, англичане, опасаясь недовольства феодалов, проводили более осторожную политику, идя на уступки индийским влиятельным феодальным кругам.

Касты: от брахманов до «божьих детей»

Словом «каста» определяется главное направление профессиональной деятельности ее членов, и каждая каста включает в свой состав по нескольку – иногда до двадцати и больше – групп, взаимно сближаемых или объединенных занятиями, практически связанными общей деятельностью касты. Эти группы известны как подкасты, и каждая из них имеет свое название. В силу очень давней многовековой традиции за каждой из подкаст закреплено ее особое название, создающее ей известность, подобное нашим фамилиям



Представитель высшей варны – брахман

Из самых ранних произведений санскритской литературы известно, что говорившие на арийских наречиях народы в период первоначального заселения Индии (приблизительно с 1500 по 1200 г. до н. э.) уже делились на четыре главных сословия, позже названные «варнами» (санскритское «цвет»): брахманов (священнослужителей), кшатриев (воинов), вайшьев (торговцев, скотоводов и земледельцев) и шудр (слуг и разнорабочих).

Широко распространено мнение, что в современном индийском государстве касты утратили свое прежнее значение. Однако развитие событий показало, что это далеко не так.

Как организующая основа общества каста характерна для всей индуистской Индии, но имеется очень мало каст, которые бы встречались повсеместно. В каждой географической области возникла своя, отдельная и независимая лестница строго ранжированных каст, для многих из них не найдется эквивалента на соседних территориях. Исключение в этом региональном правиле составляет ряд каст брахманов, которые представлены на обширных пространствах и всюду занимают высшее положение в кастовой системе.

В типичной сельской местности высший слой кастовой иерархии образуют члены одной или нескольких брахманских каст, составляющие от 5 до 10 % населения. Среди этих брахманов присутствуют некоторое число землевладельцев, несколько деревенских писарей и бухгалтеров или счетоводов, небольшая группа служителей культа, выполняющих ритуальные функции в местных святилищах и храмах. Члены каждой брахманской касты заключают браки лишь в своем кругу, хотя возможна женитьба на невесте из семьи, принадлежащей к аналогичной подкасте из соседней местности. Брахманам не полагается ходить за плугом или выполнять определенные виды работ, связанные с ручным трудом; женщины из их среды могут прислуживать в доме, а землевладельцы – обрабатывать наделы, но только не пахать. Брахманам позволительно также работать поварами или домашними слугами.

Брахман не вправе употреблять кушанья, приготовленные вне его касты, но из рук брахманов могут принимать пищу члены всех других каст. В выборе еды брахман соблюдает множество запретов. Члены касты вайшнава (поклоняющиеся богу Вишну) придерживаются вегетарианства уже с IV в., когда оно становится массовым; некоторые другие касты брахманов, поклоняющихся Шиве (брахманы шайва), в принципе не отказываются от мясных блюд, но воздерживаются от мяса животных, входящих в рацион низших каст.

Брахманы служат духовными наставниками в семьях большинства каст высшего или среднего статуса, за исключением тех, которые считаются «нечистыми». Брахманы-священнослужители, а также члены ряда религиозных орденов часто узнаются по «кастовым знакам» – нарисованным на лбу белой, желтой или красной краской узорам.

В общении с прочей частью населения брахманы не допускают взаимности; так, они принимают деньги или подарки от членов других каст, но сами никогда не делают даров ритуального или церемониального характера. Среди брахманских каст нет полного равенства, но даже низшая из них стоит над

остальными самыми высокими кастами.

Вслед за брахманами наиболее видное иерархическое место занимают кшатрийские касты. В сельской местности они включают, например, помещиков, возможно связанных с бывшими правящими домами (например, с раджпутскими князьями в Северной Индии). Традиционными в таких кастах занятиями являются работа управляющими в поместьях и служба на различных административных должностях и в войсках, но ныне эти касты уже не пользуются прежней властью и авторитетом. В ритуальном отношении кшатрии стоят сразу за брахманами и тоже соблюдают строгую кастовую эндогамию, хотя допускают брак с девушкой из более низкой подкасты (союз, называемый гипергамией), но женщина ни в коем случае не может выйти замуж за мужчину подкасты ниже ее собственной.

Третья категория «дваждырожденных» каст включает торговцев, лавочников и ростовщиков. Эти касты признают превосходство брахманов, но не обязательно выказывают такое отношение к кшатрийским кастам; как правило, вайшьи более строго соблюдают правила, касающиеся пищи, и еще более тщательно стараются избегать ритуального осквернения. Традиционным занятием вайшьев служат торговля и банковское дело, они стремятся держаться подальше от физического труда, но иногда включаются в управление хозяйствами помещиков и деревенских предпринимателей, непосредственно не участвуя в обработке земли.

Члены вышеперечисленных «дваждырожденных» каст составляют только меньшинство жителей любой сельской местности, большинство же аграрного населения состоит из одной или нескольких каст, называемых «чистыми» кастами шудр. Хотя такие касты входят в четвертую варну, это не означает, что они занимают низшую ступень в социальной иерархии: существует много районов, где крестьянская каста, благодаря своей численности и владению значительной частью местных земельных угодий, играет важнейшую роль в решении социальных и политических вопросов.

Крестьяне нанимают брахманов в качестве семейных священнослужителей и сбывают свою продукцию через членов торговых каст. Отдельные индивиды из «чистых» шудр могут выступать арендаторами участков у брахманов, помещиков, торговцев. Все крестьянские касты эндогамны, и даже при примерно равном их статусе, как это наблюдается во многих районах, внекастовые браки не разрешаются. Правила, касающиеся приема пищи, у каст землепашцев менее строгие, чем у «дваждырожденных», они употребляют в пищу мясо.

Ниже тех шудр, которые заняты сельским хозяйством, стоят многочисленные касты, профессия которых носит сугубо специализированный характер, но в целом считается менее почтенной. Это касты гончаров, кузнецов, плотников, столяров, ткачей, маслоделов, винокуров, каменщиков, цирюльников, музыкантов, кожевников, мясников, мусорщиков и многих других. Членам этих каст положено заниматься своей наследственной профессией или ремеслом; впрочем, если шудра в состоянии приобрести землю, любой из них может заняться сельским хозяйством. Члены многих ремесленных и других профессиональных каст искони находятся в традиционных отношениях с представителями более высоких каст, которые заключаются в предоставлении услуг, за которые не выплачивается денежного содержания, а ежегодно выдается вознаграждение натурой. Эта оплата производится каждым двором в деревне, запросы которого удовлетворяются данным представителем профессиональной касты. Например, у кузнеца свой круг клиентов, для которых он круглогодично изготавливает и ремонтирует инвентарь и другие металлические изделия, за что ему в свою очередь выдают определенное количество зерна.

Те, чья профессия требует физического прикосновения к клиенту (например, парикмахеры или люди, специализирующиеся на стирке белья), обслуживают членов каст выше их собственной, но гончары или кузнецы работают на всю деревню вне зависимости от того, к какой касте принадлежит клиент. Такие занятия, как выделка кож или забой животных, считаются явно оскверняющими, и, хотя эта работа очень важна для общины, те, кто ею занимается, считаются неприкасаемыми. Во многих отношениях они находятся за пределами индусского общества, их называли «отверженными», «низкими», «зарегистрированными» кастами, а Ганди предложил выражение «хариджаны» («божьи дети»), которое получило широкое хождение. Членам этих каст запрещается посещать дома «чистых» каст и брать воду из их колодцев. Большинство индуистских храмов до недавнего времени были закрыты для неприкасаемых, существовал даже запрет подходить к людям из более высоких каст ближе установленного числа шагов.

На дальнем юге: от брахманов до грабителей

Большинство профессиональных каст Южной Индии выполняет те же функции, что и на севере. Вместе с тем такие касты, как производители пальмового вина, играют видную роль на юге, а некоторые касты священнослужителей и землевладельцев обладают своими региональными особенностями

Кшатрий. Фото начала XX в.

Корзинщик. Плетение корзин – традиционное занятие нескольких южноиндийских каст. Их социальный статус неизменно очень низкий, и некоторые из них считаются неприкасаемыми. Многие касты, занимающиеся изготовлением корзин, бамбуковых матов, ширм, опахал и других предметов из расщепленного тростника или бамбука, формировались на базе отсталых лесных племен. Корзинщики сохранили полукочевой образ жизни, они переходят от деревни к деревне, предлагая свою продукцию крестьянам. Термин «пария» (изгой) происходит от слова «параян», кастового названия неприкасаемых корзинщиков из штата Керала.

Брахман. Положение большинства брахманских каст в Южной Индии почти такое же, как в Северной Индии, но ввиду того, что значительные территории на юге никогда не были завоеваны мусульманами, привилегии и верховенство брахманов сохранилось там в неизменном виде. Брахманы областей, где говорят на дравидских языках, делятся на тамильских, телугу (или андхра) и карнатакских, причем в число последних включают жрецов шивалли, говорящих на языке тулу. Эта региональная группа брахманов делится также на шиваитов и вишнуитов. Особое положение занимают брахманы намбудири, живущие в штате Керала и составляющие там земельную аристократию.

С ликвидацией правления местных князей брахманы намбудири стали проявлять большой интерес к политике, и член этой касты стал в Керале (и вообще в стране) первым коммунистом, занявшим пост главного министра штата. В других южноиндийских штатах, особенно в Тамилнаде и Карнатаке, оформилось мощное движение против занятия в правительствах штатов наиболее важных постов брахманами.

Крестьянин. Возделывание земли не является монополией какой-то одной группы каст, и пахотные угодья многих деревень Южной Индии поделены между разными кастами, которые придерживаются сходной агротехнической практики. Но определенные касты, особенно те, которые имеют высокий социальный статус и обладают большим политическим весом, традиционно остаются главными собственниками земли. Члены этих каст презрительно относятся к любому физическому труду, кроме хлебопашества.

Поскольку во многих частях Южной Индии не встречаются настоящие касты кшатриев, землевладельцы из среды крестьянских каст располагаются в иерархии каст сразу за брахманами и на протяжении веков из их рядов выходили правители и местные вожди.

На уровне брахманов влияние санскритских традиций породило единообразие ценностей и обычаев на всей территории Индии. Однако не утратили силы различия между господствующими на местах крестьянскими кастами. Так, реди, велами, курги и веллалы придерживаются патриархальной семейной организации, а у найяров и бантов наследование имущества осуществляется по материнской линии. Семейная система найяров отличается в некоторых отношениях от ортодоксальной индуистской. До недавнего времени общепринятым обычаем у них была полиандрия, а легкость развода и повторный брак вдовы остаются нормальным явлением, в то время как в других местах подобная практика явно осуждается высшими индусскими кастами.

Священнослужитель. Помимо брахманов, в Южной Индии имеется несколько других каст, традиционно выполняющих профессиональные религиозные функции. В значительной части Карнатаки (Тамилнад), например в храмах, посвященных Шиве, обряды совершают жрецы секты лингаятов джангамы; как правило, брахманы в такие храмы не заходят. Джангамы тоже вольны выбирать любую из неосквернающих профессий, и многие занимаются сельским хозяйством. Другой класс наследственных священнослужителей, называемых пуджари (по выполняемой ими функции отправления богослужения «пуджа»), встречается среди нескольких низших каст. Их религиозная деятельность ведется преимущественно в святилищах женских божеств, которым приносят в жертву животных.

Виноделы. Во многих местностях Южной Индии самый популярный напиток – сок пальмы, который пьют и свежим и перебродившим; заготовка этого сока – традиционное занятие каст, составляющих в некоторых районах заметную часть населения. Обычно виноделы не имеют собственных деревьев и работают вместе с лавочниками.

Поскольку брахманы и другие высшие касты отрицательно относятся к употреблению алкогольных напитков, кастовый статус виноделов невысок. В Керале существует официальное правило, по которому изхаванам отводится самое низкое положение в обществе. В то же время отдельные тьяны на Малабарском берегу в период британского господства достигли почетного положения и пользовались уважением. Впрочем, это не улучшило ситуацию в отношении места их общины в иерархической социальной структуре.

Каменщик и землекоп. Каста бродячих землекопов, рабочих каменоломен, прудокопателей, проходчиков колодцев и дорожных строителей разбросана по всей Южной Индии. Веками

говорящие на телугу ваддары, встречающиеся в наши дни на юге до района Мадурая в Тамилнаде, всегда активно участвовали в сооружении фортификаций, проведении ирригационных работ, прокладке железных и прочих дорог. В кастовой иерархии они стоят сразу перед неприкасаемыми, их жизненный уровень тоже очень низкий.

Вор и грабитель. Несколько каст называют «преступными», и до недавнего времени они находились под полицейским надзором. Часть из них все еще не оставила склонности к воровству и мелким правонарушениям. Однако есть и другие, которые даже называются каллары («воры»), но теперь перешли к земледелию, и за ними известны лишь отдельные случаи мелких краж. Каллары, одна из самых многочисленных каст Южного Тамилнада, давно уже перешли к оседлому образу жизни. У них сохранились некоторые воинственные традиции, и их иногда нанимают сторожами, поскольку знакомство с воровскими приемами помогает им охранять чужое имущество. Маравары, компактно живущие в штате Тамилнад, одно время были профессиональными грабителями и наемниками, но и они с годами обратились к земледельческим занятиям.

С севера на юг: и парикмахеры, и ткачи

Представители касты прачек

Вначале расскажем о кастах Северной Индии.

Парикмахер. Парикмахеры состоят из многих каст и имеются в большинстве индийских деревень. Индусский цирюльник не только бреет, стрижет и делает маникюр клиенту, но также обслуживает празднества и убирает после них, помогает священнослужителю при свадебных церемониях и обряжении покойника, а также выполняет множество других важных дел. Парикмахер-мусульманин или хаджджам, как правило, производит обрезание мальчиков. Лица этой профессии могут выступать в качестве камердинера, посыльного или свахи, а их жены оказывают подобные услуги женщинам. Парикмахеры посещают множество домов и пользуются славой сплетников и льстецов.

Кузнецы. Кузнецы монополизируют услуги, без которых не обойтись крестьянину. Кузнецами бывают и магометане, и индусы, причем последние подразделяются в зависимости от типа применяемых мехов, которыми раздувают горн, или по каким-то другим подобного рода основаниям.

Брахман. Этот термин несет иную нагрузку, нежели названия

профессиональных каст, ибо все брахманы повсюду в стране остаются «брахманами». Десятки охватывающих духовную элиту каст, которые известны под общим именем «брахман», составляют около 5 % всего населения Индии. Однако они обладают большим влиянием, что объясняется интеллектуальной специализацией и принадлежностью к высшим кастам. Брахманы всегда оказывались среди видных чиновников, литераторов и мыслителей, они часто относились к разряду помещиков, иногда становились полководцами и царями. Внутри каждой брахманской касты обычно отделяют тех, кто пошел по линии наследственной духовной профессии, от тех, кто делает светскую карьеру. Среди брахманов-священнослужителей существует дальнейшая градация; выше всех стоят ученые богословы и философы, на ступеньку ниже домашние семейные духовные наставники, еще ниже жрецы в храмах, и последнюю ступень занимают служители культа, которые отправляют похоронный ритуал или совершают религиозные церемонии для членов низших каст.

Брахманы традиционно почитаются как существа божественного происхождения.

Плотник. Он изготавливает и чинит деревянные плуги, повозки, жилища, мебель. Комплекта инструментов для работы с деревом в деревне нет ни у кого другого: плотник выполняет дело, являющееся его наследственной монополией. Почти все плотники заявляют, что их род происходит от бога созидания Вишвакармана. Многие носят священный шнур, ведут более или менее строгий образ жизни и претендуют на статус брахманов.

В современной Индии многие члены этих каст заняты на промышленных предприятиях.

Пастух-скотовод. Многие из этих больших и встречающихся повсеместно североиндийских каст считаются потомками племен, не говоривших на арийских языках и обитавших в древние времена на периферии индийской цивилизации. В мифах о пастушеских кастах утверждается, что они происходят от Кришны, божественного пастуха, и имеют высокий статус кшатриев. Теперь они живут скорее земледелием, нежели разведением крупного рогатого скота.

Земледелец и воин. Касты, традиционно занимающиеся земледелием (и от случая к случаю причастные к военным столкновениям), очень велики и многочисленны, нередко насчитывая миллионы членов. Взятые вместе, земледельческие касты составляют самую крупную из группировок профессиональных каст в Индии.

В ряде областей при правлении Великих Моголов и

англичанах престолы занимали гуджары, джаты, маратха и особенно раджпуты – «сыновья царей». Раджпуты, как и индусские княжеские династии из других влиятельных крестьянских каст, обычно носят священный шнур и считают себя потомками кшатриев, или сословия воинов у древних ведийских ариев.

Рыбак и лодочник. Формирование этих каст происходило на базе автохтонного населения. Из их среды рекрутируются также перевозчики и лодочники. Обнаруживается частичное совпадение с занятиями более высоких каст водоносов, однако в целом рыбацкие касты, поскольку они сопричастны к лишению жизни живых существ, стоят в одном ряду с другими низшими кастами.

Садовник. Члены этих каст, как и типично землепашеских, тоже заняты возделыванием полевых культур, но специализируются на интенсивных отраслях земледелия. Качхи особенно известны как мастера-огородники в долине Ганга. Большинство мали ориентируется на производство цветов и фруктов, но в Западной Индии они, как и мусульмане араины во всем Пенджабе, выращивают интенсивными методами те же культуры, что и другие группы населения.

Козопас и овцевод. Выпас животных возможен на малоценных землях многих деревень, а также в менее населенных и засушливых районах в целом. От животных получают не только руно, но и баранину и козлятину, потребляемую мусульманами и невегетарианским большинством индусов. Содержание мелкого рогатого скота, как и крупного, обычно сочетают с занятием земледелием.

Ювелир. Этих каст много, но они обычно весьма малочисленны. В принципе речь идет о тех горожанах, ремесло которых тесно переплетается с жизнью села. Золотых дел мастера стараются подчеркнуть свою близость с брахманами. Их преуспевание базируется на том, что деревенские жители любят приобретать тяжелые женские украшения из низкосортного серебра и золота.

Кожевник. Живой крупный рогатый скот для индусов высших каст – это самые священные животные, мертвый скот – самые оскверняющие. Поэтому к числу наименее престижных кастовых занятий относится уборка останков падшего скота.

Одну из особенно крупных кастовых групп в Индии образует множество различных эндогамных каст кожевников, называемых общим именем «чамары». Чамары сдирают с животных шкуру и очищают скелет, дубят кожи, изготавливают обувь и кожаные ведра и т. д. Традиционные касты кожевников составляют существенную часть трудовых ресурсов в Северной Индии, в том числе значительную прослойку городского рабочего люда.

Торговец. Члены торговых каст представлены во многих деревнях и занимаются ростовщичеством и операциями с зерном, в городах же они выступают как поставщики всех видов товаров.

Большинство индусских и джайнских торговых каст характеризуется аскетизмом, приверженностью вегетарианству и набожностью. Их члены занимают видное положение в банковском деле, административном аппарате, в сфере промышленности.

Гончар. Мастеров из многих имеющихся региональных каст обычно отличают по типу гончарного круга, которым они пользуются, и по виду домашнего животного, на котором перевозят продукцию (чаще всего им бывает осел). Гончары, занимающие в каждом конкретном районе место где-то в середине кастовой иерархии, с гордостью проводят аналогию между своей работой и созидательным божественным трудом. В то же время их товары необходимы широкой массе крестьянских дворов. Индусская праздничная трапеза порождает потребность в одной-двух единицах посуды одноразового пользования (если посуда не металлическая) для каждого из присутствующих. Гончары-индусы удовлетворяют эти запросы, изготавливая по очень низкой цене сотни неглазированных, без ручки, чашек, которые можно использовать один раз и выбросить; мусульмане специализируются на производстве более долговечных изделий.

Маслоделы. В эту профессиональную категорию входят касты мусульман, индусов и лингаятов. Традиционная работа маслоделов – получение из семян горчицы, кунжута или арахиса масла для пищевых и косметических целей, а также жмыха на корм скоту. Касты маслоделов отличаются между собой типом деревянного пресса, которым они пользуются, числом животных, приводящих в движение пресс, и т. д.

Нищенствующий монах. Милостыня приносит ее подателю божественное благословение вне зависимости от вероисповедания и кастовой принадлежности его самого и ее получателя. Факирские касты охватывают как индусов, так и мусульман.

Многие нищие на улицах индийских городов отнюдь не принадлежат к традиционным категориям нищенствующих монахов – это одиночки из других каст, вынужденные изменить своей традиционной профессии.

Мусорщик. Как уборщики мусора, помоев и фекалий из домов и с улиц, эта наиболее осквернённая группа каст находится на самом дне индусской иерархии. Мусорщики часто жалуются на то, что происходят из очень высоких каст, но в какой-то момент случайно были осквернены.

Писец. «Бюрократические» профессии существовали с самых древних времен, но специализированные касты канцелярских служащих появились только в конце долгого периода мусульманского господства.

За последние столетия многие писцы стали богатыми помещиками. Члены данной касты занимают крепкие позиции в администрации и во всех современных профессиях, требующих определенного уровня образования, но их доля в общей массе населения невелика.

Портной. (Касты: дарзи, шимпи и др.) В Древней Индии не пользовались шитой одеждой. Старинное платье состояло из отдельных кусков ткани, которой обвертывали тело. Но неоднократные нашествия из Средней Азии плюс влияние ислама и Запада способствовали тому, что рубашки, майки, пиджаки и сшитые шапки и в меньшей степени брюки сделались привычным элементом мужского гардероба.

Стиральщик белья (прачка). Хотя всякий в состоянии попытаться восстановить чистоту своего заношенного платья, широко распространено мнение, что для стирки одежды, которую надевала и, следовательно, осквернила женщина во время месячных, необходимо пригласить стиральщика (точнее, его жену). Члены этой касты выполняют также ряд обязанностей в специальных церемониях: очищении дома после рождения ребенка, символической защите идола во время процессии, массировании маслом жениха и т. п.

Водонос. Касты, которые традиционно занимаются доставкой воды в дом, считаются «чистыми» слугами и находятся на средней или выше средней ступени иерархической лестницы. Водоносы-мусульмане пользуются козьими мехами, водоносы-индусы – только глиняными или металлическими сосудами. Многие из этих каст в Северной Индии предоставляют ряд других услуг, которые так или иначе связаны с их прямым ремеслом: носят паланкины в процессии, выращивают водяные каштаны, служат перевозчиками на реках, иногда промышляют рыболовством.

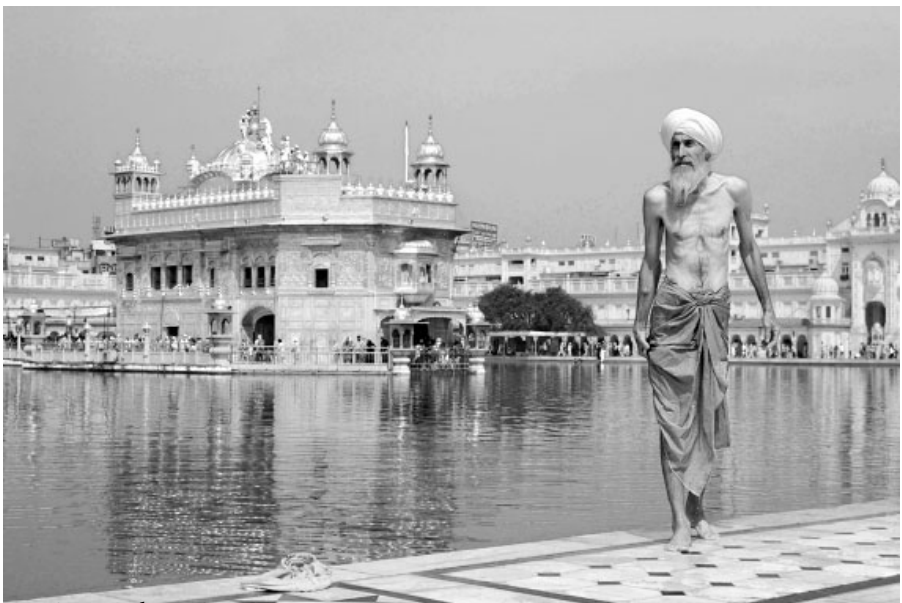
Ткач. Многочисленные касты ткачей характеризуются отчетливо выраженной специализацией. Она зависит от того, используется ли шерсть, шелк или хлопок, какой обработке подвергается сырье, какие виды текстиля производят и т. п. Касты, изготавливающие более дорогостоящую мануфактуру, располагаются в городах, а те, кто выпускает грубые изделия, часто домотканые, обычно работают в деревне.

У ткаческих каст разный социальный статус: от неприкасаемых или почти неприкасаемых до почетного места среди самых высоких каст. Ни одно другое ремесло не пострадало

от конкуренции машинной промышленности в такой степени, как ткачество, и большинство кустарей вынуждены были оставить свое традиционное занятие и уйти на фабрики или искать другие способы заработка.

Стальной браслет сикха

Вы садитесь в такси на одной из улиц Дели и невольно обращаете внимание на то, что правую руку водителя охватывает металлический браслет. В начавшемся разговоре вы узнаете от него, что это не украшение, а обязательный знак принадлежности к одной из значительных религиозных общин Индии – к сикхам



Сикх на фоне «Золотого храма»

Он охотно объясняет, что сикха можно сразу узнать по такому браслету, который носят все члены общины вне зависимости от принадлежности к стриженым или нестриженым сикхам. Вашу заинтересованность может сразу разъяснить каждый из них – дело в том, что в числе городских таксистов бывает много сикхов, но одни из них имеют усы, бороды и длинные волосы, которые всегда убраны под тюрбан, а другие стригутся и бреются (сохраняя усы) и тюрбанов не носят. «Поезжайте в наш штат, в Пенджаб, и там вы увидите и узнаете о нас много интересного», – так закончил водитель наше краткое знакомство.

Действительно, на дорогах Пенджаба и на улицах его городов сикхи составляют значительную часть населения, а в некоторых местах, можно сказать, они являются абсолютным большинством.

Кто они – сикхи? И те, кто в тюрбанах, и те, кого можно отличить только по стальному браслету? Свой плодородный край на северо-западе Индии они называют Золотой Пенджаб, но не

потому, что в нем золото добывают, а потому, что здесь лежат на тысячи гектар поля золотых урожаев пшеницы, маиса, проса, сахарного тростника, тянущиеся до подножия Гималаев, а некогда, в Средние века, эти поля доходили и до границ Афганистана и Ирана.

Богатая земля и реки северо-западных областей Индии испокон веку привлекали внимание властителей соседних стран, а поэтому местные жители должны были век за веком отражать нападки захватчиков и стоять насмерть в боях за свободу своего края.

Все сикхи в целом равноправны, их взаимное общение ничем не ограничено, молятся они в своих молитвенных домах «гурдварах», куда открыт вход всем, за исключением традиционных боевых врагов – мусульман.

В хозяйственном отношении они не соблюдают никаких особых запретов или предписаний – их основными занятиями в Пенджабе являются земледелие и скотоводство, в пищу им разрешено употреблять любые продукты, кроме мяса «священной матери-коровы», что запрещается всем индусским и близким к ним общинам во всей Индии.

Как мы видим, сикхи не являются членами какой-либо тайной организации или секты – они очень гостеприимны и общительны, их уважают в Индии за чистоту поведения, честность, храбрость и заметно отличающее их стремление и умение овладевать техническими профессиями.

Но все же – браслет? Зачем он мужчине?

Вот здесь и начинается что-то, близкое к тайне. Дело в том, что в наши дни он служит только украшением, хотя у многих возникает вопрос о странной склонности сикхов-мужчин к такому украшению. Но если это стальное кольцо распилить, то на профиле распила мы увидим довольно высоко – миллиметра на два – поднимающийся по всей его длине заостренный гребень. Почему его поверхность не гладкая как у обычных браслетов? Да потому, что этот невысокий гребень является сохранившейся проекцией, или, точнее, копией остро отточенного диска, который в те боевые времена имел широкое центровое отверстие и плотно надевался на руку воина. Ударом такого «браслета» по шее можно было глубоко рассечь ее ткань и перерезать артерию или горло. Это было сильное оружие, удобное для быстрого и точного его применения в близком бою.

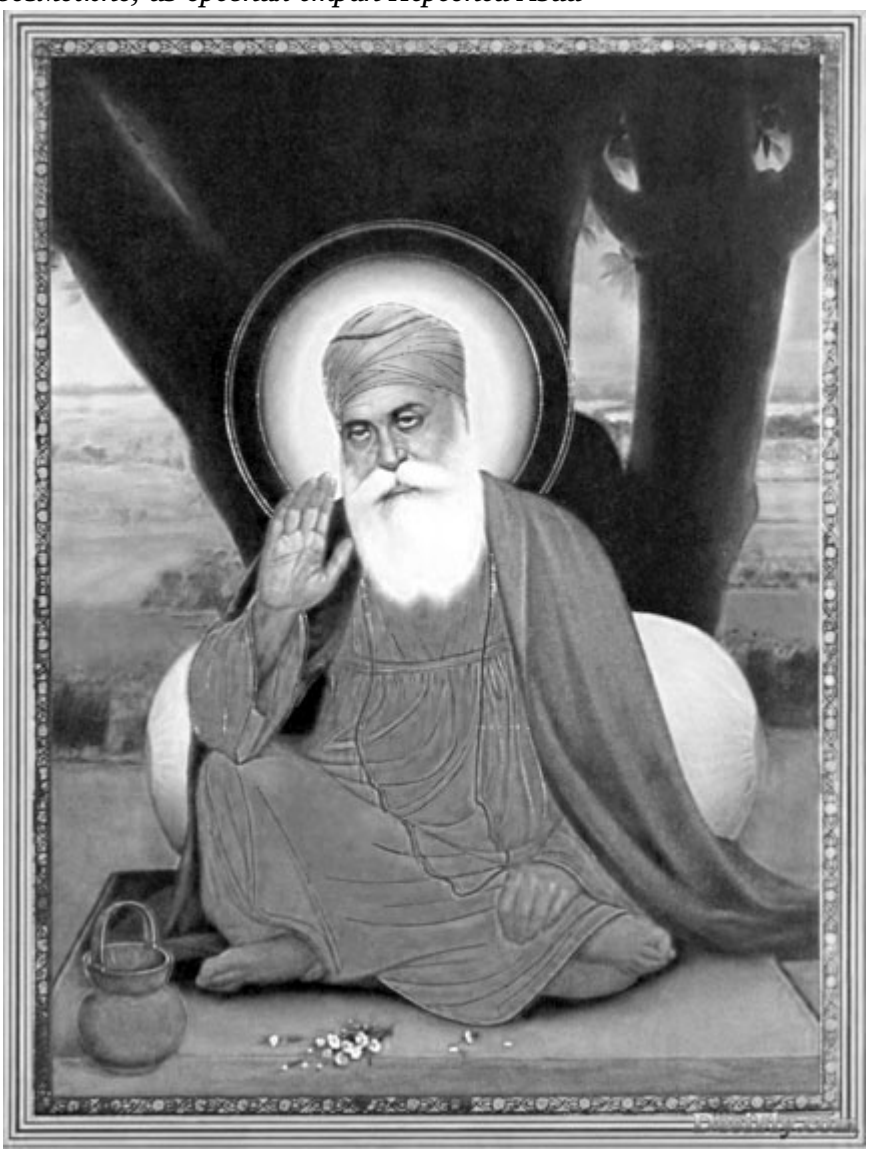
Браслет сикха по аналогии воспроизводит форму крупного боевого диска, имевшего до 20–25 см в диаметре. В центре, где круглое отверстие, он бывал обычно толщиной до 6–7 см, но вся его масса сходила постепенно на тонко отточенный очень острый

край. Воин раскручивал этот диск, продев два пальца в центральное сквозное отверстие и с силой посылал в воздух эту тяжелую вращающуюся «бритву», нацелив ее полет в горло противника. Секущий удар диска был такой силы, что при попадании в шею врага он мог срезать ему голову, а при попадании в любое другое место мог нанести глубокие раны. Вот это оружие и воспроизводится в виде небольшой наручной безделушки – браслета.

Здесь следует указать, что в индийской истории боевые диски применялись с древнейших времен, и их страшное режущее воздействие неоднократно описывается в эпической литературе, в сказаниях и легендах.

Гуру Нанак: новая вера

Пенджаб – северо-западные ворота Индии. Через эти ворота с тех древнейших времен, когда еще и страны такой, как Индия, не было, проникали на эти земли самые разные захватчики и завоеватели. Считается, что первыми были племена арьев, пришедшие сюда из Восточной Европы через Среднюю Азию, – в III–II тыс. до н. э., но, впрочем, не исключено, что до их появления через эти ворота здесь проходили и представители других этносов – возможно, из древних стран Передней Азии



Основоположник сикхизма гуру Нанак. Индийская миниатюра

Как память о боевом прошлом Пенджаба здесь и теперь всюду можно видеть вооруженных людей. На любой базарной улице, шумной, веселой и яркой, сквозь сутолоку видны лавки оружейников, а в их прохладной полумгле – проблеск острых кинжалов и сабель.

Пенджаб лежал на границе с миром ислама, на стыке двух вер, двух культур.

Мирное население Пенджаба все чаще и чаще должно было браться за оружие, чтобы отстаивать от врагов свои дома, поля и скот, города и храмы. Но не было равенства и не было единства в этих войсках. Кастовые барьеры были неодолимы, племенные и религиозные различия мешали взаимопониманию.

Люди неоднократно делали попытки сблизиться, найти синтез, сплав идеологий, который помог бы им соединить свои силы, который снял бы с их жизни проклятие кастового неравенства.

И вот тут предлагал себя ислам – религия без каст, религия, обещавшая равенство всем, кто признает, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – пророк его. В ислам обращались тысячи людей.

Умнейшим человеком своей эпохи был основоположник сикхизма Нанак, родившийся в 1469 году. Его детство и юность протекали в Пенджабе, в том самом Пенджабе, на который волна за волной обрушивались завоеватели. Нанак, учившийся и у муллы, и у брахманов, сделал целью своей жизни создание учения об истинном равенстве.

Он возгласил, что ему было видение: бог открыл ему, что разница в вере не создает разницы между людьми и все равны вне зависимости от вероисповедания и касты. Он стал с жаром проповедовать свое учение, разъезжая по всему Пенджабу. Сначала его окружала небольшая группа приверженцев, которым он дал имя сикхов – учеников, но с годами она выросла в многочисленную общину, жадно впитывавшую учение своего гуру.

Нанак резко выступал против брахманской гордыни и против бесчисленного множества ритуальных обрядов, совершения которых брахманы требовали от всех последователей индуизма. Он выступал против поклонения изваяниям богов. Он отрицал брахманские предписания отшельничества во имя спасения души и утверждал, что мирская активная жизнь, жизнь среди людей и ради служения людям гораздо более угодна богу.

Все, чему он учил, было направлено на объединение людей, на то, чтобы они осознали, что все они похожи друг на друга.

Нанак был и хорошим поэтом. В своих стихах-молитвах он воспевал природу Пенджаба, труд людей на полях, их радость в дни урожаев. Он призывал людей размышлять о боге в предутренние часы, а дни свои отдавать полезному труду. Ритуал, который он выработал для своих сикхов, был прост, понятен и целесообразен.

И еще одна неоценимая его заслуга состоит в том, что молитвы он стал произносить на народном разговорном языке панджаби. Не древний санскрит брахманов, не персидский язык двора мусульманских правителей и не арабский язык медресе, а простой, для каждого родной язык панджаби.

Допуская к молитве женщин, он открыл своей религии путь в глубины каждой семьи.

Великим человеком был гуру Нанак, которого современные сикхи зовут «гуру Нанак део», то есть «учитель-Нанак-бог».

После его смерти сикхизм стал разрастаться, как разгорающееся пламя. Следующий гуру создал особый алфавит языка панджаби, укрепив пенджабскую обособленность. Движение вышло за рамки городов и стало распространяться по деревням.

Третий гуру стал выступать против затворничества женщин и против многоженства, начал призывать к межкастовым бракам и – неслыханное в Индии дело! – к бракам вдов. Строжайшим образом он воспретил сати – издавна распространенный в Индии обычай самосожжения вдов из среды высоких (главным образом воинских) каст.

Последующие гуру поощряли развитие торговли и ремесел, основывали города и строили гурдвары – сикхские молитвенные дома.

Трапезная при гурдваре – лангар – стала местом проверки готовности принять равенство и истинного признания равенства. Она приобрела ритуальное и социальное значение: кто ест в лангаре вместе со всеми, тот истинный сикх, тот исповедует правильную веру.

В XVI в., при пятом гуру, Арджуне, выстроили прославленный храм Харимандир, известный ныне под названием Золотого Храма, и город вокруг него – знаменитый Амритсар.

К началу XVII в. гуру Арджун собрал все гимны и молитвы, сложенные предшествующими гуру, сам создал много новых и составил таким образом священное писание сикхов – Грантх, или Грантх-сахаб (т. е. «господин Грантх»), или Гуру-Грантх-сахаб. Эта книга была торжественно возложена на престол Харимандира, и с тех пор этот храм стал главной святыней сикхов, оплотом их веры.

Рост сикхской общины и распространение ее влияния стали

воспринимать в Дели как угрозу трону Великих Моголов. Джехангир начал войну против сикхов и захватил в плен гуру Арджуна.

Не выдержав жестоких пыток, гуру попросил у своих тюремщиков разрешения совершить омовение, погрузился с головой в воду реки и оставил этот мир. Это случилось в 1606 г.

В XVII в. на трон Великих Моголов взошел Аурангзеб, правитель жестокий и коварный. Сикхи заботили его с давних пор. Он наводнил Пенджаб шпионами, посылал свои отряды преследовать сикхов, жестоко казнил их девятого гуру, престарелого Тегх Бахадура, велев заживо распилить его пилой посреди улицы Чандни-Чоук в Старом Дели.

Привыкнув к мысли о равенстве и братстве в рамках своей общины, сикхи смело поставили вопрос о праве на власть и землю, вопрос о свободе. Они считали, что имеют право поднять оружие на всех своих угнетателей и поработителей-феодалов.

И вот на эту подготовленную почву, к этой бурлящей, такой разноликой и вместе с тем такой уже однообразной толпе вышел последний наставник, последний живой гуру, настоящий вождь – Говинд Раи, или Гобинд Сингх.

Красавец и рыцарь, поэт и дипломат, охотник и воин – таким предстает перед нами Говинд из рукописей и легенд, песен и поэм, таким изображают его тонкие миниатюры и народные лубки.

Когда смотришь на изображение Говинда, кажется, что он так и прискакал откуда-то в Пенджаб на своем стремительном коне и никогда не покидал седла. А был он не только воином, но и мудрецом, поэтом и дальновидным политиком. Он обладал той проницательностью, без которой невозможно правильно оценить и возглавить историческое движение.

Прозорливая мысль Говинда и его неукротимый дух помогли ему найти для общины сикхов единственно нужную по тому времени форму – форму боевого братства, массовой воинской дружины.

Подвиги Говинда

У подножия гор, в лесистой местности, раскинулся городок Анандпур. Тогда, в конце XVII в., это было небольшое местечко, удобное прежде всего тем, что от него было рукой подать до гор и лесов, всегда готовых укрыть тех, кто в этом нуждается

Говинд Сингх. Индийская миниатюра

Сюда созвал гуру Говинд в 1699 г. всю общину сикхов на праздник весны – Байсакхи.

Этому празднику Байсакхи было суждено войти в историю. В этот день была создана хальса – сикхская армия.

Все собрались на площадь по зову гуру. Из шатра вышел к толпе гуру Говинд. Оглядев всех, он спросил у собравшихся:

– Есть ли здесь хоть один, кто готов отдать жизнь за веру?

Из толпы вышел сикх и без колебаний направился к Говинду. Гуру взял его за руку, обнажил меч и ввел в шатер. Через миг из-под краев шатра потекла кровь и стала разливаться вокруг. Но не успел утихнуть гул страха и недоумения, как гуру вновь появился перед толпой, держа в руке окровавленный меч, и снова спросил:

– Есть ли здесь хоть один, кто готов отдать жизнь за веру?

Еще один встал и, расталкивая сидящих на земле, направился к Говинду.

– Есть ли здесь хоть один? – снова спросил гуру.

После долгого замешательства и движения, прокатившегося волнами по всей толпе, встал еще один и был уведен за первыми двумя.

Еще два смельчака вышли из мятущейся толпы и тоже были уведены в шатер рукою гуру. Когда смятение и ужас достигли предела, Говинд вышел из шатра и вывел за собой всех пятерых, живых и здоровых, облаченных в богатые праздничные одежды.

И тогда все узнали, что убиты были козы, заранее спрятанные в шатре.

Говинд объявил, что эти пятеро, которых он возлюбил больше самого себя, станут ядром новой армии, боевой дружины, хальсы – «армии чистых», армии истинных сикхов.

Здесь же, в Анандпуре, было провозглашено, что истинный сикх должен иметь пять знаков своей принадлежности к боевому братству – никогда не стричь и не сбривать волос, усов и бороды, всегда иметь в волосах гребень, на правой руке – стальной браслет, а у пояса – кинжал и всегда носить под тканью, драпирующей бедра, плотные короткие штаны. Все эти слова на языке панджаби начинаются с буквы «к», и пять признаков известны как «5 к».

Всем сикхам Говинд запретил курить, жевать табак, пить и прикасаться к мусульманкам.

Он объявил, что сикхи отныне будут прибавлять к своему имени титул «сингх» – «лев», и с тех пор все сикхи-мужчины неукоснительно придерживаются этого обычая. Женщины общины тоже носят мужские имена, но прибавляют к ним титул «коур» – «львица».

Сикхская армия стала при Говинде организованной силой. Он начал брать с сикхов дань оружием и лошадьми. С каждым годом росла боевая мощь хальсы.

Наконец, сикхская армия встретилась в бою с соединенными силами раджпутов и Моголов. Два старших сына Говинда Сингха были убиты, а два младших, укрывавшихся в городе Сирхинде, были преданы его губернатором, захвачены Аурангзебом и заживо замурованы в стену.

Первое десятилетие XVIII в. отмечено гибелью обоих врагов: в 1707 г. простился с жизнью Аурангзеб, а в 1708 г. от смертельной раны, нанесенной рукой врага, умер в военном походе десятый гуру Говинд Сингх. Перед смертью он сказал своим сикхам, что больше не должно быть у них ни одного гуру и что высшим авторитетом будет теперь их священная книга «Грантх», в которой собраны все мысли и указания их великих гуру.

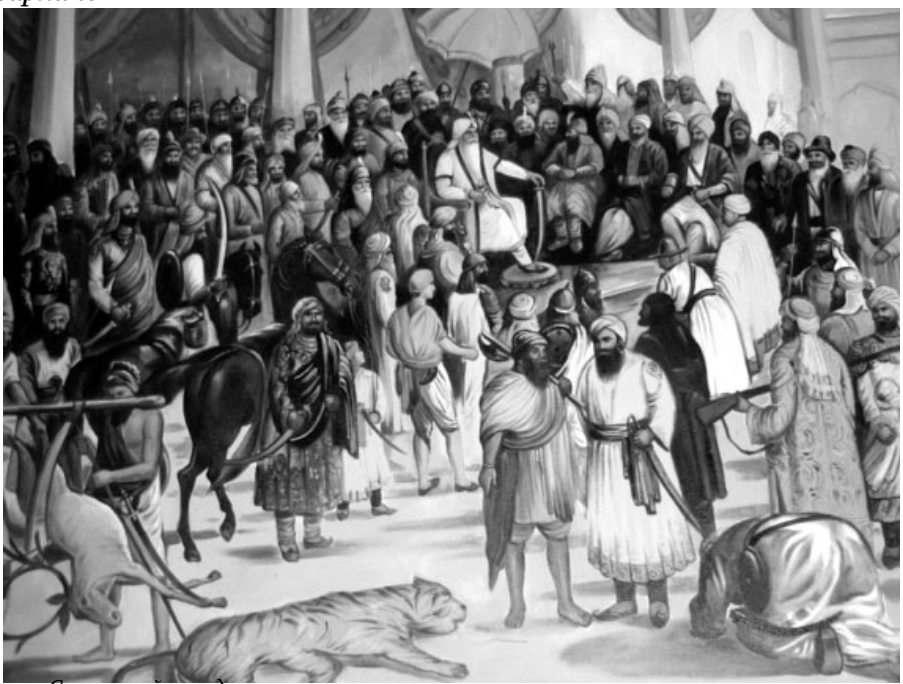
Когда его глаза закрылись, пенджабцы узнали, что незадолго до своей гибели он общался на берегах реки Годавари с никому

не известным отшельником и после нескольких бесед с ним в тиши его мирного прибежища вручил ему указ, в котором повелевал всем сикхам подчиняться каждому его слову.

Не успели тело Говинда Сингха предать огню, как этот отшельник, сменив имя Аачман Дас на имя Банда, а смиренный свой облик аскета – на обличье воина, ринулся словно тигр на виновный город Сирхинд, чтобы отомстить его жителям и губернатору за преданных врагу и погубленных детей Говинда.

Священный поход хальсы

Волна крестьянских восстаний поднялась в Пенджабе. Банда нападал на имения богачей, жег их, грабил и распределял трофеи среди своих последователей и бедных крестьян. Под знамена Банды собралось большое войско сикхов и неудержимо двинулось на Сирхинд



Священный поход хальсы

Напуганный губернатор Сирхинда Вазир-хан объявил джихад – войну мусульман против неверных. Вооруженная мушкетами и пушками, организованная армия выступила против смешанных войск Банды, имевших только холодное оружие, палки да мотыги. Разгорелся бой, в котором победила неукротимая ярость восставших, – Вазир-хан был убит, его армия разгромлена, а Сирхинд разграблен и сожжен.

Банда со своими стремительными отрядами еще много раз нападал на армию Моголов и исчезал в горах, как неуловимый барс. Ранней весной 1715 г. против него выступили объединенные силы Моголов, пограничных афганцев и горных раджпутов. Они окружили его. Он велел запрудить головной канал, и вода затопила всю окрестность. Но это принесло ему не спасение, а гибель, потому что он сам потерял возможность маневрировать.

Все же в 50-х гг. XVIII в. а сикхи так окрепли, что фактически

стали безраздельно господствовать в Пенджабе.

Внутри самой хальсы многое успело измениться за эти годы. Братские связи и всеобщее равенство уступили место делению на владетельных командиров – мисальдаров – и рядовых членов общины, часто не имевших почти никакого имущества. Мисальдары ссорились и стремились отнять друг у друга земли и скот. Тяжбы и противоречия подрывали единство общины, то самое единство, во имя которого она была создана.

В XVIII в. уже шла полным ходом английская колонизация Индии. Англичане зорко наблюдали за делами в Пенджабе и за отношениями сикхов с Моголами, афганцами и Кашмиром. Это был вопрос северо-западной границы, а с нею было связано слишком много политических интересов. Англичане стали поддерживать Моголов против сикхов, когда отряды хальсы стали совершать набеги на земли по ту сторону реки Джамны и на Дели.

В конце XVIII в. на историческую арену вышел новый вождь, последний вождь независимого Пенджаба, Ранджит Сингх. Подчинив часть мисальдаров силой и примирив остальных друг с другом, он скрепил свой союз с ними тем, что женился на их дочерях. Воссоединив армию, он отбросил афганских завоевателей, снова ринувшихся на земли Пенджаба, и, объединив свою страну, провозгласил себя в 1801 г. махараджей. За много столетий это был первый верховный правитель Пенджаба, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти феодального государя.

Усилившись и окрепнув, его государство стало оплотом независимости пенджабцев и реальной силой, которую не могли сломить даже англичане.

Богатства Ранджита были сказочными. В его руки попал и легендарный бриллиант Кох-и-Нур – «Гора света», прославленный на весь мир. Когда-то он был найден в рудниках Голконды и оказался во владении Моголов. Когда Надир-шах вторгся из Персии в Индию, он отнял у Моголов этот бриллиант вместе с драгоценным Павлиньим троном. После того как Надир был убит, алмаз Кох-и-Нур был захвачен Ахмед-шахом Абдали Афганским и оставался в руках его династии вплоть до времени правления Ранджита Сингха, который в 1813 г. стал владельцем несравненного камня.

В непрерывных войнах протекала его жизнь. Был захвачен Кашмир и пограничные с Афганистаном земли, один за другим падали под натиском войск Ранджита вражеские форты. Одной из славнейших его побед было взятие города Мультана в 1818 г. – города, где правили афганцы и через который шли караванные и

военные пути в Пенджаб.

Сложную политику вел Ранджит Сингх. Он привлекал к себе на службу и брахманов, и низкокастовых, и гималайских жителей – гурков, и представителей одного из кашмирских народов, догра, и европейских офицеров – французов, англичан, итальянцев, венгров и американцев. Он шел на все во имя упрочения своей власти и своей армии.

В это время англичане поняли, что Ранджит успел отвоевать почти все земли Пенджаба и захватить многие из соседних с ним земель и что теперь он может обратить свои взоры и на Дели, и на остальную Индию. Ранджит стремился захватить побережье и выйти к Аравийскому морю, он искал в этом предприятии поддержки англичан, но они упорно отклоняли все его обращения о помощи.

В 1838 г. его разбил паралич, а в 1839 г. он умер.

После его смерти начался распад государства. В армии участились раздоры между выборными старшинами и офицерами, судопроизводство больше не следовало букве закона, крестьяне отказывались платить налоги землевладельцам, потому что те произвольно завышали налоги и враждовали из-за земель и власти.

Шестилетний сын Ранджита, Далип Сингх, был наконец возведен на трон в 1842 г., а его мать стала регентшей Пенджаба. Но страна была уже обречена. Англичане стали стягивать войска к границам Пенджаба и возводить понтонные мосты на реке Сатледж. В последний раз сикхская армия сделала попытку отбросить врага – отряды сикхов перешли Сатледж и воззвали к своему правительству, прося немедленно прислать подкрепление. Но им никто ничего не прислал. Мать Далипа и ее советники уже сговаривались с английским командованием о сдаче колонизаторам половины Пенджаба. Преданная высокими государственными чиновниками армия была разгромлена в неравной битве. Маленький Далип Сингх попал под «охрану» колонизаторов, и они стали воспитывать из сына непобедимого Ранджита своего преданного слугу и сторонника.

Чем запоминается Пенджаб, когда видишь его впервые? Что сразу врезается в память? Золотые поля цветущей горчицы, залитые солнцем; каналы, широкие и узкие, много каналов, полных сверкающей воды; синяя кромка гор по горизонту; глиняные деревни в полях и форты, форты в городах, возле городов и у дорог…

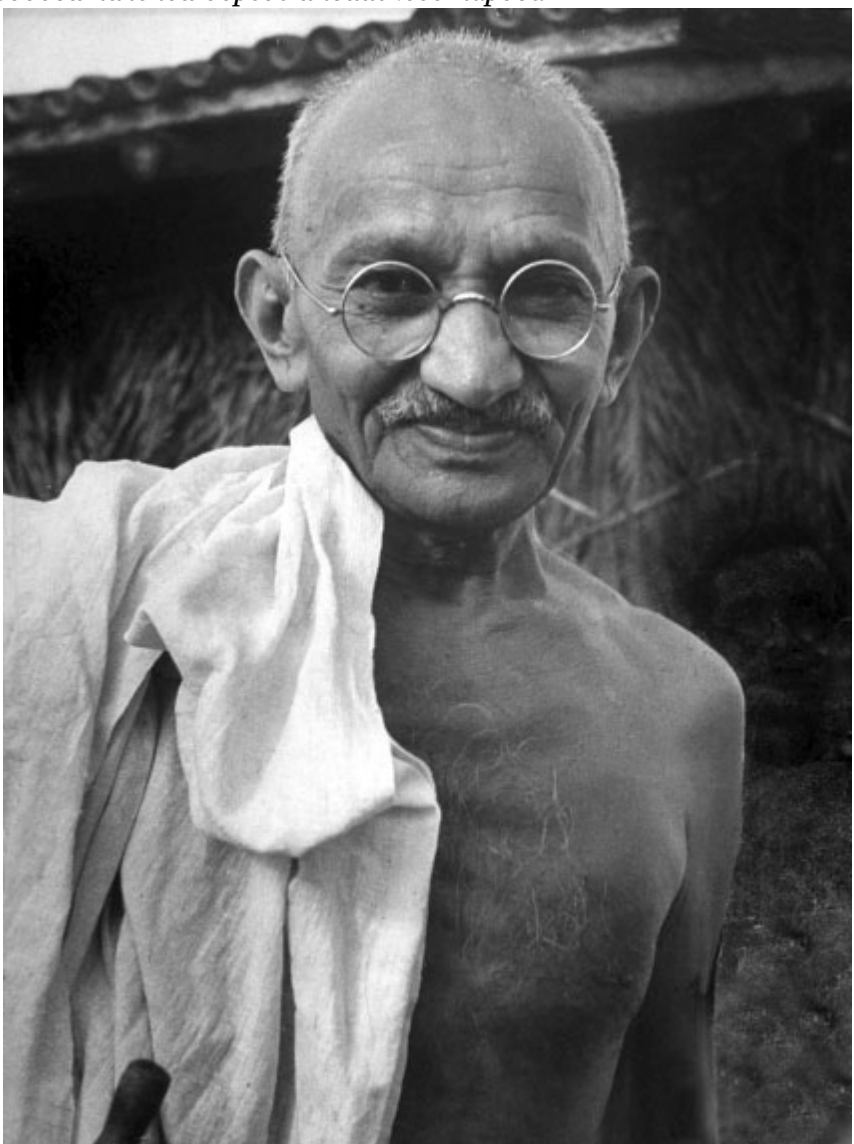
Воины средневековых фортов не знали пощады, знали они также, что и им не будет пощады, и стояли в таких стенах насмерть, отбиваясь от врагов.

Единственным слабым местом фортов были ворота. Хотя они и кованые, и усажены железными шипами, и тяжелы, и огромны, но по сравнению со стенами кажутся непрочными. А ведь чтобы их раскачать, на них гнали слонов, и слоны с разбегу били головами по воротам и наваливались на них боками. Они насаживались на шипы и, зверея от боли и обливаясь кровью, бросались иногда и обратно, топча и подминая под себя эту воющую, ревущую толпу людей, которая безжалостно гнала их на приступ. А сверху, со стен, лилась горячая смола, сыпались железные стрелы, катились раскаленные камни, падали кобры, сбрасываемые сверху из корзин, летели горящие факелы. Так мужественно оборонялись сикхи…

В XX в. – и особенно после освобождения Индии в 1947 г. от британского колониального гнета, – сикхи, будучи, если только можно так сказать, генетически нацелены на победу в любой борьбе, будь это воинские сражения или конкурентные столкновения, стали упорно стремиться к получению образования, к занятиям, связанным со службой в армии, к разным видам технической и торгово-предпринимательской деятельности и т. п. И не случайно в Индии можно услышать, что многие пилоты, армейские командиры, инженеры и даже водители такси в северных ее областях – это сикхи.

Убийство Махатмы Ганди

Его называли Отцом нации и Махатмой, что означает Большой Дух. Имя его было Мохандас Карамчанд Ганди, и он, безусловно, был одной из самых ярких личностей в национально-освободительной борьбе индийского народа



Махатма Ганди

15 августа 1947 г. была провозглашена государственная независимость Индии. Англичане, уйдя из Индии, оставили после себя незавидное наследство – субконтинент, разделенный на

индуистскую Индию и мусульманский Пакистан. Религиозная война продолжалась.

12 января 1948 г. радио на 14 индийских языках передало экстренное сообщение, что на следующий день Ганди начнет 17-ю в его жизни голодовку протеста. Она будет продолжаться до тех пор, пока в Дели не восстановится религиозный мир.

В Индии начали раздаваться голоса за прекращение братоубийственной войны. Ганди назвал свои условия прекращения голодовки: он выпьет первый стакан апельсинового сока, когда будет обеспечено мирное сосуществование индусов и мусульман. Эти условия он провозгласил утром на митинге, в котором приняло участие несколько сотен тысяч человек. А в полдень представители обеих сторон в присутствии Ганди подписали перемирие. В тот же вечер он заявил, что перемирие в Дели следует распространить на всю Индию и Пакистан.

Каждый день около пяти часов вечера в саду собирались приверженцы Ганди. Это было нечто среднее между богослужением и митингом.

30 января 1948 г. в саду ждало около тысячи индусов. Ганди шел медленно, часто останавливаясь и отвечая на приветствие толпы. Среди индусов, облаченных в белые одежды, выделялся один человек в рубашке цвета хаки. Пробравшись к самому Ганди, он грубо оттолкнул внучку Ману и быстро нагнулся, якобы желая по старому обычаю в знак уважения и смирения стереть пыль с сандалий Махатмы. Несколько мгновений он стоял перед старцем на коленях, потом быстрым движением вытащил из кармана пистолет и выстрелил в упор. Две пули попали в область сердца, одна – в живот. «О, Рама!» – успел вскрикнуть Ганди и упал.

Это произошло 30 января 1948 г. в 17 часов 17 минут.

Махатма Ганди умер. Убийцу доставили в полицию.

Кто же организовал покушение на духовного лидера нации?

«Хинду Махасабха», политическая организация с отрядами террористов «Раштра дал» и «Ваштрия сваям севак», продолжала борьбу с мусульманами. Однако в Дели ей противостоял авторитет Махатмы Ганди. Поэтому и был организован заговор, возглавляемый лидером «Хинду Махасабха», бомбейским миллионером Винайяком Саваркаром.

Бомбейский миллионер в октябре 1947 г. создал из своих верных людей террористическую группу. Это были образованные брахманы. Натхурам Годсе был шеф-редактором крайне правой газеты «Хинду раштра».

Годсе был религиозен, выделялся решительным характером.

34-летний Апте также был выходцем из брахманской семьи,

но отличался эпикурейским нравом. Он окончил Бомбейский университет, работал учителем в американской миссионерской школе, в 1939 г. присоединился к «Хинду Махасабха», в годы войны служил в ВВС.

Летом 1944 года газета поместила заметку о том, что в Пуне журналист Апте руководит демонстрацией индусской молодежи под антигандийскими лозунгами. Дагамбар Бахдге выполнял в организации функции поставщика оружия. Именно его попросил Апте достать для убийцы оружие. По этой же причине в ряды заговорщиков был приглашен и брат Натхурама Годсе Гопал, заведующий столовой военного склада боеприпасов.

Когда подготовка к покушению заканчивалась, участник группы Бахдге раздобыл пять гранат, две пороховые бомбы и два пистолета с патронами. Другой участник, Мадан Лал Пахве, появился у профессора Бомбейского университета Джайна и поведал ему о заговоре, но тот оставил эти сведения при себе.

17 января 1948 года заговорщики Годсе и Апте прилетели в Дели. Вечером, когда вокруг резиденции Ганди собиралась стотысячная толпа, у заговорщиков состоялось последнее совещание.

Все шло по плану, однако террорист Бахдге, решившийся убить такую выдающуюся личность, в последнюю минуту испугался.

Бахдге отказался стрелять, остальные также испугались плохой приметы. Ничего не подозревавший Мадан Лал бросил бомбу. Раздался взрыв, но возникшая паника была не такой уж сильной. Махатма Ганди опомнился первым и стал успокаивать толпу. Вся Индия слушала его слова у радиоприемников. «Враг мусульман является врагом Индии», – сказал он и призвал присутствующих сохранять спокойствие.

Мадан Лал Пахве оказался в полицейском участке, остальные заговорщики разбежались.

Мадан Лал Пахве рассказал все, что знал о заговоре, и назвал его участников. Другим важным свидетелем против заговорщиков стал профессор Джайн. Однако префект полиции ухватился за версию о предполагаемом похищении.

Вокруг виллы Ганди в Дели полиция удвоила охрану. Этим и ограничились. Заговорщики же могли спокойно готовить следующее покушение. Они постучали в дверь вождя гвалиорских индусов Даттатраджи Парчура и попросили у него оружие.

Потом заговорщики возвращаются в Дели и опять под чужими именами располагаются в привокзальной гостинице.

Махатма Ганди понимал, что пойманный террорист был только орудием широко разветвленного заговора, и знал также,

что заговорщики не оставят его в покое. Знала об этом и полиция, но не приняла мер по обеспечению безопасности Ганди.

А Махатма смотрел на свою судьбу с самым типичным индийским фатализмом. Ганди ждал смерти.

Убийство Ганди всколыхнуло всю страну. В Индии возникла паника.

Когда в Сангме, где родился Натхурам Годсе, узнали, кто убил пророка мира, жизнью поплатилась вся семья Годсе. В результате возникшего здесь пожара обратились в пепел пятьдесят жилых домов. И в других городах функционеры «Хинду Махасабха» вынуждены были прекратить свою деятельность. Разъяренная толпа поджигала их жилища.

На следующей же день в Пуне арестовали Бахдге. В Бомбее обыскали резиденцию Саваркара. Начались репрессии против руководителей «Хинду Махасабха», ее вооруженные отряды были официально распущены, тысячи их членов очутились за решеткой. Самоуверенность Парчура не знала границ. Он предсказывал политический переворот. А 2 февраля, то есть через два дня, он уже сидел за решеткой, где очутился и всемогущий Саваркар. Вскоре в тюрьме встретились и Гопал Годсе, Апте, Каркаре и Кистаджа, арестованные в бомбейской гостинице.

Спустя два дня после убийства в Дели собрались стотысячные толпы народа, чтобы проводить своего Махатму в последний путь. Этот путь длиной в восемь километров охраняли солдаты, на перекрестках стояли бронеавтомобили. Мертвый Ганди, покрытый индийским флагом, лежал на автомобиле, который катили двести пехотинцев. Убежденный пацифист, антимилитарист, пророк ненасилия приближался к костру в Радж-Гхате в сопровождении четырех тысяч пехотинцев, тысячи летчиков, тысячи моряков и тысячи полицейских.

Пять часов процессия шла по улицам Дели. В четыре часа сорок пять минут сын Махатмы Рамдас зажег костер из сандалового дерева под телом своего отца.

Процесс над убийцей и остальными заговорщиками проходил в Дели в Красном форте. На скамью подсудимых 22 июня 1948 г. сели все так или иначе принявшие участие в покушении. Саваркар был освобожден за недостаточностью улик. Натхурам Годсе и Нарайян Апте были приговорены к смертной казни. Остальные должны были провести остаток своей жизни за решеткой. Двое приговоренных к смертной казни доживали свои последние дни в тюрьме в Амбале. Под конец убийца Годсе стал сожалеть о своем поступке, заявляя, что теперь, наученный горьким опытом, он бы посвятил себя борьбе за сохранение мира.

15 ноября 1949 года обоих приговоренных вывели на

тюремный двор, где палачи поставили для них виселицу. Оба выкрикивали лозунги, против которых они боролись раньше: «Да здравствует единая Индия! Да здравствует на вечные времена!»

Символы веры

«Веда» – священное откровение

Самые ранние письменные свидетельства, позволяющие судить о религии Древней Индии, содержатся в «Ведах» – священной литературе, и поныне благоговейно чтимой верующими индусами[1].

Индра на боевой колеснице. Рельеф из Бхаджа

К середине I тысячелетия до н. э. религия ведийских племен уже утеряла многие черты первобытно-общинных верований небольшой группы племен и стала религией общества, где

господствовало социальное неравенство и утвердилась государственность. Распространяясь на значительные территории, эта религия испытывала на себе также влияние религиозных верований других групп племен (неведийских) и воспринимала некоторые из этих верований.

Ведийская религия исследована относительно хорошо, но в изучении процесса ее развития успехи науки пока еще скромны. Основные сведения о религии ведийских племен содержатся, как отмечалось, в их религиозной литературе – «Ведах», потому и религия называется обычно ведийской. Слово «veda» означает «знание», но знание не как научное постижение действительности.

Дошедшие до нас священные книги – «Веды», или просто «Веды» – представляют собой запись древнейших гимнов и молений к богам, жертвенных формул, заклинаний и толкований священных текстов. Основную часть вед составляют сборники (санхиты) метрических текстов (мантр), считавшихся в период составления санхит магическими. Санхит четыре – Ригведа, Яджурведа, Самаведа и Атхарваведа. В настоящее время под «Ведами» обычно подразумеваются эти четыре санхиты. Другие части вед более известны под своими особыми именами (брахманы, араньяки и упанишады). Древнейшая из санхит – «Ригведа». В том виде, в каком она дошла до нас, «Ригведа» уже существовала на грани II и I тысячелетий до н. э. Но к этому времени она была оформлена в санхиту; многие гимны, которые она содержит, можно отнести к середине II тысячелетия до н. э., а наиболее архаичные – к временам еще более древним. Другие три санхиты вед сложились несколько позже, но основной их материал также относится к II или началу I тысячелетия до н. э.

Санхита «Ригведа» не только древнейшая, но и важнейшая из вед. Поэтому при изучении ранних форм ведийской религии обращаются главным образом к гимнам «Ригведы». Тексты санхит заучивались наизусть учеником непосредственно от учителя. Такая практика сохранилась среди ортодоксального брахманства до настоящего времени. Это объясняется тем, что в ритуале важно не только, какие тексты произносятся, но и каким образом.

Потребность в унификации сложного и разнообразного ритуала обусловила появление, начиная примерно с VIII в. до н. э., обширных комментариев к «Ведам» – брахман. Они содержат предания об истории возникновения тех или иных гимнов, толкования смысла некоторых отрывков, описание различных обрядов и объяснение их значения. Поэтому брахманы – основной источник при изучении практической стороны ведийской религии. В них собрано много сведений, отсутствующих в

санхитах.

Религию древних индийцев в исторической науке часто делят на «ведийскую» и «брахманизм». К первой относят религиозные верования индийцев, нашедшие свое отражение в санхитах Риг, Яджур и Самаведы, ко второй – те, которые отражены в Атхарваведе, а также в брахманах и примыкающих к ним араньяках и упанишадах.

Ведизм не был общеиндийской религией.

Племена, у которых сложилась ведийская религия, называли себя ариями (арьями). Можно считать установленным, что проникшие в Индию племена сохранили некоторые весьма древние религиозные верования, близкие к верованиям других индоевропейских народов. Так, исследователи указывают, например, на сходство имен индийского бога неба Дьяусапитара, древнегреческого Зевса-патера и римского Юпитера, индийского бога Варуны и древнегреческого Урана, древнеиндийской богини Ушас и древнегреческой Эос и т. д.

Еще более близкое сходство отмечается между ведизмом и религией древних иранцев. Обеим им были присущи сходные представления о рае и аде, культы огня, предков, использование при важнейших жертвоприношениях напитка сома (называвшегося у иранцев хаома). Много совпадений можно найти и в религиозной терминологии.

И все же ведийская религия в ее оформленном виде в целом является вполне индийской.

Наиболее важное место в ведийском пантеоне занимают дэвы – боги. Их в ведизме насчитывали до 33 с лишним сотен, а позже – многие миллионы. Древние индийцы представляли себе богов существами в облике людей со всеми присущими людям желаниями и прихотями. Они едят и пьют, живут в небесных дворцах, носят роскошные одежды, сражаются и ездят на колесницах.

Они ненавидят, гневаются, любят. Многочисленные предания рассказывают об их любовных связях с земными женщинами. Боги имеют жен-богинь, которые рождают им детей, и сами боги рождены как люди. Идея извечности богов, таким образом, была чужда ведийской религии. В «Ригведе» боги не раз называются бессмертными, но считалось, что это качество не было присуще им изначально.

Мир богов представлялся древним индийцам организованным наподобие человеческого общества. Царем (раджей) богов и военным вождем считался Индра, его дружину составляли боги Маруты, жрецом был Агни, верховным божественным судьей, хранителем мирового порядка (рита) –

всеведущий и всевидящий Варуна, наставником (гуру) богов – Брихаспати, охотником и покровителем охотников, владыкой лекарственных трав и целителем – Рудра, пастухом и покровителем пастухов и земледельцев – один из солнечных богов Пушан, Ашвины были врачевателями, трое Рибху, а также Вишвакарман и Тваштар – мастеровыми, строившими для других богов дворцы, изготовлявшими для них оружие, колесницы и утварь. У богов, как и у знати на Земле, были свои слуги; гандхарвы развлекали богов пением и музыкой, апсары – плясками.

Древние индийцы верили в существование не только благодетельных богов (к которым следовало все же относиться с опаской), но и в их антагонистов. Боги под водительством Индры постоянно сражались с ними, и, хотя обычно боги побеждали, им приходилось воевать со своими врагами снова и снова. Наиболее упорными противниками богов были асуры.

Не видно, чтобы антагонисты дэвов были особенно враждебны людям. У последних были более непосредственные недруги– демоны ракшасы. Они изображались людоедами, злобно преследовавшими людей всюду, где только можно, и с наслаждением доставлявшими им горе и всяческие несчастья. У демонов безобразная внешность, и они умеют менять ее.

Считалось, что каждое живое существо состоит из двух частей– материальной (тело) и бесплотной (душа). Душа мыслилась как невидимый двойник тела; именно она способна чувствовать, думать, желать и была в человеке животворным началом. Тело – смертно, душа – вечна. И древнему человеку были свойственны страх смерти и желание верить в то, что смерть не окончательное прекращение существования. Ему представлялось, что душа после смерти не гибнет, а переселяется в другое тело, причем не обязательно в тело человека того же общественного состояния: царь может возродиться разбойником, бедняк – богачом, брахман – шудрой и т. д. Более того, человек мог возродиться в виде любого растения или животного, даже самого презренного и нечистого; те в свою очередь могли стать другими живыми существами, а то и людьми.

Таким образом, весь живой мир от низших его видов до небожителей оказывался в едином круговороте переселений душ из одной телесной оболочки в другую. В более поздней религиозно-философской литературе это получило название «сансара» (sansara – букв. «странствование»).

Какое место займет душа человека после смерти, поднимется она по лестнице, ведущей от низших видов жизни до небожителей, или, наоборот, опустится, – это зависело от степени

праведности человека при его жизни. Каково прижизненное деяние (karma) человека, таково и его будущее рождение. Деяние – карма – определяет судьбу человека. Согласно закону кармы, каждый человек всем своим поведением, образом жизни, любым своим поступком подготавливает свое будущее. Но закон кармы определяет не только будущее, но и настоящее положение человека, так как оно – результат его деяний в прошлых существованиях. Действует закон кармы автоматически: он высший закон бытия, независимый даже от воли богов.

Если человек был добродетелен при жизни (исполнял должным образом свою дхарму), после смерти его душа может возродиться в теле человека более высокого общественного положения, может быть, царя или брахмана. Душа грешника может возродиться лишь в теле человека более низкой общественной категории или даже в теле животного.

Основной смысл учения о карме заключался в том, что ответственность за страдания и бедствия человека перекладывалась на него самого, так как его угнетенное положение объяснялось воздаянием за греховное поведение в предшествовавшей жизни. Самое большее, на что он мог рассчитывать, – это посмертное возрождение души в телесной оболочке человека более высокого общественного положения. Столь же естественным оказывалось привилегированное положение богатых и знатных: оно было им наградой за их добродетельное поведение в прошлой жизни.

Древнеиндийская теория посмертного воздаяния не требовала обязательного существования ада и рая. Но ведийская религия, как и всякая другая, в процессе ее оформления вбирала в себя доктрины других религиозных верований. Более того, постепенное развитие учения о карме нисколько не помешало сложению концепции об аде и рае.

В описаниях ада и рая ясно заметна тенденция к воздействию не только на сознание верующего, но и на его эмоции, что в значительной мере определило живучесть идеи о посмертном воздаянии в потустороннем мире наряду с учением о карме – основе этических учений во всех древнеиндийских религиях.

В основе ведийского культа лежали жертвоприношения богам. Они делились на две категории – регулярные и специальные. Совершение регулярных жертвоприношений было важнейшей составной частью дхармы человека любого общественного положения. Весь мир существует и живет благодаря богам, а боги живут жертвоприношениями, поэтому ради своего же благополучия человек должен питать богов. Человек дает, чтобы получать. Регулярные жертвоприношения

были относительно просты и совершались в семье: в домашний очаг, огонь в котором поддерживался постоянно, бросали частицы пищи, вкушаемой ежедневно. Такие жертвоприношения назывались «домашними» (грихья) или «основанными на священном предании» (смарта). Обряды эти совершались самим домохозяином; только изредка приглашался брахман.

Жертвоприношения от имени царей и знати совершались особенно пышно; обряды часто длились в течение многих дней, а некоторые – год и более.

…К середине I тыс. до н. э. эти черты ведийской религии приходили во все большее противоречие с меняющимися общественными и политическими условиями в государствах долины Ганга, что и вызвало брожение в духовной жизни общества, бурную активность в идеологической сфере, возникновение сект и толков и – зарождение новых религий.

Индуизм – арийская религия?

Попытки выявления корней индуизма приводят исследователей к вопросу о происхождении и истории двух главных этнических массивов, ставших задолго до нашей эры основой населения Индии…

Знаменитый индийский исследователь Вед Б.Г. Тилак

В конце прошлого века на северо-западе страны была открыта древнейшая культура, получившая в науке название «цивилизации долины Инда», или цивилизации Хараппы (по

названию одного из городов этой местности). Начало этой цивилизации датируют V–IV, а конец – II тыс. до н. э.

Цивилизация Хараппы пришла в упадок в конце III и первой половине II тыс. до н. э. И была заменена постепенно сложившимися новыми формами культуры, хозяйства, социальных отношений. Оборвались связи, как сухопутные, так и морские (судя по изображениям кораблей) с другими странами Древнего Востока – Шумером, Аккадом, Месопотамией. Что было причиной или, точнее, причинами упадка, а затем и гибели этой цивилизации?

Большинство ученых сходится на признании двух основных причин: 1) наступившая многовековая засуха вследствие того, что река Инд изменила свое русло и ушла в сторону от орошаемых ею полей и 2) приход в страну племен кочевников-арьев, расселявшихся по ее землям, начиная именно с северо-запада.

Вот теперь пришло время остановиться на арьях. Кем они были и откуда пришли? Все литературные памятники Индии и ряд традиционных установлений свидетельствуют о том, что пришли они с северо-западных по отношению к Индии земель. В науке признано, что это были земли Восточной Европы (т. е. будущие земли России). Более того, поиски их исходного очага привели многих ученых к мысли, неожиданной для уровня науки XIX века, что это должны были быть области Приполярья. Это подтверждается наличием в самых древних памятниках литературы на санскрите – в «Ведах» (в основном в главной из четырех Вед, в «Ригведе») – целого ряда указаний на природные реалии Крайнего Севера.

Таким образом выявляется, что создатели Вед, арьи, исконно сложились как носители одной из древних форм индоевропейского языка где-то на севере. Сложившийся на северных по отношению к Индии землях их расовый тип отличался европеоидными признаками – светлоокрашенной кожей, светлыми или каштановыми волосами и часто голубыми или серыми глазами (следует здесь упомянуть о том, что и в современной Индии есть группы людей, характеризующиеся этими же чертами и считающие себя потомками арьев).

Арьи, расселившиеся в Индии, и их потомки известны в науке под названием индоарьев (а сложившиеся там новые языки именуются индоарийскими).

В ведической литературе, создававшейся в Индии после прихода туда арьев, само слово «арья» часто употребляется в смысле «почитаемый» применительно к сложившимся в обществе арьев трем сословиям: брахманам (жрецам), кшатриям (воинам) и вайшьям (общинникам). Этими терминами пользовались жрецы

для отграничения от теснимых пришельцами и враждебно к ним настроенных представителей доарийского населения.

Современные индийские лингвисты возводят слово «арья» к корню «рь» – «рыскать», «передвигаться с места на место», что говорит о кочевом типе хозяйственно-культурного комплекса, который и был характерен для арьев.

Утвержденный рядом ведущих ученых факт прихода в Индию арьев с земель Восточной Европы и их перекочевок из древних очагов формирования племен на севере вынуждает уделить внимание поискам объяснений многих явлений, говорящих о близости прапредков арьев (их точное научное название – индоиранцы) к их современникам (по давности эпох), прапредкам других индоевропейцев.

В «Ригведе», как и в комментариях к ней, говорится, что арьи до Индии прошли через много стран, но никто еще не выяснил последовательность этого прохождения.

При сопоставлении ее текстов с великой эпической поэмой Индии, носящей название «Махабхарата», выяснилось, что в этом эпосе встречаются прямые и косвенные указания на те же реалии Крайнего Севера – это поставило перед специалистами много новых задач, и отрадно сообщить о том, что в последние десятилетия ряд индийских ученых стали уделять внимание поискам их решения.

Но на севере складывались не только племена предков арьев, но и предков всех родственных им по языковой близости других индоевропейцев. Об этом четко говорит сходство в языках народов – носителей всех наречий, входящих в индоевропейскую семью, а также ряд совпадений и схождений в язычестве и индуизме.

Выяснилось, что в славянских языках прослеживается самое большое число схождений и совпадений с санскритом и слов, и грамматических категорий. Многие исследователи сходятся в том взгляде, что при конце последнего оледенения тот ледник, который покрывал значительную часть земель Европы, сполз, наконец, в Ледовитый океан в XIII тыс. до н. э. И группы людей, бродившие в те давние времена по этим землям, занимаясь охотой, собирательством и рыбной ловлей, постепенно продвигались за уходящим ледником к северу, следуя за объектами охоты, за животными, идущими туда же по богато обводняемым пастбищам.

Сколько тысяч лет занял процесс их сосредоточения на прибрежных землях, определить нельзя. Вот в течение этих 5–6 тысяч лет, прожитых в Приполярье в довольно тесном соседстве, должно было сложиться у человеческих коллективов то

сближение в культурных и хозяйственных навыках, которое и сохранялось столь долго у всех индоевропейцев. Нигде больше это сближение не могло происходить – не было на земле у наших далеких предков таких подходящих условий.

О народах индоевропейской семьи написаны, начиная с XVII в., тома и тома. Но лишь в середине XIX в. ученые обратили свои взоры на Арктику. Первым широко известным трудом на эту тему стала книга американского историка В. Уоррена «Найденный рай, или колыбель человечества на Северном полюсе». Вслед за ней увидела свет в 1903 г. книга индийского санскритолога Б.Г. Тилака «Арктическая родина в “Ведах”».

Оба эти исследования в известной мере взаимно перекликаются, но труд Тилака следует признать поистине эпохальным. Глубокое освоение им санскрита во всех формах, знание Вед, а также широкое, усвоенное с детства, восприятие традиций индуизма и проникновение в глубинную суть ведических гимнов явились залогом того, что Тилак смог увидеть в гимнах то, чего не усматривали европейские переводчики Вед.

Прочитав гимны «Ригведы» с позиций исторического анализа, а не только механически переводя слова, он увидел много образов и описаний, относящихся к природе Арктики.

Нигде, кроме земель Приполярья, не могли в те далекие века возникнуть такие схождения в явлениях культуры, в языках и в тех верованиях, которые сохранились в язычестве народов Европы – и особенно славян – вплоть до распространения христианства и, более того, сохраняются в народной жизни и в наши дни, что позволяет, так сказать, на живом материале проводить ряд сравнений их с индуизмом.

Божества круга Шивы

Как известно, в индуизме имеются два главенствующих течения – шиваизм и вишнуизм. Поэтому и существуют божества шиваитского пантеона и божества вишнуитского пантеона

Шива-Натараджа. Индийская статуэтка. XII в.

Наиболее древним свидетельством о боге Шиве принято считать рельефное изображение на печати эпохи Хараппы – человек, сидящий в позе йоги и окруженный животными. Все исследователи сходятся во мнении, что Шива почитался в Индии

до прихода арьев.

На санскрите имя Шива означает темно-серый, сивый (Шива – сивый, есть созвучие?), цвета ртути.

В индусский пантеон он вошел, привнеся целый ряд характеристик, новых для культовых представлений арьев и повлекших за собой ряд видоизменений и в облике богов, и в тех чертах и функциях, которые этим богам приписывались. С ним связано поклонение Шакти – всесильному женскому началу.

С Шивой ассоциируются и представления о йоге. Во многих мифах повествуется о том, как он погружался в йогическую медитацию и ее никто не смел нарушать, ибо это было состояние, в котором Шива предавался процессу созидания.

Он является также воплощением разрушения и именуется Махакала (Великий Черный). Ему приписывается сила периодически разрушать весь мир, превращая его в прах, из частиц которого он же затем воссоздает все, что существует во вселенной. С этим его аспектом связаны представления о том, что мужская энергия не может созидать, не проявляя себя одновременно и как разрушительное начало. В качестве Махакалы Шива изображается в форме черного человека устрашающей внешности, украшенного ожерельем из черепов и танцующего бхайрав, или тандав, – танец ярости, танец разрушения. Он же и Натараджа – «Царь танцев» (владыка ритмов).

Все аспекты Шивы трудно перечислить. В особенности широким стал диапазон его функциональных нагрузок после слияния его с богом Рудрой. Он целитель людей и скота, отец растительности, прародитель змей, повелитель рек. С его именем связано множество тиртх – мест паломничеств на реках.

Ведические арьи называли местные народы шишнадева, т. е. поклоняющиеся богу-фаллосу (шишне), что прямо указывает на одну из главных характеристик Шивы – его оплодотворительную мощь, а также на то, что фаллос уже в ту эпоху являлся самостоятельным объектом поклонения как символ этой мощи и в процессе богопочитания заменял собой изображение Шивы.

Поскольку фаллические культовые представления не были чужды и древним индоевропейским народам (а фаллическая обрядность сохранялась, например, в славянском язычестве вплоть до позднего Средневековья), можно думать, что Шива в образе фаллоса был воспринят арьями в короткий срок, хотя в ведической литературе и встречаются протесты против поклонения этому символу.

В поздневедической и всей последующей индусской литературе и иконографии Шива предстает главным образом в

форме фаллоса – «шивалингама». Члены шиваитской секты лингаятов носят на теле (на шее или у пояса) маленький шивалингам.

Вплоть до сегодняшнего дня по всей Индии Шиве поклоняются главным образом именно в форме шивалингама.

Деви, или Шакти. Словом «деви» определяется богиня вообще, воплощение женского начала, персонифицированного в индусском пантеоне в бесчисленных образах богинь, несущих самые разные функции.

Если же определение Деви, или Махадеви (т. е. Великая богиня), встречается в качестве имени собственного, то оно относится, как правило, к жене бога Шивы, которая выступает под десятью главными именами, связанными с ее разными ипостасями: шесть из них представляют милостивое начало, а четыре – жестокое. Наиболее часто из числа первых упоминаются имена Ума, Парвати и Гаури, а из числа вторых – Кали и Дурга. Ее называют и Виндхьявасини, т. е. обитательница Виндхья – гор, служивших в течение долгого времени естественным географическим рубежом между арийским (и арьянизированным) населением Северной Индии и доарийскими народами, как жившими на юге, так и оттесняемыми на юг. Есть мифы, в которых говорится, что богиня гор Виндхья требует кровавых жертв.

С кровавыми жертвоприношениями связано поклонение ей в форме ее гневных ипостасей, но это не исключает принесения козлят и ягнят и в жертву милостивой Парвати (свидетелем чего автор был, например, в штате Махараштра), так что граница между милосердными и жестокими ипостасями Деви весьма условна.

Различными воплощениями Деви, или Шакти, т. е. женской энергии (силы), является и множество богинь-матерей, именуемых «амма», «амба», «амбика». Это слово, означающее «мать», обычно прибавляется к их именам, как например, Кали-амма, Ситала-амба и другие, поклонение которым было, совершенно очевидно, широко распространено в среде доарийского населения Индии и из этих культов перешло в индуизм.

Махалеви – верховная богиня и главный объект почитания в шактизме, или тантризме, – имеет разные иконографические обличья в зависимости от своих качеств и функций. Три типа ее изображений известны наиболее широко: 1) Парвати и Ума – женщина со светлым улыбающимся лицом и с двумя руками; она изображается и в виде отдельно стоящей фигуры или вместе с Шивой. 2) Дурга – это светлолицая красивая женщина со многими

руками, держащими разные виды оружия; чаще всего ее изображают в момент, когда она убивает черного демона Махишасуру, обратившегося в буйвола; ей помогает лев – атрибутируемое ей животное (иногда это бывает и тигр). 3) Кали или Махакали – черная женщина с красными глазами и высунутым красным или золотым языком; у нее обычно тоже десять рук (хотя бывает и четыре, и две), несущих оружие; тело ее обвито кобрами, волосы растрепаны, на шее ожерелье из черепов или белолицых человеческих голов.

Широкие слои населения поклоняются Шакти как охранительнице детей и в таком качестве именуют ее Шаштхи (букв. «шестерица»).

Муруган (или Сканда, или Карттикёя, или Субрахманья) – сын Шивы. Поклонение богу Муругану, или Сканде, отражено в памятниках тамильской литературы I тысячелетия н. э. Он описывается как бог охотников, живущих в горах. Ему приписываются такие качества, как воинская отвага, страстность, склонность к гневу и любовь к крови.

Ганеша, или Ганапати, тоже вошел в индуизм из доарийских культов. Ганешу описывают и изображают в виде толстого человека с четырьмя руками и слоновьей головой. Он считается вторым сыном Шивы, и мифы говорят, что отец, разгневавшись, отрубил ему голову, когда он был маленьким мальчиком, но, видя горе своей жены Парвати, утешил ее тем, что отрубил голову слоненку и приставил ее к телу сына.

Божества круга Вишну

…Его обычно изображают многоруким темнокожим божеством, восседающим на троне в свободной позе. Его атрибуты – палица, чакра, раковина и лук. Вишну одет в желтые шелковые одежды и увенчан диадемой, на шее его благоуханные гирлянды, а на руках – браслеты. Его «ездовым животным» является птица Гаруда…

Воплощение Вишну в виде вепря. Деталь храмового комплекса

В «Ведах» Вишну не занимает такого высокого положения,

которое ему отвела более поздняя традиция. В «Ригведе» его чаще всего упоминают вместе с другими богами.

В «Ведах» Вишну приписываются в основном космологические действия – отделение неба от земли, укрепление земной тверди и функционирование в этом мире в качестве солнца (с чем и связано его участие в убийстве демона-змея, надолго захватывающего солнце).

В процессе слияния привнесенных извне и местных культов в индуизме сложилось учение о единстве творческой созидательной силы Вишну и Шивы, и доныне в скульптуре и иконописи оба бога появляются и в виде единого тела, правая половина которого изображает Вишну, а левая Шиву, и с каждым из них находится его «ездовое животное» – птица Гаруда и бык.

В целом Вишну в «Ведах» выступает как персонификация небесной, солнечной энергии. Приписываемые ему диск (чакра) и птица Гаруда тоже подтверждают это.

Воспринимаемый издревле наравне с Индрой как небесный воитель и победитель мрака, Вишну позже был наделен не только великой и неодолимой силой побеждать зло, но борьба со злом была сделана его первейшей обязанностью, а знак солнца – диск-чакра в одной из его рук стал поясняться уже только как оружие.

Многие мифы говорят о борьбе Вишну с черными демонамиракшасами, что отражает процесс продвижения арьев по земле местного населения с боями. Характерно то, что все эти мощные ракшасы описываются как приверженцы Шивы, добившиеся своими аскетическими подвигами великой милости богов – дара бессмертия, но с той оговоркой, что их не сможет убить ни одно земное существо. Именно поэтому Вишну должен был принимать разные формы – то вепря, то человеко-льва, то воина, чтобы победить их. В «Рамаяне» Рама был тоже не просто человеком, а человекобогом, воплощением Вишну.

Наивысшего расцвета вишнуизм достиг через включение в культ Вишну ряда культов доарийских народов. Главным из них был культ Кришны – черного бога-пастуха.

Вишну присвоена тысяча имен-эпитетов. Одно из этих имен, очень часто встречающееся, – Нараяна, т. е. лежащий на водах, – относится к образу Вишну в период его сна, наступающего, когда мир гибнет и все заливает первичный океан. По прошествии определенного периода, когда снова возникают земля и все сущее на ней, Вишну опять начинает бороться со злом. В основном же своем образе он предстает иконографически в виде человека очень красивой внешности, с кожей белого, а то уже и синего (или темного) цвета, с четырьмя руками, в которых он держит раковину, лотос, булаву и чакру. Выражение его лица на всех

изображениях всегда должно быть благостное и милосердное, что подчеркивает его основную функцию – быть богом добра и справедливости.

Кришна (Крушна) буквально означает «черный, темно-синий». Таково имя одной из аватар Вишну. Названная аватара считается полным его воплощением. Кришнаизм превратился в самостоятельный культ вишнуизма. Культ Кришны связывали и с солярными культами, и с культом земного плодородия, с тантрическими культами, и даже с христианством; Кришну признавали и не признавали даже историческим лицом.

Поэтому исторически достоверна легенда о том, что злому правителю Кансе была предсказана гибель от руки сына его сестры, Кришны, и захват этим племянником его трона. Именно это предсказание, отразившее в себе реально существовавшие общественные институты, стало исходным ядром всех сюжетов о жизни Кришны.

Узнав о грозившей ему беде, Канса заключил в тюрьму свою сестру Деваки и ее мужа и убил их шестерых детей. Седьмым на свет появился белый Баларама, а восьмым – черный Кришна. Отцу удалось спасти их обоих – он унес их за реку Джамну, в Гокуль, где жили пастухи, которые их и вырастили. Есть миф, повествующий о том, что Баларама был перемещен в форме зародыша из утробы Деваки, сестры Кансы (которая была, напомним, темнокожей), в утробу Рохини, другой, белокожей, жены Васудевы.

Есть и еще миф, говорящий, что бог Вишну вырвал у себя два волоска, белый и черный, и поместил их в утробы той и другой матери, которые соответственно и родили белого Балараму и черного Кришну. Это все помогает решить загадки этногенеза и увидеть способы освоения арья-брахманами культов неарийских народов.

«Махабхарата», «Вишну-пурана» и «Бхагавата-пурана» красочно описывают, какие подвиги совершал Кришна.

Как уже тоже упоминалось выше, Кауравы, враги Пандавов (и вместе с тем их родня), были кровно более близкими арьям, чем Пандавы, и во взаимной борьбе этих двух ветвей правящего рода Кришна во всем помогал Пандавам, своим двоюродным братьям, сыновьям своей темнокожей тетки Кунти. Проявлению его божественности в этой битве посвящена религиозно-философская часть эпоса – «Бхагавадгита»: один из Пандавов, герой Арджуна, перед началом боя отказался убивать членов своего рода, но Кришна, явившись в образе божества, убеждает его не колеблясь убивать всех, не считаясь ни с чем, во имя установления в стране праведного порядка и единовластия.

Эпизоды «Махабхараты» нашли самое широкое отражение во всех формах и жанрах индийского искусства. Особенно ярко отражается в искусстве все, что связано с жизнью и делами Кришны.

С именем Кришны традиция связывает и весенний «праздник красок» Холи, во время которого все поливают друг друга подцвеченной красным водой и осыпают цветными порошками. В дни этого праздника можно наблюдать и проявления ритуального эротизма, восходящего к древнейшему культу плодородия.

Лакшми, или Шри. Под именем Лакшми, или Шри, в пантеоне индуизма выступает супруга бога Вишну, его шакти. Оба ее имени означают «сияющая, прекрасная, благостная, дарящая счастье». Подобно Вишну, она изображается стоящей или сидящей на цветке красного лотоса и с бутоном лотоса в одной из четырех рук.

Общим признанием и наиболее широкой популярностью пользуются мифы о ней как о жене Вишну и матери Камы – бога любовной страсти (наиболее полно они отражены в «Вишну-пуране»).

Бог с головой слона

Незнание обуревает мир смертных. Из незнания проистекают потоки грехов, незнание рождает ненависть и вражду. Светлая река Сарасвати, изливавшаяся с горных высот, долго дарила ясность чувствам и мыслям людей, и на ее святых берегах многие находили прибежище для спокойных раздумий и вознесения молитв. Но не погибла она, а вознеслась на небо, приняв облик вечно юной богини Сарасвати. На небесах она стала супругой первобога Брахмы и дарительницей знаний

Ганеша. Раджпутская миниатюра

Но многолик род людей, и широко ветвятся пути их поисков в жажде знаний. И всегда они стараются удалить с дороги своей жизни преграды, задерживающие их в стремлении к совершенству, к обретению мудрости. Первым их помощником на этом пути, их поддержкой и наставником стал добрый носитель знаний, бог по имени Ганеша, сын вседержителя Шивы и его супруги Парвати.

О Ганеше пророки запомнили разное – одни называют его старшим братом Сканды, другие – младшим, а есть и такие, что не говорят об этом, а просто повествуют о его рождении, жизни и деяниях, воспевая его мудрость и заботу о смертных.

Махадэви Парвати мечтала о сыне, которого она могла бы

вскормить молоком своей груди. Но долго-долго не даровал ей Шива этого счастья, и она предавалась тоске.

И вот одни говорят, что Парвати силой своего желания отделила от своей кожи крохотного ребенка и стала любовно вспаивать его своим молоком. А другие вспоминают, будто слепила она дитя из глины и оживила его жаром материнской своей любви. А еще рассказывают, что Шива, жалея ее, сжал в комок край ее светлой одежды и назвал его сыном. И что ожил этот ребенок от тепла ее груди.

Не дано людям знать об этом. Но дитя явилось. И Махадэви испивала сладость полной чаши материнства. И любовалась красотой подрастающего сына, видя в нем себя и своего всевластного супруга.

Но вдруг случилось нежданное – этот дивный сын лишился головы.

Рассказывают, что Парвати совершала омовение и повелела сыну никого не впускать в ее покои. Но пришел сам Шива и, встретив сопротивление ребенка, тут же отсек ему голову.

Горе Парвати, потерявшей свое долгожданное дитя, было так безутешно, что никто на небесах не мог ее успокоить и помочь ей. И тогда Шива повелел своим подчиненным идти на поиски и отсечь голову первому же встреченному на пути живому существу.

Отправившись в путь, они вскоре встретили слоненка, бродившего по лесу, мигом отсекли его голову от тела и доставили ее своему повелителю. Силой своих божественных чар Шива укрепил эту голову на плечах ребенка, и сын Парвати ожил, доставив ей безмерную радость.

Тяжесть слоновьей головы мешала мальчику вырасти стройным и высоким, но в его коротком широком теле билось теплое доброе сердце, и все его любили. Он рос умным и спокойным, а когда повзрослел, то Шива возвел его в сан повелителя всех подчиненных ему полубогов и духов, всех их групп и полков, именуемых ганы. Каждая гана имела своего предводителя, но отныне все они стали подчиняться слоноголовому юноше. И стал он поэтому именоваться Ганеша, т. е. Желанный для ган. Ему теперь были покорны все, кто окружал царства богов, и настал в этих царствах покой и порядок.

Он постиг пытливым своим умом при помощи и участии богини Сарасвати многие науки и проник в тайны глубоких знаний. И всем сердцем возлюбил он людей, стремящихся к познанию, хотя с дней его юности протекло уже неисчислимо долгое время, но все ученики, сидящие у ног учителя, знают и сейчас, что в каждом затруднении поможет им Ганеша, если

призвать его с должной молитвой.

Ганеша любит танцы, как и его владычный отец, и танцует, познав незыблемое единство движений тела и ритмов вселенной. А потому на земле над многими школами искусств и наук помещают люди изображение Ганеши, как и в лавках, наполненных товарами, где хозяева жаждут поддержки этого бога в трудных делах торговли.

Множество животных, больших и сильных создано на земле волей богов, но из всех зверей и зверушек избрал Ганеша себе в постоянные спутники крысу, мудрое и хитрое существо, умеющее с самого первого мига своего появления в мире живых успешно преодолевать все препятствия и бесконечно продлевать жизнь своего рода на Земле.

И где бы ни появился этот слоноголовый знаток всего тайного и явного, крыса неизменно сопровождает его и даже умеет превращаться в мощное ездовое животное, когда следует переносить бога-повелителя сквозь неизмеримые пространства трех миров.

Кришна и кришнаиты

Доарийское имя Кришны не установлено наукой, а слово «кришна, крушна» на санскрите означает «черный, темный». И, совершенно очевидно, именно в процессе адаптации местных культов и одновременного признания арьями права автохтонных жрецов на отправление религиозных обрядов, связанных с локальными божествами, эти жрецы были частично причислены к высокой варне (сословию) брахманов нового складывающегося общества. А будучи причисленными, были обучены «Ведам»

Кришна спасает слона из пасти крокодила. Фреска из Форта Орча

Культы доарийских божеств во многом связаны с оргиастическими отправлениями. И в том числе с сохраняющейся вплоть до нашего времени именно в среде бенгальцев формой индуизма, известной как тантризм. Это практика почитания божеств «круга Шивы» и прежде всего – богинь-матерей, основанная на возбуждении и удовлетворении плотских запросов, чему придается большое значение и приписывается сила магического воздействия на явления природы, на успешность хозяйственной деятельности человека и на прирост людских коллективов и стад домашнего скота.

Культ Кришны тоже был явно связан с тантрической практикой, что выявляется в целом ряде сочетаемых с ним ритуальных предписаний, религиозно-эротической литературе и с хранимым в душах всех его почитательниц чувстве влюбленности в Кришну-жениха, дарителя высшего предела сексуального удовлетворения. Но кришнаизм как ветвь вишнуизма – религии милосердия и добра – не мог включать в себя кровавых жертвоприношений.

Беседы с бенгальцами о Чайтанье – местном религиозном наставнике и основателе той ветви кришнаизма, где ярко отражено его эротическое содержание, позволили понять суть религиозных ритуалов, шире всего распространенных именно в среде бенгальцев.

Чайтанья, который здесь обожествлен, жил и проповедовал в конце XV – начале XVI в., призывая людей направлять свои религиозные запросы и устремления не на приверженность точному следованию ведическим гимнам, а на практику любви к Кришне. Это выражалось также и в том, что он проводил любовные игры со своими учениками, исполняя роль Кришны, а ученики – роли его возлюбленных-пастушек.

Последователей Чайтаньи здесь очень много. В литературе по истории индуизма (особенно в исследованиях наших историков) он расценивается как один из вождей средневекового антифеодального движения бхакти, охватившего средние и главным образом низкие касты и использовавшего религиозные мотивы кришнаизма для идеологического выражения своих социальных протестов, своих классовых (сословных) целей.

К числу поддерживающих локальные формы кришнаизма в новое время относится, например, Прабхупада, последователь Чайтаньи, член среднебрахманской (по другим сведениям, торговой) касты Де, эмигрировавший в США и организовавший там секту кришнаитов («Общество сознания Кришны»), которая при финансовой поддержке американских миллионеров широко

разрослась и вовлекает в свои ряды десятки тысяч представителей молодежи в США и других странах.

В Пури расположено всего несколько храмов, но он признается одним из «чхар-дхам» – четырех священнейших мест Индии. Главным считается храм Кришны – Джаганнатха (т. е. Кришны-Владыки мира). Выстроен в XI–XII вв. (а по некоторым источникам – в более раннее время).

Орисса, как и Бенгал, была древним центром шиваизма-шактизма. В столице штата, г. Бхубанешваре, тысяча храмов, посвященных Шиве-Шакти и несколько богу Вишну в образе Кришны. Здесь прослеживается ярко выраженный процесс внедрения вишнуизма через утверждение, что Вишну и Шива являются, по сути дела, единым божеством, которое изображается в скульптуре и живописи в облике двуединого бога по имени Хари-Хара.

Успехом, очевидно, увенчался лишь прием адаптации вишнуизмом не столько Шивы, сколько любимого доарийским населением (явно – значительной его частью) черноликого Кришны. Он в новой для себя отведенной ему арья-брахманами роли одного из десяти воплощений Вишну успешно соединился в религиозном сознании людей с близким им образом Шивы: оба бога темнолики, культы обоих сложились в локальной этнической среде, оба связаны с обычаями религиозного эротизма и с институтом полигамии.

Но по таким своим функциональным характеристикам, как насылание кары на людей, разрушение мира и т. п., Шива отстоял дальше от всемилостивого Вишну, чем любвеобильный бог скотоводов Кришна, а поэтому именно он был избран для моделирования на землях Индии одной из ветвей вишнуизма.

Одновременно и главным храмовым праздником в Ориссе стал праздник поклонения Кришне-Джаганнатху, привлекающий с XII–XIII вв. многие тысячи, а затем и миллионы паломников.

Это мистериальные дни, в которые отмечается сочетание Кришны с его возлюбленной пастушкой радхой. Для этого акта изображения всей неразрывной триады в торжественных процессиях вывозят из главного храма и препровождают в другой, где и оставляют на неделю. Эротическое содержание праздника воспевается в исполняемых жрецами гимнах, а также иллюстрируется местными художниками-читракарами.

В день праздника изображения помещают под богатые балдахины, и сотни паломников тянут их за канаты сквозь неисчислимые толпы верующих, перевозя к другому храму. Это сопровождается хоровым исполнением кришнаитских гимнов и музыкой храмовых ансамблей, в которых обязательно участвует

флейтист, так как на флейте, по поверью, играл Кришна.

Привлекает внимание тот факт, что из восточного ареала распространились по стране и стали общепризнанными те изображения кришнаитской триады, которые лишь отдаленно напоминают людей, в отличии от огромной массы характерных для индийского искусства скульптурных и живописных изображений всех божеств (не исключая и Кришны с его братом и сестрой). Задаваясь вопросом о значении таких почти неантропоморфных, то есть нечеловеческих форм этих персонажей, приходишь только к одному возможному ответу – это изображения змей, а точнее – кобр (нагов), черной («царской» кобры), белой (светло-серой) и желтой (желтовато-коричневой).

Восточные земли Гангской равнины, современного штата Мадхья-Прадеш и Ориссы были территорией зарождения не только таких религиозных учений, как джайнизм и буддизм, но и складывания и окончательного утверждения ряда арья-неарийских культов индуизма, включая упомянутый выше синтез шиваизма и вишнуизма-кришнаизма, а также вишнуизма и культа кобр. Иконографический облик кришнаитской триады соответствует мифологическим описаниям кобр-нагов (народа подземного мира), которые имели на своих «капюшонах» человеческие лица, а тела их не имели членов человеческого тела. В мифах говорится, что они произошли от брака одного из мудрецов – авторов ведических гимнов Кашьялы (его описывают и как самого бога Вишну) и «всезмеимной матери» по имени Кадру, поклонение которой могло войти в индуизм только в процессе освоения арьями местных культов.

Джайны: «одетые в стороны света»

Легендарный основатель джайнизма Вардхамана странствовал и вел аскетический образ жизни. Последователи называли его Махавирой. И еще за то, что он достиг всевидения, его стали именовать Джиной – победителем кармы

Джайнийский храм

Он жил в VI в. до н. э. Его считают последним из 24 тиртханкаров, «нашедших брод», т. е. тех, кто сумел вырваться из кармического мира с его бесконечными перерождениями и тем достичь абсолютного спасения, состояния сиддхи. Родившись в семье кшатрия, Махавира в тридцать лет ушел из дома, вступил на путь аскезы, жил так 12–14 лет, после чего достиг просветления, познал истину, вернулся к людям и около 30 лет проповедовал им свое учение. Согласно легендарным преданиям, зафиксированным в буддийских текстах, проповедовавший свое учение Махавира встречался с самим Гаутамой Шакьямуни, просветленным Буддой, и вел с ним диспуты.

А последователи его учения стали джайнами. Он же принял на себя роль учителя. Суть в том, что не важно, как и в какой касте родиться; цель жизни – освобождение от пут кармы, а достигается это посредством праведной жизни и аскетических упражнений, и величайший вред – нанесение вреда живым существам.

В 72-летнем возрасте Махавира ушел из жизни, «оставшись

наедине с самим собой, разрубив узы рождения, старости и смерти».

При императоре Сампрати джайнизм распространился по всей стране и даже одно время был государственной религией Гуджарата.

Самые важные представители джайнизма – шветамбары, «облаченные в белые одежды», и дигамбары, «одетые в стороны света».

У последних не должно быть ничего даже на чреслах, иначе они «ниспровергнутся в круговорот кармы». Стыдиться же самого себя может только грешник. Джайны не приемлют убийство живого существа – ахимсу. А вдруг кто-то когда-то переродится в муравья, которого ты задавишь? Вообще очень странно то, что возникшая в среде воинственных индийцев-кшатриев религия может придавать такое большое значение неубиению! Как и то, что «одетые в стороны света» джайны ходят абсолютно голые среди облаченных в длинные одежды и снедаемых массой комплексов и запретов индусов…

Впрочем, это лишь один из парадоксов Индии. Все это не давало возможности большинству населения страны принять джайнизм: ведь сельскохозяйственная деятельность, распашка земли ведут за собой убиение червей и личинок… Не говоря уже о работе мясников. Вот почему джайнизм принят в общинах торговцев, и сегодня это основная религия банкиров, ювелиров, клерков и ростовщиков.

Страх ненароком уничтожить какую-нибудь букашку так велик у джайнов, что они не едят после захода солнца, чтобы не проглотить в темноте что-нибудь не то. Монахи прикрывают рот маской, чтобы комар не погиб, залетев туда. Чем меньше человек ходит пешком, тем лучше, ибо меньше возможности наступить на живность. А потому надо сидеть без движения и непрестанно поститься.

Джайны верят не в бога, а в сущностей – тиртханкар – «искателей брода».

…Мы где-то в Старом Дели. Точный адрес нас попросили не называть. В храме дигамбаров нам предстоит увидеть то, чего не разрешалось до нас никому из «белых» журналистов – эпизоды жизни джайнов, приверженцев удивительной, во многом еще не познанной, а скорее непознаваемой религии индийцев – джайнизма.

Молодой монах Видьянанд Монирадж, абсолютно обнаженный, прошедший уже несколько стадий посвящения в дигамбары, спускается для дневной трапезы в специально отведенную для этого келью недалеко от входа, где его будут

кормить из рук женщины-монашенки…

– Устав жизни джайнийского монаха, – рассказывает, расхаживая по келье, другой посвященный, уже в преклонном возрасте монах Ачарияшри, – всегда остается предельно строгим. Во время обряда посвящения в монахи волосы не сбривают, а выдирают с корнем. Он предается всякого рода самоистязаниям: пребывает в медитации под палящими лучами солнца, длительное время выдерживает неудобные позы. Но тем не менее джайнизм отвергает многие более эффективные виды умерщвления плоти, принятые у индуистских аскетов. Джайнийская умеренность в пище усугубляется частыми постами, и многие монахи, следуя примеру самого Махавиры, доводили себя до голодной смерти.

Образ жизни монаха определялся пятью обетами, запрещавшими убийство, воровство, ложь, прелюбодеяние и владение собственностью. Джайны даже процеживают питьевую воду, чтобы не забрать жизнь у обитающих там микроорганизмов…

Пока мы слушали эти объяснения, молодой Монирадж, приняв из рук монашенок салаты и рагу из овощей, проследовал мимо нас в свою комнату на втором этаже храма и, скрестив ноги, уселся на циновку. Мы ожидали, что он начнет молиться и уже собрались тактично покинуть пределы кельи, как вдруг молодой человек потянулся к полке и снял с нее… ноутбук. Деловито включил «лэптоп» в сеть и принялся что-то быстро-быстро набирать. В храме 22-летний Монирадж выполняет функции библиотекаря и хорошо знает компьютерную грамоту. Ну а элементы нудизма в стране, где температура днем редко опускается ниже тридцати градусов, вполне приемлемы даже при исполнении служебных обязанностей.

Вначале последователями Джины были лишь аскеты, которые отказались от всего материального ради великой цели – спасения, освобождения от кармы. По преданию, у Джины было одиннадцать учеников, которые составили из его проповедей первоначальную основу доктрины, на первых порах передававшуюся изустно, от учителя к ученику. Позже состав джайнской общины стал увеличиваться за счет сочувствовавших аскетам и кормивших их мирян, а также руководивших мирянами жрецов, хранивших и развивавших основы учения Джины. Все члены ранней общины джайнов – миряне, жрецы и аскеты-монахи, мужчины и женщины – подчинялись некоторым общим законам, соблюдали определенные нормы поведения и, главное, запреты, которые и составляли едва ли не основную суть учения.

В индуистской Индии джайны на протяжении многих веков

существовали в качестве меньшинства. Правда, это меньшинство не было враждебно большинству. Напротив, оно, как упоминалось, сохраняло определенные связи с индуистами, чему способствовал факт сохранения каст и родственных контактов между джайнами и индуистами. Но эти связи не привели и к растворению джайнского меньшинства в океане индуизма. Строго организованная, внутренне дисциплинированная джайнская община сохранила свой стиль жизни и дожила до наших дней. Более того, несмотря на свою немногочисленность, джайны сыграли заметную роль в истории и культуре Индии. Богатые джайнские храмы и поныне привлекают своей красотой, стройностью архитектуры, отделкой и убранством. Усилиями джайнов в средневековой Индии развивались наука, искусство и литература. Этика и благотворительность джайнов тоже не могли не быть замеченными, тем более что и то и другое отлично вписывалось в индуистскую систему социальных, моральных и духовных ценностей. И, наконец, аскетизм джайнийских монахов не остался без внимания привыкших, но не устававших восхищаться подвигами аскезы индуистов.

Великая мать – Дурга

Осень в Индии – совсем особое время. Именно осенние праздники исполнены яркости, радости и жизнеутверждения. В октябре, напомним, по всей стране проходит подготовка к празднованию Дасеры, которое проводится торжественно и пышно

Богиня Дурга убивает демона. Индийская статуэтка

Дасера значит «десятидневница», потому что этот праздник длится десять дней. Его же называют и Нваратри – «девятинощница», потому что девять праздничных ночей лежат

между этими десятью днями.

Дасера – это праздник, который призван утверждать в сердцах людей веру в то, что добро обязательно победит зло и справедливость восторжествует на Земле во что бы то ни стало.

В эти дни особо почитают всех богов и героев, которые боролись с демонами зла и побеждали их. В эти дни происходят торжественные моления перед изображением Дурги, Великой Матери, супруги бога Шивы, – идет Дурга-пуджа.

В Бенгале и Майсуре ее почитают превыше всех других богов, и там нет уголка, не охваченного Дурга-пуджей. В Дели же (впрочем, как и в других больших городах), главным образом колонии бенгальцев, отмечают его в своей традиционной манере и празднуют пышно, ярко, нарядно. Под пестрыми, туго натянутыми навесами-шамианами собираются толпы мужчин в длинных белоснежных рубахах и дхоти. Приходят с мужьями и детьми женщины в лучших нарядах – в золототканых, вышитых и расписных шелковых сари.

От одного этого зрелища создается праздничное настроение. Под каждой из этих шамиан на особом месте стоит изображение богини Дурги, древнейшей из богинь, сильной и карающей богини древнего матриархального общества.

Как и все боги в Индии, она выглядит домашней и уютной, несмотря на блеск своих уборов и на кровь демона, которого она беспощадно разит копьем.

Статуи Дурги – это целые скульптурные комплексы, в которые входят фигуры, символизирующие доброе и злое начало. Центральное место занимает сама Дурга – многорукая, прекрасная, беспощадная ко злу.

В одной из ее правых рук – копье, и она вонзает его в демона. Этот демон вышел на бой с Дургой в виде буйвола, но она рассекла буйвола мечом, и тогда демон появился перед ней в своем настоящем облике.

У каждого из индийских богов есть свое животное. Дурге принадлежит лев. Он тоже присутствует в этих скульптурных группах. Свирепый, напряженный, он яростно вонзает когти в тело буйвола или в самого демона. Его пасть и лапы окровавлены.

Ритуал служения богине в дни праздника делится на определенные части. Вы можете прийти в храм утром и увидеть, как под многоцветным пологом шамианы сидят на коврах молящиеся (женщины отдельно, мужчины отдельно), а жрец с колокольчиком в руке стоит перед статуей Дурги и громко, нараспев читает молитвы.

Придя позже, вы сможете присутствовать на церемонии «пушпанджали», что значит «цветы в сложенных ладонях». Жрец

читает молитвы, а женщины держат полные горсти цветочных лепестков и после определенного восклицания жреца бросают эти лепестки в сторону Дурги. Это очаровательное зрелище, в особенности если солнечные лучи озаряют статую. Этот обряд изображает тот «цветочный дождь», который, судя по памятникам древнеиндийской литературы, боги проливали с неба на торжествующих героев Земли.

В дни пуджи по утрам молятся Дурге, по вечерам наслаждаются танцами, пением, декламацией и выступлениями театральных трупп или просто ходят, встречаются с друзьями, болтают, курят, смеются. Любимая богиня, как добрая и почитаемая всеми мать, присутствует на своем празднике, как в жизни своей семьи. Ее присутствие ощущается всеми, но никого не подавляет, и все чувствуют себя свободно и по-домашнему.

Так чествуют Дургу несколько дней и ночей. В последний же день праздника она должна умереть, и с ней умрут все боги, окружающие ее.

В этот день все статуи везут на грузовиках или несут на плечах к рекам и водоемам. Здесь, в Дели, их привезли на низкий берег Джамны вблизи железнодорожного моста.

Но вот забили барабаны. Жрецы разожгли благовонные курения в глиняных чашах. Один за другим из круга собравшихся стали выходить мужчины, брать в руки чаши и, медленно кружа их в воздухе, танцевать перед Дургой прощальный танец. В круг выходили молодые мальчики и мужчины средних лет, интеллигенты и рабочие, профессиональные танцоры и те, кто умел сделать только два-три танцевальных движения. Их лбы были окрашены красной краской, а глаза, не отрываясь, смотрели на светлое лицо грозной богини. Постепенно приходя в исступление от грома барабанов и густого дыма ароматных курений, обильно поднимавшегося из чаш, они все быстрей кружились в экстатическом танце, молясь богине, любуясь ею, служа ей в последний раз, отдавая себя ее требовательной женской воле. Чем-то доисторическим веяло от этих мужских танцев перед изваянием богини. Кто знает, как совершались эти служения несколько тысячелетий тому назад? Или даже, может быть, несколько столетий?

Только перед одной статуей Дурги танцевали женщины. Это был настоящий танец жриц. Их было трое. Одна девушка, явно из зажиточной семьи, с современной прической и модно гримированным лицом, одетая в черное с серебром сари, тонкая и гибкая, танцевала долго, опустив в землю подведенные глаза и часто застывая в красивых арабесках, чем-то настойчиво напоминающих фрески на гробницах египетских фараонов.

Другая женщина танцевала в таком восторженном исступлении, что вскоре потеряла сознание, а третья, не поднимаясь с колен, то склонялась до земли, то раскачивалась из стороны в сторону, делая круговые движения дымящимися чашами, которые она держала в руках. Три танцовщицы, три разных рисунка танца, три разных способа выразить себя.

Часов около восьми танцы стали замирать, и статуи, покачиваясь на плечах несущих их людей, двинулись к реке. Люди забредали в воду выше коленей и с силой бросали статуи вперед, в темную стремнину Джамны.

Богато убранные, сверкающие красотой изваяния с громким плеском падали в черную воду: за ночь вода размоет необожженную глину и увлечет с собой остатки мертвых божеств. Богиня ушла в дом своего свекра – так объясняется этот обряд. Ушла в небесную обитель, умерла для мира смертных. Путь реки ведет на небо, поэтому изваяния сбрасывают в реки.

Падишах Акбар – причудливый гений

Загадочная личность падишаха Акбара из династии Великих Моголов, правившего в Индии во второй половине XVI в., до сих пор привлекает к себе пристальное внимание не только историков, но и политиков, общественных деятелей, философов. Акбар известен не только в Индии, где его чтут как своего рода национального героя, символ единства страны и примирения разных конфессий, но и далеко за её пределами

Падишах Акбар. Индийская миниатюра

Династия Великих Моголов, к которой принадлежал Акбар, происходит из Средней Азии. Предком Акбара был жестокий завоеватель Тимур (Тимурленг), покоривший значительную часть Азии. Один из его потомков – султан Бабур, воин и поэт, писавший прекрасные стихи на фарси и на тюрки, вторгся со своими войсками в Северную Индию, овладел городом Дели и основал новое мусульманское государство. Его правителей называли Великими Моголами («могол» – монгол, принявший мусульманскую веру). Внук Бабура Акбар родился уже на земле Индостана.

Акбар вступил на престол в возрасте 12 лет. Уже в юности он начал вести военные походы, в ходе которых ему удалось объединить значительную часть Индии. В 1574 г. Акбар перенёс столицу из Дели в построенный им посреди пустыни «Город победителя» (Фатехпур-Сикри), представлявший собой по существу военный лагерь. Но Акбар вошёл в историю не столько как воитель, сколько как духовный реформатор, освободивший немусульман от тяжёлых поборов и создавший весьма странную «религию», ставшую приметной чертой его времени.

По возвращении из похода на Бенгалию в начале 1575 г. Акбар издал указ о строительстве Дома поклонения (Ибадат-хана), предназначенного для проведения дискуссий между представителями различных направлений и религиозно-правовых школ ислама в присутствии самого падишаха. Ибадат-хана находился недалеко от кельи покойного шейха Салима, духовного наставника Акбара. На собрания приглашались шейхи суфийских братств, сайиды – потомки пророка Мухаммеда, богословы-улемы, а также знатные приближённые Акбара, интересующиеся духовной жизнью. Дом поклонения состоял из просторного зала, вмещающего не менее двухсот человек, построенного вокруг остатков жилища отшельника – шейха Абдуллаха, ученика шейха Салима. Падишах заводил дискуссию то с одним, то с другим из авторитетов. «Заседания» начинались обычно вечером, на закате, в четверг и продолжались иногда до полудня пятницы.

Неожиданно произошли изменения в личной жизни Акбара и переворот в его психике. Начало этому положил странный инцидент, произошедший с ним в мае 1578 г., на ежегодной шахской охоте в Панджабе (камарга). Подготовка к охоте велась в течение 10 дней, как вдруг Акбар приказал отозвать ловчих. Среди придворных стали распространяться слухи, что Акбар внезапно пришел к осознанию бренности земной власти и даже собирается отречься от престола. Перемена в характере суверена, до того столь властолюбивого, объяснялась якобы некоей встречей лицом к лицу с самим Аллахом, вызвавшей в душе

Акбара сильнейший суфийский экстаз.

Что же произошло с властителем? Возможно, он увидел сон; возможно, с ним случился припадок (он был склонен к эпилепсии).

Страсть Акбара к древнеиранской культуре объясняет то особое положение, которое заняли при его дворе парсы. Говорили, что он носит под своей одеждой священную рубаху и пояс зороастрийцев. Глава индийских парсов Мехерджи Рана обучал Акбара молитвам и обрядам своей веры. Во дворце был зажжён священный огонь, горение которого было поручено поддерживать придворному историку Абуль-Фазлу. В марте 1580 г. Акбар стал публично совершать церемонию поклонения (простирания ниц) пред священным огнём и восходящим солнцем, ввёл празднование 14 доисламских иранских празднеств. Акбар как бы примеривал разные религии на себя, проверял, насколько они пригодны в качестве государственного культа, в какой мере они способны заменить господствующий в империи (но не в душах людей) суннитский ислам.

В 1578 г. Акбар направил письмо к властям португальской колонии Гоа следующего содержания: «Главным служителям ордена св. Павла. Да будет им известно, что я являюсь их большим другом. Я направил прежде Абдуллаха, моего посланника, и Доменико Переса, дабы пригласить вас послать ко мне вместе с ними двух из ваших образованных людей, которые захватили бы с собой книги по Закону, и прежде всего Евангелия, ибо я искренне и серьёзно желаю постичь их преимущества; и я прошу вновь с большой настойчивостью, дабы они прибыли вместе с моим посланником и привезли свои книги, так как от их приезда я получу великое утешение».

Для португальской короны это приглашение было поистине неожиданным и желанным.

С большим караваном купцов миссионеры проделали путь от Сурата до реки Чамбал и, встреченные конным эскортом падишаха, вступили в феврале 1580 г. в Фатехпур-Сикри. Они преподнесли Акбару Королевскую Библию Плантина, напечатанную в 1569–1572 гг. для Филиппа II Испанского. Падишах проявил высочайшую почтительность к Священному Писанию и, принимая его, снял с головы тюрбан и поцеловал книгу. Он приказал своим художникам скопировать изображения Христа и Девы Марии, которые святые отцы привезли с собой.

Ещё в 1579 г. Акбар отстранил от должности имам-хатиба главной мечети Фатехпур-Сикри и сам стал вместо него произносить проповеди с кафедры мечети.

В сентябре 1579 г. шейх Мубарак издал фетву о

непогрешимости Акбара. Документ был подписан и другими ведущими улемами, не проявлявшими, однако, большого энтузиазма в этом деле. Практически любое указание Акбара стало считаться истиной в последней инстанции, все улемы должны были воспринимать его как непререкаемый закон. Акбар был провозглашён имамом, чей авторитет не подлежит никакому сомнению. Мысль имама превыше всех других мнений. После этого деятельность Дома поклонения потеряла всякий смысл, ибо все догматические затруднения могли быть решены теперь гением одного человека.

Акбар апеллировал к суфийским понятиям о единстве всех религий и равенстве различных способов поклонения единому Творцу. Но новая религия Акбара была в первую очередь «царской», сосредоточенной на персоне суверена и его божественных полномочиях.

Похоже, что речь шла об особом ордене, объединяющем наиболее преданных сторонников падишаха.

Действия Акбара чем-то напоминали поведение Ивана Грозного двадцатью годами ранее, в момент введения опричнины. Они были ярким проявлением деспотизма абсолютного властителя, стремящегося подчинить и духовную власть.

Разразившаяся в 1582 г. пограничная война между португальцами и Моголами вынудила иезуитов покинуть двор Акбара.

В 1595 г. к Акбару прибыла третья иезуитская миссия из Го а во главе с отцом Жеромом Ксавье, который оставался при могольском дворе в течение 23 лет.

Падишах оказал гостям необычайные знаки внимания, позволив им даже сидеть в своём присутствии во время приёмов, вплоть до того, что выделил им место на своём собственном диване (на подушках). Им было разрешено не простираться ниц перед повелителем. Однажды во время литании Акбар опустился на колени и простоял так всю службу со смиренно сложенными руками. Именно к тому времени относятся копии изображений Девы Марии с младенцем Иисусом, выполненные могольскими живописцами.

Однако действительные намерения Акбара по отношению к португальскому владычеству на берегах Индийского океана были далеко не идиллическими. Излияния чувств по отношению к иезуитам были призваны замаскировать и усыпить их внимание, не дать им разгадать его истинные замыслы. Акбар внимательно следил за происходящим в португальских колониях с помощью многочисленных шпионов. Впрочем, и сами иезуиты действовали скорее как политическая миссия, чем как духовная.

Одновременно Акбар приступил к выполнению своих планов по завоеванию Южной Индии. В письме узбекскому хану Абдулле он писал, что «предпринял бы сокрушение неверных франков, пришедших (и занявших) острова в океане».

В 1601 г. Акбар направил своё посольство в Гоа. Речь больше не шла о наставлении в христианской доктрине: посольство вело переговоры о торговле, о возможных поставках оружия и артиллерии Моголам.

Принц Салим, чьей резиденцией был Аллахабад, поднявший мятеж против своего отца, соревновался с ним в выражении почтения к христианским символам. Он носил медальоны с изображениями Младенца Христа и Девы Марии, изумруд с изображением распятия на золотой цепочке, приказал выбить на своих печатях знак креста.

При преемниках Акбара португальское влияние в Индии уступило место английскому. Правнук Акбара Дара Шукох пытался продолжить усилия своего предка по созданию синкретической религии на основе индуизма, суфизма, христианства. Как и сам Акбар (возможно, отравленный агентами своего сына Салима), Дара Шукох потерпел поражение. Он был казнён по приказу своего брата Аурангзеба, сторонника строгого правоверия.

«Божественная вера» прекратила своё существование вместе со смертью Акбара. Однако его духовные искания свидетельствуют о государственной необходимости в выработке такой идеологии, которая устраивала бы всю многонациональную империю, отражала весь спектр существующих в ней верований. Контакты с католическими миссиями и резко враждебное отношение к мусульманскому правоверию показывают, что целью Акбара было ослабление духовенства и военной аристократии, от контроля которых он мечтал избавиться.

Феномен Акбара оставил глубокий след в индийском самосознании. И в наши дни многие в Индии считают Акбара основателем современной индийской государственности, своего рода предшественником Махатмы Ганди. Ежегодно устраиваются фестивали в честь Акбара возле его гробницы в Сикандаре. Эта пятиэтажная гробница оригинальной формы (тело Акбара было погребено не в земле, как полагалось по мусульманскому обычаю, а на высоте пятого этажа) на века останется памятником причудливому гению могольского падишаха.

(По материалам Ю. Аверьянова, журнал «Восточная коллекция»)

Достижение нирваны

Высшая цель, к достижению которой должен стремиться каждый истинно верующий буддист, – это и есть нирвана. Несмотря на то что о ней немало говорится в буддийской канонической литературе и еще больше написано позднейшими буддистами и современными исследователями, многое до сих пор остается неясным, часто представляется противоречивым

Будда в нирване. Пещера № 26. Аджанта

Само слово «нирвана» означает «успокоение», «угасание». В буддизме оно употреблялось для определения достигнутого личными усилиями высшего состояния духа человека, освободившегося от всех земных страстей и привязанностей. Обычно нирвана сравнивается с огнем светильника, погасшего из-за того, что сгорело масло. Все проявления индивидуальности угасли – нет ни чувственных ощущений, ни представлений, ни сознания. Действие закона кармы прекращается, после смерти такой человек уже не возрождается и покидает сансару. (Сансара – в индийской философии реинкарнация, повторные рождения).

Буддийское «спасение», следовательно, означало не достижение счастливой вечной жизни (в каких-то иных, неземных условиях), как в других религиях, а вечное избавление от нее.

Буддисты не считали нирвану вечной смертью. Будда называл свое вероучение «средним путем», отрицающим и вечную жизнь, и вечную смерть. О нирване говорится, что она «высшая цель»,

«высшее блаженство», «высшее счастье» и т. д.

В буддизме существование двух принципиально различных субстанций – временной материальной (тело) и вечной духовной (душа) – не признается. Признание вечности души означало бы признание вечности жизни и невозможности достижения нирваны. Считалось, что личность – единство души и тела и представляет собой совокупность не поддающихся анализу, непознаваемых элементов – дхарм (не путать с дхармой – названием буддизма). Духовная субстанция не может существовать отдельно от тела. Она, подобно материальной субстанции, не вечна, изменчива и подвержена конечному распаду и в этом отношении не подобна атману.

Таким образом, теория переселения душ претерпела значительное изменение: не душа переходит из одного тела в другое, а конкретный комплекс непознаваемых элементов, предстающий в одном случае как определенная личность, в другом случае обнаруживает себя как иная личность.

Жизнь – это поток постоянно сменяющихся моментальных вспышек восприятия и сознания, и она нам только кажется непрерывной. В нирване дхармы достигают окончательного успокоения.

Одной из самых трудных для буддийского богословия задач было объяснить, каким образом при отсутствии негибнущей души действует закон кармы. Некоторые ранние буддийские школы (например, саммитиев) даже вынуждены были признать существование вечной души. Столь же плохо согласовалась с теорией отсутствия негибнущей после смерти души идея ада и рая (небес), где должно пребывать нечто нетленное и нематериальное.

Согласно раннему буддизму, в нирвану может войти только человек, накопивший в течение многих предыдущих жизней необходимые моральные заслуги в соответствии с требованиями «восьмеричного пути». В последней жизни он должен оборвать все мирские связи, постричься в монахи и посвятить себя усвоению учения Будды и размышлениям над тайнами бытия. У отшельников-аскетов были заимствованы старые и выработаны новые приемы самогипноза, при помощи которых можно было довести себя до каталептического транса, являвшегося, по представлениям буддистов, особым возвышенным состоянием, тормозящим психические функции и тем самым как бы прекращающим существование личности.

На вопрос, может ли человек достичь нирваны при жизни, современные буддисты отвечают положительно. В частности, они ссылаются на то, что Будда достиг нирваны в момент

«просветления»; и некоторые места в канонических сочинениях позволяют им это утверждать. Однако это трудно примирить с первой «благородной истиной», по которой жизнь состоит из страданий и не столько нравственных, сколько телесных (рождение, болезнь, старость, смерть). Нирвана должна была освободить человека от страданий и такого рода, но известно, что Будда после «просветления», как о том свидетельствуют данные палийского канона, был подвержен усталости, болезням, старческой дряхлости и смерти.

Таким образом, на протяжении всего периода древности сохранялась стойкая традиция, что нирвана наступает только после физической смерти человека. Вероятно, это было самым ранним представлением. Довольно рано возникло, очевидно, и воззрение о том, что нирваны можно достичь еще при жизни. И хотя традиционная биография Будды, сложившаяся к тому времени, уже основывалась на новых представлениях, прежние оказалось невозможным обойти. Важно, что в этом вопросе среди буддистов не было единства и после записи канона.

Сати – самосожжение вдов

Этот обряд в Индии давно запрещен. Однако и в наши дни индийские женщины все чаще бросаются в костер, на котором сжигают тело их покойного мужа. Что их гонит в огонь? Скорбь? Мрачная традиция? Или принуждение?

Самосожжение вдовы на погребальном костре мужа. Индийская миниатюра

Деревня Сатпура лежит в Северной Индии, вдали от больших городов. Когда люди узнали о том, что здесь произошло, и приехали сюда, все уже кончилось, крестьянка Харан Шах, 55 лет

от роду, взошла на костер, в коем сжигали останки ее мужа. «Она сделала это добровольно!» – повторяли все селяне, очевидцы происшествия.

Индийцы, живущие в больших городах, порой тоже не понимают, что творится в стране. Разворачивая газету, они с удивлением и скорбью читают об очередном самосожжении вдовы. Древний ритуал, называемый «сати», уносит все новые жертвы. «Обвинение, выдвинутое всему обществу», «Мы далеки от цивилизации!» – таковы заголовки индийских газет.

По своей ли воле вдовы идут на смерть? Быть может, ответ на этот вопрос таится на улицах Сатпуры?

В деревне Сатпура живет около двухсот человек из касты неприкасаемых – два десятка семей, занимающих самое низкое место в иерархии индийского общества. Здесь нет электричества, телефона, радио, телевидения. Нет никакого медицинского обслуживания.

Перебивается здешний люд подсобным хозяйством да случайной поденной работой. Единственные развлечения – занятия в школе и посещение палаток, в которых живут полицейские.

Они прибыли сюда на следующий день после гибели Харан Шах. Им надлежало проверить, соблюден ли «Закон о предотвращении случаев самосожжения вдов», принятый в 1987 г. Этот закон ужесточал постановление, принятое еще в 1829 г. британскими колониальными властями.

Правительство в Лондоне запретило «дорогим и далеким соотечественникам» сжигать вдов своего народа. Этот закон следовал букве британского права, по которому даже самоубийство считалось преступным деянием. После принятия нового закона самосожжение вдов вроде бы прекратилось. Но вот прошло время – и все снова вернулось на круги своя.

…Полицейские заподозрили родственников Харан Шах в ее убийстве, в том числе и 22-летнего сына Сишпала. Все началось утром 11 ноября, вспоминает он, когда его отец Мани Рам Шах внезапно умер от туберкулеза.

Сразу после смерти отца его родичи сложили дрова на площади, где сжигали умерших. Тело покойного поместили на носилки, связанные из жердей, и под громкое пение понесли в последний путь. Разжечь пламя костра было сыновним долгом. По традиции на этой церемонии присутствовали лишь мужчины.

Сестра Харан Шах рассказывает, что вдова занималась будничными делами, а потом зажгла три свечи и внезапно, не говоря ни слова, куда-то убежала. Почуяв неладное, сестра последовала за ней. Когда она прибежала на площадь, было уже

поздно – вдова бросилась в костер.

Все споры происходили вокруг одних и тех же вопросов: был ли соблюден ритуал «сати»? Или случилось простое самоубийство?

Большинство отвергало бытовые толкования. Сын и братья пытались удержать безутешную вдову, но дух богини Сати, вселившийся в нее, был непобедим. Почти догоревшие дрова – по необъяснимой причине – вновь вспыхнули. Сама праведная супруга, бросаясь в огонь, не колебалась ни минуты.

В Индии так на каждому шагу. Миф и быль, чудо и явь. Для индусов богиня Сати, доблестная супруга бога Шивы, так же реальна, как и крестьянка Харан Шах. История, рассказываемая об этой богине, для них сущая быль.

Сати мечтала, чтобы мужем ее стал Шива. Но ее отец, не примирившись с выбором Сати, отстранил Шиву от жертвоприношения, на котором присутствовали остальные боги. Оскорбленная Сати, не стерпев унижения, бросилась в священный огонь и сгорела. Спустя некоторое время она возродилась в образе Парвати, и, тронутый ее преданностью и красотой, Шива женился на ней. Еще и поныне можно наблюдать деяния Сати-Парвати, когда, овладев душой женщины, она ведет ее на костер. Нет и не было никакой Харан Шах, восходящей на костер. В образе пожилой крестьянки воплотилась богиня Сати.

Но следует прислушаться и к мнениям ученых. Они считают, что обряд сожжения вдов распространен не везде и практикуется не всеми. Он укоренился в основном там, где существует запрет на повторное замужество вдов: например, в штате Раджастхан, а также в некоторых округах штата Уттар-Прадеш. Важно и социальное происхождение женщины. Ведь индийское общество по-прежнему поделено на касты, и не все они поощряют столь жестокое избавление от вдов.

Если вдова откажется от предназначенной ей смерти, то сама жизнь станет ей нестерпимой. Вчитайтесь в правила, которым ей предстоит подчиняться: «Вдова должна снять свои платья и цветные сари и облачиться в рубище. Волосы ей подстригают. Отныне ей не дозволено участвовать в семейных трапезах. Питаться она будет объедками, оставшимися от других домочадцев. Спать ей полагается на земле. Нет к ней снисхождения и за воротами дома. Общество отворачивается от нее».

Итак, вдову, выбравшую жизнь, ждет социальная смерть. Альтернатива этой ничтожной жизни одна, и – с точки зрения индийской женщины – она кажется многообещающей. На небесах сатима даровано высшее блаженство. При повторном рождении

ей посчастливится шагнуть сразу через несколько ступенек инкарнации. Для Харан Шах – неграмотной крестьянки из касты неприкасаемых – это было бы огромным успехом. В следующей жизни она оказалась бы среди кшатриев или вайшья – представителей военной или торговой касты, то есть буквально в шаге от касты брахманов, что считается высшей в индийской иерархии.

Обычай обычаю – рознь. Великий индийский философ Махатма Ганди так высказался об обычае сати: «Если жена намерена доказать свою верность и неизбывную преданность мужу, то пусть и муж доказывает свою верность и неизбывную преданность жене. Но ведь мы никогда не слышали о муже, который взошел бы на погребальный костер жены. Вот почему ясно, что практика сожжения вдов коренится в суевериях, глупости и эгоизме мужчин».

История Харан Шах привлекла внимание многих людей, она показательна для настроения в индийском обществе. Известие о том, что в одной из близлежащих деревень женщина сожгла себя на костре, распространилось по всей округе, словно пожар. Тысячи людей тронулись в путь: они шли с детьми и престарелыми родителями; несли с собой курительные палочки, кокосовые орехи и цветы; твердили мантры, трубили в раковины. На площади, где недавно сгорела женщина, собралась толпа. Вскоре пепел костра и останки обоих супругов скрылись под грудами плодов и цветов. В расстеленный ковер бросали деньги на строительство храма в честь памяти славной жены. Родственники Харан Шах тайком собирают деньги на строительство храма. Когда появится храм, сюда устремятся паломники, чтобы почтить память простой крестьянки Харан Шах, погибшей в пламени погребального костра.

Тхаги-душители

Первое письменное свидетельство об индийских душителях относится к VII веку. Согласно верованиям тхагов, однажды Кали пришлось сражаться с демоном, угрожающим миру. Из каждой капли крови демона, сочившейся из его ран, рождался новый демон. Тогда Кали сотворила двух людей, вручила им по платку, сплетённому в жгут, и люди задушили демона. А богиня выпила всю его кровь и приказала людям убивать в её честь с помощью тех платков. Так и появились тхаги

Кали. Бронзовая статуэтка. XIV в.

В течение столетий этот культ превратился в настоящее маленькое религиозное государство со своими правилами поведения, паролями, условными знаками, жаргоном и суевериями. Словарь и грамматика тхагов впервые были изданы в Калькутте в 1836 г., а также в книге были описаны точно разработанный порядок действий душителей и распределение ролей. Каждая община тхагов имела одного или нескольких предводителей – джемадаров. Они присваивали себе большую часть добычи. Вторым по положению после джемадара был бхутот. Он носил за пазухой скрученный в жгут платок (румал) с петлей на конце. Петля тщательно промасливалась и окроплялась священной водой Ганга. Умению пользоваться румалом обучались все тхаги, но право на это имел только бхутот. Если жертва оказывала сопротивление, на помощь душителю приходили «шамсиасы» – помощники. Они наваливались на несчастного и крепко держали его за руки и ноги.

Сотхи (наводчики) выясняли, кто, когда и откуда отправляется в путь. Жертвами душителей становились богатые купцы, ростовщики, паломники, путешественники и гонцы.

Сигналом к нападению служил жест главаря, молитвенно обращавшего глаза к небу, или крик совы – любимой птицы Кали. Тогда бхутот незаметно подкрадывался к жертве и, улучив подходящий момент, резким движением правой руки набрасывал петлю на шею обреченного. Петля затягивалась медленно, чтобы Кали могла в полной мере насладиться агонией умирающего.

После каждого убийства джемадар произносил короткую молитву и вручал каждому участнику операции по куску «священного» сахара желтого цвета. Душители были убеждены, что тот, кто однажды попробовал его, никогда не изменит своему делу. По всей вероятности, сахар содержал какое-то наркотическое вещество.

Здесь же на месте делили добычу. Могильщики снимали с убитых одежду и, сделав на трупах несколько глубоких надрезов, чтобы Кали было удобнее пить кровь, быстро зарывали тела ограбленных. Когда грунт попадался твердый, могилу рыли неглубокую и в грудь убитого вбивали деревянный кол, удерживавший тело на дне ямы. Могилу закидывали камнями, и дикие звери уже не могли ее раскопать.

У тхагов было немало тайных покровителей. Услугами душителей не гнушались пользоваться владетельные раджи, а также высокопоставленные правительственные чины. Захваченную ими добычу охотно скупали ростовщики. Часть награбленного тхаги непременно приносили к алтарю одного из

храмов Кали.

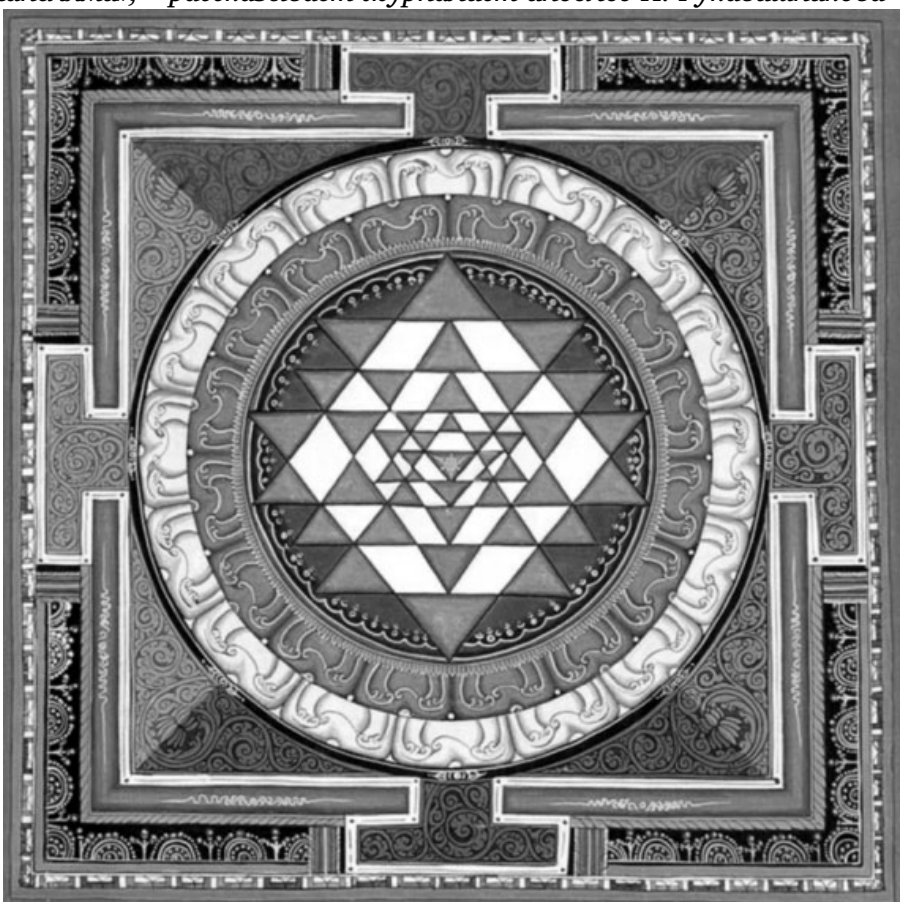
Деятельность душителей вызывала растущее недовольство в Индии. В 1812 г. на дорогах Индии бесследно исчезли почти 40 тыс. человек. Колониальные власти были вынуждены предпринять против тхагов несколько крупномасштабных карательных экспедиций.

Только в 1831–1837 гг. были обнаружены и захвачены более трех тысяч душителей. Почти каждый из них сознался в убийстве, а тхаг по имени Бухрам заявил, что собственноручно удавил 931 человека. За свою жизнь тхаг успевал отправить на тот свет в среднем две-три сотни людей. Известно, что последний тхаг был повешен в пенджабской тюрьме в 1882 г.

(По материалам В. Кашина)

Что могут тантрики?

«Поезд прибыл на станцию Рампурхат. Шесть миль на автобусе до деревни Тарапитх пролетели незаметно. Здесь находится храм, посвященный местной богине Таре. Он был построен из кирпича в стиле атчала в начале прошлого века – с двухъярусной четырехскатной кровлей и терракотовыми панелями», – рассказывает журналист-индолог Н. Рукавишникова



Одна из тантрических янтр

В очереди у входа в храм стояло много молодых пар с детьми. В руках они держали кулечки с подношениями богине. Когда я вошла в небольшое помещение, сразу увидела ее статую, укутанную в теплую одежду. Лицо металлическое, его нижняя часть и высунутый язык покрыты красной краской. Это говорило о том, что богиня в качестве приношения принимает кровь. Когда-то к ее ногам ставили глиняный сосуд с человеческой кровью,

который теперь наполняют только козьей. Люди просят богиню исполнить их желания.

На деревенском кладбище у меня произошла интересная встреча. Среди могил я заметила несколько надгробий, на одном из них сидел пожилой мужчина. От всей его сухой фигуры с длинной седой бородой, лежащей на груди, веяло спокойствием, полнейшей отрешенностью от житейской суеты.

– Вы тантрик? – спросила я на хинди.

– Пока еще садхака – ученик. Пять лет назад, когда у меня умерла жена, я решил стать садхакой. И кое-чего уже добился.

«Тантризм – это секта, сохранившая сильную связь с древней магией», – сообщает Большая советская энциклопедия. По определению современного востоковеда Алана Мориниса, тантризм есть «эзотерическое течение в философии и культовой практике индусов, ритуалы которых держатся в тайне, так как некоторые из процедур сомнительны с точки зрения общепринятой морали».

– А что умеют тантрики вообще? Какие способности развить в себе они в состоянии?

– Люди, идущие по пути тантрической садханы – религиозного подвижничества, стремятся достичь восьми сиддхи – оккультных целей. Тантрик способен входить в тело мертвого человека и оживлять его. Он может принимать такие огромные размеры, что даже Вселенная оказывается внутри него. Ему по силам сделать свое тело легким, как воздух, парить в нем, преодолевать огромные расстояния. Или, наоборот, тяжелым, и тело станет подобным горе. Может добиваться во всем успеха, предсказывать будущее, понимать незнакомый язык, читать чужие мысли и сохранить вечную молодость, даже подчинить своему контролю все живое на земле.

– В такое трудно поверить! – сказала я, хотя в литературе читала об этом не раз. – А что самое простое, чего они могут достичь?

– Сидя в закрытом помещении или на берегу реки, тантрик может слышать божественную музыку, которую, кроме него, никто не слышит, вдыхать аромат цветов, который никто, кроме него, не ощутит, испытать чувство блаженства, решать житейские проблемы без напряжения, преодолевать козни врагов, – ответил старик.

– А что необходимо сделать, чтобы стать садхакой?

– Прежде всего – найти учителя. Гуру подберет для вас нужную мантру. Это вроде заклинания, но точно слово перевести нельзя. Мантра – одно или несколько священных слов. Некоторые мантры дают человеку необычайные способности, другие – власть

и богатство, но приводят к душевному опустошению.

– Допустим, я нашла учителя, он дал мне соответствующую моему характеру и наклонностям мантру. Что дальше?

– Он обучит вас приемам йогов, – старик отвечал охотно, мои вопросы его не раздражали.

При помощи йогических приемов можно отключить разум и прекратить поток мысли. Пути его достижения заключены в восьмиричном методе, включающем «яму» (воздержание), «нияму» (соблюдение правил), «асану«(положение тела), «пранаяму» (регулирование дыхания), «пратьяхару» (удаление чувств), «дхъяну» (фиксирование внимания), «дхарану» (созерцание) и «самадхи» (сосредоточенность). Последние стадии йоги требуют большой физической выносливости, поэтому йогами разработана система упражнений (хатха-йога), которые способствуют укреплению здоровья, приостанавливают процессы старения организма.

– А чему уделяют особое внимание тантрики? – спросила я старика.

– Самим себе. Еще древние индийцы пришли к выводу, что человек (микрокосм) и Вселенная (макрокосм) тесно связаны между собой. Вселенная – это отражение человеческого тела, в ней те же закономерности, что и в организме человека. Чего нет в теле, того нет во Вселенной.

Современные западные ученые называют такие центры биологически активными зонами, энергетическими точками. С каждой из них связаны определенные физиологические функции, органы, железы, нервные сплетения, отделы спинного мозга. Современные исследователи считают, что система чакр – это автопилот, с помощью которого люди двигаются по жизни, или биокомпьютер, которым пользуются йоги, чтобы получить более полную картину мира и своего тела. Они могут воздействовать на него и управлять физиологическими процессами. По представлениям тантриков, в основании туловища лежит сотворившая мир сила Кундалини. Тантрики представляют ее себе в виде спящей змеи.

О Кундалини старик сказал, что сила ее жара равна 10 миллионам солнц. Пробужденная посредством йогических приемов, Кундалини восходит вверх от чакры к чакре, растворяя их в себе. Когда Кундалини поднимается, все тело поет. Таким образом, человек освобождается от цепей явленного мира и приобретает подлинную свободу. Мне было интересно узнать, какова роль в садхане тантрических янтр (диаграмм), фотографии которых я встречала неоднократно.

– Очень важная, – ответил старик. – На взгляд европейца –

это абстрактная живопись кистью на холсте, или изображение геометрических фигур резцом на металлической пластинке, или скульптура. Для тантриков же – это предмет, в котором сконцентрирована энергия. Янтры тоже служат объектом фиксирования внимания.

Исследователи тантризма пишут, что Брахма, или Абсолют, или Всемирная душа, или Истина, – это та неизвестная космическая сила, к соединению с которой стремится тантрик. При этом он испытывает состояние экстаза, которое описать, наверное, невозможно. Пережившие такое состояние люди говорили, что в этот момент нарушается связь с внешним миром, возникает чувство «божественного безумия», блаженства, свободы. Верующие полагают, что в состоянии транса человек общается с богом. Тантрики же утверждают, что каждая душа потенциально божественна, видения и гласы божьи рассматриваются в тантризме как обнаружение, проявление творческого духа человека.

Ученые сообщают также, что тантрики бывают «дакшиначари» (идущие направо) и «вамачари» (идущие налево). Между йогами и «дакшиначари» нет существенной разницы в садхане. Но если старик сидит на кладбище, значит, он «левый»? В ответ на мой вопрос старик лишь молча кивнул.

– Скажите, – все-таки решилась я задать старику еще один вопрос, – почему тантрики живут на кладбище?

– Садхака обязан совершить ряд ритуалов на восьми различных кладбищах. Он должен постичь, осознать ту грань, что отделяет жизнь от смерти. Здесь лучше медитировать (так западная литература называет йогические приемы) на Махадеви (Великую богиню) и десять ее воплощений. Тара – второе воплощение Махадеви, поэтому здесь, в Тарапитхе, что значит «святое место богини Тары», в определенные дни собираются тантрики и садхаки со всех концов Индии. Настоящих тантриков сегодня тут мало.

Садхака в своем тантрическом обучении проходит и через практику «оживления» трупа, который выкапывают из могилы. Труп может быть любого пола, но обязательно из низкой касты, желательно убитый молнией, или умерший от укуса змеи, или утопленник, а лучше всего воин, павший в бою. Нельзя брать труп человека, умершего от эпидемии, тяжелой болезни, двухлетнего мальчика, прокаженного, слишком старого. Труп должен пролежать в земле после смерти не более семи дней. Как сообщают письменные и многочисленные устные описания этого страшного ритуала, садхака садится на грудь трупа, а гуру в это время произносит нужные заклинания и оживляет мертвое тело.

По свидетельствам очевидцев, труп начинает подниматься и открывает глаза, взгляд его лишен осмысленности. Двигаясь как манекен или кукла, он стремится уйти от садхаки. После окончания ритуала труп или расчленяют, или сжигают, чтобы никто другой им не воспользовался. Некоторым смельчакам, как мне рассказывали бенгальцы, удалось в результате этой процедуры обрести ясновидение.

– И труп на самом деле поднимается? – затаив дыхание, торопливо произнесла я.

– Поднимается. Даже может возникнуть борьба. Поэтому желательно брать труп женщины или слабого мужчины. Садхака должен быть сильнее трупа.

О таком ритуале в Тибете писала известная французская путешественница тибетолог Александра Давид-Неэль. Многочисленные свидетельства этого обряда рассыпаны по многим книгам, посвященным шаманству. Можно вспомнить практику «зомби» на Гаити и оживление умерших в Бенине…

Русско-индийская одиссея

Наши следы в индуизме

Люди в старину привыкали прежде всего бояться своих духов, даже милостивых, так как отсутствие божьих милостей, по сути дела, равнялось насылаемым несчастьям. Поэтому отказаться от молитв и жертвоприношений, прекратить почитание богов и навлечь этим на себя их гнев было слишком рискованно. И боги шли вместе с людьми по всем путям их кочевий. Что же из древнейших верований тех индоевропейцев, что были предками славян, взяли с собою предки индоариев?

Кришна, Радха и гопи празднуют Холи. Индийская миниатюра

Об этом можно судить, сопоставляя богов, доживших у славян до эпохи христианства, и богов древнеиндийского арийского пантеона. Об этом можно судить по тем описаниям и упоминаниям, которые содержатся в «Ригведе» и других «Ведах».

Известно, что некоторые боги ведического пантеона, пройдя длинный путь изменений и развития в условиях Индии, дожили до наших дней в своих именах, а в приписываемых им функциях донесли до нас отпечатки глубокой старины (некоторых вытеснили боги местного доарийского населения, и они постепенно забылись народом Индии).

«Бог». «Небо». «Небеса». Это понятия, которые издревле воспринимаются людьми во взаимной связи. «Бхага». «Набха». «Набхіса». Это те же слова на санскрите. С тем же значением, с тем же смыслом и почти с тем же звучанием.

В науке высказывались предположения, что и имя славянского бога Сварога сопоставимо с другим, санскритским названием неба – «сварга». Возможно, что и имена других богов пантеона Владимира, или Киевского пантеона, могут быть найдены в этом языке. Обратимся к некоторым примерам, хотя бы в порядке предположения.

Был у наших предков бог Перун, повелитель грозы и громов, бог небесных явлений, тот, которого Владимир велел поставить «вне двора теремного», над Днепром, на вершине холма, и которого затем, в дни крещения Руси, волоком поволокли вниз и ввергли в воды реки. Кто знает, сколько времени поклонялись ему предки славян до того, как он стал упоминаться в летописях. Но в «Ведах» описывается бог Варуна (произносится и Варун), тоже владыка неба, а также небесных и земных вод, брат огня. Его считают и хранителем западных областей Земли – не значит ли все это, что, возможно, оттуда он пришел с арьями в Индию, что там, на далекой прародине арийских племен, он и Перун были некогда одним божеством и назывались одинаково? И хочется вспомнить о том, что в болгарском и сербском языках есть мужское имя Парун и женское Паруна. Очень слабо исследован вопрос этих древнейших связей.

А имя славянского Стрибога, которого считали богом ветра, атмосферных явлений и открытых пространств, имеет корень «стри», означающий на санскрите «простирать», «распространять», «расширять». От этого же корня с приставкой «пра» образуется в санскрите и слово «прастара» (в переводе на русский язык «простор»).

Бога солнца славяне одаривали разными именами: Купала, Ярило, Хорс. Обращаясь к индоарийским языкам, мы встречаемся

с такими возможностями истолкования значения этих имен.

Купала. Праздник его у славян приходится на день летнего солнцеворота. Его имя соотносится с санскритским корнем «куп» – «светить, сиять» – и является именем солнца.

В основе имени «Ярило(а)» лежит корень «яр», который в ряде индоарийских языков и сегодня образует слова, означающие ярость, страстность, любовное исступление или горение. Все эти понятия без труда тоже связываются в нашем сознании с образом солнца, особенно весеннего солнца, и с представлениями, роднящими страсть с яростью и яркостью. Имя-эпитет Ярило является одним из самых впечатляющих и поэтических имен солнца в наших народных песнях и преданиях.

И много таких поразительных аналогий в древнем (и современном) русском языке и санскрите (как и современных индоарийских языках).

Итак, в санскрите и древнеиндийских мифах мы находим то отзвуки имен многих и многих персонажей древнерусского язычества, то сходные описания их облика и деяний, то предания о том, как они, придя на индийскую землю, вступали в бой с местными богами, иногда побеждая их, а иногда отступая перед их силой.

Книга о язычестве славян – это общинная повесть, которая читается с неослабевающим интересом. Но мало написано о сходстве религий арийских и славянско-языческих.

Попытки сравнивать это язычество с религией арьев делались уже с начала XIX века, и русские ученые нашли много черт, позволяющих с полным правом проводить такие сопоставления. Возьмем, к примеру, праздники. И даже хотя бы один из них – переход весны в лето. Это особенно яркие даты в календарях многих народов, но славяне и арьи (как и в современной Индии) отмечают его в такой манере, которая сближает оба этих этнических массива как память о давних, вероятно, крайне близких или сходных (если не общих) обычаях.

Этот древнейший праздник весны вошел в христианство как Пасха, а с ним вошли и ритуалы многотысячелетней давности, магические ритуалы, призванные влиять прежде всего на плодородие, на размножение людей и скота, на цветение природы, которая к осени одарит людей урожаем плодов и злаков.

Как готовятся на наших землях к празднику Пасхи – известно всем. Прежде всего красят куриные яйца (преимущественно в красный цвет) и в Светлый день дарят их другу с наилучшими пожеланиями, в которых хранятся следы древних жизненно важных заклинаний. Издревле принято готовить праздничную еду

– сдобные выпечки (символ урожая зерновых) и сладкие блюда из молочных продуктов (символ плодоносности скота). Все поздравляют друг друга, веселятся, ходят в гости.

А что в Индии? Есть ли сходство в обычаях, которые складывались на землях близких или общих у наших прапрапредков? Да, в Индии тоже отмечают сходный праздник, именуемый Холи. Это веселый День Весны, в который, как уже сказано выше, без меры и счета используют краски. И прежде всего красную. Но не куриные яйца подвергаются окрашиванию, а сами люди.

И нигде больше на этих землях между «нами и ними» нет такого способа проведения праздника весны.

Примеров сходства или даже одинаковости обычаев и ритуалов у славян и арьев много, и этому надо посвятить отдельную работу, так как писали об этом слишком мало.

Читатель спросит – ну а боги? Тут-то что-нибудь общее есть? Да, есть, и немало.

Придя в Индию, арии смешивались там с местными племенами, воспринимая их культы, создав огромный совместный круг богов новой обобщенной религии – индуизма и так называемую ведическую культуру. Но не затерялись в их числе принесенные с собою древние боги, а скорее наоборот: многие из них заняли в пантеоне ведущие места.

И это были боги – мужчины, в отличие от богинь, царивших во многих культах народов Индии доарийского периода. И в этом ряду богов мы ищем и находим языческих славянских богов или четкие их следы, как уже описано выше.

В круг языческих богов, доживших до христианства, в так называемый пантеон князя Владимира, или Киевский пантеон, входили божества, имена которых тоже можно разъяснять или даже расшифровывать через санскрит, вероятно, близкие славянам арьи знали и этих богов.

А вот и еще одна возможная ниточка связи: язычники поклонялись некоему божеству под именем Мокошь. Многие пытались разъяснить его, но каждый по-своему, и даже пол этого объекта почитания до сих пор не установлен. А если и тут начнем искать общие корни или сближающие аналоги, то найдем в санскрите корень «муч, моч, мок» – мочить, мокнуть, истекать. В древнеиндийской религиозной философии есть и такое понятие, как «мокша» – истекание души из тела, освобождение ее от плоти. Этот термин определяет смерть. Мокошь – не было ли это божество, символизирующее смерть или, может быть, даже насылающее ее? И не его (ее) ли молили об отвращении гнева, принося ему (ей) жертвы в стремлении сохранить жизнь?

В завершение этих сопоставлений, необходимость углубления и продления которых давно назрела, вспомним еще лишь один пример. Мы знаем, что капищем назывались у славян места поклонения идолам, а вот как назывался сам идол – не знаем. Заглянув в санскритские словари, встретим там слово «капа», означающее «группу богов». Нам думается, что напрашивающееся сравнение даже не потребует глубокого аналитического разбора и разъяснения…

Будда в Успенском соборе

Кто из нас не любовался фресками Успенского собора Кремля, многоцветным ковром, покрывающим стены, колонны, своды?.. Вот только времени никогда не хватает, чтобы разобраться в огромном пантеоне христианских святых

Успенский собор Московского Кремля

Одних знают все, других – лишь большие знатоки, скажем, епископа Лампсакийского Парфёна или Иоанна Кущника. А есть и вовсе непонятные. Уже более пяти веков (с 1481 г., когда собор расписывали лучшие мастера московской школы во главе с великим Дионисием) бытует на алтарной преграде изображение загадочного индийского царевича Иоасафа и его духовного отца Варлаама. И не знают проскакивающие мимо, вечно спешащие посетители, что эти две фигуры хранят удивительную тайну. Ибо настоящее имя царевича – Сиддхартха Гаутама. Тот самый, которому суждено было задолго до пришествия Христа стать основателем одного из старейших на Земле религиозных учений – буддизма. Вот так – ни много, ни мало: изображение Будды в главном соборе Древней Руси!

…Когда знаменитый венецианский (или хорватский?) путешественник Марко Поло после многолетних скитаний по

Азии вернулся домой, он привез с собой легенды о Будде и его деяниях. И был изрядно удивлён, обнаружив, что они давным-давно известны в Европе. Но в виде христианского жития, где индийский принц Сиддхартха, будущий Будда, превратился в царевича Иоасафа и под этим именем был занесён в святцы почти всех западных и восточных церквей.

В далёкой индийской стране, гласит житие, правил некогда могучий царь Авенир, ярый преследователь христиан. Даже его любимый царедворец Варлаам, принявший новую веру, вынужден был бежать в пустынь. Когда у Авенира родился сын, 60 мудрецов, собранных к колыбели, предрекли ему богатство и славу, но самый мудрый добавил: да, он будет велик и славен, но в ином царстве – христианском. И тогда царь спрятал сына в замке, изолированном от мира, где тот жил долгие годы счастливо и беспечно со своими сверстниками. Но однажды Иоасаф случайно вышел из ворот и увидел обезображенного проказой нищего, затем дряхлого старика и похороны. Так он узнал, что всех людей подстерегают болезни, старость и смерть.

Потрясённый несовершенством мира, принц впал в меланхолию. Однако аскет Варлаам по наитию свыше в своей далёкой келье узнал о трагедии принца и, переодевшись торговцем драгоценными камнями, поспешил в столицу и проник во дворец. Там он вёл с Иоасафом долгие беседы и указал ему путь к спасению: принц принял христианство. Авенир пытался вернуть сына в язычество: устраивал религиозные диспуты, подсылал к сыну прекрасных дев. Но Иоасаф выдержал все испытания. Через некоторое время он сам стал царем, правил мудро и милостиво, но, несмотря на просьбы народа, оставил трон и удалился в пустынь, чтобы рядом со своим учителем – старцем Варлаамом предаться подвигам самоотречения. В первоначальном буддийском варианте принц Сиддхартха после скитаний по свету садится под дерево в глухом лесу и после 48 дней и ночей бдения и борьбы с соблазнами достигает духовного совершенства и становится Буддой (Просветлённым).

Первый известный нам христианский вариант легенды – это грузинская рукопись начала VII в. «Мудрость Балавара», хранящаяся в одном из монастырей Синая. Грузинские монахи путешествовали по всему Востоку, жили в Палестине, Сирии, на Афоне, и где-то в их среде была впервые письменно зафиксирована переделка жития Будды в христианском духе.

Далее пути легенды приводят нас в Грецию, на гору Афон, в Иверский (т. е. грузинский) монастырь. В XI в. игуменом его был Евфимий Ивер, образованный книжник, знаток византийской житийной литературы. Сегодня все исследователи сходятся во

мнении, что именно он впервые перевёл «Мудрость Балавара» с грузинского на греческий язык. И не просто перевёл, а создал новое произведение. Этому тексту и суждено было стать родоначальником всех последующих. Рядом с грузинским соседствовал на Афоне бенедиктинский монастырь, и итальянцы поддерживали с грузинами дружеские отношения, даже жили в их общине. Немудрено, что они одними из первых обрели греческую рукопись, известно даже имя грузинского монаха, передавшего её бенедиктинцам, – Лео. Первый латинский перевод был сделан в 1048 г. и через несколько столетий включен в знаменитый житийный сборник «Золотая легенда» Якопо да Варацци (начало XIV в.). А потом пошли переводы на сирийский, коптский, армянский, вновь на грузинский, даже на арабский…

На Руси повесть о Варлааме и Иоасафе стала известна немного позже, чем в Италии.

Надо сказать, что и до того, как был сделан перевод всего сказания, древнерусские книжники включали в свои рукописи так называемые «притчи Варлаамовы», те, что рассказывал старец принцу, склоняя его к христианству. Это небольшие занимательные новеллы: о лучнике и соловье, о неверных друзьях, есть даже вариант арабской сказки из «Тысячи и одной ночи» о калифе на час. Одну из них – о человеке, преследуемом единорогом, использовал в своей «Исповеди» Лев Толстой.

(По материалам О. Торчинского, журнал «Восточная коллекция»)

Афанасий Никитин – агент князя тверского?

5 ноября 1472 г. на берегу Черного моря, в городе Кафа – теперь мы зовем его Феодосией – появляется загадочный странник. Прибыл он издалека, называет себя – купец Ходжа Юсуф Хоросани, а по-русски говорит чисто. Да и сам – вылитый русич, только смуглый от загара. Какие товары привез он, да и привез ли, мы не знаем. Только точно известно – самое дорогое, что есть у него, – листки с таинственными записями. Прячет он листки эти, где русские слова идут вперемежку со словами чужими, понятными лишь ему одному

Памятник Афанасию Никитину в Твери

Долгий путь предстоит еще страннику – Орду пройти, Литву, Московию, и пройти так, чтобы не проведал никто. И продолжает он вести свои записи, и в них уже чувствуется тревога.

Больной, измученный тяготами и лишениями, добирается он до смоленских земель. Последние записи его – словно в бреду: «Альбасату альхафизу альраффию альманифу альмузило альсению альвасирю…»

Неожиданная смерть обрывает путь этого загадочного странника. Но… болезнь ли на то судила? Не погиб ли –

отравлен-опоен вражеской рукой? Но точно известно, что его сокровища, эти таинственные листки, кто-то срочно доставил в Москву, дьяку Василию Мамыреву, ведавшему казной всего государства и, возможно, секретным сыском. Советнику самого великого князя и государя всея Руси Ивана Третьего. Десятилетия оставались эти листки потаенными, и только потом, по счастливой случайности, обнаружили их монахи Троице-Сергиева монастыря и внесли в летописи как важное государственное событие. А потом – три с половиной века – молчание.

Только в начале XIX в. наш великий писатель и историк Николай Михайлович Карамзин обнаружил эти записи в древлехранилище Троице-Сергиевого монастыря. Прочитал и был поражен: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описаний европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века… В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара…»

Благодаря Карамзину и трудам историков последующих лет «Хождение» Афанасия Никитина стало известно всему миру. «Хождение» в Индию за двадцать лет до плавания Колумба, за тридцать с лишним лет до открытий Васко да Гамы! И каким языком написанное – живым, взволнованным, страстным.

И все-таки… «Хождение за три моря» – документ во многом запутанный, странный, полный загадок. Попытаемся их разгадать…

Удивительно, но мы не знаем, какова фамилия купца Афанасия. Тверитянин Афанасий Никитич – вот только что мы и знаем о нем. Фамилия – неизвестна.

Далее. Читаем его записки: «Свещахся с индеяны пойти к Первоти, то их Ерусалим, а по бесерменьскыи мягъкат деих бутхана».

То есть собрался с индусами пойти к их священному месту, и тут же Афанасий дает перевод на «басурманский» язык. Купец, владеющий чужим, почти неизвестным на Руси языком и, как увидим дальше, свободно на нем разговаривающий.

А на каком языке он ведет свои записи? На русском. Но тут же, рядом с русскими словами, он пишет: «В Индее же как пачек-тур, а учюзе-дер; сикишь иларсень ики шитель; акечаны иля атырсень – атле жетель бер; булера дос-тор; акулъкараваш учюз; чар фуна хуб…» и так далее.

Что за тарабарщина, выведенная кириллицей? Условный язык? Шифр, понятный ему одному?

Как считают ученые, текст «Хождения» вобрал в себя

множество персидских, арабских, татарских, староузбекских слов и целых фраз. Это так называемый «тайный язык хорезмийских купцов». Вот им-то и зашифровывает часто Афанасий свои записи. Для чего?

Он знаком с тонкостями различных вероисповеданий, его постоянно волнуют вопросы веры. «И среди вер молю я Бога, чтобы он хранил меня…»[2]. Он прекрасно разбирается в христианском и мусульманском календарях.

А с какой точностью отмечает он свой путь! Простой купец, каким мы его представляли, а знает все пути, все преграды, разбирается в сложных политических событиях.

В дорогу он берет много книг и часто сожалеет об их утрате. «Со мной нет ничего, никакой книги, а книги мы взяли с собой из Руси, но когда меня пограбили, то захватили и их».

Так вот какой странник отправился в путь! И тут сразу же возникает другая загадка – а по своей ли воле, по своим ли делам отправился в неведомые земли тверитянин Афанасий?..

«Охранную грамоту» Афанасий Никитич получил от самого великого князя тверского, который ведет тайную войну за престол с великим князем московским и государем всея Руси Иваном Васильевичем.

Такая милость просто немыслима даже для знатного купца! И знали люди дьяка Мамырева – не простой купец идет в чужие земли – посланник Твери плывет вниз по Волге.

Итак, пользуясь текстом «Хождения за три моря» – записями самого Афанасия Никитича, используя источники исторические, мы предлагаем следующую версию: загадочный странник Афанасий – посланник великого князя тверского Михаила Борисовича, правящей знати и духовенства; ему обеспечен свободный проезд по дружественным землям; в случае беды он должен добраться до хоросанских земель, получить там поддержку и отправиться в далекую таинственную Индию.

И здесь мы подходим к главной загадке: с какой целью послан Тверью в Индию Афанасий Никитич?..

Вот она, эта запись в листках Афанасия: «И пошел я в Коилконду, где базар весьма большой».

И нет больше сомнений – «напутствие нерушимое» ведет Афанасия в ту землю, где находятся алмазные копи таинственной Голконды.

Все знаменитые алмазы Индии – «Кох-и-Нор», «Шах-Акбар», «Тадж-е-Мах» были добыты в копях Голконды.

Алмазы Голконды! – вот что больше всего интересует Афанасия Никитича в Индии.

Так или иначе, везет ли Афанасий в Тверь камни или не

везет, но он все выведал о них. Наказ великого князя он выполнил. И листки его теперь самое драгоценное, что у него есть.

Зачем же понадобились великому тверскому князю Михаилу Борисовичу алмазы Индии? Украсить княжеские регалии? Приумножить казну? Или какие-то важные исторические события вынудили отправить за три моря секретную миссию?

Защитить себя от Московии? Нужно большое войско. Нужны большие средства. Вот тогда-то, в разгар тайных политических интриг, и посылает великий князь тверской в далекую Индию, страну несметных сокровищ, своего верного человека, снабдив его охранными грамотами.

Великому князю Михаилу Борисовичу нужны алмазы Индии, чтобы вооружить войско тверское, чтобы вести войну с великим князем московским за престол.

Весной 1472 г., после шести лет странствий, приходит Афанасий в порт Ормуз, а к осени, к октябрю, без особых приключений добирается до Трапезунда на южном побережье Черного моря.

«Долго ветер встречал нас злой и долго не давал нам по морю идти… Божией милостью пришел я в Кафу». Все моря далекие, все страны неведомые остались позади. И обрываются записки странника словами: «Остальное Бог знает, Бог ведает…»

И вот тут возникают новые загадки. Каким путем возвращался в родную Тверь Афанасий Никитич? Почему перестал вести записи? Вез ли он «товар»? Не посланы ли были люди самим дьяком Мамыревым? Не следил ли кто за ним? Умер ли он своею смертью?

Может быть, вместе с записками Афанасия был передан в государственную казну и «индийский товар»?

От послов хоросанских знали тверские князья о путях в Индию, о ее несметных богатствах. Но до сих пор остается для нас Афанасий Никитич загадочным странником. А что же сталось с пославшим его в далекий путь великим князем? С родной его Тверью? Обратимся снова к «Истории государства Российского» Карамзина.

«Иоанн в уме своем решил ее (Твери) судьбу… Сентября 8-го (1485) осадил Михайлову столицу и зажег предместье. Чрез два дня явились к нему все тайные его доброжелатели, тверские Князья и Бояре, оставив Государя своего в несчастии. Михаил видел необходимость или спасаться бегством или отдаться в руки Иоанну; решился на первое, и ночью ушел в Литву…

Война Москвы и Твери – лишь малый эпизод в многовековой истории государства Российского, и «особое поручение» князя

тверского вряд ли изменило бы ее ход.

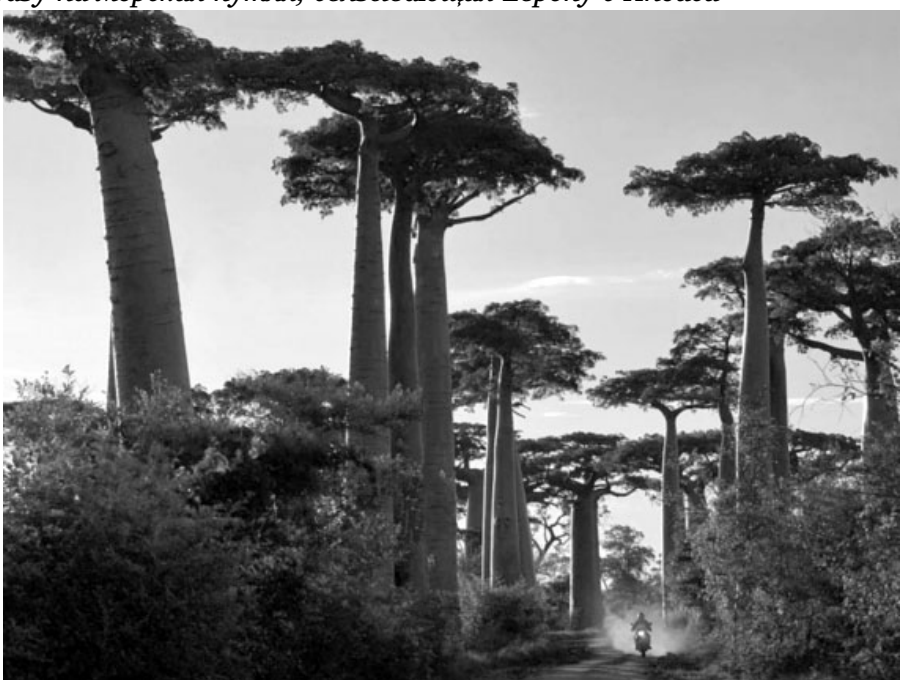
Но поиски путей в Индию дали начало новому времени – эпохе Великих географических открытий. И в ряду первооткрывателей – Колумба, Васко да Гамы, Магеллана – имя человека, прошедшего полмира пешком, прошедшего три моря на утлой таве – Афанасия Никитина сына Тверитина.

(По материалам Дм. Демина)

«Вокруг» Африки – к Индии

В 1500 году эскадра Диего Диаша открыла в Индийском океане гигантский остров Мадагаскар. Его соотечественники португальцы в те времена бредили сокровищами Индии и не проявили интерес к его открытию, зато им заинтересовались в Париже.

Большой остров был переименован в остров Дофина и объявлен собственностью французской короны, затем французы начали превращать новую колонию в тропическую плантацию и базу на морских путях, связывающих Европу с Индией



На острове Мадагаскар

В конце 1723 г. царь Пётр I узнал, что на Мадагаскаре существует пиратское королевство. Автором сенсации был вицеадмирал Вильстер. Бывший шведский подданный, эстонец по национальности, он объявился в Ревеле и заявил, что не является врагом России и имеет важное государственное дело к её царю. Аудиенцию у Петра I он получил, после чего в Ревеле началась срочная подготовка к какому-то сверхсекретному путешествию. Лишь крайне ограниченный круг лиц знал тогда, зачем и под чьим командованием фрегаты «Амстердам Галлей» и «Кронделивде» выйдут в море. В начале декабря того же года оба корабля подняли якоря и покинули Ревель. Однако штормовые повреждения, полученные в районе балтийских проливов,

заставили их вернуться. Экспедиция была сначала отложена, а затем и вовсе отменена.

Губернатор Мадагаскара Морган решил обратиться к шведам. В Стокгольме сложилось впечатление, что на Мадагаскаре есть соотечественники, которые могут быть опорой в деле освоения острова. А тут ещё Морган заявил, что европейские пираты на Мадагаскаре и тамошние аборигены желают стать шведскими подданными. Всё это сочеталось с обещаниями сказочных прибылей, и неудивительно, что королевские министры не устояли перед соблазном.

Общее руководство всем предприятием возлагалось на капитана-командора шведского флота Карла Ульриха.

Специальная секретная инструкция предписывала ему организацию чёткого взаимодействия с эскадрой Моргана, а так как последний находился в Лондоне, то Ульрих должен был отправиться туда инкогнито для установления негласного контакта с английским пиратом. Затем ему надлежало следовать на Мадагаскар для создания там колонии и приведения в шведское подданство тамошнего населения.

Таким образом, в прожекте, адресованном Петру I, имела место мистификация, и автором её был, очевидно, Вильстер. Во всяком случае, то, что он предлагал россиянам, являлось вариантом прожекта, предложенного шведам от лица Моргана.

Надо сказать, что Пётр заинтересовался прожектом Вильстера, в частности, он пожелал ознакомиться с деталями шведской экспедиции на Мадагаскар. Ознакомившись с её содержанием, он принял решение отправить в Индийский океан экспедицию, однако круг её задач был расширен.

Вильстер должен был следовать из Мадагаскара в Индию (в Бенгалию), дабы передать послание Петра Великому Моголу, а также договориться об установлении дипломатических и торговых отношений между Индией и Россией.

Ясно, что Пётр I планировал экспедицию в Индийский океан не для колониальных захватов, а для расширения дипломатических и экономических контактов своей державы со странами Востока. А для того, чтобы европейские недруги не ставили препоны задуманному, царь принял меры по обеспечению секретности.

Когда эскадра Вильстера вернулась в Ревель, царь был огорчён, но от своего решения не отказался. Корабли экспедиции по просьбе Вильстера были заменены фрегатами «Принц Евгений» и «Крюйсер». Однако в навигации 1724 г. они плавали уже совершенно с другими целями, т. е. экспедиция была отменена.

Чем же объясняются причины отказа от экспедиции в

Индийский океан?

Видимо, для русского флота в Петровскую эпоху подобный вояж был слишком сложен: Россия не имела необходимых для этого людей и кораблей.

Истинные препятствия заключались в другом. Начнём с того, что на Мадагаскаре в то время не существовало никакого государства, а тем более короля из европейцев.

Наконец, всякое проникновение русских купцов на Мадагаскар вызвало бы противодействие европейских колониальных держав, прежде всего Франции.

Вернёмся к идее Петра I наладить политико-экономические контакты России с Индией. Попытка реализовать такой замысел встретила бы активное противодействие со стороны правящих кругов Лондона, Парижа, Лиссабона. Более того, есть основания предполагать, что дело могло дойти до применения оружия. Добавьте к этому пиратов различных рас и национальностей, европейскую конкуренцию на индийские рынки, а также непомерные транспортные расходы, и бесперспективность морской русско-индийской торговли станет очевидной. Как видим, замысел экспедиции был нереален с политической и экономической точек зрения. И Пётр I со временем осознал это. В немалой степени изменению царских планов способствовала информация, полученная из зарубежных источников. Так, в 1724 г. в Ревеле объявился вышеупомянутый командор Ульрих (как и Вильстер, он решил сменить подданство). О своей службе под шведскими знаменами командор рассказал весьма подробно. Поведал он, в частности, об экспедиции на Мадагаскар в 1722 г. и об её бесславном завершении.

Судя по всему, рассказ Ульриха повлиял на решение Петра I.

Индийцы в Астрахани

Некогда Индийская улица в Астрахани завораживала местных жителей, погружая их в незнакомый мир, наполненный ароматом благовоний и пряностей, шелками, золотом, драгоценными камнями… Индийцы, вспыльчивые и гомонящие, их жёны-татарки в дорогих сари, позвякивающие браслетами и так похожие на индианок… Были здесь и армяне, и персы, но индийцы, создавшие свой микромир, свою маленькую Вселенную на чужбине, привлекали больше остальных

Астрахань. Гравюра XVII в.

О времени появления индийцев в Астрахани нет единой точки зрения. В специализированной литературе чаще всего можно встретить дату 1615–1616 гг. Однако есть и другое мнение: это событие надо отнести к 60-м годам XVI в. Так или иначе, взамен деревянных торговых рядов, существовавших ещё в XVI в., в 1625 г. «персияне, армяне и индийцы построили… гостиные дворы: армянские, персидские и индийские каменные по обряду азиатскому, неподалёку от Спасского монастыря», сообщает Ключарёвская летопись. Гостиные дворы находились на территории Белого города.

Российское правительство всячески поощряло приезд восточных купцов в Россию, создавая для них благоприятные условия.

Индийцы поселились в Астрахани основательно. Они платили самый маленький оброк – 12 рублей в год с каждой лавки, были

освобождены от других податей и каких-либо повинностей.

Везли товар из Персии, Бухары, Индии: шелк, хлопчатобумажные ткани, меха, медь, кожи, ковры, шерсть, драгоценные камни, фрукты, вина, ладан, золото и серебро. Индийцы торговали не только в Астрахани, но и в других городах России. А из Москвы, Ярославля, Казани они везли товар на Восток.

Успеху в торговле во многом способствовала сплочённость, изворотливость и коммерческая жилка индийцев. В их руках было сосредоточено более половины торговых точек Астрахани, которые представляли собой единое предприятие. Некоторые занимались ростовщичеством. Однако по состоянию на 1746 г. из 76 индийцев ростовщиков было только двое. 60 индийцев занимались купечеством, 12 были нищими-аскетами.

В своё время астраханский архитектор Дигбий описал индийское торговое подворье: помимо торговых лавок, на его территории расположена «важня» (помещение для взвешивания товара), амбары, сараи, кладовые, конюшни, коровники, кухни, столовые, бани и «церковь их, называема кумирница».

Без сомнения, большая часть приехавших из Индии купцов были индусами.

Известно, что во время восстания Степана Разина в 1671–1672 гг. лавки индийских торговцев были разорены. От смерти их спасли коренные жители – татары. В татарских деревнях индийцы прожили около двух лет, и уже тогда стали появляться смешанные браки. Приезжая в Астрахань холостыми, индийцы брали в жёны местных жительниц – татарок. Дети, рождённые в таком союзе, получали название агрыжанских татар.

Некоторые индийцы переходили в российское подданство. В 1760 г. староста индийского подворья Лачирам Гулабриев сообщил в губернскую канцелярию, что четверо индийцев живут в татарских юртах своими семьями и находятся в российском подданстве.

Агрыжанская слобода, где жили потомки индийцев и астраханок, образовалась в конце XVII в. Одни из них имели купечество, тогда как другие «кормились работою». Несколько агрыжанских семей проживало на Бухарском дворе. К середине XIX в. агрыжанские татары слились с гилянскими и бухарскими татарами (потомками армян и персов). Они стали иметь «общую веру, язык, нравы и обычаи», все исповедовали ислам. Особой социальной группой – «татары трёх дворов» – они оставались вплоть до 60-х гг. XIX в. Их численность к этому времени составляла 740 человек. Впоследствии они ассимилировались с юртовскими татарами, и вряд ли теперь можно обнаружить их

корни.

К середине XVIII в. в индийском подворье насчитывалось 78 лавок, а купцы главным образом торговали товарами, купленными в Казани и Москве.

Активная торговая деятельность иностранных купцов со временем стала ущемлять интересы растущего торгового сословия России. Недовольные таким положением вещей русские купцы стали посылать в губернскую канцелярию жалобы о том, что иностранцы «причиняют им в торгу помешательство и немалую обиду». И добились-таки к середине XVIII в. ограничений для иностранцев: с 1754 г. восточные купцы в случае продажи товара за пределами Астрахани должны были заплатить сверх подати ещё 10 % пошлины. Им запрещалось покупать товары где-либо в России, кроме как в Астрахани.

К концу XVIII в. оборот индийской торговли составил только треть того, что приходилось на прошлые годы. Индийские купцы утратили свои прежние позиции, а их коммерческая деятельность стала носить ограниченный характер. К первым десятилетиям XIX в. в исторических источниках об индийских купцах как о конкурирующей единице не упоминается, хотя община ещё существует, но теперь многие индийцы занимаются ростовщичеством.

В 1803 г. правительство передаёт индийцам торговый дом при условии, что те построят новый. Двухэтажный каменный двор был возведён на средства Сабра Могундасова, богатого купца, перешедшего в российское подданство. Некоторые из его помещений сдавали в наём. Этот гостиный двор до сих пор стоит в Астрахани на улице Володарского. Сегодня бывшее индийское торговое подворье представляет собой жилой дом с многочисленными пристройками, полностью деформировавшими первоначальный облик здания. Внутренние веранды с арочными окнами, выходящими во двор, как было принято на Востоке, сейчас выглядят иначе: балконное пространство исчезло, а сам арочный проём превратился в застеклённое окно. Нижние помещения, которые, очевидно, служили складами, замурованы и превращены в квартиры. Двор из-за новых построек сейчас намного меньше, чем раньше. Но, как и в прежние времена, он соседствует с армянским торговым подворьем.

Индийских купцов становилось всё меньше и меньше, а после установления в Индии британского господства они перестали приезжать в Астрахань.

В сегодняшней Астрахани живёт человек пять индийцев. Как говорит один из них, директор крупного магазина Маллик Тушар Канти, с индийской диаспорой в России они поддерживают

только дружеские отношения.

(По материалам Е. Пешаковой, О. Гашковой, журнал «Восточная коллекция». При подготовке статьи использованы документы Государственного архива Астраханской области)

Разноликая Индия

Заблудившиеся в… веках

Проблема сохранения малых народностей и племен Индии, потомков древнейшего населения страны (по индийской терминологии – адиваси, или адибаси), имеет одновременно и социально-экономический и национальный характер

Адиваси как аборигенные народы во многом отличаются от других народов Индии

Адиваси, обитающие в джунглях и горных районах страны с незапамятных времен либо оттесненные туда позднейшими миграциями, оказались в неблагоприятных природных условиях изолированными от других, более передовых индийских народов. Вследствие этого их социально-экономическое и национальное развитие задержалось… на века.

Адиваси как аборигенные народы во многом отличаются от других народов Индии. Они принадлежат к негроавстралоидным или монголоидным расовым типам, имеют самобытную культуру, большая их часть исповедует анимистические религии. Некоторые из аборигенных народов говорят на языках особых языковых групп (мунда и тибето-бирманской).

Но главное отличие адиваси от остальных индийских народов состоит в том, что в их общественном строе сохранились явные пережитки родоплеменных отношений. Для адиваси

характерны также специфические типы хозяйственной деятельности, производственные навыки, бытовые особенности. Социально-экономические и культурно-бытовые различия имеют своим следствием и некоторые демографические особенности.

Однако многие вопросы, связанные с этой темой, еще не получили сколько-нибудь полного освещения.

Официально почти все аборигенные народы включены в особые списки «зарегистрированных племен». Всего в списки включено около 250 народностей и племен.

Выделяются три главных района распространения малых народностей и племен: северо-восточный, центральный и южный.

Северо-восточный район охватывает индийскую часть Восточных Гималаев (горные округа Ассама, Нагаленд, Манипур, Трипура). Здесь живет около 3 млн человек адиваси: нага, народы группы бодо-боро (гаро, качары и др.), народы группы куки-чин, микиры, кхаси и т. д.

Центральный район включает центральноиндийские нагорья и плато от Чхота-Нагпура и Восточных Гат до гор Аравалли и Западных Гат (штаты Бихар, Орисса, Мадхья Прадеш, Раджастхан, Гуджарат, Махараштра). Это главный район концентрации адиваси (около 25 млн человек), этническая территория народов группы мунда (санталы, мунда, хо, савара, корку и др.), дравидоязычных гондов, ораонов и кхондов, а также бхилов и родственных им народностей и племен, которые говорят на индоевропейских языках.

К югу от 16° с. ш. встречаются небольшие дравидоязычные племена, по индийской терминологии адидравида, вкрапленные в массив четырех дравидийских наций (около 2 млн человек). Это и есть южный район.

Традиционное индийское хозяйство в целом было разрушено победоносным шествием британского капитала. Но для племен, живших в условиях родового строя и не знавших частной собственности, столкновение с британскими законами, администрацией, солдатами и церковью было тем более гибельным. Главным бедствием для хозяйства племен оказалось введение строгого лесного законодательства и лишение племен прав на общинные земли.

Ряд племен оказал вооруженное сопротивление колонизаторам. Часть мужчин некоторых племен, лишенных средств к существованию, начала заниматься разбоем и грабежом, что послужило причиной включения большого количества племен в разряд преступных.

Существование специальной группы «преступных племен» не означало, что среди них действительно особенно распространены

были преступления.

В настоящее время числятся примерно 4 млн человек бывших «преступных племен».

Трагедия лишенных земли санталов и их отчаянное и безнадежное восстание, борьба бхилов, разгром конфедерации кхаси, восстание гаро, сопротивление куки, нага, чин, лушаи, абор, против которых последовали карательные экспедиции, – вот отдельные эпизоды истории адиваси в XIX и XX столетиях.

Беспощадно подавив сопротивление племен, британские власти приняли меры к усилению их изоляции, якобы для того чтобы защитить их от эксплуатации, но в действительности чтобы изолировать малые народности от растущего национально-освободительного движения и использовать пограничные племена в стратегических целях.

Важным орудием в руках колонизаторов в деле подчинения адиваси, их эксплуатации и усиления изоляции оказались – вольно или невольно – многочисленные христианские миссионеры (европейцы и американцы). Их деятельность по распространению христианства в районах обитания адиваси продолжалась буквально до недавних пор.

Хотя все народы группы адиваси в зарубежной литературе именуются «племенами», только небольшая их часть действительно живет в условиях родо-племенного строя. Изоляция адиваси, которая способствовала сохранению родо-племенного строя, фактически была ликвидирована в очень значительной степени еще в колониальный период. Не только деятельность государственной администрации, полиции и миссионеров, но и многие экономические процессы втягивали адиваси в сферу капиталистического хозяйства.

В индийской этнографической литературе приводится несколько схем классификации адиваси по уровню экономического развития, по степени культурных контактов с индусами и ассимиляции. Наиболее известна схема крупного английского этнографа Веррье Элвина, который постоянно жил и работал в Индии. По уровню развития он делит аборигенов на четыре группы. Первые две состоят из небольшого количества племен (около 5 млн человек), которые обитают в горах и лесах и не похожи на обычных жителей деревень. «Их религия характерна и жива, их племенная организация нетронута, их артистические и хореографические способности не утеряны, их мифология еще оживляет здоровую организацию племенной жизни». Географические условия обитания способствуют их обособленности.

Для первой группы характерно экономическое равенство и

отсутствие частной собственности на землю: земля принадлежит общине, расчищается и обрабатывается совместно. Племена этой группы занимаются подсечно-огневым земледелием при помощи примитивных орудий, охотой и собирательством. Женщина занимает почетное положение в обществе. Жилища строятся вокруг общей площадки либо за общей оградой, имеются общие помещения – спальни для молодежи.

Вторая группа характеризуется разложением племенного строя, хотя она еще живет обособленно и придерживается древних традиций. Изменения, вызванные связью с внешним миром, проникновением денежных отношений, заметны и по разбросанности построек в деревнях, и по большему количеству одежды. Общие помещения имеются уже не всегда.

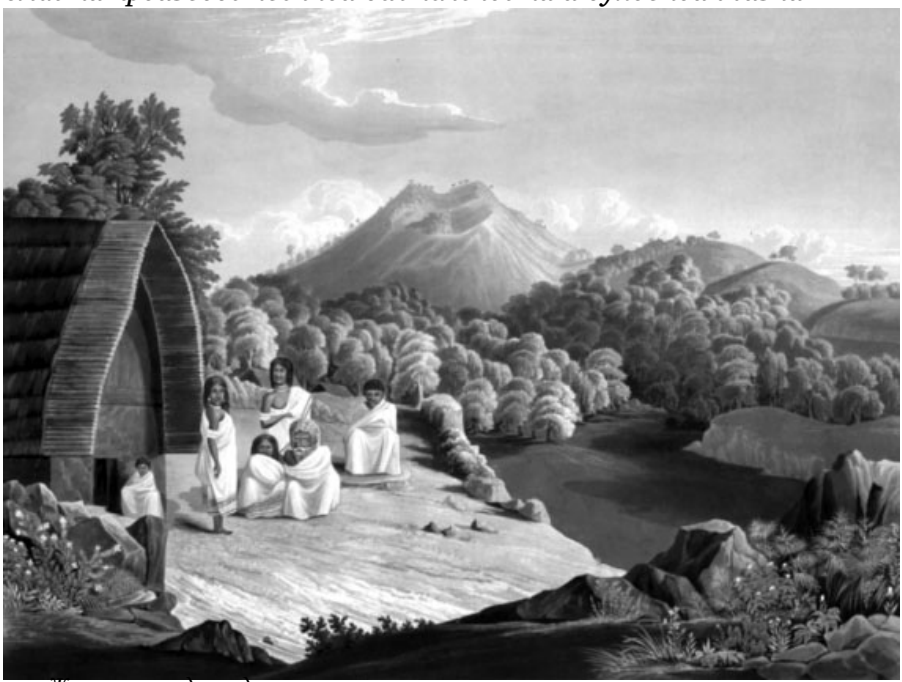
К третьей, наиболее многочисленной, группе относятся те объединения адиваси, которые под влиянием внешних связей (и – добавим – внутреннего развития) перестают придерживаться племенной общественной организации, культуры и религии. Главным занятием народов этой группы становится оседлое земледелие.

Наконец, четвертая группа представлена племенной аристократией, помещиками и образованными людьми из числа аборигенов. Эта группа, за исключением некоторой части интеллигенции, совершенно оторвалась от родной почвы, хотя и сохранила старые племенные имена и тотемы.

(По материалам Б. Супруновича)

Народы Нилгирских гор

В горах Нилгири, по административному делению входящих в штат Мадрас, а территориально находящихся на границе районов расселения тамилов и каннара, живут народы, говорящие на языках, близких древним формам языка каннара (в науке существует также мнение, что их язык близок тамильскому). Это – курумба, тода, кота и бадага. Все эти народы, в отличие от малых народов других районов Южной Индии, связаны друг с другом определенными традиционными взаимоотношениями в области производственной деятельности и духовной жизни



Жилище народа тода

Эти отношения очень близки к тем, которые существовали между разными кастами сельской общины Индии и, возможно, являются наглядным примером того, как в древности складывалась кастовая система. Бадага в системе этих связей выступают в качестве земледельцев, курумба – в качестве охотников, плетельщиков и музыкантов, тода – в качестве скотоводов и кота – в качестве ремесленников.

Каждая семья кота, например, была связана традиционными обязательствами по обмену продуктами производства с определенными семьями бадага, и нарушение этих обязательств вело к разрыву этих отношений и иногда к бойкоту

провинившейся семьи и даже целой деревни со стороны жителей всех окружающих деревень.

За последние 100 лет, и особенно за годы, прошедшие после освобождения Индии, в горы Нилгири пришло много переселенцев из долин, которые тоже вступили в определенные производственные взаимоотношения с местными народами, что до известной степени нарушило их древние связи. Теперь инструменты или утварь можно купить или выменять не только у кота, и музыкантов пригласить не обязательно из курумба. И кота и курумба в свою очередь, могут не зависеть от бадага в получении продуктов питания.

Горы Нилгири стали своего рода заповедником, привлекающим туристов, которые хорошо платят местным жителям за осмотр их жилья и за возможность их сфотографировать.

По своему антропологическому типу курумба выделяются из всего населения гор Нилгири, отличаясь очень низким ростом, темной кожей и курчавыми волосами.

В наше время курумба живут на склонах гор Нилгири. Они занимаются разведением овец, собирательством, охотой, плетением корзин и матов, изготовляют и продают музыкальные инструменты, а также являются профессиональными музыкантами. Свою продукцию они выменивают на продукцию, производимую другими племенами. Они работают также на плантациях, нанимаются в батраки и на лесоразработки. Еще одним традиционным занятием курумба считается «профессиональное колдовство», чем они внушают немалый страх и уважение к себе со стороны своих соседей.

Они живут в маленьких поселках, имеющих в плане форму полукруга, в хижинах, сделанных из бамбука и крытых травой. Эти поселки называются комбаи, что на языке каннара значит «овчарни» (название указывает на занятие курумба овцеводством).

Все племя делится на две экзогамные группы нагар и балогар. Ими управляют вожди, называемые мудали, которые сейчас выполняют роль представителей официальной администрации. Пост мудали наследует его старший сын. Если у него нет сыновей, то выбирается новый мудали.

Свадебные обряды курумба очень просты. Разводы и браки вдов разрешены без ограничений. Роды по обычаю, как и у многих других племен Южной Индии, должны протекать вне жилого помещения.

Курумба не знают запретов и ограничений на употребление в пищу тех или иных продуктов. Едят они всей семьей вместе, без

различия пола и возраста, и часто из одной посуды.

Курумба почитают солнце, считающееся божеством мужского пола, и луну, считающуюся божеством-женщиной, а также бога посева, дождя и многие другие божества и духов лесов и гор.

Народ тода живет в горах Нилгири между реками Майар и Бхавани. Антропологический тип заметно отличает их от всех дравидийских племен и народов. Это высокие люди со сравнительно светлой кожей (женщины светлее мужчин), прямыми носами и густыми длинными волнистыми волосами и бородами. Внешнее их отличие подчеркивается еще манерой женщин укладывать волосы в виде длинных трубчатых локонов.

Главным занятием племени является скотоводство: они разводят буйволов и продают молоко и молочные продукты жителям гор Нилгири. Высоко развито также ремесло художественной вышивки; они приносят вышитые вещи для продажи на базар в столицу Нилгири – г. Утакамунд.

Попытки правительства приучить тода к земледелию не принесли пока результатов, так как отведенную им землю тода передали в пользование соседнему народу, бадага, который выплачивает им дань зерном, считая тода по давней традиции хозяевами местной земли. В силу давних исторических связей, установившихся между отдельными народами Нилгири, не только бадага, но и кота обслуживают тода, изготовляя для них посуду, инструменты и прочие предметы домашнего обихода, причем не только в обмен на молочные продукты, но и в форме даров (каждая деревня кота снабжает определенный род тода).

Тода поклоняются богу Пихти (который, по легенде, сотворил всех тода), его сыну, сотворившему буйволов, его сестре и другим богам (у каждого рода есть свой бог-покровитель). Часть своих буйволов тода считают священными, и правом доить их и ухаживать за ними пользуются только жрецы, живущие тут же в доильнях. Такие доильни являются храмами тода.

Часть тода приняла христианство.

Семейно-брачные отношения у тода сложны. Их роды соблюдают ряд запретов на заключение браков: юноша тода не может жениться на дочерях братьев и сестер отца или сестер матери. У тода сохраняются пережитки группового брака – в их среде распространена полиандрия, причем мужьями одной женщины обычно бывают или братья или члены одного рода. Старший из мужей исполняет особую церемонию «лука и стрелы», легализирующую положение будущих детей от всех мужей: он считается отцом всех детей впредь до выполнения этой же церемонии следующим мужем, которому будут принадлежать все дети, появившиеся после этого, и т. д.

Бадага – самая многочисленная народность гор Нилгири. Главным занятием бадага является земледелие. Многие бадага работают на плантациях, на строительстве дорог, на лесных разработках. Среди бадага есть и ремесленники – плотники, портные и другие, но в основном они выменивают или покупают ремесленную продукцию у кота.

Одеждой взрослых и детей являются длинные белые плащи (у мужчин – орнаментованные). Женщины под этими плащами обертывают тело белой тканью от груди до колен, а мужчины надевают набедренные повязки. На головах женщины носят белые повязки, а мужчины – тюрбаны. На похоронах все одеваются в темное. Женщины племени татуируются, а девочкам сбривают волосы на голове, оставляя только чуб надо лбом.

У бадага сохраняется деление на экзогамные роды кула, возглавляемые старшинами. Имущественное расслоение привело к выделению у бадага имущей верхушки.

Кота (их около 1 тыс. человек) наравне с тода считаются коренными жителями гор Нилгири. Их главным занятием является ремесло, причем они считаются самыми искусными ремесленниками района Нилгири. Они занимаются плотничеством, кожевенным делом, выделкой корзин и зонтов и изготовлением тонких ювелирных изделий. За последнее время кота стали заниматься земледелием, главным образом огородничеством.

Кота служат обычно музыкантами и танцорами на праздниках у всех соседних племен и для исполнения ритуальных танцев имеют особые цветные костюмы и головные уборы. Обычной одеждой им служит белая рубаха, длинная набедренная повязка и покрывало, наброшенное на плечи.

Кота поклоняются духам-покровителям. Входить в храмы других племен и каст кота не имеют права. Их храмы представляют собой навесы из бамбуковых палок, крытые листьями.

Эти таинственные андаманцы

Андаманы – небольшая изумрудная цепочка островов, продолжающая на юг линию западного побережья Бирмы, – появились на географических картах, как принято считать, уже со II в. – со времен Клавдия Птолемея

Загадочные жители Андаманских островов

Этот народ стал известен сравнительно недавно, но уже привлек внимание исследователей первобытного общества, палеоантропологов и палеолингвистов. Связано это с тем, что

андаманские аборигены, являясь остатком одного из древнейших человеческих сообществ, смогли донести до наших дней хозяйственные навыки, культуру и психологию людей каменного века и сохранить (хотя, естественно, и в несколько преломленном за многие века виде) самые ранние формы социальной организации.

Лес для жителей – не только место обитания, но и источник буквально всего, что составляет их жизнь; вся их культура сформировалась в условиях леса и питается тем, что он дает. Наступление на лес оказалось и наступлением на аборигенов, которое в конечном счете и решило их судьбу.

Собака – единственное одомашненное животное андаманцев.

В целом природа Андаман достаточно щедра, чтобы прокормить и не столь редкое население; вероятно, именно данное обстоятельство привело к тому, что на островах полностью отсутствовали окультуренные растения и животные – готовые продукты леса и моря вполне удовлетворяли скромные потребности аборигенов, не вынуждая их переходить к новым формам добычи пищи.

К сожалению, те сведения, которые позволяют дать им этнографическую характеристику (хотя далеко не полную), относятся к уже разлагающейся, гибнущей системе, к народу, неуклонно теряющему свои этнические характеристики…

Андаманцы в непостижимо короткие сроки (исчисляемые даже не десятилетиями, а годами) оказались на грани вымирания, и в настоящее время их будущее не внушает особых надежд.

По существу, первые достоверные сведения об аборигенах Андаман относятся уже ко второй половине XIX в., когда с установлением британской власти началось знакомство ее представителей с местными жителями.

По мнению некоторых исследователей, именно андаманцев можно считать прямыми потомками изначальных негрито. По существу, андаманцы оказались единственными хранителями негритосских языков, поскольку малайские семанги говорят на одном из языков монкхмерской семьи и аэта перешли на языки своих филиппинских соседей.

Итак, антропологически андаманцы принадлежат к негритосской группе австралоидной малой расы. Это очень темные по цвету кожи, малорослые (почти как пигмеи) люди, курчавоволосые, короткоголовые, с инфантильными чертами лица. Исследователи подчеркивают чисто азиатский характер их антропологического облика, не имеющего никакого отношения к африканским пигмеям.

Что касается языка, то различные племена андаманцев говорят на множестве языков или диалектов, принадлежащих к особой, изолированной андаманской языковой семье.

Основным источником сведений по этнографии и древним миграциям аборигенов являются «кухонные кучи» – накапливающиеся век за веком пласты хозяйственных отбросов, которые обнаруживаются на местах постоянных стоянок кочевых обитателей как Большого, так и Малого Андамана. Именно эти кучи служат единственным объектом приложения труда археологов, на основании их только и можно строить предположения о датировках и путях переселений предков современных андаманцев. Как известно, последние, собиратели и охотники, постоянно переходили с места на место в поисках пищи.

«Кухонные кучи» представляют большой интерес не только в качестве археологического, но и этнографического источника – по ним, в частности, можно определить оптимальную численность кочевавших групп (примерно 30 человек).

Андаманцы жили в районах их современного (т. е. к моменту знакомства с ними первых исследователей) обитания еще в ту пору, когда острова были непосредственно связаны с Азиатским материком. Об этом свидетельствуют не только данные раскопок кухонных куч; о великой давности обитания аборигенов на островах (исчисляемой тысячелетиями) говорит и такой небезынтересный факт: при отсутствии на Андаманах крупных хищников, их жители (при полной оторванности от внешнего мира) знали названия ряда крупных животных и даже могли их описать, и делали они это, по их утверждению, со слов предков, рассказы которых передавались от поколения к поколению.

Итак, известно, что андаманцы в результате геологической катастрофы оказались отторгнутыми от могучего в то время единого ствола негритосских народов и благодаря полной изоляции сумели сохранить в наиболее чистом виде черты древней культуры.

По-видимому, оба основных острова архипелага – Большой и Малый Андаманы – были заселены достаточно давно. Большинство ученых, занимавшихся изучением прошлого архипелага, пришли к выводу, что две группы андаманцев представляют два разных слоя примитивной негритосской расы. Так, В. Эйкштедт придерживается мнения, что предки андаманцев вступили на Большой Андаман двумя группами, при этом более ранняя включала онге, джаравов и сентинельцев, т. е. те племена, которые входят в группу Малого Андамана.

Предки же «больших андаманцев» составляли более позднюю

по времени переселения волну негрито. Приход более могучей по численности группы (известной нам как группа Большого Андамана) привел к оттеснению ранее появившихся племен, которые первоначально расселились в наиболее удобных местах самого крупного острова архипелага. Новые переселенцы оттеснили их в южном направлении.

Такое давление носило длительный характер и постепенно привело к переселению первых насельников на более южные острова, т. е. на Малый Андаман, Рутланд, а также на южную оконечность Большого Андамана. Этим и объясняется враждебная позиция джаравов, которые уцелели на южной окраине Большого Андамана и сохранили ненависть к племенам, некогда оттеснившим их предков с исконных территорий.

Сторонники данной точки зрения обычно считают, что онге и джаравы одного происхождения. Джаравы и онге, полагает М.Портмэн, некогда составляли единый народ, в состав которого входили и прибрежные, и лесные группы. Они были первыми, с кем столкнулся еще отряд Блэра в 1789–1796 гг. В результате этой встречи их численность сократилась, они оказались не в состоянии противостоять другим племенам, с которыми у них были стычки, и вынуждены были расселиться, став, таким образом, отдельными племенами.

Но тот же автор выражает сомнение, что разделение на онге и джаравов могло произойти так поздно – в конце XVIII в., ведь каждое из племен обладает своей достаточно ярко выраженной культурной спецификой, которая никак не могла сложиться за столь короткий срок.

Иначе видит соотношение двух андаманских групп А. Браун. Его привлекает вопрос, почему джаравы, обитатели Южного Андамана, составляющего часть Большого, относятся к группе Малого Андамана. Он считает джаравов потомками эмигрантов, которые в далеком прошлом переселились на Большой Андаман с Малого, оттеснив аборигенов Южного Андамана на о-в Рутланд и силой утвердившись на их территории, – картина, обратная описанной выше. Браун полагает, что эти передвижения имели место много позднее разделения андаманцев на две группы, т. е. уже после того, как сложились особенности их языка и культуры. Отсюда языковой и культурный барьер между жителями Южного Андамана – исконным населением этого района – и пришельцами с Малого Андамана, оттеснившими последних.

Данный барьер сохраняется и поныне, как и вражда, которая, по мнению Брауна, извечно существует между коренным населением Большого Андамана и переселенцами-джаравами. Браун считает, что только эта гипотеза может объяснить, откуда

взялся на Южном Андамане народ, по языку и культуре полностью подобный жителям Малого Андамана, но отличный от его южноандаманских соседей.

Итак, к началу колонизации андаманцы существовали в виде примерно дюжины племен, которые находились на одном уровне общественного развития, имели общее происхождение, говорили на языках одной (не имеющей в мире аналогов) языковой семьи и в целом демонстрировали общность (при неизбежных племенных вариациях) культурных традиций. Из этого следует, что, используя материал по одному из племен, можно получить представление об особенностях организации андаманцев в целом. А значит, не будет нарушением историчности, если материал по онге станет рядом с данными по исчезнувшим «большим андаманцам».

Так как на протяжении тысячелетий уклад андаманских племен почти не менялся, онге продолжают ту же линию и позволяют тем самым вести наблюдение за андаманским обществом – как бы оно ни было трансформировано – и в наши дни.

(По материалам С. Маретиной)

Последние из ченчу

На территории штата Андхра-Прадеш живет ряд малых народов. Большинство их обитают в тех районах, которые граничат с Центральным Индийским нагорьем, и по своей лингвистической и этнической принадлежности относятся к народам, заселяющим это нагорье. Главные их занятия – подсечное земледелие, собирательство, охота и рыболовство

Представители народа ченчу

На территории Андхры, в округах Махбубнагар, Курнул и Гунтур, на Амрабадском плато, живет народ ченчу (менее 500 человек), который считают последним из местных древних племен, еще не ассимилированных полностью народом телугу.

По антропологическому типу ченчу заметно отличаются от телугу. У них темная кожа, волнистые или курчавые волосы и широкие носы. Они невысоки ростом. Главным занятием ченчу было собирательство и охота. В настоящее время они отчасти занимаются земледелием и скотоводством. Из ремесел у них развито главным образом плетение.

Деревни ченчу называются пента и состоят из беспорядочно сгруппированных круглых в плане хижин, вблизи которых обычно растут тыквы – единственная огородная культура племени. Стены хижин плетут из бамбука и обмазывают глиной, а конические по

форме крыши кроют листьями или травой. В деревнях ченчу нет домов холостяков, но есть отдельные хижины для гостей. Для девушек, достигших зрелости, воздвигаются на время их «нечистоты» специальные маленькие хижины, где они пребывают три-четыре дня под наблюдением старухи (которая тоже считается это время «нечистой»). После очищения купанием девушка возвращается в свою семью.

Одежда мужчин ченчу состоит из набедренной повязки и кожаного пояса, за которым они обычно носят нож. Женщины тоже носят короткие повязки на бедрах и род маленьких лифов. Их украшения просты и состоят из нескольких нитей бус и из латунных браслетов. Вдовы по обычаю украшений носить не должны. И мужчины и женщины волос не стригут, а собирают их в пучок вверху головы.

Все племя ченчу распадается на экзогамные группы с тотемными названиями. У них имеется и несколько профессиональных групп типа каст. Родо-племенные отношения претерпели у ченчу уже сильнейшие изменения. В деревнях живут представители разных родов. Семьи, как правило, моногамны, но полигамия не возбраняется. Для юноши обязателен брак с дочерью брата матери или сестры отца. Разводы у ченчу осуществляются только по воле мужа. В случае смерти мужа вдова может выйти замуж за его младшего (иногда и старшего) брата. Браки заключаются после наступления зрелости девушки, и свадебные обряды очень просты – обед для гостей, вручение подарков невесте и переход ее в дом родителей мужа, где она живет до окончания постройки нового дома для новобрачных. Наследование у ченчу патрилинейное.

Ченчу поклоняются богиням неба, земли, а также солнцу. У них развит фаллический культ.

В Гунтуре и Курнуле лет 50–60 назад леса были объявлены собственностью государства и департамент лесов стал теснить и ограничивать ченчу, а на их территории стали селиться земледельцы телугу. Тогда для ченчу были созданы своего рода резервации – специальные поселки, и были выделены определенные участки леса для собирательства. Но эти участки быстро опустошались, и ченчу были вынуждены уходить на разные заработки. Поселяясь вблизи деревень телугу, они занимают положение «низких» каст в их среде. Втягиваясь постепенно в экономическую жизнь окружающего их народа, они участвуют в его праздниках и начинают исповедовать его религию. Этот процесс ассимиляции ускоряется еще тем обстоятельством, что все ченчу говорят на языке телугу.

Ченчу принадлежат к «живым ископаемым» современной

этнографии и нуждаются в изучении и сохранении.

Эти загадочные бхилы

Большая часть народности бхилов, происхождение которых представляет загадку для этнографов, проживают в соседних с Раджастханом округах штатов Мадхья-Прадеш и Гуджарат. В штате Раджастхан же живет около четверти всех бхилов Индии

Бхил. Художник В.В. Верещагин

Общая численность людей, считающих бхили своим родным языком, здесь составляет свыше миллиона, и основной областью их расселения являются лесистые районы южных отрогов горной системы Аравалли. По мнению ученых, бхили – диалект языка гуджарати.

В бхилах видят и нишадов, постоянно упоминаемых в древнеиндийской литературе и описываемых в образе загадочных темнокожих людей низкого роста, отличающихся курчавыми волосами, плоскими некрасивыми лицами и «безносостью». Последняя черта безошибочно позволяет связать их с доарийским населением Индии, так как именно люди-анаса («безносые») противопоставлялись арьям, часто определявшимся в эпосе и других памятниках литературы как сунаса («красивоносые»).

Такая антропологическая черта, как малое выступание носа, характерна для австралоидов, к которым большинство исследователей и причисляет бхилов.

Процессы смешения арьев с бхилами были длительными. Бхилы утратили свой язык и усвоили локальные формы индоарийских языков, сохранив лишь около 6 % слов, относимых учеными к древним формам языков мунда и дравидийских, причем высказываются предположения, что предпочтительнее связывать их с мунда.

Такие определения, как «злодейские жители гор», и противопоставляемое им умение заниматься скотоводством и земледелием свидетельствуют о разных хозяйственно-культурных типах, с одной стороны, автохтонных групп населения порубежных между севером и югом гор, и, с другой, арьев, осваивающих равнинные земли. Это отражает древнейшие этапы истории, равно как и противопоставление арьям (в облике Притху, светлого, как Индра) малорослых и, главное, черноволосых аборигенов.

Дж. Тод упоминает о генеалогическом предании раджпутов, в котором говорится, что на святой горе Абу боги Индра и Брахма создали и оживили прародителей династий Прамар и Соланин, а Рудра – темного урода с луком, которому боги дали необитаемые места и определили роль дварапалы (охранителя дверей) в храмах, где его изображают в виде каменного изваяния. Важно, что Рудра (Шива) здесь связан с бхилами.

В «Манавадхармашастре» говорится, что брахману решительно запрещается вкушать пищу нишада, чем четко определяется низкая общественная позиция последнего.

Шудры в данном памятнике отделяются от автохтонных нишадов и ставятся выше их.

Кроме такого определяемого арья-брахманами распределения социальных позиций, есть также указания на два реально существовавших традиционных занятия нишадов, а именно рыболовство и корабельное дело.

Первое является естественным занятием древних племен, которое продолжает до сегодняшнего дня играть наряду с охотой

большую роль в их хозяйственной жизни, однако второе заставляет задуматься. Если это были экономически неразвитые «низкие», с точки зрения арьев, лесные варварские племена, то как они могли быть связаны с корабельным делом? Не является ли такое краткое упоминание у Ману ключом к раскрытию возможной связи нишадов с цивилизацией Хараппы? Мы не имеем оснований связывать (даже отдаленно гипотетически) древних арьев с кораблестроением, но, если памятник дхармической литературы предписывает какому-либо народу заниматься этим делом, на это следует обратить особое внимание: ведь своды дхармических законов подытоживали и обобщенно закрепляли в форме религиозных канонов те реалии жизни, которые существовали в обществе. Кораблестроение было известно населению ареала Хараппской цивилизации, что заставляет думать не только о значительном количественном, но и об экономическом участии нишадов в составе этого населения и в его хозяйственной деятельности.

Как давно уже предположили исследователи, словом «нишада» определялась целая группа автохтонных народов северо-западных областей, но все же ряд указаний заставляет безошибочно включать предков бхилов в их число. Возможно, они входили в состав протоавстралоидного по расовому типу мундаязычного субстратного слоя, хотя, по некоторым антропологическим данным, исследователи сближали их с дравидоязычными ченчу, причисляли и к дравидийскому типу, и к додравидийскому, и к северным веддоидам. Такая разница во взглядах определяется не только тем, что ученые придерживаются неодинаковых методологий, но и тем, что среди бхилов реально выявляются группы, являющиеся носителями неоднородных антропологических типов.

В истории раджпутских княжеств бхилы играли немалую роль. Все исследователи подчеркивают их почти обязательное участие в сражениях, которые вели раджпуты за независимость своих княжеств от иноземных захватчиков, и в междоусобных войнах. Бхилы под водительством своих князей воевали и с самими раджпутами, отстаивая исконные земли. Будучи побеждаемы, они или сохраняли права вассалов на условиях выплаты князьям дани и служили в их армиях, о чем свидетельствуют раджпутские хроники, или входили в состав населения княжеств, превращаясь в низкокастовых сельских жителей, либо продолжали жить в своих лесных деревнях, поставляя победителям продукты собирательства и охоты.

Судя по ряду упоминаний в пуранах и в хрониках раджпутских династий, между бхильской воинской верхушкой и

кшатрийско-раджпутской знатью неоднократно заключались браки, что сообщало бхилам право на присвоение своим родам династийных имен раджпутов.

Более того, смешение с бхилами шло и на уровне рядового кшатрийства, в результате чего в некоторых областях Западной Индии есть группы бхилов, внешне почти не отличающиеся от раджпутов. Это смешение длилось и в эпоху могольско-раджпутских войн, в результате которых группы раджпутов иногда вынуждены были уходить в горы и оставались жить там с бхилами, воспринимая их образ существования и женясь на бхилках.

В современном Раджастхане большинство бхилов заселяют целые районы штата, но часть их селится при кастовых деревнях в отдельных поселках-бхиладах, иногда сохраняя статус небольших групп зарегистрированных племен, а иногда приняв фактически положение членов низких каст, и занимается батрачеством, некоторыми видами ремесел (преимущественно плетением). Во время праздников и ярмарок они охотно играют на барабанах и других народных музыкальных инструментах.

«Агора» – любители трупов

Каждый индус мечтает хотя бы однажды в жизни пройти обряд ритуального омовения в водах Ганга. Особенно близ Варанаси – одного из семи священных индуистских городов, которому уже давно перевалило за две тысячи лет

Погребальный обряд на Ганге

Среди сотен тысяч паломников, ежегодно устремляющихся туда со всех концов Индии и даже из других стран, всегда много стариков, безнадежно больных и немощных. Они приезжают в священный город в надежде умереть: согласно поверью, смерть среди бесчисленных храмов и других святынь, связанных с легендами и сказаниями о боге Шиве, открывает душе усопшего прямую дорогу в рай.

На берегу реки, в двух специально отведенных местах, известных под названиями Марнкарника и Харисчандра, оборудованы специальные площадки для погребальных костров, где ежедневно под чтение мантр десятки тел отошедших в мир иной предаются огню.

На свой промысел члены секты «агора» выходят, как правило, ночью. Под покровом мрака они собираются у погребальных костров, устраиваемых, как принято, на специальных

кладбищенских площадках за пределами человеческого жилья. Там они копаются в золе, разыскивая останки человеческой плоти.

Кто такие «агора», знает далеко не каждый индиец. Большинство даже не ведает о жутком культе. А вот корреспондент индийского еженедельника «Уик» Канхаиа Белари изучил секту досконально. Он много дней провел в Варанаси среди каннибалов, беседовал с ними и по результатам этих встреч опубликовал брошюру, ставшую бестселлером.

По признанию одного из членов секты Баба Гамбири Вира, за одну ночь он съедает… «до двух фунтов сырого человеческого мяса». Недавно этому сектанту исполнилось 47 лет. Из них 15 лет он исповедует страшный культ каннибализма. В секту Баба привело, как он говорит, посланное ему свыше «знамение», заставившее покинуть жену и двоих детей. Оставив родные места, Баба отправился в Кримкун – место средоточия последователей секты «агора». Там он прошел все ступени религиозного посвящения. Он ел мертвых собак, считающихся в Индии нечистыми животными, к которым представителям высших каст запрещено даже прикасаться. А затем очередь дошла и до человеческих тел.

Если с мясом животных у сектантов особых проблем нет, то с человечиной – сложнее. Чаще всего они вылавливают плывущие по Гангу трупы, нередко используют случаи, когда усопшего некому предать огню на погребальном костре. При этом сектанты весьма разборчивы: например, они ни за что не дотронутся до трупа бывшего преступника. Согласно учению «агора», секс также является необходимой составной частью ритуалов. Считается, что это занятие укрепляет магическую силу сектантов, которая называется «саикини» и «мохини».

Сейчас в Индии насчитывается несколько сотен членов секты. Внешне их легко распознать – они обвешаны гирляндами из змеиных костей и повсюду носят с собой человеческие черепа, которые используются во всех ритуалах и при приготовлении пищи.

Человек, решивший посвятить себя учению «агора», должен пройти пять ступеней посвящения, все названия которых начинаются на букву «м» алфавита языка хинди: «манш» (плоть, сырое мясо), «миин» (рыба), «мурда» (труп), «мадира» (алкоголь) и «май-тхун» (секс). Испытуемым приходится участвовать и в ритуалах, которые в нашем традиционном представлении относятся к чудовищным половым извращениям…

Пройдя через испытания первых двух ступеней и достигнув третьей – «сузари», сектант получает полную свободу действий:

ему теперь уже не обязательно участвовать в жутких ритуалах. Большую часть своего времени он проводит в медитации, стремясь достичь просветления и получить высокое звание «авадхут». Наивысшего звания – «агорешвар» – добиваются лишь единицы. Сейчас их во всей Индии всего четыре. «Авадхутов» – двенадцать.

Несмотря на отвратительные ритуалы, к секте «агора» в Индии относятся в целом достаточно терпимо, и даже считается, что сектанты обладают сверхъестественной силой. Многие при этом всерьез убеждены, что если кто-то помешает «избранникам Шивы» поедать усопших, то его душа будет проклята. По словам практикующего в Варанаси юриста Лалу Сингха, существующими в стране законами каких-либо ограничений для «агора» не предусмотрено.

Как ни странно, в последнее время последователями секты «агора» стали отдельные известные в стране личности. Среди них – Бхану Пракаш Сингх, в прошлом занимавший посты губернатора штата Го а и министра в центральном правительстве Индии. Сначала под влияние секты попал его младший сын Самбхав Рам. Пытаясь добиться возвращения сына в лоно семьи, отец неоднократно встречался с членами секты и со временем настолько проникся идеями учения «агора», что в конце концов сам стал одним из его активных проповедников.

У членов секты свой путь – путь отрицания того, что общепринято и священно. «В природе нет ничего неестественного. Любое действие невозможно без воли Шивы, бывшего величайшим из Агора», – любят повторять сектанты. И поступают наперекор общепринятым законам общества…

(По материалам А. Васильева)

Ади – пожиратели крыс

На северо-востоке Индии, в штате Аруначал-Прадеш, у подножия Гималаев, живет племя ади. В течение последних столетий ади мало контактируют с внешним миром и поэтому сохранили свою самобытность. Английский исследователь, антрополог Брюс Пери, предпринял путешествие в штат и в течение месяца жил в деревне ади, изучая их обычаи и образ жизни

Воины народа ади

Англичанину удалось стать своим для людей племени, и он смог окунуться в закрытый для посторонних мир древнего народа.

Дорога от Дели к подножию Гималаев заняла семь дней. Сначала самолет, потом автобус, потом на джипе по горным

дорогам. Последнюю часть пути съемочная группа вместе с проводниками прошла пешком, неся на плечах тяжелые рюкзаки. Добраться в селение ади можно лишь по труднодоступным горным тропам.

Хотя ади граждане Индии, они люди Гималаев и в этническом плане ближе к соседям, живущим в Бутане и Тибете. Их религия коренным образом отличается от буддизма и индуизма. Ади – анимисты, поклоняются духам, которые, по их представлениям, населяют окружающий мир. Жертвоприношения являются частью их ежедневной жизни.

Целью Пери была маленькая деревушка Ерсинг. Здесь, на вершине холма, живут 350 человек. Ерсинг – одна из тридцати деревень племени ади. Многие из них никогда не были в соседних деревнях, до которых около дня пути по горным тропам.

Брюс – первый человек с Запада, которого увидели жители Ерсинга. Гостя встречал гем, выбранный сельчанами глава деревни. В Ерсинге специально для гостя построили хижину. В ее постройке принимали участие все мужчины деревни, а также сам Брюс. Хижины ади строят традиционным способом, строительство занимает несколько часов.

Ади «обмыли» новый дом апонгом, напитком, напоминающим пиво, который готовят из забродившего пшена.

Ади верят, что природу контролируют духи, которые живут в домах и в лесу. Духов легко обидеть, они мстят людям, насылая болезни или даже смерть. Поэтому их нужно ублажать жертвоприношениями. Ади приносят в жертву духам кур и свиней. После окончания строительства хижины для Пери жители Ерсинга облили апонгом свинью, таким образом освятив ее, а затем убили отравленными стрелами. Мясо подвесили на длинных прутьях, привязанных к хижине. Так был задобрен дух Арну, который живет в хижинах.

В обязанности женщин племени входят заготовка дров, приготовление еды и присмотр за детьми. Мужчины охотятся на диких животных. Основная пища ади рис и пшено, приправленные имбирем, чесноком и перцем. Особым деликатесом считаются живые жуки, которых ловят в лесу. Живых жуков кладут в рисовую кашу. Брюсу тоже пришлось попробовать это блюдо, но его стошнило. К счастью, туземцев этот конфуз не сильно оскорбил, они засмеялись.

Рис и пшено жители деревень выращивают на скудной почве гор. Каждые три года приходится искать новое место для посевов, а старое поле стоит под паром. Источником белка служат куры и свиньи. Свиней кормят отбросами и человеческими испражнениями. Ади владеют также мидхунами – помесью

индийского буйвола и коровы. Эти животные играют роль денег. Мидхуны выполняют функцию меры стоимости, в них оценивается состояние семьи. Это живая валюта при расчетах между людьми. Мидхуны проводят большую часть жизни в лесах. Их не доят, не используют в качестве тяглового скота и редко убивают. Иногда хозяин дает им соль. Если хозяин долго не ищет животных, быки сами заходят в деревню и идут к дому, где живет их хозяин. Лишь на самом закате жизни мидхунов убивают ради пищи или в качестве жертвоприношения.

Своих шаманов ади называют мири. Мири в Ерсинге это женщина по имени Ага. Она умеет лечить болезни. По мнению Аги, существуют два вида болезней – обычные, вызванные естественными причинами, и те, которые насылают на людей духи. Мири лечат больных наложением рук и лекарствами, приготовленными из трав.

Брюс простудился в Ерсинге и несколько дней сильно кашлял. Нашелся прекрасный повод посетить Агу.

Высохшая, словно мумия, старуха со сморщенным, как печеное яблоко, лицом окурила Пери пахучим дымом, от которого у него закружилась голова. Затем шаманка приложила ко лбу Брюса зеленые листья. Ага долго рассматривала их, а потом заявила, что духи здесь ни при чем. Это обычная простуда.

– Ты счастливец, – сказала старуха. – Завари сегодня вечером вот эту травку, и хворь отпустит.

Англичанин последовал совету целительницы, и кашель прошел.

Брюсу повезло, он стал свидетелем весеннего праздника, который называется аран. Ади в дни праздника прекращают работу на полях и отправляются на охоту. Охотники ставят в лесу капканы на белок, крыс, оленей, кабанов. Мясо оленя очень вкусное, но добыть его удается крайне редко. В колчанах охотников – отравленные стрелы, правда, в последние десятилетия в их арсенале появились и дробовики. Перед охотой мужчины идут к мири Аге. Та связывается с миром духов и предсказывает, будет ли охота удачной и каких животных удастся подстрелить. На этот раз мири лишь сокрушенно вздохнула: удачи охотникам не будет.

Войдя в лес, мужчины делают жертвоприношения лесным духам, оставляя под деревом еду и апонг, налитый в ствол бамбука. Тажир, проводник Брюса, нараспев произносит слова молитвы: «О, великий дух земли Лиу! Позволь нам войти в твои владения. Дай нам дичь, чтобы прокормить семьи!»

К несчастью, мири оказалась права. Охотники вернулись с небогатой добычей, хотя провели в лесу целый день. Они

специально ждали заката, чтобы войти в деревню затемно, опасаясь упреков сельчан. Охотники принесли лишь обезьян, крыс, белку-летягу и птиц. На следующий день жители деревни лакомятся дичью. Главное блюдо праздника – дикие крысы, приготовленные хозяйками так, что пальчики оближешь.

К арану заготавливают огромное количество апонга. Во второй день праздника люди ходят друг к другу в гости, пьют апонг и едят деликатесы. Тосты в честь духов следуют один за другим. Особенно величают духа Арти, который покровительствует крысам.

Деликатесом для духов считается хлеб роти. В нем запекают лягушек, а потом караваи подвешивают к крышам хижин. А для людей любимое кушанье – рис, тушенный с внутренностями диких крыс. Печень, почки, легкие, кишки грызунов служат начинкой для рисовых лепешек, завернутых в листья.

Кульминация праздника – принесение в жертву духам дикой свиньи. Такая жертва должна смягчить духов, и они пошлют ади хороший урожай, дадут хороший приплод скоту. Мясо свиньи делят между всеми жителями Ерсинга. Ади строят виселицу на центральной площади деревни. Свинью подманивают к виселице солью, ей на голову накидывают петлю. Веревку перекидывают через перекладину и вдесятером тянут за другой конец веревки. В это время мири Ага кружится в диком танце и выкрикивает заклинания, которые должны услышать духи. Когда Ага, закончив общение с духами, с диким криком падает на землю, животное испускает дух.

Последний день праздника посвящен танцам. Старики, одетые в национальные костюмы – серые кафтаны, высокие головные уборы и голубые бусы, – встают в ряд, танцуют и поют песню, в которой желают духам безопасного возвращения из деревни в лес. Затем в ряд встают девушки в белых блузках и юбках. Они поют о весне и любви, а юноши смотрят на них, выбирая невест.

В последний день арана Брюс навсегда покинул своих новых друзей. У многих из них на глазах стояли слезы, ведь они успели привыкнуть к этому человеку, пришедшему к ним из большого неведомого мира, куда, как говорят, духи даже и не заглядывают.

(По материалам И. Рыбакова)

Горчичное зерно – это мера?

Речь идет об одном горчичном зерне, о великой значимости его объема в деле высекания из камня изображения какого-либо индийского бога. В процессе многовековой практики скульпторов-камнерезов сложился строгий кодекс, определяющий размеры не только постамента статуи, но и всех частей фигуры и, главное, – черт лица

В Древней Индии сложилась целая наука строительства и украшения храмов, позволявшая создавать величественные сооружения

Древняя традиция утверждает, что учение о таких точных промерах сложилось задолго до прихода арьев в Индию. Имеются свидетельства «Ригведы», что они изготовляли из дерева небольшие грубо отделанные фигурки своих ведических богов, иногда даже выменивая их на зерно, но нет сведений о том, что это было распространенным промыслом. И больше того – их жрецы брахманы осуждали тех, кто изготовляет такие фигурки.

Но вот отряды их конных воинов, а за ними и обозы со стадами достигли северо-западной границы новой, неведомой страны, где сразу пришлось с боями захватывать плодородную землю, вытесняя и истребляя местное население. Год за годом стали протекать в попытках наладить и мирные контакты, смешаться с аборигенами, познать и усвоить их хозяйство, их

жизнь и их искусство. Пришлось увидеть, что эти местные жители умеют делать множество печатей из глины и камня, украшая их разными изображениями и даже буквами, которые до сих пор не прочитаны. Печати на верхней своей стороне несли самые разные картинки и в их числе тысячи видов животных, растений – и разных условных знаков, но лишь на нескольких из них были изображены люди, а главное – некий трехликий бог, впервые увиденный арьями.

Этот четко выгравированный на камне бог был изображен в позе сидящего йога, и черты его лица были точно вырезаны.

Удивление и восхищение сменяли друг друга в душах арьев, но их духовники-брахманы сразу запретили относиться к чужому богу с преклонением и пытаться высекать в камне образы своих богов, вера в которых была принесена с далеких северных лесов.

Запрет стал постепенно нарушаться – арьи расселились по Индии и повсеместно видели прекрасные каменные скульптуры, создаваемые местными мастерами. Соблазн подражания был столь велик, что и из их среды стали выделяться художники, увлекающиеся камнерезным делом, а следовательно, и стремившиеся так же красиво и выразительно изображать своих северных богов – солнечного Вишну, владыку гроз Индру и великого изначального Брахму.

Общий ход развития искусства привел к тому, что сложилась наука о правилах создания изображений богов, и дошла эта наука до такой тонкости, что выработались особые трактаты, точно предписывавшие не только все способы процесса ваяния, но и грозившие страшными карами за нарушения указанных приемов.

До исследователей дошел особый раннесредневековый документ, известный как трактат Бхартрихари, в котором можно проследить точнейшие предписания, обязательные к исполнению каждым художником. Больше того – трактат отражает древнейший уровень философского восприятия реальной действительности, определяет соотношение времени и пространства.

После такого предписания рекомендуется точно соотносить со временем каждое свое движение во время работы с материалом, а в этой работе не менее точно прибегать к предписываемым размерам используемых материалов.

Так, мельчайшей единицей материала считается пылинка, видимая глазом, – «раджас». Вслед за ней линия и объем измеряются горчичным зерном, затем зерном ячменя, причем восемь этих зерен составляют особую меру – «ангулу», которая в разных количествах определяет размер щек, рта, носа и объем изображаемой головы, а также всех членов тела.

Рост статуи, повороты ее тела, вся ее поза определялись точным количеством применяемых мер, от самой мелкой до ангул. В трактате точнейшим образом описывается и соотношение роста располагавшихся совместно фигур, и вот тут промеры велись с учетом вплоть до горчичного зерна.

В бесчисленные храмы Индии несут на своих стенах, воротах и в залах миллионы творений индийских зодчих, прославивших на весь мир их национальное камнерезное искусство.

Эти гордые ниханги

Эти удивительные люди оказались наиболее устойчивой сектой в среде сикхов, и их орден пользуется известной популярностью в современном Пенджабе

Ниханги должны видеть свое главное назначение в охране общины сикхов и в охране бедняков Пенджаба

Эта секта возникла, судя по преданиям, после смерти гуру Гобинда Сингха и была основана одним из его старших сыновей. По другим сведениям, она возникла в 60-х годах XVIII в.

Своего рода кульминационной точкой в процессе военизации общины сикхов явилось возникновение группы нихангов.

Ниханги не должны были иметь ни семьи, ни собственности. Они должны были видеть свое главное назначение в охране общины сикхов и в охране бедняков Пенджаба от притеснений со стороны богатых феодалов и иноземных захватчиков. Все свое время ниханги отдавали воинским учениям.

Во времена сикхизма из нихангов в основном состояли партизанские отряды, скрывавшиеся в лесах от могольских и афганских армий. Не будучи привязаны к земле и определенной деревенской общине, они могли легко передвигаться по стране и были почти неуловимыми.

Особенно прославились ниханги в XVIII в., во время войн с

афганскими армиями Ахмед шаха Дуррани и его наследников, в источниках XIX в. тоже часто упоминается их отвага и готовность к самопожертвованию. Ниханги неоднократно нападали и на английские полки и открыто покушались на жизнь английских чиновников и офицеров.

В конце XVIII и начале XIX в. прославленным главой нихангов был Пхула Сингх. Характерно, что, для того чтобы стать нихангом, он, родившийся в касте джатов-землевладельцев, отказался от своих прав на землю и вступил в секту нихангов как равный им безземельный сикх. Вблизи г. Наушеры (в современном Западном Пакистане) есть мавзолей, воздвигнутый в его честь.

Но в XX в., и особенно в наше столетие, эта секта постепенно вымирает, хотя ничего ускоряющего этот процесс не делает ни пенджабское общество, ни правительственные или административные органы.

Численность нихангов установить трудно, вероятно, их около 8 тысяч. Эта оценка основана на личных наблюдениях авторов. На ежегодный праздник Байсакхи (в апреле) все ниханги собираются в религиозных центрах сикхизма – в Амритсаре, в Анандпуре (город гуру Гобинда Сингха, где была создана хальса) и главным образом в местечке Дамдама, на юге Пенджаба, вблизи г. Бхатинды, где, по преданию, были обезглавлены предки основателей их мисаля.

Ниханги по обычаю являются общиной холостяков, хотя в последнее время у некоторых из них появились семьи.

Пополнение общины происходит за счет того, что некоторые сикхи (в основном из «низких» каст) посвящают своих мальчиков в ниханги и отдают их на воспитание членам этой секты.

Ниханги не имеют домов и ведут кочевой или, вернее, странствующий образ жизни. Никто не знает, где и когда они появятся и в каком числе. Никто из них не работает, в их среде считается унизительным зарабатывать себе на жизнь. Они приходят в деревни и требуют, чтобы им поставили такое-то количество продуктов, тканей и т. п., и крестьяне моментально выполняют их требования.

У нихангов есть лошади и скот, молочный и тягловый. Тягловый скот они используют только в упряжке, впрягая волов или буйволов в свои повозки и передвигаясь небольшими группами по дорогам Пенджаба. Повозки их часто напоминают дома на колесах, так как имеют высокие боковые стенки и крыты двускатной невысокой крышей. Задней стенки нет. Внутреннее помещение часто разделено на два этажа нарами. Спят и на нарах, и на дне повозки.

Из нихангов же состоит и своего рода гвардия гурдвар (сикхских молитвенных домов). В каждой гурдваре (в том числе и в Дели) можно увидеть несколько нихангов, составляющих ее почетный караул.

Облик членов этой секты чрезвычайно своеобразен – их можно сразу отличить в любой толпе. В их одежде чаще всего комбинируются два цвета – синий и желтый (хотя иногда их можно видеть и в белом). Одежда состоит из длинной (до колен или немного ниже) прямой рубахи с длинными рукавами и без ворота. Как все сикхи, они носят короткие штаны. Ниханги обычно ходят босиком, хотя на некоторых можно видеть пенджабские туфли с задранными острыми носами. На головах они носят, не снимая ни днем, ни ночью, тюрбаны (обычно очень высокие), накручивая слой за слоем иногда по пять-шесть нормальных пятиметровых тюрбанных отрезков. Иногда эти тюрбаны достигают метровой высоты.

Их тюрбаны обязательно украшаются спереди символами сикхизма – отлитыми или вырезанными из стали (или никелированного железа) моделями сикхского оружия. Обычно это украшение состоит из двух скрещенных кривых ножей – крипанов, над которыми вертикально возвышается плоское изображение обоюдоострого боевого топора, заключенное в круг, который символизирует собою чакру – метательный диск или кольцо.

Они всегда носят при себе несколько этих тяжелых металлических колец, надев их на тюрбан. (Эти стальные кольца играли также роль своеобразных шлемов, защищавших голову от удара мечом.)

В складках тюрбанов нихanги прячут также ножи, оставляя их рукоятки снаружи. Некоторые ниханги имеют луки и носят стрелы в колчанах за плечами.

На поясах, а также на перевязях через левое и правое плечи у них мечи в ножнах и кинжалы, а за спиной круглые кожаные щиты с четырьмя выпуклыми металлическими круглыми накладками.

У каждого ниханга обязательно есть также копье с широким металлическим наконечником.

К поясу ниханга часто бывает прикреплен мешочек для продуктов, а в руке он носит медный или бронзовый небольшой круглодон-ный сосуд для питья.

Ниханги, как и все сикхи, не бреют бород и усов и не стригут волос. Сикхи современных городов аккуратно накручивают бороды на шнур и туго подвязывают их, а ниханги носят бороды свободно.

Во время праздников (а ниханги, как и все сикхи, отмечают три больших праздника в году: Байсакхи, или Новый год, – в апреле, Хола-мохалла – на следующий день после весеннего праздника красок – Холи, и Дивали – осенний праздник огней) ниханги устраивают воинские состязания и джигитуют.

Одному из авторов этой книги довелось присутствовать на нихангском празднике в местечке Дамдама, где была устроена большая ярмарка в дни Байсакхи.

На месте состязаний немедленно мечами была вырублена стерня и трава, и ниханги расположились по краю большого прямоугольника, а в середине началась джигитовка.

Всадники, то стоя, то свисая с седла, бросали копья в цель или накалывали на копья пучки прутьев и травы, воткнутые в землю. Молодые расседланные лошади скакали рядом с обученными – так ниханги учат своих коней.

После джигитовки воины стали состязаться в умении владеть оружием. Оружие было в разных местах разложено на земле на разостланных полотнах, и каждый ниханг, перед тем как взять его, исполнял перед ним воинский обрядовый танец, состоявший из взмахов рук, прыжков и стремительных поворотов. Потом, преклонив колено и сложив ладони, он кланялся оружию и лишь после этого брал его и вступал в состязание.

Здесь можно было видеть, как пользуются чакрами в бою: эти кольца надевают на указательный палец или на два пальца – указательный и средний – и, сильно раскрутив, посылают во врага, целясь в шею. В прежние времена края чакр оттачивались, как бритва, но теперь для воинских игр употребляются затупленные чакры. Диаметр этих стальных колец бывает от 25 до 40 см, ширина обода кольца 3–4 см, толщина его у внутреннего края 3–4 мм. Вес их – 500–700 г.

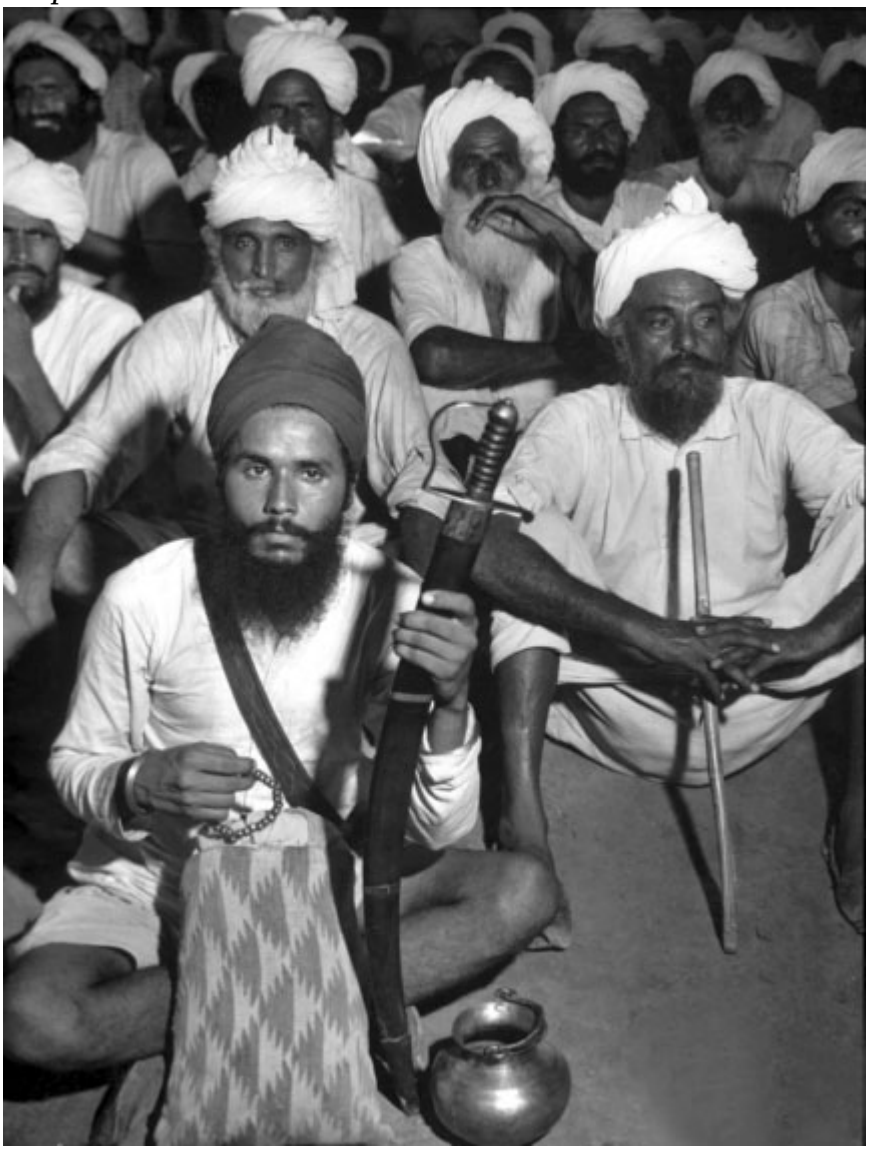
После окончания праздника ниханги снова рассеиваются по Пенджабу, для того чтобы встретиться вновь в дни следующего праздника.

Ниханги известны тем, что не боятся ни полиции, ни суда. Они не признают законов, и спорить с нихангом опасно: он без размышлений прибегает к оружию. Иногда достаточно взгляда, чтобы ниханг счел себя оскорбленным.

Многие считают, что само слово «ниханг» персидского происхождения и означает «крокодил». Есть мнение, что эта секта возникла как подражание аналогичным отрядам в составе могольской армии и что даже цвета одежды они заимствовали у этих отрядов.

Намдхари, или Непрочитанная история «армии куков»

Еще одной многочисленной сектой в сикхизме стали намдхари, или куки. Эта секта возникла в первой половине XIX в. из касты рамгархиа, видимо, прямо связанной с мисалем (общиной) Рамгархиа



В сикхизме существует множество сект

Можно полагать, что эта каста сформировалась на основе

одной из неджатских родо-племенных групп, приобретшей определенную профессиональную специализацию – члены касты были (и в основном являются и сейчас) плотниками и деревообделочниками, а также торговцами деревянными изделиями. Каста рамгархиа и сейчас является главным источником, пополняющим ряды секты намдхари. Многие намдхари стали также заниматься разведением и продажей породистого скота, считая, что это занятие предписано «Ведами».

Основателями секты и первыми ее адептами были представители торгово-ремесленных кругов пенджабских городов. Целью этого движения была борьба за возрождение сикхизма в его исходных формах, что неизбежно означало сопротивление усиливающейся власти феодальной знати, отрицание распространявшихся кастовых институтов. С середины 40-х годов XIX в. главой намдхари стал Рам Сингх (1815–1885) из касты рамгархиа. Он поселился в деревне Бхайни, вблизи города Лудхианы. Открыв здесь сначала лавку-мастерскую, а затем кухню (лангар), он стал проповедовать свое учение, призывая всех сикхов бороться за прежнее равенство.

Работа лангара очень помогала ему в распространении его учения, так как сюда приходили бедняки и выходцы из низших каст наравне с богачами и членами высоких каст.

Рам Сингх уделял большое внимание борьбе за рост пенджабского национального самосознания, основав школы, где детей обучали только на языке пенджаби. Был выработан новый кодекс поведения «рахатнама». Последователи Рам Сингха по всему Пенджабу распространяли его учение.

В своей антианглийской политике Рам Сингх стремился опереться на помощь других княжеств и стран, прежде всего на Кашмир, Непал и Россию. Так, он даже попытался создать в Кашмире освободительную армию, которая известна под названием «армии куков».

Рам Сингх запрещал обращаться в английские суды, требуя, чтобы все конфликты решались внутри общины.

Он и его последователи призывали к бойкоту и борьбе с англичанами, и их агитация нашла широкий отклик в среде городского населения и в армии.

В 1872 г. Рам Сингх был арестован и выслан. В 1885 г. он умер в тюрьме в Рангуне, но многие члены секты убеждены, что он не умер, а бежал в Россию, где живет и сейчас. Поэтому для намдхари в целом характерно очень дружественное отношение к нашей стране.

Создатели секты основали новую династию живых гуру. После Рам Сингха общину возглавил его брат Хари Сингх, а

затем-сын Хари Сингха, Пратап Сингх.

Современным гуру является его сын Джагджит Сингх. Его почитают «живым богом» на Земле и безоговорочно подчиняются каждому его слову.

Намдхари по своему образу жизни во многом не похожи на других сикхов, в особенности джатов. Подавляющее большинство сикхов ест мясо (кроме говядины), но намдхари являются строжайшими вегетарианцами. Сикхи, как правило, склонны к бурному и живому выражению чувств, но намдхари никогда не повышают голоса, и их идеалом является полное обуздание чувств и смирение. Сикхи любят праздники, песни, пляски, яркие одежды и украшения, и намдхари должны петь только религиозные гимны и одеваться только в белое безо всяких украшений, не должны танцевать и ходить в кино. У сикхов бывают случаи похищения девушек, они не останавливаются перед многоженством. У них до сих пор в некоторых случаях сохраняется кровная месть. Намдхари же придерживаются моногамии, женятся только на девушках, выбранных родителями, а все споры решаются у них главой области – субы или гуру всей секты.

Основная масса намдхари живет в северных районах Пенджаба (в области зарождения и действий мисаля Рамгархиа), но они целыми колониями живут и в других пенджабских городах и в Дели.

Костюм намдхари-мужчин состоит из белой прилегающей в талии длинной рубахи без ворота с прямыми рукавами и из белых, очень длинных и узких штанов на вздержке – пайджама, которые собираются в сборки на голени.

Их белые тюрбаны обычно повязываются таким образом, что налобная линия параллельна линии бровей, а не перекрещивается надо лбом, как у других сикхов.

Волос они не стригут, а собирают в пучок на макушке и закрепляют деревянными гребешками, как и все сикхи. Усов и бород не бреют, но, в отличие от городских сикхов, не подтягивают их шнуром к подбородку, а носят в роспуск.

Женщины-намдхари носят обычный женский пенджабский костюм, называемый «сальвар-камиз», т. е. платье до колен, слегка прилегающее по талии, и шаровары, схваченные у щиколоток. На голову набрасывают прямой шарф, называемый «чуни».

Ни женщины, ни мужчины не носят никаких украшений, кроме белой гирлянды четок из завязанной узелками шерстяной пряжи.

Характерен свадебный обряд намдхари, называемый «ананд»,

который отличается от обрядов всех других сикхов. Члены этой секты заключают браки два раза в году – обычно в мае и в сентябре, и для этого съезжаются отовсюду (из любой страны) в Пенджаб.

Одновременно вступают в брак 50—100 пар. Свадебный обряд был создан Рам Сингхом в июне 1863 г., когда он впервые таким образом сочетал браком 6 пар.

У намдхари нет обычая давать приданое, чем они резко отличаются от всех индусов, За проведение свадебного обряда они платят только одну рупию с четвертью (иногда эта цена поднимается до 13 рупий).

Все присутствующие на свадьбе садятся вокруг центральной площадки, на которой устраивается невысокий круглый алтарь, где горит священный огонь. Среди членов общины на ковре сидят музыканты и в их числе гуру Джагджит Сингх, который возглавляет оркестр, так как священной мелодии придается особое значение.

Несколько членов секты в состоянии экстаза (несколько дней и ночей они пели гимны и повторяли лозунг сикхов «вах гуру») выходят с распущенными волосами в центр круга и исполняют перед гуру род своеобразной пляски, кружась на месте, раскачиваясь и кланяясь до земли. Обычно через 20–30 минут такой пляски они теряют сознание, а им на смену выходят новые.

Когда пляски, пение, музыка оканчиваются, молодым дают «прашад» – сладкое причастие из пшеничной муки, сахара и топленого масла, обрызгивают их водой и они четыре раза обходят священный огонь.

Секта участвует в движении сторонников мира, и представитель семьи гуру Джагджит Сингха был делегатом Международного конгресса борцов за мир в Хельсинки в 1965 г.

Международные связи намдхари довольно широки, так как члены секты живут во многих странах, являясь обычно торговцами или скотопромышленниками. За разведение высокопородного скота и за охрану «прав коров» гуру Джагджит Сингху правительство Индии присвоило в 1965 г. почетный титул «Гопал Раттан» (это одно из имен бога Кришны).

Численность намдхари, по некоторым источникам, достигает 100 тыс., но по свидетельству самих намдхари она составляет 1 миллион.

Спутники человека

Танец кобры

Большинство людей испытывают к змеям неосознанное отвращение, другие откровенно боятся, но есть и такие, кто совершенно искренне влюблен в эти создания. И речь здесь не о серпентологах, а о населении целой страны. И это несмотря на то, что ни в одной стране мира не умирает столько людей от смертельных укусов змей, как в Индии. А их все равно любят и уважают, и даже устраивают в их честь праздники

Заклинатель змей

Экзотический праздник Наг-Панчами отмечается в Индии и Непале ежегодно не менее трех тысяч лет подряд. Змея занимает центральное место в индусской мифологии – Земля покоится на голове Шеши, гигантской тысячеглазой кобры, которая также является символом вечности. Поэтому индусы часто изображают вечность в виде змеи, поедающей собственный хвост.

Приверженцы индуизма – люди настолько набожные и наделённые таким богатым воображением, что склонны видеть божественное начало в объектах даже неживой природы. У индусов наиболее почитаема корова, непосредственно за ней следует кобра – грозная и эффектная представительница отряда рептилий. Поклонение кобре имеет богатое мифологическое обоснование и чрезвычайно разнообразную обрядовую практику.

Змея занимает почётное место во многих религиях мира. Но, пожалуй, нигде архаичный культ змеи не закрепился так широко и прочно, как в Индии. Наиболее наглядное подтверждение тому – профессиональные заклинатели змей, которых можно встретить на туристических тропах Индии, хотя «Общество защиты животных от жестокого обращения» ведёт интенсивную и небезуспешную кампанию против них. Ловля и укрощение змей – это наследственная профессия, которой занимаются определённые касты с невысоким статусом в социальной иерархии индуистского общества. Они знают, где и как поймать змею, чем кормить, как удалить ядовитые зубы и как создать иллюзию способности кобры реагировать на мелодию. Трюк этот несложен.

Как известно, змеи не слышат, и заклинатели просто подстраивают своё музыкальное сопровождение к движениям кобры. Это и есть танец кобры, которая делает стойку и начинает ритмично раскачиваться, как только открывается крышка корзинки, где её содержат.

У животных, как и у человека, нет иммунитета от змеиного яда. Вопреки распространённому мнению, не обладает им и мангуст – легендарный охотник за кобрами. В смертельной схватке он выходит победителем потому, что легко увёртывается от ядовитых зубов кобры и в подходящий момент перекусывает основание головы. Поединок мангуста с коброй – любимое ярмарочное зрелище в Индии.

Испокон же веков главная работа заклинателей змей – обслуживание свадеб. До сих пор сильно поверье, что их присутствие благоприятствует перспективам получить потомство.

Ещё одна профессиональная обязанность касты змееловов – обеспечивать ежегодный праздник Наг-Панчами, посвященный змеям. Он приходится на разгар сезона муссонов. Время его

проведения не случайно – дожди заливают норы и выгоняют змей наружу, что опасно для земледельцев, работающих в поле босиком. Наг-Панчами имеет всеиндийский характер. Суть ритуала едина – задобрить подношениями защитницу от змеиных укусов богиню Манасу (сестра легендарного повелителя змей Васуки, изображается в виде красивой женщины с золотистой кожей, восседающей на лотосе и опоясанной змеями). В этот день крестьяне не работают, заклинатели змей ходят по домам с кобрами в корзинках, а люди в знак поклонения змеям делятся с сапера молоком, зерном, деньгами и одеждой.

С наибольшим размахом отмечается Наг-Панчами в восточной части Индии – в Бенгалии и Бихаре. У змеиных нор производится дароприношение, сопровождаемое просьбами не кусать родных и близких.

В западном штате Махараштра процессия деревенских жителей, несущих глиняные горшки с только что пойманными кобрами, шествует к храму. Там заклинатели-сапера вытаскивают змей и заставляют их раздувать капюшон.

В Центральной Индии праздничный ритуал имеет несколько иной колорит: хозяин дома рисует в спальной комнате змеиные силуэты, после чего подносит дары жрецам-брахманам, а девушки бросают подношения в воду – обитель змей. В южноиндийском штате Тамилнаду детей, рождённых после праздника, нарекают именами Нагараджа либо Нагамани (наг на санскрите означает «кобра»).

Индийцы вообще стремятся избежать убийства змеи, особенно кобры, за исключением ситуаций очевидной угрозы для жизни. Это рудимент архаичного табу на убийство племенами своих тотемных животных, к коим нередко принадлежала и змея.

Бытует в Индии и масса других предрассудков, имеющих отношение к кобре. К примеру, считается, что эти рептилии живут парами, и если уничтожают одну половину супружеской четы, то другая неизбежно явится с целью возмездия. Действительно, часто так и бывает, подобные случаи нередко упоминаются в индийской прессе. Но этому факту найдено рациональное объяснение: подвергшаяся физическому воздействию кобра непроизвольно выделяет пахучие вещества феромоны, которые привлекают других особей.

Созданные различными племенами многочисленные легенды и мифы о змеиных богах сохраняются в устном творчестве индийцев на протяжении тысячелетий. Индийский фольклор изобилует поверьями и преданиями о враждебности либо милости к людям со стороны змей. Главные персонажи змеиного пантеона известны под именами Ананта (Шеша), Васуки,

Каркотака, Такшака. Богатое воображение людей наделило их недюжинной силой, мудростью, красотой и способностью принимать человеческое обличье. Во главе сонма змеиныхх духов стоит Шешнаг.

Наг-Панчами даёт не только возможность обезопасить себя от укусов змеи, это и своего рода день благодарения – выражение змеям признательности за спасение урожая от грызунов и, как полагают некоторые исследователи, также за яд, который успешно использовался врачами древнеиндийской системы медицины Аюрведы в составе лекарства для больных холерой как средство против обезвоживания.

Характерно, что не коварство, а мудрость, бессмертие, изящество и красота являются качествами, которыми чаще всего индийцы наделяют змеиные божества. Этот дуализм чётко прослеживается в индийском фольклоре. Так, популярный у индийцев божок-пастушок Кришна выступает героем легенды, в которой рассказывается о его победе над Калия нагом, отравлявшим своим ядом воды реки Ямуны, на берегах которой Кришна вырос. В то же время, когда только что родившегося Кришну тайно переправляли ночью в бурю через ту же реку в надёжное место, спасая от его злого дяди, раскрытый капюшон Шешнага прикрывал будущего народного героя от разбушевавшейся стихии.

В Индии и поныне есть поистине поразительные примеры почитания змей. Например, на юге страны, в штате Керала, получила развитие оригинальная практика привлечения кобр в храмы и даже в святилища в частных домовладениях. Во двориках многих домов, если позволяет место, выделяется специальный уголок с угощениями для пресмыкающихся. Эта на первый взгляд странная практика нашла своё толкование. Змеи – главные истребители грызунов, уничтожающих съестные припасы. К тому же крупные, размером с ондатру, крысы-бандикуты делают подкопы под неглубокие фундаменты сельских построек, что опасно, особенно в сезон проливных дождей. Получается, что благосостояние семьи обратно пропорционально числу грызунов и напрямую увязано с присутствием кобр.

В южных районах Индии каменные барельефы с коброй либо фигурки этой рептилии в характерной для неё стойке имеются в приделах многих храмов. Иконография индуизма пестрит экзотическими змеиными образами. Змея – непременный атрибут некоторых верховных индийских божеств. Так, шею грозного и всемогущего бога Шивы украшает всё тот же Васуки. Известны образы Шивы с несколькими кобрами, обвивающими его талию, руку или палец. Широко используемый в религиозно-культовой

практике фаллический символ – лингам, который отождествляется с Шивой, имеет атрибут в виде кобры с раскрытым капюшоном.

Во многих индийских храмах главное божество чинно восседает под зонтиком в виде капюшона кобры, как правило, с нечётным числом голов. Зонт в знойной Индии – символ власти, а символизирующая его многоголовая (чаще всего о пяти головах) кобра воспринимается как знак особого почёта. Некоторые исследователи видят в капюшоне пятиголовой кобры символ руки, дающей благословение.

Образы рептилий присутствуют в рисунках многих индийских племён, отображающих в своих произведениях как собственное мифотворчество, где заметно фигурируют вездесущие змеи, так и сценки из повседневной деревенской жизни, в которой не избежать встречи с этими тварями.

Извивающиеся змеиные формы свойственны традиционной архитектуре. С обеих сторон ворот в некоторых княжеских дворцах в Индии изображены кобры, что отражает закреплённую за ними в мифологии роль стража сокровищ. Индийские ремесленники часто прибегают к использованию змеиных форм в качестве декоративных элементов своих изделий. Бронзовая ритуальная утварь (сосуды, лампады, светильники) украшается изображением кобры с раздутым капюшоном. Заклинатели змей и поединок мангуста с коброй – очень распространённые сюжеты изящных резных поделок из камня, дерева, кости и фигурок из папье-маше. Кобра не обойдена вниманием и в индийской геральдике. К примеру, две танцующие кобры украшают герб династии Синдия, правившей в крупном индийском княжестве Гвалиор.

Таким образом, культ змеи – феномен, проникший во все слои индийского общества, насквозь пронизывающий менталитет большой части приверженцев исконных индийских верований и находящий своё богатое отображение в религиозной практике, фольклоре, литературе, изобразительном искусстве и зодчестве.

…Особенно красочно отмечают Наг-Панчами в южных штатах. В день наступления самого фестиваля люди ставят себе на головы горшки со змеями и направляются к храму богини Амбы. Эта процессия сопровождается народными песнями и танцами, а также специальными гимнами во славу кобры. После многочисленных ритуалов живность выпускают во внутренний двор храма. Кобры поднимаются на хвост, раздувают капюшон и начинают покачиваться, а завороженные зрители наблюдают это феерическое представление. Затем змей снова помещают в горшки и везут на воловьих повозках через десяток деревень.

Возле каждого дома процессия делает остановку, чтобы выпустить одну или две кобры, которые тут же проползают в сад или в жилище, где их снова кормят и осыпают пряностями.

Словом, фестиваль отличается пышностью и разнообразием, и второго такого праздника в мире не существует.

(По материалам О. Авдеева, журнал «Восточная коллекция»)

На хвосте Гаруды

Заслышав голос птицы, индийцы говорят: «Субол, субол!» («Принеси благую весть!») Кто знает, что находится на хвосте пернатой? Птицы тесно связаны с сезонами года: орлы, павлины и аисты предвещают муссонный период – тёмные грозовые облака, дожди. Но птица несёт и ещё какое-то послание. Вот только как его расшифровать?

Вишну верхом на Гаруде. Индийская статуэтка

Трактат «Агни-пурана» предлагает простой способ: грубые

птичьи клики предсказывают несчастье, нежное воркование – удачу, благо. Но не всё так просто! В народном представлении птицы-приметы разделяются на «благих» – предвещающих счастье сов и павлинов, и пророчащих несчастье ворон и орлов. Почему же совы благие, а вороны – нет? Известная притча гласит, что когда царь птиц Гаруда удалился на небеса, неся на себе бога Вишну, его подопечным пришлось искать себе второго, «земного», царя. Избрали сову, но, поскольку ворон на совет не позвали, это привело к войне между ними. Зато гусь – почти всегда посланник любви и благоденствия, чего нельзя сказать, например, о голубе.

Птицы – «транспортные средства» богов и богинь: гусь несёт на себе Брахму и Сарасвати, голубь – богиню Минкхарсаг, павлин – бога войны Картикейю или будду Амитабху, сова – богиню удачи Лакшми. Бог Джайякара, спутник Камадева, особенно популярный в буддизме, ездит в колеснице, запряжённой кукушками.

Часто птицы – это герои. В самых ранних зафиксированных в ведийских и эпических текстах «птичьих мифов» содержится мотив героического похищения. Какая-то большая птица (орёл?) уносит с горы растение для священного напитка сомы, Гаруда завладевает горшком с напитком бессмертия амритой, после чего он становится ваханой (ездовым животным) Вишну и помещается на его знамени.

Кроме того, сами божества могут превращаться в птиц. В один из храмов Маха-балипурама каждый день в полдень прилетают два белых орла, жрецы их кормят и считают воплощением Вишну.

В IV–V вв. связь совы и Лакшми утвердилась, можно сказать, официально, изображения этой птицы появляются на монетах.

Ворона – одна из семи страшных форм Великой Матери (Каки, Халима, Малини, Бримхита, Арья, Палата и Ваймитра). У богини Багламукхи, облик которой ужасен, – голова аиста. Она повелевает чёрной магией и ядами, наделяет своего адепта большой силой. Голубь, имеющий много имён, в «Агни-пуране» ассоциируется с царём загробного мира Ямой. Гуси – птицы богов Куберы и Варуны, а попугаи, любимцы древесных богинь якшинь, в которых могут превращаться нежные и чувственные апсары, сопровождают бога любви Каму.

Но по каким же признакам птица несёт благо или зло? Прежде всего, следует обратить внимание на её облик, голос, характер, привычки. Петух, сопровождающий бога войны Сканду и изображённый на его знамени, символизирует боевой дух. Павлин – воплощённое любопытство и сексуальность.

С другой стороны, птицы – прекрасная пища. Считается, что

мясо совы помогает сохранить память, мозг вороны препятствует старению, высоко ценится деликатесное мясо павлина, особенно его язык и мозг. Разные части тела птиц используются в магических целях: глаза для улучшения зрения, когти для достижения успеха.

Птицы – это также и жертвенные существа: голубей приносят в храмы, умерщвляют в ходе некоторых обрядов или же отпускают. Выпускание пойманных птиц – распространённый в индуизме и джайнизме обряд, часто его совершают в ходе свадебных процедур.

Но есть в Индии птицы, не подходящие ни для общения, ни для пищи, ни для жертвования. Грифы (санскр. Grdhra, буквально «жадный», «прожорливый») вроде бы со всех точек зрения ужасны. Чёрные или коричневые, они едят падаль, обитают в страшных местах и несут несчастье.

Пожалуй, наиболее благосклонное внимание им уделяют индийские парсы (зороастрийцы), что связано с их погребальной практикой. Парсы помещают покойников в особые «башни молчания» – дакхмы, чтобы грифы пожрали плоть умершего. Этот обычай многократно и красочно описывался в путевых заметках и рисунках путешественников.

Гаруда, получеловек-полуптица, сын мудреца Таркшьи и птицы – дочери Дакши Винаты, стал царём всех птиц. Когда он родился, боги были ослеплены сиянием, исходившим от его тела; они приняли его за Агни и восславили как олицетворение солнца.

Есть и другие версии, согласно которым все птицы, в том числе и грифы, – непосредственные потомки Гаруды.

Итак, с одной стороны, все птицы обладают светлой, солнечной природой: они обитают в небесном пространстве, борются с противниками богов. Но, с другой стороны, все они – существа низкие: питаются насекомыми, лягушками, змеями, не говоря уже о птицах-падальщиках, связь которых с потусторонним миром и обителью смерти очевидна.

Героическое и страшное, благое и ужасное оказываются переплетёнными между собой даже в образе павлина – национальной птицы Индии, символа красоты, непомерной сексуальности, мужества и бессмертия. Павлин славится своим эгоизмом, агрессивностью, умением убивать врагов. Не случайно бог войны Сканда выбрал его в качестве своей ездовой птицы. Как и Гаруда, павлин – сарпабхуджа, «пожиратель змей». Павлиньим пером исцеляют укусы пчёл и змей, его используют также при изгнании демонов. Связан павлин и с миром мёртвых: на погребальных урнах Хараппы есть изображения павлинов, из которых вырастают растения, а на брюхе видны маленькие

человечки (возможно, души покойных). Павлины охраняют вход в рай, но их можно встретить и в преисподней.

Всё великое разнообразие индийских птиц объединено на земле физически во множестве птичьих заповедников, религиозно – в известном центре паломничества Пакшитирхе. На небесах же ощутимые на земле различия и вовсе исчезают. Летящие птицы становятся светлыми звёздочками в Вихайе – «птичьем пути», который мы называем Млечным.

(По материалам С. Рыжаковой, журнал «Восточная коллекция»)

Слон в труде и бою

Поверите ли вы, если вам расскажут, что видели глазами торс живого человека, который до пояса возвышался над поверхностью океана и двигался прямо вперед, оставляя по сторонам пенистые струйки воды, рассеченной его телом? Нет, не поверите.

В Индии слоны часто содержатся при храмах

И только приблизившись к береговой линии, мы увидели нечто, действительно похожее на чудо, – торс пловца стал вдруг вырастать, а когда весь человек всплыл из воды, мы увидели, что он сидит на чем-то, что было похоже на риф, но этот риф оказался потом большим живым слоном, который тоже постепенно вырос из воды во весь свой рост и направился на остров.

Слоны – отличные пловцы, любят воду и не боятся ее ни в каком объеме – переплывают глубокие и широкие реки и даже, чему мы были свидетелями, переносят на спине семьи своих хозяев на соседние острова, погружаясь с головой в океан и лишь иногда выставляя над водой кончик хобота, чтобы вдохнуть требуемую порцию воздуха.

Хозяева плавают на слонах и в одиночку и группами, отправляясь к соседям на праздник или с острова на материк.

Слон в этих краях – это и средство для транспортных перевозок, и верховой конь для своего хозяина, и верный друг каждого члена вырастившей его семьи.

После ознакомления со всеми описаниями слонов и со многими данными об их роли в истории Индии невольно начинаешь понимать, что они пережили сотни лет одомашнивания и использования их в самых разных целях.

Начиная с незапамятных пор – установить дату не удалось ни историкам, ни зоологам, – жители Индии стали сопрягать свою жизнь с существованием слонов в их лесах. А леса здесь были по всей земле настолько часты, что в легендах их называли только одним словом – дебри. В одном из мифов говорится, что слон изначально стал ездовым животным бога Индры, который некогда мог освободить солнце от вечного мрака, а еще мог владеть ливнями и грозами.

С течением веков стала складываться особая группа людей, которых обычно называют погонщиками слонов, но это не точное название. Их распространенное старинное наименование – «махауты», которое обозначает могучий, всесильный (что восходит к санскритскому «махауджа»). Эта группа стала кастой, что естественно в процессе разделения общества на профессиональные изолированные группы, но эту касту отличает ряд особенностей, и в том числе свой «закрытый» язык. В нем есть и слова и обороты разговорной речи каждой данной местности, но есть и много слов особой структуры. Иногда полагают, что это элементы, дошедшие от времен цивилизации Инда, т. е. от III тыс. до н. э. В лингвистике нет сведений об истоках этого языка, но в Индии о нем говорят как об особом наречии. К какой бы глубине времен он ни относился, широкой известностью пользуется слух о том, что язык этот запретен, что узнавать его могут только сыновья махаутов, тогда как женщины их семей знать этот язык не должны, и более того по некоторым слухам, махауты могут даже убить того члена своей общины, кто научил какого-нибудь чужака их тайному языку.

О сравнительно недавней истории слоноводства в Индии можно почерпнуть многие сведения из редчайшей в истории мировой литературы книги – из трактата о праве и государстве, который был создан в III веке до н. э. Он известен под названием «Артхашастра», что принято переводить как «Учебник о пользе (или целесообразности)». В своих многочисленных разделах он содержит не только ряд небольших сведений по проблеме общения со слонами, но и отдельные главы, содержащие подробные данные о процессе отлова, воспитания и использования слонов.

Не иссякающий интерес к дальнейшей судьбе слонов после их поимки заставит любого читателя «Артхашастры» заглянуть в особый 48-й раздел, посвященный обращению со слонами. В этом обширном и детально разработанном разделе содержится ряд четких указаний, относящихся к конкретным работам по должному обращению со слонами и по их содержанию. Ответственность за проведение таких работ и за их порядок возлагалась уже во второй половине I тыс. до н. э. (напомним, что эти описания относят к его III веку) на особых чиновников, именуемых надзирателями, которым подчинялся целый штат ветеринаров, сторожей, поваров, уборщиков и, наконец, вожаков слонов, тех, кого и называют махаутами.

Не углубляясь здесь в попытки отыскать начало истории слоноводства, вернемся к судьбе отловленных слонов. Требовалось сразу определить их качества по четырем признакам: подлежащие обучению, боевые, верховые и дикие. Тут же должны были быть выявлены личные данные слонов и приведены 5 особых способов входить в контакт с теми, которых посчитали подлежащими обучению. В такие данные включалось прежде всего то, позволяет ли слон на себя взбираться, а дальше следовала необходимость обучать его, привязав к столбу, заведя в воду и т. п.

Из числа подходящих сразу выделяли тех, кого определяли для выездов царя и вельмож, а также для участия в торжественных процессиях. Боевых слонов обучали по сугубо специализированным методам – им прививали умение спокойно стоять, ловко поворачиваться, наступать на врага, сокрушать его слонов, коней с колесницами, крепости и целые поселения. В этот метод входило и приучение их к групповому совместному действию. Верхового слона обучали послушанию разным видам команд, касающимся его хода, как в одиночку, так и в группе, и, чему придавалось важное значение, его действиям на охоте. Если пойманного слона определяли как дикого, то его следовало подчинять только грубой силе, опасаясь при этом его хитрости и умения прикидываться смирным.

Здесь же приводятся наставления, касающиеся изготовления упряжки для слонов, боевых для них доспехов, беседок и сидений для людей на их спинах и, конечно, разнообразнейших способов украшать их в торжественные дни, начиная от нанесения на их кожу цветных росписей до изготовления ярких уборов, включая и ювелирные, иногда очень дорогие изделия.

Уход за слонами в стойлах требовал особого внимания. За их здоровьем, питанием и за общим режимом следили тогдашние ветеринары, а слуги, сторожи и махауты отвечали за исполнение

их указаний и за порядком. В случае упущений на обслуживающих лиц налагались кары, от вычитания из жалованья разных штрафов до телесных наказаний и даже казни.

В сложности приготовления питания для слонов мы здесь вникать не будем, но повторим снова, что такие условия ловли и воспитания слонов были выработаны, само собой разумеется, за очень длительный срок.

Взращивая слонят, махауты приучают их к командным словам и в течение всей дальнейшей с ними работы доводят их послушание до полного подчинения. Махауты помогают себе в деле управления слонами многими условными движениями, похлопываниями ногой или стрекалом по голове или ушам и тому подобными приемами, которые вырабатывались веками в практике обращения с этими мощными гигантами.

Издревле, с начала сложения в Индии местных мелких государств, слонов особо приучали к несению военной службы и воспитывали, проводя их взаимные тренировочные поединки, которые привлекали много зрителей и служили любимым развлечением раджей и махараджей, бывших владельцами боевых слонов.

Предания повествуют обо всем, что связано с подготовкой боевых слонов, и в том числе об изготовлении особых средств их защиты от получения ран и увечий в бою – описаны методы изготовления накладок на лоб и хобот, защитных же не пробиваемых стрелами и даже мечами нательных покрывал из нескольких слоев грубой ткани и накладок на передние ноги. Описано и вооружение слонов. Так, для упрочения их клыков изготовлялись заостренные металлические чехлы, и больше того – на бока слонов крепили широкие ремни с торчащими в обе стороны остро отточенными кинжалами, что тоже должно было поражать противника, когда нападающий слон врывался в его ряды.

Слон в бою – это было страшное средство добывания победы. Не только в эпических сказаниях «Махабхараты» описаны такие битвы. Известны также и исторические войны, в которых использовалось много слонов.

Воспитанный правильно слон – это доброе, умное и послушное хозяину махауту животное, и в Индии слоны заняты на самых тяжелых для человека работах. Но ведь там есть и дикие, лесные слоны, и конфликты между ними и сельскими жителями часто имеют место. Необходимый процесс расширения культивируемых посевных участков неизменно связан с вырубкой лесов, и слоны выходят на поля в поисках пищи, да и пространства, необходимого им для жизненного движения.

В наше время в Индии тоже проводится отлов лесных слонов. Это нелегкая и опасная работа, и для нее обычно нанимают людей из лесных племен. На заданном месте они возводят ограду из глубоко закопанных в землю толстых бревен, куда загонщики-махауты, сидящие на своих обученных слонах, умело направляют ход лесных слонов. Трудной задачей ловцов является отделение слонят от взрослых животных, но это дело необходимое, как необходимо и привязывать их на определенное время за задние ноги к стволам деревьев, отделив от матерей-слоних.

За всеми этими процессами строго наблюдают члены специализированных государственных организаций, в ведение которых входит и надзор за действиями лесников, а также и ответственность за полную недопустимость охоты на слонов и контрабандной добычи ценной слоновой кости.

В современной Индии слон является строжайше охраняемым животным, и браконьеры, убивающие слонов ради обретения дорогого поделочного материала – слоновой кости, подлежат чрезвычайно серьезной ответственности.

К тому же, говоря здесь о ценности слона, надо вспомнить и о том, что его охраняет религия, а не только полиция. Ведь бога по имени Ганеша, изображают со слоновьей головой, и все индусы глубоко почитают его.

Так что слон – это не просто часть индийской фауны, но и значительный элемент древней национальной культуры Индии.

Скажем в заключение, что многие секреты взаимоотношений человека со слоном все еще не поддаются разгадке и продолжают считаться одной из тайн индийской культуры.

На пороге реальности

Культ камней у племени нага

Для религиозных представлений большей части горных народов Восточной Индии характерно наделение сверхъестественной силой окружающих предметов и явлений. От отношения этих сил, как активных (ураган, солнце, землетрясение), так и пассивных (камни, деревья), зависит жизнь человека и благополучие

Воин народа нага

Очень интересен и во многом загадочен культ камней у нага – многочисленной группы племен и народностей, населяющих

горы Нагаленда и некоторые сопредельные районы Ассама.

Избранным камням нага приписывают сверхъестественные силы, которые могут влиять на судьбы людей, отсюда вытекает необходимость их почитания и умилостивления.

Самая примитивная и, по-видимому, очень древняя форма поклонения камню находит выражение у нага в камнях-фетишах, камнях-талисманах, с которыми связывается удача в обычных житейских делах. В основе фетишизации камней у нага лежит вера в то, что камень окажет своему хозяину конкретную помощь в определенном деле. Однако в отдельных случаях камень может выступать в более общем виде магического покровителя целой деревни.

Обычно в качестве талисманов выступают небольшие камни, чаще всего какой-нибудь оригинальной формы или цвета. Примером могут служить круглые черные камешки у ангами нага, которые, по поверью, благоприятствуют урожаю. Обычно их кладут в амбары или постройки, где хранится рис. Раз в год в честь этих камней-оберегов приносятся жертвы. Интересно, что в отдельных случаях эти камни-талисманы наделяются некоторыми чертами и особенностями, свойственными людям.

Кроме камней, способствующих урожаю, имеются талисманы, обеспечивающие удачу во время войны, охоты, торговли и т. д. Как правило, к этим камням обращаются с дарами не по определенным дням, а от случая к случаю, по мере того как возникает потребность в их содействии.

Особенно широко бытуют камни-талисманы у лхота нага, которые обозначают их термином «оха».

У лхота есть различные категории оха. Одни из них считаются магическими покровителями всей деревни. Хранят их обычно в деревенском святилище, например под старым деревом, традиционным культовым центром в большинстве деревень нага. Магия вторых оха распространяется только на часть деревни; их помещают чаще всего в «морунг» – «дом холостяков» (в больших деревнях лхота нередко бывает несколько морунгов). Эти две категории камней-талисманов, как правило, передаются из поколения в поколение, и число их остается постоянным. Третью категорию составляют индивидуальные талисманы-оха, подобные камням-оберегам: они благоприятствуют урожаю, обеспечивают удачу в торговых операциях (эти оха держат в сумке с деньгами) и т. д.

В отличие от общедеревенских оха число индивидуальных талисманов продолжает пополняться в течение всей жизни владельца: человек подбирает на дороге привлекший его внимание камень и ждет случая, чтобы выяснить, в чем проявятся

благодетельные свойства оха. Если первая удача будет в охоте, значит, камень – охотничий талисман, если уродится хороший урожай – это талисман плодородия и т. д. Так рождается фетиш.

Наряду с оха, приносящими удачу, известны и недоброжелательные, вызывающие болезни и несчастья; если хозяин выбросит такой камень, он умрет.

В представлениях и легендах нага камни действуют, как живые люди, и наделены свойствами последних. Одушевленные камни имеют личное имя, они способны вступать в брак, производить потомство, между отдельными камнями могут существовать дружественные или враждебные отношения.

Так, поблизости от деревни сема нага Лаземи имеется пара камней, которую жители деревни рассматривают как мужа и жену. О точном местонахождении камней знают лишь деревенский жрец и два старика, которые иногда (примерно раз в три года) выкапывают их для совершения тайной церемонии почитания.

Нередко камням приписывается сверхъестественная способность вызывать различные стихийные бедствия. У ангами в деревне Пхесама в русле реки расположен камень, носящий имя Ньиело. Огромный, белый, он как бы излучает сияние. Нага верят, что этот камень способен вызывать бурю. Они рассказывают, что однажды жители деревни, которые ловили в реке рыбу, выкатили мешавший им монолит на берег. Немедленно поднялась неистовая буря, которая прекратилась лишь тогда, когда камень был возвращен на место.

Не только в горах Нага, но и на некоторых соседних территориях (например, в горах Кхаси) широко распространены легенды о войнах и битвах между камнями. У нага представления о сражающихся камнях получили наиболее полное воплощение в рассказе племени лхота нага об одном из самых популярных священных камней. Этот огромный валун, носящий имя Деолунг, находится на дороге между деревнями Лакхути и Акук.

Рассказ о битве камней вкратце заключается в следующем: в самые отдаленные времена на Деолунга напал другой гигантский валун – Таррлунг, который отрубил ему голову. Деолунг призвал на помощь своего друга Матиши (тоже камень), который вооружился острым бамбуковым копьем и нанес Таррлунгу тяжелую рану. Последний едва имел силы добраться до реки Доянг, куда он и скатился. До сих пор в этих краях показывают отрубленную голову Деолунга – неотесанный камень, лежащий поблизости от самого монолита. Неподалеку находится и Матиши – камень, который считается другом Деолунга. Жители говорят, что время от времени он издает глухое рычание, которое

считается предвестием какого-либо несчастья.

Таким образом, антропоморфные представления о камне достигают логического предела: камень оказывается смертным.

И в заключение рассказа об оживотворенных камнях нага хочется привести еще один интересный факт персонификации камня, на этот раз у сема нага: близ деревни Натсима находится черный, блестящий камень, 45 сантиметров в длину, непохожий на окружающие. В 1912 г. говорили, что ему от роду шесть лет и что за это время он вырос втрое. Отмечалась также его способность менять цвет. Камень этот интересен тем, что ему была создана слава оракула: при нем жил специальный толкователь, который открыл этот камень и теперь задавал ему вопросы, связанные с будущим, причем вопрошающий проделывал это, находясь в состоянии транса.

Рассказывали, что этот камень по ночам принимает человеческий облик, в котором он и явился первоначально своему первооткрывателю, повелев ему перенести себя с поля на нынешнее место – в расщелину скалы. В этом же якобы антропоморфном виде камень выступает в качестве оракула и дает ответы на вопросы своего толкователя.

В оживотворенных камнях подразумевается присутствие особых, скрытых магических способностей, отсюда – стремление умилостивить камень и тем самым оградить себя от несчастий.

В некоторых случаях почитание камня требует строгой тайны и касается лишь самого узкого круга лиц.

Что же стоит за отношением к камню как к живому существу, за наделением его антропоморфными свойствами? Нет ли здесь древних связей с тотемными представлениями, которые приходят на память в связи с некоторыми деталями обряда поклонения камню? К сожалению, мы не располагаем достаточными данными, чтобы ответить вполне определенно на эти вопросы.

(По материалам С. Маретиной)

Долина Смерти в Ладакхе

Ладакх – пустынный регион в Индии (восточная часть Джамму и Кашмира), окруженный заснеженными пиками гор. Долина Смерти – безжизненная межгорная впадина длиной около 225 километров в пустыне Мохаве, на востоке Калифорнии и юго-западе штата Невада

Пейзаж Ладакха

Эти два неприветливых местечка, расположенные довольно далеко друг от друга, имеют удивительно схожую топографию. Тех, кому посчастливилось побывать в Ладакхе и калифорнийской Долине Смерти, невольно посещает мысль о том, что обе эти территории являются зеркальным отражением друг друга…

Долина Смерти – самое засушливое и жаркое место в мире, лежит на 86 м ниже уровня моря. К тому же в ней находятся… ползающие камни! Каким-то непостижимым образом огромные валуны перемещаются с места на место, и исследователи аномальных явлений считают, что подобные феномены в чем-то сродни полтергейсту.

Ладакх же – высочайшее плато с перепадом высот от 2750 до 7672 м над уровнем моря. Многие называют этот край Шамбалой, или маленьким Тибетом. Повсюду можно видеть разных оттенков

камни, которые так же, как и в калифорнийской Долине Смерти, время от времени меняют свое местоположение!

Во время почти арктической зимы, когда столбик термометра опускается до отметки -40 ˚С, жителям Ладакха остается уповать только на самих себя. Считается, что это самое холодное место на Земле после Антарктиды и Сибири. Жители занесенных снегом поселков Ладакха вынуждены почти шесть месяцев в году сидеть дома, питаясь провизией, запасенной с лета. И это – рядом с индийскими тропиками!

А вот в жаркое время года температура здесь поднимается до +37 ˚С, чуть-чуть не дотягивая до своего природного двойника – Долины Смерти в Калифорнии.

Ладакхцы – нация, получившаяся в результате смешения различных рас. Здесь, кроме того, живут дарды, считающиеся потомками великих арийцев.

За предсказаниями и советом, как жить дальше, ладакхцы обращаются к тантрикам-отшельникам, сведущим в оккультизме, а в случае болезни прибегают к помощи шамана.

О загадочных событиях, на протяжении веков происходящих в калифорнийской Долине Смерти и Ладакхе, известно многое. В старинных книгах и хрониках описаны многочисленные случаи падения с неба «горячих» камней. Есть сведения и о звездочках, беспорядочно двигающихся по небу. А рассказы очевидцев о встречах с пришельцами с других планет один необычнее другого! Пришельцы с завидным постоянством появляются именно тогда, когда путники либо теряют дорогу, либо находятся еще в каких-то экстремальных ситуациях.

Практически всегда эти загадочные существа стараются выдать себя за местных жителей, хотя их внешний вид, отсутствие фляг с водой и специального снаряжения, необходимого путникам в тех суровых условиях, сразу же их разоблачает.

Есть сообщения о встречах со странными существами ростом всего несколько десятков сантиметров! А легенды о «водяных» людях-призраках повествуют, что время от времени ночью и на рассвете у подножия гор можно встретить сидящего на корточках человека, который безотрывно смотрит на вершину горы. Его силуэт поражает какой-то смазанностью, а кожа – неестественной бледностью. «Водяные люди», как их здесь называют, в контакт с местными жителями не вступают, при их приближении немедленно окутываются туманным облаком, в котором и исчезают.

Свидетельств появления НЛО в районах Ладакха и Долины Смерти также накоплено немало, но именно в XX веке это явление стало массовым. То тут, то там в небе над этими

территориями возникают светящиеся точки, которые меняют свою форму, то приближаясь к наблюдателям, то удаляясь от них. Особенно часто появляются загадочные летательные аппараты дисковидной формы зимой, в снежные бури, метели, туманы. Они маневрируют очень близко к поверхности земли, кружатся над горами, изливая на их вершины свет мощных прожекторов.

Старожилы этих мест шепотом передают из уст в уста леденящую душу историю о приземлении в конце Второй мировой войны НЛО у монастыря Ламаюру. Говорят, что тогда из аппарата вышли несколько карликов, которые не позволили людям подойти к себе, сражая особенно любопытных лучами из трубок, которые держали в руках…

А как объяснить странные звуки, возникающие каждую ночь, как правило, в три часа, похожие на дробный стук множества молоточков по железу и идущие с юго-запада?

Однако всерьез изучением всех этих странностей так никто до сих пор и не занимается.

Кстати, по одной из смелых гипотез, выдвинутой группой американских ученых-энтузиастов, пытающихся проникнуть в тайну этих мест, на одной планете могут существовать два вида разумной жизни – белковые соединения, наделенные интеллектом, то есть мы с вами, и… мыслящие камни. Возможно, и самопроизвольно передвигающиеся камни Ладакха и Долины Смерти, будучи мыслящими субстанциями, сами определяют место своего нахождения и выбирают свои способы взаимодействия с окружающей средой.

(По материалам С. Романовой)

НЛО в Древней Индии?

В индийском городе Хайдарабаде состоялся общенациональный симпозиум «Наука и техника в Древней Индии», где речь шла об удивительных летательных аппаратах и загадочном городе Мохенджо-Даро, сожженном оружием чудовищной силы

Рама и Сита на летающей повозке. Храмовый рельеф

«…Когда наступило утро, Рама, взяв небесный корабль, приготовился взлететь. Тот корабль был большим и прекрасно украшенным, двухэтажным со многими комнатами и окнами. Корабль издал мелодичный звук перед тем, как взмыть в заоблачные выси». Так описывается в древнем индийском эпосе «Рамаяна» старт бога-героя в небесном корабле. И это не единственное свидетельство – во многих текстах на санскрите есть рассказы о том, как боги сражались в небесах, используя некие летательные аппараты виманы, оснащенные неким оружием. Например, в книге великого мудреца Махариджи Бхарадваджа «Виманик Пракаранам» (в переводе с санскрита «Трактат о полетах») упомянут, скажем, мощный сноп света, который мог сфокусироваться на любом объекте и его уничтожить.

Многие древние манускрипты содержат технические подробности древних аппаратов со словами, которые в переводе

означают «тяга», «графит», «покрытые медью катушки», «кристаллические индикаторы». Изобилуют подробными инструкциями по управлению виманами. И если им верить, то эти аппараты были способны зависать в небе и резко менять направление движения. Чем не НЛО?

Известно, что Индией и Тибетом интересовались нацисты, которые, по слухам, прославились своими «летающими тарелками». С начала 1930-х годов каждый год они посылали в эти места экспедиции.

По легендам, древнюю индийскую империю Рама 15 тысяч лет назад разрушило некое мощное оружие. Английский исследователь Дэвид Давенпорт, проведя анализ «Виманик Пракаранам» и «Рамаяны», где описана сила этого оружия, пришел к выводу: город Мохенджо-Даро, относящийся к древнейшей доарийской цивилизации в бассейне реки Инд на территории Пакистана, и ряд других городов, расположенных поблизости, были уничтожены атомными взрывами. Вот что сказано об одной из битв: «Гурка (Gurkha – божество), прилетевший на быстрой и мощной вимане, послал против трех городов мощный одиночный снаряд, заряженный всей мощью Вселенной. Сверкающий столб дыма и огня вспыхнул как десять тысяч солнц… Погибших людей было невозможно распознать, а выжившие прожили недолго: у них выпали волосы, зубы и ногти». Похоже на Хиросиму?

Самое главное: на руинах Мохенджо-Даро явственно просматривается воздействие очень высокой температуры и сильнейшей ударной волны. Найденные в эпицентре предполагаемого взрыва осколки керамики оплавлены. В этих местах обнаружен и песок, превратившийся в стекло.

Если верить древним текстам, то у богов имелись по крайней мере четыре различных типа летательных аппаратов – «Рукма Вимана», «Сундара Вимана», «Трипура Вимана» и «Шакуна Вимана». Первые два имели коническую обтекаемую форму, были трехъярусными. Движители располагались в основании. «Трипура Вимана» – корабль покрупнее, многоцелевой. Аппарат предоставлял возможность использовать его как для воздушных, так и для подводных путешествий. Материалами для виман – согласно «Виманик Пракаранам» – служили три вида металлов: «сомака», «саундалика», «мауртхвика», а также сплавы, которые могли выдерживать очень высокие температуры.

Целая глава «Виманик Пракаранам», рассказал доктор Нарин Шетх, посвящена описанию уникального прибора «Тухагарбхадарш янтра», который устанавливался на летательном аппарате. Как утверждается в древней книге, с его помощью

можно было с высоты определять местонахождение укрытых под землей предметов. По мнению некоторых экспертов, речь идет о радаре, способном реагировать на замаскированные средства ПВО противника.

Прибор состоял из 12 блоков. Их детали содержали своего рода полупроводники «Чамбак мани» – сплавы, которые были источником «шакти» – «силы». В данном случае, по мнению Нарина Шетха, речь идет об «источнике мощного излучения», способном выявлять укрытые под землей предметы, посылая микроволновые сигналы и принимая их.

Нарину Шетху понадобилось три года, чтобы определить 14 материалов, из которых, согласно формуле, состоит сплав «Чамбак мани». Затем при содействии Индийского технологического института в Бомбее ученому удалось изготовить его. Сплав описан как «твердый материал черного цвета с магнетическими свойствами, не растворимый в кислоте». В нем, в частности, присутствуют кремний, натрий, железо и медь.

«Гухагарбхадарш янтра» – лишь один из 32 приборов, которые, согласно описаниям, могли быть установлены на летательном аппарате. Другие, по нынешним понятиям, выполняли функции радара, фотоаппарата, прожектора.

Были там еще и некие зеркала с линзами для визуальных наблюдений. Так, одно из них, называемое «Зеркало Пинджулы», предназначалось для защиты глаз пилотов от ослепляющих «дьявольских лучей «противника.

Автор другого трактата «Виманика шастра», пишет, что виманами мудрецы древности называли аппараты, способные перемещаться со скоростью птицы. С самого начала ясно, что речь идет прежде всего о боевых машинах, поскольку среди секретов, которые должен знать воздухоплаватель, выделены следующие – надо «узнавать маневры врага, определять, откуда враг наступает, владеть stabdhaka (умением парализовать) и karshana (искусством притягивать, словно магнитом)». Касательно атмосферы сказано: «В результате столкновения в атмосфере электрической энергии и энергии ветра, образуется зарево, отражение которого можно уловить при помощи зеркала, закрепленного спереди виманы, и посредством его манипуляции добиться маскировки виманы».

Согласимся, что даже где-нибудь в XIX в. такое написать было сложновато.

Громоподобный звук создается не при преодолении звукового барьера (хотя в «Махабхарате» есть и такие намеки), а путем регулировки силы воздуха «в семи трубах виманы». Пилот может впадать в кому (анабиоз?). Из тактики воздушного боя: «Когда

виману атакует эскадрилья вражеских летательных аппаратов, то поворачивают переключатель, расположенный в самой верхней части виманы. В результате, вимана начнет быстро вращаться, оборачиваясь всеми сторонами». Из средств наблюдения: «При повороте ключа на дне виманы, появляется белый экран», на него проецируется все, что происходит на земле. И что-то вроде локатора – «если повернуть ключ на передней части виманы, то янтра dishaamoati покажет, с какой стороны приближается вражеский летательный аппарат». Технологии «стелс» – если нанести некое вещество «на внешнее покрытие виманы, состоящее из пластинок слюды, и подвергнуть действию солнечных лучей, то летательный аппарат сольется с небом и станет неразличимым». Из ударного оружия описаны как использование ядовитых паров – «люди во вражеских летательных аппаратах лишатся чувств», так и огненный бой – «добиваются того, чтобы горящая шакти охватила летательный аппарат врага и уничтожила его». Для последнего надо воспламенить вещество, находящееся в центре виманы, и изменить температурный режим с помощью переключателей, установленных в обоих крыльях…

Не только в Индии находят документы, подтверждающие подобные полеты. Китайцы, к примеру, обнаружили несколько древних текстов на санскрите в Лхасе (Тибет) и передали их для перевода и изучения в университет в городе Чандридарх. Как сообщила доктор Рут Рейна, в документах рассказано о конструкциях межзвездных космических кораблей! Описаны и двигатели. Судя по всему – антигравитационные, в основе которых некая энергия под названием EGO.

Доктор Рейна сказала, что, согласно документу, эти машины назывались «астра» и на них древние индийцы могли посылать людей на любые планеты.

В индийском эпосе «Рамаяна», например, описано довольно подробно не только межзвездное путешествие на «астра», но и сражение на Луне между древними индийцами и воздушным кораблем атлантов “вайликси”, который одинаково хорошо маневрировал в атмосфере, космосе и под водой.

Если верить подобным источникам, то Империя Рама существовала параллельно с Атлантидой. И даже конкурировала с ней.

Но насколько правдоподобны подобные теории? Российский ученый Михаил Герштейн считает, что такие корабли, если бы они существовали, не смогли бы летать.

«Упоминания о виманах, – говорит он, – особенно вырванные из контекста, действительно кажутся очень загадочными. На самом же деле описаны целые летающие дворцы с мебелью и

балдахинами, стойлами для слонов, садами, искусственными птицами и инкрустацией из драгоценных камней. А некоторые «небесные колесницы» вообще были запряжены обычными лошадьми.

Даже если древние индийцы строили планеры с реактивными двигателями, их совершенство было бесконечно далеко от того легендарного, которое приписывают виманам сегодня. В качестве источника реактивной тяги, если верить рукописи «Самарангамасутрадхаре», использовались ядовитые пары ртути. И пилот должен был совершенно презирать смерть, чтобы отважиться использовать такую машину.

Тем не менее изучать виманы полезно, поскольку речь идет о «белых пятнах» человеческой истории. Возможно, индусы действительно владели неким искусством воздухоплавания. Иначе в их религии не было бы столь мощного пласта преданий о летающих машинах.

Что же касается гибели Мохенджо-Даро, то вряд ли его конец наступил от атомного оружия. В различных местах города археологи нашли беспорядочные скопления скелетов мужчин, женщин и детей, некоторые со следами ран от мечей или топоров».

Кстати, индийские ученые долго не воспринимали древние тексты всерьез. Но изменили свое отношение после того, как китайские власти объявили, что они включают часть этих документов в свою космическую программу для изучения. Это первый случай, когда правительство – пусть и соседнее – официально признает необходимость технологических исследований по древним источникам.

Вадим Чернобров, координатор Общероссийского научно-исследовательского объединения «Космопоиск», считает, что сведения о виманах дошли до нас в сильно искаженном виде. «Можно, конечно, спорить о том, как выглядели виманы. Но до нас дошло огромное количество наглядных подсказок. Ведь виманой называют не только управляемые летательные аппараты в индийских древних преданиях, но и еще святилища ступы, главную часть храмов. Тысячи таких виман сохранились по настоящее время. Архитектурно они похожи на вертикально вытянутые диски, колокола или маковки наших церквей. Проекты перспективных аэрокосмических многоразовых летательных аппаратов подобного вида сейчас только разрабатываются (Nexsus, Feniks, VTOVL, SERV). Но двигатели для них пока еще не готовы!»

Кстати, вполне вероятно, что древние виманы каким-то образом работали на ртути. Но необязательно отбрасывали ее

пары. Существуют современные проекты, в которых ртуть не покидает корабельные емкости.

Например, в середине 1990-х годов изобретатель Виктор Рояко из Днепропетровской области предложил «ртутный реактивный двигатель с замкнутым циклом». Затем инженер Виталий Новицкий разработал аппарат «Вимана-1», в котором тягу должен был создавать ртутный вихрь.

А физик Спартак Поляков даже провел эксперименты с устройством, разгоняющим ртуть по спиральным каналам в замкнутом пространстве. Получил тягу в несколько килограммов. Более того, путем экспериментов установил оптимальную форму конструкции. Его установка напоминала… колокол!

Взлет и падение индийской чудо-веревки

Индийская чудо-веревка (или канат) – трюк с заклинаниями, столетиями поражавший воображение и порождавший неисчислимые догадки. Некоторые утверждают, что это – всего лишь миф или иллюзия, возникающая под действием гипноза

Знаменитый фокус с веревкой

Веками европейские путешественники привозили из Индии рассказы о невероятных трюках, которые показывают бродячие индийские фокусники. Но более других поражали воображение

выступления со знаменитой чудо-веревкой. Подобные истории вызывали множество толков и предположений, включая версию о том, что это – всего лишь миф, ибо не удалось найти человека, своими глазами видевшего удивительный трюк. Точно одно: индийская чудо-веревка вызывала более горячие дискуссии, чем любой другой вид заклинаний. Было ли это на самом деле? Если да, то как это делалось?

Возможно, часть ответа скрыта в особой тренированности тех, кто показывает необычный номер. Многие индийские фокусники (или «факиры», что в переводе с арабского означает «нищий») способны совершать поистине замечательные подвиги – такие, как управление своей нервной системой посредством силы воли, что достигается постоянными упражнениями по методикам йогов. Кроме того, факиры в совершенстве владеют артистическим искусством, даром внушать иллюзии и делать трюки с заклинаниями. На Западе многие номера их репертуара относят к категории «массовых галлюцинаций» или «массового гипноза». Более того, говорят, будто нет ни одного человека, который сам был бы очевидцем трюка или лично знал такового. Обреченная, по-видимому, на вымирание, индийская чудо-веревка запомнится – если вообще запомнится – как массовая иллюзия или красочный миф. И если кто-то с этим не согласен, его можно простить, поскольку уж очень долгая и сенсационная история у этой загадки.

Вряд ли Запад услышал бы о чудо-веревке и хоть один человек воспринял бы эти рассказы всерьез, если бы не записки великого марокканского путешественника, естествоиспытателя и писателя Средневековья Ибн Баттуты. В 1360 г. в числе прочих именитых гостей он получил от Акбах-хана приглашение на обед в царском дворце в Хань-Чу в Китае.

После обильной трапезы Акбах-хан предложил насытившимся гостям последовать за ним в сад, где все было подготовлено к началу удивительного развлечения. Вот что Ибн Баттута написал об этом в своем дневнике: «После пира один из артистов взял деревянный шар, в котором было несколько отверстий. Через них он продел веревку. Затем так швырнул шар вверх, что тот исчез из виду и там остался, хотя никакой видимой опоры не было. Когда в руке остался лишь небольшой конец веревки, артист приказал одному из мальчиков-ассистентов уцепиться за веревку и взобраться по ней наверх, что тот и сделал. Он лез выше и выше, пока тоже не исчез из виду. Артист трижды звал его – ответа не последовало. Разозлившись, он взял нож, ухватился за веревку и тоже исчез в вышине.

Затем артист спустился на землю, принеся с собой руку

своего помощника, который первым поднялся по веревке; потом принес ногу, вторую руку, вторую ногу, туловище и наконец голову. Помощник, естественно, умер. Одежды артиста и мальчика были в крови. Окровавленные части тела факир приложил на полу одну к другой в их изначальном порядке. Затем он поднялся и слегка пнул сложенное из кусков тело, которое вновь оказалось ребенком, – совершенно нормальным, целым и невредимым».

Поскольку не существует рационального объяснения таким чрезвычайно необычным явлениям, как левитирующие веревки и чудесное воскрешение, последующие поколения считали сообщения Ибн Баттуты и им подобные пустой болтовней или шумихой, призванной вытянуть несколько монет у наиболее легковерных. Средневековые ученые объявили трюк с веревкой ложью. В XIX в. его объясняли с точки зрения новой захватывающей науки о гипнозе.

Предприимчивая американская газета «Чикаго дейли трибюн», испытывавшая в 1890-е годы трудности с тиражом, возвестила о своем вступлении в дискуссию и отправке своих журналистов – писателя С. Эллмора и художника Лессинга – в далекую Индию со смелой миссией. Им поручено было сфотографировать, сделать эскизы и наброски и в конечном счете доказать, что этот трюк – всего лишь фокус.

Хотя было известно, что номер с индийской чудо-веревкой демонстрируют очень редко, американцы вскоре возвратились в Чикаго с несколькими эскизами и фотографиями, которые, казалось, нанесли сокрушительный удар по славе трюка, доказывая, что он был, как и предполагалось, «массовой галлюцинацией». Когда пленку проявили, на снимке был только индус в мешковатых штанах, окруженный загипнотизированной толпой. Не оказалось и отвердевшей веревки, по которой можно было подняться наверх. Естественно, напрашивался вывод, что «увиденное» являлось плодом коллективного внушения.

Газета напечатала статью, и стало ясно, что усилия проницательных журналистов «Трибюн» завершились триумфальным разоблачением.

Прошло несколько месяцев, и был пролит свет на другой «дерзкий трюк» – удача отвернулась от чикагской «Трибюн». Работы Лессинга-Эллмора были разоблачены как фальшивки, каковыми они и оказались на самом деле. Лессинг никогда не ступал на азиатскую землю и уж тем более не был очевидцем оклеветанного им трюка с индийской веревкой. Более того, журналист с именем «С. Эллмор» вообще не существовал. Уступив давлению, издатель сам выступил с опровержением, объявив

содеянное шуткой, разыгранной с целью увеличения спроса на газету.

Тридцать лет спустя газеты вновь запестрели статьями о чудо-веревке, поскольку некто полковник Эллиот обратился в лондонский «Кружок магии» с предложением решить проблему раз и навсегда.

В марте 1919 г. полковник назначил премию в пятьсот фунтов стерлингов тому, кто сможет продемонстрировать трюк в условиях тщательного научного контроля. В связи с полным отсутствием факиров в самом Лондоне в «Таймс оф Индия» было опубликовано объявление, сулившее баснословное вознаграждение любому индусу, способному совершить подвиг с индийской веревкой. Однако заманчивое предложение осталось без ответа.

Чопорным джентльменам из «Кружка магии» пришлось согласиться со сторонниками парапсихологической версии, что индийская чудо-веревка была результатом «коллективной галлюцинации». Им даже в голову не пришло, что факиры отнюдь не принадлежат к числу праздных богачей, которые проводят день в клубе для джентльменов за чтением газет, издаваемых на английском языке. Большинство факиров того времени не умели читать даже на родном языке и уж тем более говорить и читать по-английски.

Однако через несколько лет после упомянутой акции «Кружка магии» несколько ирландских и английских солдат, служивших в Индии, стали очевидцами представления, почти полностью совпадавшего с чудесами, описанными Ибн Баттутой в XIV в.

Трюк с веревкой часто трактуют как форму гипнотического внушения. Однако представьте себя на месте гипнотизера, странствующего по Индии и дающего представления любой собравшейся публике. Логично допустить следующее. Ваша аудитория состоит, скажем, из пятидесяти индусов из Нью-Дели (которые почти всегда говорят на английском) и пятидесяти ламаистов – буддистов из Сиккима (мало кто из них говорит по-английски), северной провинции Индии. Не умея говорить ни на хинди, ни на тибетском наречии, вы начинаете сеанс гипноза на английском языке, и вскоре ваше умение начинает действовать. Вы заставляете их войти в состояние глубокого сна и «видеть» дракона с золотыми крыльями. И тут замечаете, что англоговорящие делийцы созерцают мифическое существо, а пятьдесят буддистов сидят напротив вас в ожидании начала представления.

Принцип вполне понятен. Насколько нам известно, гипнотическое внушение всегда сопровождалось воздействием

речи; если субъект не понимает языка, на котором производится внушение, он не войдет в состояние гипноза. Коль скоро массовый гипноз не является ответом на интересующий нас вопрос, то следует искать иное объяснение трюка.

Удивительное свойство веревки тщательно хранят в секрете и передают от отца к сыну как фамильную реликвию. Во все времена людей, знавших тайну трюка, можно было пересчитать по пальцам одной руки – к тому же говорят, что этот номер очень рискованный и при малейшей ошибке можно свернуть себе шею. Полагают, что к 1940-м годам факиры, демонстрировавшие сей удивительный номер, стали слишком старыми для выступлений с чудо-веревкой. Но если этот трюк – не миф, то как его делали?

Предположим, что секрет скрыт в самой веревке и что в прямом состоянии ее поддерживает механизм из вставок (металлических или деревянных) или скрытое в земле устройство. Главная же тайна буквально висит в воздухе.

Когда впервые был исполнен этот номер – задолго до появления невидимой проволоки, зачастую используемой современными иллюзионистами, – искусно сделанные длинные прочные шнуры были черными. Поскольку они отнюдь не отличались «незаметностью», трюк всегда демонстрировался с наступлением сумерек, когда черный шнур становился невидимым на фоне потемневшего неба. Кроме того, номер следовало исполнять на достаточно тесной площадке и ни в коем случае не посреди пустыря или иного открытого места. Впрочем, чтобы избежать разоблачения при выступлении в долине, достаточно было расположиться между двумя буграми или холмиками. Шнур натягивали между ними так, чтобы он скрывался в листве деревьев. Чтобы наверняка утаить его от пытливых глаз скептически настроенных зрителей, факир начинал выступление в сгущающихся сумерках и поначалу «разогревал» толпу прибаутками и банальными фокусами до тех пор, пока небо наконец не становилось черным.

Тогда помощники выносили фонари и располагали их на специальных подставках вокруг сидевшего на земле мага, который предварял главный трюк достаточно скучным и долгим традиционным предисловием, дабы отвлечь внимание аудитории.

Представьте себе такую сцену: расположившись на расстоянии всего трех-четырех метров от публики, факир непрестанно что-то рассказывает, достает из плетеной корзины веревку, многократно изгибает и скручивает ее, подбрасывает в воздух, показывая всем, что веревка совершенно обыкновенная. Обычно маги не рискуют прикреплять утяжеляющий деревянный шарик под взглядами зрителей и вплетают его в конец веревки

заранее. И вот, продолжая балагурить, он размахивает поднятыми руками и швыряет ее вверх в очередной раз… Зрители уже утомились и не замечают, как факир ловким движением вставляет металлический крюк в специальное отверстие в деревянном шарике. Этот крюк привязан к очень тонкому и прочному волосяному шнуру, незаметному на фоне черного неба. Шнур поднимается на высоту приблизительно восемнадцати метров, где он переброшен через главный горизонтальный шнур. Зрители же, ослепленные светом фонарей, видят, что веревка поднимается в воздух, подчиняясь неведомой магической силе. При резком контрасте между освещением площадки и чернотой неба им кажется, что она парит в воздухе, поднявшись на высоту 60–90 м. Зрители попросту не видят, что ее вытягивают наверх спрятавшиеся в укрытии помощники факира.

Когда маг приказывает своему помощнику – мальчику в возрасте восьми-девяти лет – подняться по веревке, публика хорошо понимает ребенка, упорно не желающего следовать в пугающую неизвестность. Конечно, в итоге мальчик уступает, взбирается все выше и выше и в конце концов исчезает из виду – на высоте около десяти метров он оказывается недосягаемым для света фонарей. Добравшись до главного шнура, он цепляется за него крюком и проверяет надежность крепления веревки.

Тем временем факир безуспешно зовет мальчика – тот не удостаивает его ответом. Разъяренный маг хватает огромный нож, сжимает его зубами и бросается наверх вслед за помощником. Через несколько мгновений он тоже исчезает в темноте, и зрители слышат лишь его злобную ругань и предсмертные крики мальчика. Потом – о ужас! – на землю начинают падать части тела несчастной жертвы. На самом деле это – части тела крупной обезьяны, обмотанные окровавленными тряпками, похожими на одежду мальчика. Они были спрятаны под просторным халатом самого факира. Последней падает отрезанная голова, обмотанная тюрбаном. Естественно, зрители не выказывают желания осмотреть ее.

Четыре помощника бросаются к останкам товарища с громкими причитаниями. Тем временем наверху мальчик прячется в опустевших просторных одеяниях факира. Маг спускается вместе с ним вниз, причем внимание зрителей приковано прежде всего к «окровавленному» клинку в его зубах. При виде расчлененного тела факир «осознает» происшедшее, начинает «раскаиваться» и падает наземь рядом с останками. Помощники, пытаясь утешить хозяина, окружают их плотным кольцом. В это время мальчик выскальзывает наружу, а части тела обезьяны вновь исчезают под одеждами мага. Помощники

отходят, а зрители видят факира, склонившегося над сложенными вместе кусками тела жертвы. Наконец, он встает и произносит несколько волшебных слов, после чего наносит чувствительный резкий удар, и вдруг, – о чудо! – мальчик оживает.

Йети спускается с гор

Где-то в высокогорных долинах Индии, рядом с высочайшими пиками мира, живет Неведомое или, вернее, Необъяснимое. Свидетельства о нем состоят главным образом из следов. Они ведут к самым вершинам, эти загадочные следы на снегу. И они изменчивы, ибо по размерам и глубине зависят от яркости солнечных лучей и состояния снежного покрова

Скальп йети в одном из тибетских монастырей

Коренные жители этого региона утверждают, что следы оставляют существа пугливые и неприветливые, неведомые белым пришельцам и не имеющие собственного имени в европейских языках. Белые пришельцы предпочитают оставаться при мнении, что следы оставляют белые медведи, которые могут быть пугливыми даже в состоянии голода. Но местное население усиленно это отрицает: не медведи, а снежные люди оставляют такие следы, а они, белые люди, натыкаются лишь на следы, им не дано встретить тех, кто их оставил…

Любого, кто спустится с Гималаев, спрашивают, не слышал ли он что-то о снежном человеке, не хочет ли он записать свои впечатления или рассказы своих друзей, которым повезло больше. Все такие заметки начинаются более или менее одинаково: «Тайна возникла одновременно с началом первой

экспедиции на Эверест в 1921 году». Именно так начиналось сообщение руководителя этого восхождения британского полковника С.К. Говарда-Бери, который в сопровождении пяти других европейских участников и 26 проводников из числа местных жителей попытался взобраться по северному склону Эвереста в сентябре того самого года. Используя в качестве плацдарма ледник, экспедиция устремилась к Лхаса Ла, проходу на высоте 22 тысяч футов. Там на абсолютно сухом снегу они увидели следы зайцев и лисиц. Но их изумлению не было границ, когда взорам их предстали отпечатки, которые могли оставить голые ступни человека…

Носильщики, как пишет полковник Говард-Бери, в один голос заявили, что это следы метохкангми[3]. Они добавили, что слово это переводится, в отличие от других, употребляемых для этого существа, – мирка, йети, согпа и означает: кангми – «снежный человек», а метох – возглас, соответствующий понятию «ужасный», «страшный». Сам полковник заявил, что «что-то неведомое должно водиться здесь, типа расы снежных людей» (но он высказал предположение, будто следы – волчьи), однако пресса никак не отреагировала на его объяснение.

Хотя сообщение об этом восхождении и обошло множество газет и иллюстрированных еженедельников, сама возможность встречи на огромных высотах с диким человеком рассматривалась как фантастика. Да местные жители просто морочат голову европейцам! Такой взгляд живет и поныне. Но ведь полковник был не первым, кто сообщил о таинственных следах и вообще о снежном человеке. Самый первый источник, известный нам, – книга британского майора Уэдделла, который, как видно из титульного листа его произведения, был медиком в индийской армии. Книга называлась «В Гималаях» и вышла в Лондоне в 1899 году, а сама экспедиция из Дарджилинга в северо-восточный Сикким была предпринята десятилетием раньше. На странице 223 можно прочитать такой абзац: «Несколько крупных следов на снегу пересекли наши собственные отпечатки и уходили к высоким пикам. Похоже, они принадлежали диким волосатым людям, которые, по преданию, живут среди вечных снегов и связаны с мифическим белым львом, чей рык слышен в бурю. Вера в них жива у жителей Тибета, но никто не мог дать мне точный ответ…»

Майор Уэдделл в поисках лучшего объяснения высказал предположение, что следы могут принадлежать медведю.

Еще один достаточно сомнительный источник, предшествовавший сообщению полковника Говарда-Бери, – книга французского автора Жана Маркеса-Ривера «Тайная Индия и ее

магия». Одно уже ее название наводит на скептические мысли. Маркесу-Ривере некий странник рассказал, что встречающиеся в горах человекоподобные существа – раса гигантов, не медведей и не обезьян, которые говорят на неведомом языке. Странник заявил, что участвовал в экспедиции местных жителей по их следам и видел снежного человека. Десять или «больше» их сидело кружком, они были ростом 10–12 футов, били в барабан и раскачивались, как бы отправляя некий сложный обряд. «Волосы покрывали их тело, они были голыми на такой высоте, и уныние отражалось на их жутких лицах».

Никто не обязан верить в эти случаи, но все они описаны совершенно независимо друг от друга и являются дополнительными штрихами ко всей этой истории. Еще одно подтверждение большого распространения и схожести поверья подоспело в 1922 г. от руководителя второй экспедиции на Эверест генерала Брюса. Остановившись на постой в монастыре Ронгбук, что расположился к северу от горы, он спросил ламу, слышал ли тот что-нибудь о метохкангми. Лама отреагировал так, будто его спросили о совершенно обычном обитателе этих мест, и сказал, что да, пять таких существ живут дальше по долине Ронгбук.

Генерал Брюс решил было, что нельзя не воспользоваться такой возможностью и не прикоснуться к этой загадке – на это стоило потратить время и силы. Но решение свое так и не выполнил, убоявшись отклониться от главной цели. Все-таки у его экспедиции были весьма конкретные задачи, связанные с военными действиями. Это было главной ошибкой. Кто знает, что произошло бы, пойди Брюс по направлению, указанному ламой? Скорее всего, Брюс просто не поверил в снежного человека.

В 1922 г. в Бомбее появилось новое сообщение – итальянца Н.А. Томбази, вернувшегося из фотоэкспедиции с южных отрогов ледникового района Канченджанги. Синьор Томбази просто заявил: «Я видел снежного человека на высоте 15 тысяч футов». Вот отрывок из его сообщения: «Ослепительный свет мешал мне разглядеть что-либо на протяжении некоторого времени, но скоро я четко увидел объект в 2–3 сотнях ярдов ниже по долине. Несомненно, фигура напоминала человеческую, двигалась она вверх по склону и остановилась, чтобы сорвать ветку рододендрона. Она выглядела темной на фоне снега и была явно без одежды. Через некоторое время она зашла в ложбину и потерялась из виду. Я осмотрел следы, которые оказались по глубине схожими с людскими, но большими по размеру. Следы пяти пальцев и подъем были очевидны, но отпечаток пятки нечеткий. Следы, несомненно, принадлежали двуногому

существу. Длина шага в 12–18 дюймов обычна для мужчины, который никуда не торопится. Что касается следов, то пятка не всегда отпечатывается или нечетка».

Так же, как сообщение Говарда-Бери о таинственных следах оказались не первыми, так и строки Томбази о том, как он видел снежного человека, тоже не оригинальны. Раньше, чем он, видел снежного человека некто Элвес, опубликовавший об этом сообщение в трудах лондонского Зоологического общества в 1915 г. То было свидетельство не самого Элвеса, а егеря Ди Гента, несшего службу возле Дарджилинга и утверждавшего, что заметил человекообразные фигуры, которые местные жители называли согпа, возвышающиеся над кустарником. Они больше походили на обезьян, чем на людей, говорит Гент, и покрыты были длинной желтовато-коричневой шерстью. Длина их шага составляла 1,5–2 фута на плоской поверхности почвы. Но в некоторых местах они как бы «ходили на коленях», так что следы пальцев как бы указывали назад. Это весьма важные наблюдения, особенно если учесть, что некоторые предания тибетцев утверждают, что ноги у снежного человека повернуты пальцами вовнутрь (именно это и вызывает недоверчивый смех у оппонентов).

Хронологически история, поведанная английским исследователем Хью Найтом, располагается между случаем Элвеса и Гента, с одной стороны, и сообщением Томбази – с другой. К сожалению, я не смог найти оригинал рассказа Найта, так что эта информация оказалась вторичной и, видимо, искаженной. Хью Найт заявил, что встретил «снежного человека», который не ожидал его появления, на близком расстоянии. Он был ростом с высокого человека с выпуклой грудью и длинными руками. Шерсть была желтоватая, с мягким длинным волосом. В нем угадывались монголоидные черты и вывернутые неуклюжие конечности. Явно неодетое существо держало нечто наподобие лука. Оно сразу же убежало, больше Найт его не видел.

Еще один человек выступил в защиту снежного человека со своим сообщением – Рональд Каульбах, известный немецкий географ и путешественник. В 1936 г. он напал на следы, которые были похожи на отпечатки ног человекообразного существа. Это было между реками Чу и Салвин. Следов было около пяти. С Каульбахом были четыре носильщика-шерпа. Все четверо верили в существование метох кангми, но лишь двое заявили, что эти следы оставлены им, двое других предпочли сказать, что следы принадлежат снежному барсу.

Каульбах подчеркнул, что «в этой части страны никогда не водились медведи», но ему сказали позже, что следы могли

оставить панды или неизвестные обезьяны, но Каульбах продолжал упорствовать, что ни обезьяны, ни панды здесь не водятся, но\даже если бы водились, то ни за что не пересекают линию снегов. Он бы мог сказать (но не сделал этого), что сам факт открытия нового вида обезьяны тоже был бы знаменательным событием в зоологии.

Тот медведь, которому приписывали неведомые следы, известен американским зоологам как Ursus actors pruinosus. Этот подвид бурого медведя действительно встречается в Гималаях, но не везде, и по размерам приближается к американским гризли. Цвет шерсти палевый, может быть даже белым. И когда он шагает, задняя нога стирает след передней, создавая этакий общий смазанный след. Вот как описывает Френк Смит в своей книге «Долина цветов» эту ситуацию: «Четыре дюйма снега выпали неожиданно, и стало очевидно, что следы появились накануне вечером, после того, как солнце убавило мощь своих лучей, за ночь подморозило, и следы определились во всех деталях. На равнине они не превышали 13 дюймов в длину и 6 в ширину, но, по мере того как цепочка уходила вверх, они становились 8 дюймов в длину, а ширина была той же. Длина шага была от 18 дюймов до 2 футов на равнине, но гораздо меньше по мере подъема. Ступни сначала были развернуты наружу, как у человека. Имелись четкие оттиски пальцев, 1,5 дюйма длины и 3/4 дюйма ширины, но в отличие от человеческих располагались симметрично…

Мои снимки были проявлены в фирме Кодак в Бомбее при условиях, исключающих возможности подлога и фальшивки, и обследованы профессором Джулианом Хаксли, секретарем британского Зоологического общества, доктором Мартином Хинтоном, зоологом музея естественной истории в Лондоне, и мистером Р. Поконом. Вывод был таков: следы оставлены медведем. Сначала был назван один подвид – Ursus actors pruinosus, но потом мнение изменили, назвав Ursus actors isabellinus, распространенный в Западных и Центральных Гималаях. Следы похожи по размерам и типу, и вряд ли их оставило какое-нибудь животное».

Было бы, конечно, хорошо, если бы снимки мистера Смита дали что-то еще, кроме такого вывода. Но этого еще не произошло, хотя его носильщики-шерпы были явно смущены этими следами: им же хорошо знаком смазанный медвежий след. Кроме того, отпечатки лап медведя и снежного человека, случалось, находили рядом…

Много историй о встречах странных следов появилось перед Второй мировой войной, которая прервала поиски в Гималаях. В

1937 г. Эрик Шиптон и Х. Тилмэн предприняли экспедицию в Каракорум. Один из ее участников с двумя шерпами побывал в редко посещаемом районе – Снежное озеро и нашел там следы: «Они были округлые, около фута в диаметре; 9 дюймов шириной и отстояли на 18 дюймов друг от друга. Они располагались точно по прямой линии и не накладывались, как это бывало в случае с четвероногими животными. Шерпы сказали, это следы йети».

Спустя несколько дней те же шерпы в соседней снежной долине распознали следы медведя. Эрик Шиптон сам видел такие же круглые следы, слегка присыпанные снегом. А Х. Тилмэн, который поначалу относил веру в йети к предрассудкам, публично изменил свое мнение.

И хотя эти следы не несли в себе деталей, важно, что они располагались по прямой линии. Медведи так не ходят. Правда, лисы и другие мелкие хищники оставляют ровные цепочки следов. В Европе говорят: «Лисица прошла как по веревочке», но так могут ходить только мелкие животные. Крупному животному нужно иметь ноги, как у верблюда, чтобы оставить подобный след, или же быть двуногим…

Нельзя не упомянуть об одном шерпе, который сопровождал Шиптона, – Сене Тенцинге. Тот видел не только следы йети, но и самого их обладателя. В ноябре 1949 г. большая группа шерпов собралась перед монастырем Тхьянгбоче на религиозный фестиваль. Монастырь расположен на склоне холма на высоте 13 тысяч футов, не так далеко от Эвереста. Гору можно видеть из окон монастыря. Шерпы собрались на лугу, граничащем с лесом. И именно из леса неожиданно появился йети. Ближние шерпы были в 80 футах от него, они потом рассказывали, что он был того же роста, что и они сами, и что тело было покрыто, кроме лица, красновато-коричневой шерстью.

Э. Шиптон, У. Меррей и другие исследователи были лично знакомы с Тенцингом и имели возможность беседовать с ним вскоре после события. Дело было в британском посольстве в Катманду, шерпа пригласили войти, он был одет в походную форму – ботинки с шипами и плотные штаны. Они позже рассказывали, что Тенцинг настолько обстоятельно поведал эту историю, что его вряд ли можно заподозрить в фальсификации.

Потом была экспедиция 1951 г., и появились новые свидетельства. У. Меррей поведал одну историю в «Скотс мэгэзин» (т. 59. 1953. № 2): «В начале ноября мы перебрались с Эвереста в Сола Комбу в Непале и обследовали неизвестные отроги в 30–40 милях к западу. Наша группа разделилась. Шиптон и Уорд проникли в самое сердце Гаури-шанкара – дикого конгломерата высоких ледяных пиков, проникли через проход на

20-тысячефутовой высоте, сейчас названный Менлунг Ла. Бурдийон и я шли за ними с отставанием на несколько дней (после своих более северных исследований). От Менлунг Ла мы просочились на западный ледник. Так на высоте 18 тысяч футов на его покрытой снегом поверхности натолкнулись на следы двуногих, сильно отличающихся от отпечатков ног Шиптона и Уорда. Мы пошли по этим следам в глубь ледника на две мили и не могли не отметить, что те, кто их оставил, выбирали лучший маршрут среди нагромождения льда. Владельцы следов выбирали, ходя среди торосов снега и льда, находя оптимальные варианты для продвижения вперед. По своему виду следы соответствовали предыдущим описаниям находок такого рода.

Через две мили ледник начал обрастать трещинами и след резко завернул вправо на каменистую равнину, где и затерялся. Мы сами пошли по морене, отметив несколько стад диких коз и овец. Наверное, здесь были и йети.

Найдя Шиптона и Уорда, мы застали их за разглядыванием точно таких следов, которые они обнаружили за несколько дней до нас, когда отпечатки были совсем свежие.

Когда снег сырой и тяжелый, йети оставляют лишь глубокий отпечаток ступни, а когда слой снега тонкий и подмороженный, отпечатывается пятка и различимы пять пальцев. Когда йети перепрыгивает или перешагивает трещину или яму, след особенно четко виден на противоположной стороне. Следы были 8 дюймов ширины и 12,5 длины, расстояние между отпечатками составляло 9—10 дюймов. Тенцинг, сопровождавший Шиптона, определил следы двух йети. Он хорошо знал медвежьи следы и сказал, что эти – не медвежьи…

Э. Шиптон, шедший по свежим следам, заснял их, и снимок доказывает, что эти следы действительно не медвежьи.

Науке неизвестно животное, обитающее в этом районе, чтобы оно оставляло такие следы[4]. И хотя они напоминают человеческие, но явно к таковым не относятся. Этот факт важен также, ибо в дополнение к утверждению о том, что они медвежьи, волчьи, обезьяньи и так далее, некоторые люди считают, что их оставили аскеты-индуисты, отшельники и т. д. Конечно, аскеты, которые ходят голыми, и отшельники существуют, но они оставляют все же человеческие следы 10 дюймов длины и 4 – ширины».

Явно следы оставляет кто-то еще, кроме этих животных и отшельников. Меррей заканчивает свою статью на юмористической ноте: «Что же это такое ужасный снежный человек? Думаю, не что иное, как йети, метохкангми, мирка или согпа».

Но что такое метох кангми? Перед тем как попытаться ответить на этот вопрос, хочу перелистать еще несколько журналов и книг. Андре Рош из швейцарской экспедиции 1952 года сообщал о нескольких группах следов, наводящих на мысль о том, будто семья переселялась из долины, как только экспедиция входила в нее. Весной 1954 г. лондонская «Дейли мейл» послала экспедицию в Непал на поиски снежного человека, но результатом был не сам снежный человек, а книга о нем (Иззард Р. Загадка снежного человека. Нью-Йорк, 1951)[5]. Таким же образом собралась весьма милая коллекция газетных историй со всех континентов, и только настоящие исследователи могут определить значимость того или иного сообщения, сопоставив факты.

Пока эта экспедиция была в пути, полковник К.Н. Рана, директор правительственного бюро шахт Непала, сообщил, что два непальца захватили в плен двух снежных людей. Один из них ребенок. Но информация пришла слишком поздно. Поиск ничего не дал, они исчезли. Отмечалось, что случай этот не такой уж необычный в этой стране ледников, высоких пиков, снежных перевалов, но раздражало опять одно и то же. В другом случае еще один йети, самец, был захвачен местными жителями. Они ненадежно связали его, но особь отказалась есть, что бы ей ни предлагали, и умерла в пути. Не сознавая, что мертвое животное представляет такую же ценность, как и живое, непальцы избавились от трупа и явились к властям лишь с историей своих приключений. К сожалению, в правдивость таких историй мало кто верит сегодня.

Наиболее осязаемый «объект животного происхождения» хранится в монастыре Тхьянгбоче. Это так называемый скальп йети. Ральф Иззард упоминает многих людей, которые видели его и не нашли ни одного шва, что является доказательством подлинности. Лама не хочет расставаться с ним, что вполне понятно, но особо почетным посетителям его показывают. В 1953 г. монастырь осматривал Навнит Парекх из Бомбейского общества естественной истории и был удостоен чести быть подведенным к скальпу. Воспользовавшись расположением старого ламы, Парекх не преминул выдернуть пару волос из скальпа которые он срочно отослал в Бвунсвик, штат Нью-Йорк, другу Леону Хаусмэну – для осмотра и идентификации. Доктор Хаусмэн склонен думать, что «скальп» – шапка, сделанная из меха с плеч или задней части крупного млекопитающего. Пряди волос не принадлежат ни обезьяне лан-гуру, ни медведю и ни одному из возможных родственников. Пряди очень старые, их возраст может исчисляться столетиями.

В заключение Хаусмэн отметил, что если это действительно шапка, то животное, из шерсти которого она сделана, должно быть родом не из Непала и не из Тибета.

В 1957 г. охота на снежного человека сотрудников «Дейли мейл» была повторена частной экспедицией, но снова без заметных результатов. Позже в том же году один из участников советской экспедиции на Памире заявил, что видел объект на расстоянии. Памир находится на территории Таджикистана, и целью экспедиции был поиск гидроресурсов. В один из дней А. Пронин, гидрогеолог, увидел снежного человека на горной вершине и наблюдал его в течение пяти минут. Существо было коренастым, у него были длинные руки. Тело покрыто серо-коричневой шерстью, сообщал А. Пронин в «Комсомольской правде». Спустя три дня А. Пронин увидел его на том же месте. Было это в августе 1957 года. Сегодня, когда набралось достаточное количество фактов и наблюдений, можно сделать несколько выводов. Объяснение феномену предлагается такое.

1. Это – обезьяна лангур. Совершенно беспочвенное заключение. Лангуры передвигаются на четырех ногах, они не такие массивные, и там, где встречаются, они хорошо известны местному населению.

2. Следы оставляют медведи, так как они иногда ходят на задних лапах. Несомненно, некоторые следы действительно оставлены медведями, но медведи лишь эпизодически встают на задние лапы.

Следы, обнаруженные Шиптоном, никоим образом нельзя отнести к медвежьим.

3. Следы оставляет милодон, гигантский ленивец. Гипотеза абсурдна и подходит лишь потому, что милодон тоже ходит на задних лапах и обладает длинной шерстью, защищающей его от холода. Но все ленивцы – живущие и вымершие – обитатели Нового Света.

4. Йети – примитивный тип человека, может быть, исчезнувший гигантопитек или же человекообразная обезьяна. Это единственное заслуживающее рассмотрения утверждение.

На сегодняшний день сохранилось три вида человекообразных обезьян, различных по типу и внешности. Два живут в Африке – шимпанзе и горилла, третий – орангутан – в Юго-Восточной Азии. Все они отличаются прямохождением. Шимпанзе делает это лучше, чем орангутаны. Но ни один из них не ходит исключительно на задних ногах, они часто прибегают к ходьбе на четвереньках.

Горная горилла способна выдерживать достаточно низкие температуры и наименее обволошена по сравнению с

остальными, в то время как оранг, живущий во влажных лесах Суматры, имеет наиболее длинную шерсть, хотя и не очень плотную.

Загадку нельзя решить одним лишь утверждением, что какая-то неведомая человекообразная обезьяна живет в Центральной Азии. Однако это не так уж и невозможно. Человекообразные обезьяны жили в Азии в геологическом прошлом и могли походить на тех животных, что были названы в связи со снежным человеком: и панда, и лангур первоначально обитали в субтропических областях. Горы росли, район становился более холодным, и гигантская панда (гигантский енот) привыкла к меняющимся условиям – это было лучше, чем мигрировать. Проблему пищи удалось решить: она перешла полностью на ростки бамбука, тропическое растение, оказавшееся выносливым и способным расти в прохладном климате.

Лангур, долгое время остававшийся мифическим животным, пока его не открыл преподобный отец Арман Давид, тоже выбрал прохладные горные леса, ошеломив зоологов своим экстравагантным видом на снежных склонах, за что и получил имя снежной обезьяны.

Само собой, все эти животные и не забирались выше линии снегов, где нет кормовой базы для растительноядных животных.

То, что случилось с лангуром и пандой, могло произойти с любой человекообразной обезьяной. Но простое утверждение о существовании центральноазиатского эквивалента горной гориллы не решает проблему! Ведь нужно допустить наличие обезьяны с такими особыми данными, как постоянное прямохождение. Трудно предположить, для чего обезьяне оставаться в холодном лесу. Ну ладно, лес есть лес. Но нужно еще помнить, что она допускала еще и плотоядную диету. Но и это можно себе представить в тяжелых климатических условиях. Но как рассматривать свидетельство Хью Найта об орудиях труда у таких животных?

Значит, стоит говорить о чем-то или о ком-то более близком к человеку – проточеловеке? И образ вымершего гигантопитека снова возникает перед нами. Между двумя мировыми войнами в Восточной Азии произошли интересные вещи. Еще в 1891 г. голландский врач Эжен Дюбуа нашел череп (без челюстей) и бедро недалеко от Нгави на Яве. «Собственником» этих частей тела стал питекантропус эректус, прямоходящий обезьяночеловек. И все вопросы вертелись вокруг одного: был ли это уже человек или еще обезьяна. Мнения разделились. Новые свидетельства появились в 1929 г. Доктор Д. Блэк получил примитивные черепа из окрестностей Пекина. Их обладателя

назвали синантропом и признали человеческим существом. Нашли и сходства с питекантропом, указывающие на то, что питекантроп тоже мог быть человеком. Затем Ява дала еще материал по питекантропу: в январе 1939 г. на Яву приехал доктор Р. фон Кенигсвальд, там уже работал его соотечественник Франц фон Вайденрайх. Кенигсвальд прихватил с собой нижнюю челюсть: на ней сохранились зубы, несомненно, уже человеческие. Но был и зазор между передними зубами и клыками, которые всегда считались типичными для антропоидов. Несмотря на это, оба антрополога сочли челюсть человеческой из-за зубов, невзирая на то, что она оказалась слишком крупной для человека…

После некоторых колебаний новый тип получил название питекантропус робустус. Потом Кенигсвальд нашел еще две челюсти, обе возле Сангирана на Яве. Первую нельзя было классифицировать, так как не хватало многих зубов. Другая была, несомненно, человеческой, но она оказалась слишком крупной даже для питекантропуса робустуса! Кенигсвальд решил, что она относится еще к одному типу, и назвал его мегантропус палеояваникус – большой человек со старой Явы.

Но оснований для сомнений было достаточно. В природе всегда встречались отдельные индивидуумы – гиганты с патологическими изменениями из-за нарушения гормонального развития. Это явление получило название акромегалитического гигантизма. Где гарантия, что челюсть не принадлежала именно такой особи? Вайденрайх был готов к такой постановке вопроса. У акромегалитического гиганта увеличение отмечено лишь в нижних частях, сопровождаясь непропорционально крупным подбородком. Челюсть же мегантропуса крупная вся целиком, и у него вообще нет подбородка.

Далее, зубы у гиганта – с допустимой патологией. Зубы мегантропуса соответствуют остальной кости. Значит, заключили антропологи, ничего патологического в той кости нет. Она просто крупная и принадлежит примитивному человеку с ростом и силой гориллы, но более разумному.

Китайцы называют все ископаемые кости костями дракона и зубами дракона и приписывают им чудодейственные лечебные свойства. Поэтому они держат в секрете места, где их находят, и западным ученым приходится покупать их в аптеках. Именно в аптеке Кенигсвальду удалось купить три крупных коренных зуба (без корня), которые выглядели как человеческие, но были в 6 раз крупнее, чем соответствующие коренные зубы современного человека. Кенигсвальд отнес их к гигантопитеку, но Вайденрайх заявил, что лучше назвать их хозяина гигантотропусом. Если

соотнести размеры зубов с размерами тела, то существо должно было в два раза превышать по росту гориллу.

Все это доказывает наличие в Азии нескольких типов человекообразных существ. Что касается йети, то тут имеются две возможности: или это человекообразная обезьяна, отличающаяся от других подобных существ, акклиматизировавшаяся в здешнем климате, или это потомок древнего типа существ, именуемых снежными людьми…

Маугли – неразгаданный феномен природы

В 1803 году в местечке Овердайк в Голландии был найден дикий мальчик, возраст которого определить не могли. Его отличительной особенностью было то, что он питался птичьими яйцами, птенцами или взрослыми птицами, которых ему удавалось поймать. Он умел великолепно подражать птичьим крикам

К сожалению, мальчик из сказки не имеет ничего общего с реальными детьми из леса

Однако наибольшее число детей-зверей дала миру Индия, возможно, потому, что ее жители из-за нищеты были вынуждены оставлять маленьких детишек в джунглях. С 1843 по 1933 г. из Индии поступило не менее 16 сообщений о найденных детях-волках обоего пола, были обнаружены также дети-пантеры и дети-леопарды.

Некоторые из этих историй совершенно неправдоподобны. Найденные дети-звери оказались почти совершенно неспособными изменить привычки, приобретенные во время жизни в джунглях. Это неудивительно, если учесть, что некоторые из них прожили среди зверей до десяти лет.

Валентин Болл первым сообщил подробности об индийских детях-волках в своей книге «Жизнь в джунглях Индии», опубликованной в Лондоне в 1880 г. Хотя Болл получал сведения из вторых рук, их достоверность не вызывает сомнений. Первый ребенок-волк, упомянутый в его книге, Дина Саничар, был

пойман крестьянами недалеко от местечка Минспури в 1872 г. На вид ему было около шести лет, и он имел все классические признаки Homo ferus.

Он был диким, совершенно голым, молчаливым – мог издавать лишь горловое рычание и, подобно зверям, имел острые, как бритва, зубы, которые заострялись от постоянного глодания костей. Конечно, было невозможно определить, как долго он пробыл в джунглях, но его физическая сила и крепкое телосложение говорили о том, что он прекрасно приспособился к дикой жизни. Как и все упомянутые дети-волки, он ходил на четвереньках и яростно сопротивлялся всем попыткам одеть его.

Но, в отличие от многих других детей-волков, Дина прожил среди людей довольно долго – 20 лет. Несмотря на самое терпеливое обучение, его достижения за этот длительный период были такими: он научился одеваться, прямо стоять, хотя для него это никогда не было легким делом, и пользоваться посудой.

Болл рассказывает и о другом мальчике-волке, из Лакнау, – ребенке 10 лет, которого нашли спустя два года после Дины. Его определили в детский приют в Секандра, но, несмотря на многочисленные попытки обучить его, ребенок так и остался совершенно диким; впрочем, его сомнительным достижением было то, что он научился курить сигареты. Оба мальчика остались бессловесными до конца своих дней.

Среди детей-волков можно выделить несколько наиболее ярких представителей, которые, несомненно, могли помочь легенде об оборотнях продержаться последнюю сотню лет. Двух же самых знаменитых детей, девочек-волков, Камалу и Амалу, нашли в 1920 г.

Доктор Дж. Сингх, попечитель сиротского приюта в Манднапоре, написал длинный и подробный отчет о своих наблюдениях за двумя девочками-волчицами, находившимися на его попечении; записи велись на протяжении длительного времени, так что достоверность его наблюдений не вызывает сомнений, к тому же они подтверждены другими очевидцами. Итак, обратимся к записям доктора.

В октябре 1920 г., когда Дж. Сингх читал проповеди в районе Годамури, к нему подошли несколько возбужденных местных жителей и рассказали о «фантастических существах», живущих в джунглях. Доктор решил отправиться посмотреть на эти существа.

Его завели глубоко в джунгли, и после наступления сумерек он и сопровождавшие его жители увидели семейство волков, появившихся из вырытой на склоне оврага норы. Впереди шли три взрослых волка, потом бежали два волчонка, а за ними

двигались, по определению перепуганных крестьян, два «чудища». Это были два диковинных животных, которых Сингх поначалу не мог классифицировать.

Они передвигались на четырех конечностях, а длинные спутанные волосы закрывали лица. Кроме того, сумрак придавал их очертаниям расплывчатость. После того как «чудища» выскочили из берлоги, доктор Сингх едва удержал своих спутников, собравшихся стрелять по ним из ружей. Он предложил поймать их. Однако «чудища» вызывали такой страх, что он вынужден был отправиться в отдаленную деревню, чтобы найти добровольцев для их поимки.

Через неделю доктор вернулся к волчьему логову. Двух волков в нем не было, а волчицу, охранявшую вход, пришлось застрелить. Преподобный Сингх и его подручные были изумлены, обнаружив в логове двух волчат и двух человеческих детенышей. Последние были голыми, покрыты болячками и синяками и проявляли еще большую агрессивность, чем их товарищи-волчата.

Детей забрали из берлоги и отдали местным жителям. Те же при первой возможности избавились от них, и доктор Сингх нашел девочек несколько дней спустя полумертвыми от голода. Он постарался выходить их, заставляя пить молоко и есть другую питательную пищу. Младшей, Амале, было лишь 18 месяцев, а старшей, Камале, – так их окрестил доктор Сингх – около восьми лет. Кожа у обеих была изрядно поцарапана и покрыта мозолями, языки высовывались изо ртов, они скалили зубы и тяжело дышали.

Еще более удивительные факты выяснились позже. Дети были неспособны видеть днем и спасались от солнечного света по темным углам. Ночью они выли и метались по комнате в поисках выхода. Спали всего лишь пять-шесть часов в сутки, ели только сырое мясо и утоляли жажду, лакая жидкость.

Обе девочки ползали на коленях и локтях, когда находились в комнате, но на улице они довольно быстро бегали, вставая на ладони и ступни. Они рычали на людей, изгибали спины, подобно волкам, при приближении того, кого считали опасным. Они «охотились», преследуя цыплят и других домашних животных, рыскали по двору в поисках выброшенных потрохов и с жадностью пожирали их.

Но эти дети-волки прожили недолго в «более подходящей» цивилизованной обстановке. Младшая девочка, Амала, прожила в неволе меньше года, скончавшись от нефрита в сентябре 1921 года. Камала прожила около девяти лет. Постепенно она научилась ходить, хотя до конца жизни ей так и не удалось избавиться от своей волчьей походки. Она начала умываться,

пользоваться стаканом и даже выучила несколько слов, но продолжала есть сырое мясо и потроха, избегала собак. То, что она обучилась примитивной речи, указывает, что при рождении у нее не было умственных дефектов и что ее волчьи повадки были целиком переняты у «приемных родителей».

Неудивительно, что простые индийские крестьяне были напуганы «чудищами» из пещеры – даже в 1920 году страх перед оборотнем, как и перед волком, оставался одним из древнейших первобытных инстинктов человека.

Со смертью Камалы закончилась одна из интереснейших историй нашего времени, хотя разговоры о ней и ее изучение продолжаются по сей день. Многие обстоятельства, окружавшие жизнь этих детей-волков, покрыты мраком. Например, возникают естественные вопросы: почему дети не были немедленно сожраны волками? Откуда взялась вторая девочка? Но природа крепко хранит свои тайны.

В поисках леопарда-людоеда

Индия всегда «славилась» своими тиграми-людоедами. Некоторых из них в начале прошлого века удалось выследить и отстрелять знаменитому охотнику Джиму Корбетту. Однако про людоедов-леопардов слышали немногие…

Таинственный и коварный хищник – леопард

В Северной Индии, там, где сливаются воды Мандакини и Алакнанды, образуя священный Ганг, до сих пор вспоминают о леопарде, который бесчинствовал здесь в 20-х годах прошлого века. Неуловимый хищник загрыз за период с 9 июня 1918 г. по 14 апреля 1926 г. 125 человек, и это только по официальной статистике!

Место слияния двух рек индийцы называют Рудрапраягом. Оттого и хищник-убийца стал известен всему миру как «Рудрапраягский леопард-людоед».

Область его обитания представляла собой гористую, покрытую густыми джунглями территорию, по которой были разбросаны уединенные деревеньки, связанные между собой в основном лесными тропами и висячими мостами. Здесь, на площади в 500 квадратных миль, во времена описываемых событий проживало около 50 тысяч жителей.

А еще эту местность пересекали две дороги, по которым ежегодно проходило свыше 60 тысяч босоногих паломников, направлявшихся к священным для каждого индуса истокам Ганга.

Леопарду было где поживиться.

Очень скоро среди местного населения воцарилось убеждение, что в Рудрапраягского леопарда вселился дьявол, одолеть которого простому смертному невозможно. Да и как было не поверить в это, если людоед выскальзывал из самых хитроумных ловушек и оставался неуязвимым для пуль!

Летом 1921 г. два британских офицера устроили засаду возле подвесного моста. Два месяца они подстерегали хищника. И вот зверь появился на мосту. Охотники, а это были опытнейшие стрелки, открыли прицельный огонь из двух стволов.

Напрасно.

В другой раз леопард попался в прочную клетку-ловушку, но сумел загадочным образом вырваться из нее и убежал, растерзав сторожей.

В третий раз охотники обнаружили, что леопард скрылся в пещере. Люди быстро завалили вход камнями и колючим кустарником. Постепенно к пещере начали сходиться любопытные. На пятый день толпа возросла до пятисот человек. Зверь ничем не выдавал своего присутствия. Тогда какой-то важный деревенский чиновник презрительно изрек: «В этой пещере нет никакого леопарда!» С этими словами он разбросал камни и растащил кустарник. Едва образовался проход, как из пещеры выскочил леопард. Люди с ужасом бросились врассыпную. Леопард же без помех скрылся в густых зарослях. Это был поистине неуловимый и мстительный зверь.

По всему округу воцарился ужас. Едва солнце начинало клониться к горизонту, как люди торопились домой, накрепко запирая за собой все двери и окна. Многие ставили в своих жилищах вторые двери и дополнительные засовы. Но и за крепкими запорами люди дрожали от страха, опасаясь даже мысленно привлечь внимание ужасного монстра.

Осенью 1925 г. к охоте на людоеда подключился известный в Индии следопыт Джим Корбетт. Сам родившийся в Индии, в предгорьях Гималаев, Корбетт хорошо изучил повадки крупных хищников. Но даже он поражался той поистине дьявольской изобретательности, которую проявлял леопард-людоед, избегая замаскированные ловушки.

Очередную свою жертву леопард убил в деревне, а труп унес в джунгли, где и попировал вволю. Но состояние останков заставляло предполагать, что леопард еще вернется к ним нынешней ночью.

Корбетт и его помощники приготовили сразу несколько ловушек. В тело жертвы они ввели ампулы с сильнодействующим ядом. Рядом замаскировали мощный капкан. К ближайшим

деревьям привязали две винтовки с чувствительными спусковыми крючками, которые были соединены тончайшими лесками с телом. Расчет был на то, что, начав терзать жертву, леопард в какой-то момент натянет хотя бы одну из лесок, и тогда прозвучат выстрелы. А для того чтобы зверь в точности подставился под эти выстрелы, охотники обсадили труп колючим кустарником, оставив проход лишь в нужном месте.

Уже утром по следам охотники установили, что леопард проигнорировал проход и подрыл кусты, одновременно ослабив лески и сведя тем самым на нет опасность выстрела. Капкан он также аккуратно обошел стороной, не тронув и ампул с ядом.

Ну, как тут было не поверить, что это и есть сам дьявол!

И Корбетт, и все те охотники, что выслеживали леопарда ранее, пользовались для приманки живой козой с подвешенным колокольчиком, привязывая ее к дереву.

Людоед не питался козлятиной, но всегда убивал привязанную козу, как бы бросая вызов охотникам. Изнурительная борьба между Корбеттом и зверем продолжалась с учетом зимнего перерыва более полугода, до конца апреля 1926 г. Не раз охотник ощущал себя на пределе физических и нервных сил. Зато он получил ясное представление об основных маршрутах хищника.

Корбетт пришел к выводу, что в ближайшие ночи зверь должен появиться на дороге паломников между двумя деревушками. Здесь следопыт и решил устроить засаду.

В ста ярдах от убежища паломников росло одинокое манговое дерево. Под ним Корбетт привязал козу с колокольчиком. Сам же устроился на ночь в ветвях дерева, снабдив свое ружье электрическим фонариком.

Десять бессонных ночей провел он на дереве, но леопард так и не появился.

На утро одиннадцатых суток следопыт узнал, что вечером к убежищу подойдет большая группа паломников. И тогда у него возникло предчувствие, что в эту ночь зверь обязательно выйдет на свою кровавую охоту.

Едва стемнело, как раздался бешеный лай собак. Сомнений не оставалось: собаки учуяли леопарда. Стояла такая темень, что нельзя было рассмотреть даже мушки ружья. Медленно текли минуты.

Внезапно до слуха охотника донесся легкий шорох внизу, затем жалобно заблеяла коза, задергался колокольчик.

Корбетт направил ствол вниз, нажал кнопку фонарика и прямо под собой увидел леопарда, нависшего над несчастной козой. Прозвучал выстрел, и в ту же секунду фонарик погас.

Не зная, поражена ли цель, Корбетт был вынужден просидеть на дереве до рассвета.

С проклятием Рудрапраяга было покончено. Это был старый, матерый зверь. Его давние зарубцевавшиеся раны полностью соответствовали информации о предыдущих схватках и выстрелах.

Хищника обмеряли. Его длина от морды до кончика хвоста составляла почти 2 м 40 см.

Но самое удивительное, что осталась в живых коза-приманка! Корбетт возвратил ее бывшему хозяину. Коза сразу же сделалась местной знаменитостью. Десятки тысяч людей желали прикоснуться к ней или хотя бы взглянуть на нее. Сметливый хозяин тут же установил плату. Он купил козе красивый медный ошейник, на который повесил тот самый колокольчик, что тоже побывал в схватке с леопардом. Прошло совсем немного времени, и скромный бедняк сделался состоятельным человеком.

Славу же о козе – победительнице леопарда-людоеда паломники продолжали разносить по самым отдаленным уголкам страны.

(По материалам В. Нечипоренко)

Кровавые слезы Рашиды Хатун

Индианка Рашида Хатун плачет… кровавыми слезами! А у ее соотечественницы Савитри из глаз вместо слез сыплются крошечные кристаллы. Как объяснить эти загадочные явления?

Рашида Патун, плачущая кровавыми слезами

Рашида Хатун из города Патна на северо-востоке Индии прославилась на весь мир после 17 июня 2009 г. В этот день многие газеты написали, будто эта девушка плачет… кровавыми слезами, причем по несколько раз в день. «Я не чувствую никакой боли, когда это случается, но, согласитесь, это – шок, когда из глаз вместо слез течет кровь», – говорит Рашида.

Медики весьма озадачены этим случаем, однако подходящего объяснения феномену найти не могут. А местные индуистские богословы решили, что эта девушка отмечена богами, так что простые смертные должны ей поклоняться. И паломники идут отовсюду, лишь бы своими глазами увидеть кровавые слезы в глазах Рашиды и вручить ей дары, чтобы таким образом через нее задобрить богов…

Соотечественнице Рашиды, о которой СМИ рассказывали

осенью 2008 года, повезло гораздо меньше. У 13-летней Твинкл Диведи из индийской глубинки кровь сочится не только из глаз, но и из шеи, носа, из пяток, так что медикам приходится регулярно делать ей переливание – иначе девочка умрет. Но самое страшное – земляки ее не боготворят, а проклинают. Встречая ее на улице, люди бросают в нее камни и выкрикивают проклятия. Мать Твинкл, 42-летняя Нандани Диведи, отчаянно пытается помочь своей дочери, которая еще недавно была нормальным ребенком – ходила в школу, играла с друзьями и очень любила рисовать. Но потом вдруг ее тело начало кровоточить. Сейчас это происходит с ней от пяти до двадцати раз в день.

У Твинкл Диведи есть сестра по несчастью в Ливане. Ее зовут Хасна Мохамед Месельмани. Правда, из глаз Хасны не льется кровь, а выпадают… прозрачные кристаллики! Они маленькие, размером с зернышко, но за день их набирается штук двадцать и больше. Девочка из Ливана «плачет» кристаллами с 12-летнего возраста. По счастью, боли это не причиняет, так как эти стекляшки окружены желеобразной оболочкой. На выходе из глаза кристалл выглядит прозрачным, как слеза, но тут же затвердевает и слегка белеет, становясь острым, как алмаз, – им даже можно резать стекло! Хасна говорит, что кристаллы не причиняют ей боли. Местные медики не могут объяснить столь необычное явление, а отец девочки надеется на помощь специалистов из Европы и США.

Западные медики уверены, что «ливанское чудо» – это цистиноз, врожденное нарушение метаболизма аминокислот, приводящее к аномально высокому содержанию цистина в крови, почках и лимфатической системе. При этом в органах и тканях происходит накопление цистина и отложение его кристаллов, в том числе – в роговице, а иногда и в передней камере глаза, в радужной оболочке, на глазном дне и даже в зрительном нерве.

Девушка, плачущая… камнями, – неплохой сюжет для фантастического романа. Но тут – никакой фантастики! В одном из селений индийского штата Джаркханд живет 19-летняя Савитри, у которой из уголков глаз вместо слез сыплются крошечные камешки.

Началось это, когда ей было 15 лет, и школьницу обследовали врачи. Они сказали, что ничего подобного им видеть не доводилось. Объяснений феномену так и не нашли. Ну а местное население пытается найти свое собственное объяснение: то ли Савитри одержима злым духом, то ли, наоборот, является реинкарнацией индуистской богини. По крайней мере ей самой эти камешки не кажутся божьим благословением. Почему?

Потому что всякий раз перед их появлением у Савитри начинается непереносимая головная боль. И, кстати, крошечные камешки появляются у нее не только из глаз, но и из ушей, носа и изо рта.

Савитри находится под наблюдением медиков. Камешки изо рта, по их мнению, все-таки можно объяснить – их, видимо, производят слюнные железы. Под камешки из носа и ушей врачи тоже пытаются подвести теоретическую базу. «Но чтобы камни появлялись из глаз – нет, о таком я слышу впервые», – говорит отоларинголог Рагхо Саран, пытавшийся лечить Савитри. Он считает, что, возможно, камнеобразование связано с повышенным содержанием кальция в крови девушки. А один из российских интернетовских сайтов счел необходимым пояснить, что подобные состояния называются слезокаменной болезнью и связаны они с хроническими воспалительными процессами в слезных путях.

(По материалам Я. Кириченко)

Использованная литература

Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. М., 1969.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Древняя Индия. М., 1968.

Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. // Философия. Наука. Религия. М., 1980.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 2000.

Видьяланкар С. Происхождение кастовой системы в Индии // Вестник истории мировой культуры, 1958, № 3.

Гусева Н. Тысячелетия и современность. М., 1971.

Гусева Н. Русские сквозь тысячелетия. М., 2007.

Гусева Н. Эти поразительные индийцы. М., 2007.

История Индии в Средние века. М., 1968.

Куценков А.А. Эволюция индийских каст. М., 1983.

Маретина С. Андаманцы. М., 1995.

Народы Южной Азии. М., 1963.

ПандейР.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М., 1982.

Паниккар К.М. Очерк истории Индии. М., 1961; Касты в Индии. М., 1965.

Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.

Семашко И. Бхилы. М., 1975.

Журнал «Вокруг света».

Журнал «Восточная коллекция».

Журнал «Наука и религия».

Журнал «Путешествие по свету».

Авторы-составители также выражают благодарность всем журналистам, ученым, путешественникам, упомянутым на этих страницах, чьи материалы оказались незаменимым подспорьем при подборе материалов к книге.

notes

Примечания

1

Согласно установившейся в советской индологии практике мы здесь и далее будем называть «индийцами» жителей Индии, а «индусами» тех индийцев, которые испо «Веду» ют индуизм.

2

Здесь и далее перевод с древнерусского на современный русский сделан Н.И. Прокофьевым. В тексте Афанасия Никитина написание географических названий не изменено; в авторском тексте даны современные названия.

3

В журналах и газетах можно встретить несколько вариантов написания этого слова. Мы придерживаемся транскрипции В. Меррея, участника экспедиции на Эверест 1951 года, который был знаком с языками местных жителей.

4

Доктор У. Сван из колледжа Сан-Франциско обратил внимание на близкое сходство между следами, заснятыми Шиптоном, и теми, что сфотографировал Карл Экли в Африке, – следами горной гориллы (Сайенс, т. 127. 1958).

5

Книга вышла в СССР в русском переводе. *(Примеч. ред.)*